

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

№ 1 (47), 2017

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русьны

2017, 1 (47)

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2017, 1 (47)

Association "Rus" (Kishinev, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Сергей Суляк

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Заместитель главного редактора

Дмитрий Катунин

Томский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Николай Бабилунга

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михаил Губогло

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук (Россия)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Александр Майоров

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Всеволод Меркулов

Академия ДНК-генеалогии (Россия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Сочинский государственный университет (Россия)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Петр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

Editorial Board:

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Deputy Editor-in-Chief

Dmitry Katunin

Tomsk State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Nikolai Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhail Guboglo

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Alexander Maiorov

Saint Petersburg State University (Russia)

Vsevolod Merkulov

The Academy of DNA Genealogy (Russia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodol'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

Sochi State University (Russia)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

Editor's Address: Association "Rus". M. Kogalniceanu Street, 24, Ap. 1A,
Kishinev, MD 2001, Moldova. Tel.: (+373 22) 28-75-59. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association "Rus", 2005-2017

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЦА РЕДАКТОРА	7
МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭТНОКОНТАКТНОЙ ЗОНЕ (ПЯТЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ И.А. АНЦУПОВА)	
<i>Юрасов М.К.</i>	
ИСТОКИ МИФА О СОЗДАНИИ ГАЛИЦКОГО КНЯЖЕСТВА ВЕНГЕРСКИМ КОРОЛЕМ ИШТВАНОМ II ДЛЯ СВОДНОГО БРАТА БОРИСА КАЛМАНОВИЧА	9
<i>Фейса М., Бенчик С.</i>	
РУСКО-МАДЯРСКИ ВЯЗИ У КАРПАТСКИМ АРЕАЛУ	21
<i>Киселев М.В.</i>	
«ВТОРЫЙ ПО СОЛОМОНЪ»: «ЦАРСТВЕННЫЙ ОБРАЗ» ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВИЗАНТИИ	34
<i>Чебаненко С.Б.</i>	
ПРАКТИКА ПОСМЕРТНОГО ПОВРЕЖДЕНИЯ ТЕЛ «НЕЧИСТЫХ» ПОКОЙНИКОВ В ЮЖНОЙ РУСИ И В ПРИКАПАТЬЕ И МЕСТЬ ЗА ОСПЕЛЕНИЕ ВАСИЛЬКА ТЕРЕБОВЛЬСКОГО	50
<i>Веселов Ф.Н.</i>	
ОТ КРЫМА ДО КАРПАТ: ИНОСТРАННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ОПЕРАЦИЯМ АРМИИ БАТЫЯ В 1238–1241 гг. НА ЗАПАДЕ ПОЛОВЕЦКОЙ СТЕПИ	67
<i>Суляк С.Г.</i>	
ЭТНОНИМ РУС В АНТРОПОНИМИКЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОЛДАВИИ	80
<i>Зиновьева Е.И.</i>	
ЭТНОНИМЫ РУСИН, РУСАК И РУССКИЙ В ОБИХОДНОМ ЯЗЫКЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII вв.	92
<i>Mustafin Kh.Kh., Alborova I.E., Semenov A.S., Vishnevsky V.I.</i>	
THE FIRST RESULTS OF Y-DNA HAPLOGROUP TESTING FOR A MEDIEVAL RUSSIAN BURIAL OF THE 16TH – 17TH CENTURIES IN RADONEZH (MOSCOW AREA)	106
<i>Русев Н.Д.</i>	
ЗАДУНАЙСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В МОЛДАВСКИХ ГРАМОТАХ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в.	111
<i>Шевцов В.В., Бабута М.Н.</i>	
ИММИГРАЦИЯ РУСИНОВ В КАНАДУ НА РУБЕЖЕ XIX – НАЧАЛА XX в.: ФОРМИРОВАНИЕ ДИАСПОРЫ И ЕЕ АДАПТАЦИЯ	122
<i>Морозан В.В.</i>	
ПОПЫТКИ ВХОЖДЕНИЯ ШЛЯХЕТСТВА В СОСТАВ БЕССАРАБСКОГО ДВОРЯНСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.	132
<i>Майор Р.И.</i>	
РУСОФИЛЬСТВО НА ЗАКАРПАТТІ В ДРУГІЙ ПОЛОВИНІ XIX – НА ПОЧАТКУ XX СТ.: ҐЕНЕЗА, РОЗВИТОК ТА ІДЕОЛОГІЯ	154
<i>Трофимович В.В., Трофимович Л.В.</i>	
СУПЕРНИЦТВО ТОВАРИСТВ «ПРОСВІТА» ТА ІМЕНІ МИХАЙЛА КАЧКОВСЬКОГО ЗА ВПЛИВ НА УКРАЇНЦІВ (ДРУГА ПОЛОВИНА XIX – ПОЧАТОК XX СТ.)	177
<i>Иванов А.А., Чемакин А.А.</i>	
СМЕРТЬ В.М. ПУРИШКЕВИЧА: НОВЫЕ ДАННЫЕ К БИОГРАФИИ ПОЛИТИКА-МОНАРХИСТА	196
<i>Шпроха Б., Тышляр П., Шмигель М.</i>	
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РУСИНОВ В СЛОВАКИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (20–30-е гг. XX в.)	213
<i>Жигалов Б.С., Хахалкина Е.В.</i>	
ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОГЛАШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР С ПОЛЬСКИМ ЭМИГРАНТСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ 30 ИЮЛЯ 1941 г. (ПО СТРАНИЦАМ ДНЕВНИКА И.М. МАЙСКОГО)	232
<i>Федоров Р.Ю., Фишер А.Н.</i>	
РУСИНСКИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКА МИХАИЛА ГАРДУБЕЯ	246

CONTENTS

EDITOR'S PAGE	7
INTER-ETHNIC COOPERATION IN THE AREA OF ETHNIC CONTACTS (THE FIFTH READINGS IN MEMORY OF I.A. ANTUPOV)	
<i>Yurasov M.K.</i> THE ORIGIN OF THE MYTH ABOUT THE CREATION OF THE GALICIAN PRINCIPALITY BY THE HUNGARIAN KING STEPHEN II FOR HIS STEP-BROTHER BORIS KALMANOVICH	9
<i>Fejsa M., Benčík S.</i> RUSINIAN-HUNGARIAN RELATIONS IN THE CARPATHIANS	21
<i>Kiselev M.V.</i> "SECOND AFTER SOLOMON": THE "REGAL IMAGE" OF DANIEL OF GALICIA AND THE BYZANTINE HERITAGE	34
<i>Chebanenko S.B.</i> THE PRACTICE OF POSTMORTEM DAMAGE TO BODIES OF THE "UNDEAD" IN SOUTH RUSSIA AND SUBCARPATHIA AND VENGEANCE FOR THE BLINDING OF VASILKO OF TEREBOVL	50
<i>Veselov F.N.</i> FROM CRIMEA TO THE CARPATHIANS: FOREIGN SOURCES ON BATU'S MILITARY OPERATIONS IN 1238–1241 ON THE WEST OF THE CUMAN STEPPE	67
<i>Sulyak S.G.</i> THE ETHNONYM <i>RUS</i> IN THE ANTHROPONYMICS OF MEDIEVAL MOLDAVIA	80
<i>Zinovieva E.I.</i> THE ETHNONYMS <i>RUSIN</i>, <i>RUSAK</i> AND <i>RUSSKIY</i> IN THE RUSSIAN VERNACULAR OF MUSCOVITE <i>RUS</i> IN THE 16TH–17TH CENTURIES	92
<i>Mustafin Kh.Kh., Alborova I.E., Semenov A.S., Vishnevsky V.I.</i> THE FIRST RESULTS OF Y-DNA HAPLOGROUP TESTING FOR A MEDIEVAL RUSSIAN BURIAL OF THE 16TH – 17TH CENTURIES IN RADONEZH (MOSCOW AREA)	106
<i>Russev N.D.</i> TRANS-DANUBIAN MIGRANTS IN MOLDAVIAN DOCUMENTS OF THE LATE 18TH – EARLY 19TH CENTURIES	111
<i>Shevtsov V.V., Babuta M.N.</i> IMMIGRATION OF RUSINS TO CANADA IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: THE DIASPORA FORMATION AND ADAPTATION	122
<i>Morozan V.V.</i> ATTEMPTS OF THE POLISH NOBILITY (SZLACHTA) TO BECOME PART OF THE BESSARABIAN NOBILITY IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY	132
<i>Mayor R.I.</i> RUSSOPHILIA IN TRANSCARPATHIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: ORIGINS, DEVELOPMENT AND IDEOLOGY	154
<i>Trofymovych V.V., Trofymovych L.V.</i> THE RIVALRY OF "PROSVITA" AND KACHKOVSKI SOCIETIES FOR THE INFLUENCE ON THE UKRAINIANS (THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)	177
<i>Ivanov A.A., Chemakin A.A.</i> THE DEATH OF V.M. PURISHKEVICH: NEW DATA ABOUT THE BIOGRAPHY OF THE POLITICIAN-MONARCHIST	196
<i>Šprocha B., Tišliar P., Šmigel M.</i> DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUTHENIANS (RUSYNS) IN SLOVAKIA IN THE INTERWAR YEARS (1920–1930)	213
<i>Zhigalov B.S., Khakhalkina E.V.</i> FROM THE HISTORY OF THE PREPARATION AND CONCLUSION OF THE AGREEMENT BETWEEN THE USSR GOVERNMENT AND THE POLISH GOVERNMENT IN EXILE ON JULY 30, 1941 (THE PAGES OF I.M. MAYSKY'S DIARY)	232
<i>Fedorov R.Yu., Fisher A.N.</i> RUSINIAN ETHNIC MOTIVES IN WORKS BY THE ARTIST MIKHAIL GARDUBEY	246

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ!

Этот номер посвящен международной научно-практической конференции «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Пятое чтения памяти И.А. Анцупова)». Она состоялась 28–29 октября 2016 г. в Кишиневе. Ее организаторами выступили Бюро межэтнических отношений Республики Молдова, международный исторический журнал «Русин», Национальный исследовательский Томский государственный университет, Общественная ассоциация «Русь».

В работе форума приняли участие (очно и заочно) 43 исследователя из России, Молдовы (в том числе из Приднестровья), Украины, Словакии, Сербии. Было представлено 33 доклада.

По итогам работы конференции оргкомитет отобрал ряд статей, выполненных на материалах докладов и прошедших процедуру рецензирования для публикации в этом номере журнала.

Часть материалов будет размещена в журналах Томского государственного университета («Вестник Томского государственного университета» («Web of Science», перечень ВАК), «Вестник Томского государственного университета. Филология» («Scopus», перечень ВАК), «Вестник Томского государственного университета. История» («Web of Science», перечень ВАК)).

Как мы уже неоднократно заявляли, редакция считает себя не вправе отвергать материалы, содержание которых расходится с мнением большинства членов редколлегии. Так, на последней странице «Русина» указано: «Редакция может не разделять точку зрения авторов статей».

Мы полагаем, что полемика и дискуссия по проблемным вопросам будут только способствовать активизации изучения истории, культуры и языка русинов, а также приведут к выработке общих подходов.

Говоря о субъективности историка, французский философ П. Рикёр писал: «Объективность должна браться здесь в строго эпистемологическом смысле: объективно то, что разработано, приведено в порядок и методически осмыслено мышлением, то, что, в конечном счете, оно делает понятным» (Рикёр П. История и истина. СПб.: Алетейя, 2002. С. 35).

*С.Г. Суляк,
главный редактор журнала*

DEAR MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD, AUTHORS AND READERS!

This issue contains the materials of the International Conference “Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts (The Fifth Readings in Memory of I.A. Antsupov)”, held in Chisinau on October 28–29, 2016. The conference was organised by the Bureau of Inter-Ethnic Relations of the Republic of Moldova, International Historical Journal *Rusin*, Tomsk State University and the Association “Rus”.

The forum involved (both in-person and distant) 43 scholars from Russia, Moldova (including Transnistria), Ukraine, Slovakia and Serbia, who presented 33 reports.

After the Conference, the Organizing Committee selected a number of papers to be peer-viewed for publication in this issue.

Some materials will be published in the journals of Tomsk State University: Tomsk State University Journal (Web of Science, HAC list), Tomsk State University Journal of Philology (Scopus, HAC list), Tomsk State University Journal of History (Web of Science, HAC list).

We would like to reiterate that the Editorial Board believes that it has no right to reject the materials that are against the opinion of the majority of the Editorial Board members, so on the last page of the journal you will find the warning that the opinion expressed in articles may not coincide with the opinion of the Editorial Board.

We believe that the debate and discussion promote the study of Rusin history, culture and language, which may lead to the development of general approaches.

Speaking about the subjectivity of a historian, the French philosopher P. Ricoeur wrote: “Objectivity should be taken here in its strict epistemological sense: the objective is what thought has worked out, put into order, understood, and what it can thus make understood” (Ricoeur P. *History and Truth*. St. Petersburg: Aleteyya, 2002, p. 35).

S.G. Sulyak,
Editor-in-Chief

УДК 94

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/2

ИСТОКИ МИФА О СОЗДАНИИ ГАЛИЦКОГО КНЯЖЕСТВА ВЕНГЕРСКИМ КОРОЛЕМ ИШТВАНОМ II ДЛЯ СВОДНОГО БРАТА БОРИСА КАЛМАНОВИЧА

М.К. Юрасов

Институт российской истории РАН
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Авторское резюме

Источники не сохранили достоверной информации о возникновении в Галиче отдельного княжеского стола. В то же время Великопольская хроника содержит туманные сведения о некоем Коломане, которого Болеслав III Кривоустый и не названный по имени венгерский король назначили «королем» над галичанами. Из этих сведений Й.-Х. Энгель в конце XVIII в. придумал историографический миф о создании Галицкого княжества специально для Бориса Калмановича (ок. 1114 – ок. 1156) – внука Владимира Мономаха, не признанного отцом претендента на венгерский престол. Хотя концепция Энгеля явно служила интересам Габсбургов, претендовавших на все «венгерское наследство», она опиралась на тот текст русских летописей, который был переведен на немецкий язык И.Б. Шерером, где не было никаких сведений о ранней истории Галича.

Ключевые слова: Галицкое княжество, Венгерское королевство, средневековая Польша, Великопольская хроника, венгерско-польские отношения.

THE ORIGIN OF THE MYTH ABOUT THE CREATION OF THE GALICIAN PRINCIPALITY BY THE HUNGARIAN KING STEPHEN II FOR HIS STEP-BROTHER BORIS KALMANOVICH

M.K. Yurasov

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
19 Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117036, Russia
E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Abstract

There is no reliable information about the origin of the Galician Principality. The Wielkopolska Chronicle contains vague information about a Coloman, who was appointed the “King” of the Galicians by Boleslaw III Wrymouth and some unnamed Hungarian king. J.-H. Engel used this information in the late 18th century to create a historiographical myth that the Galician Principality was created especially for Boris Kalmanovich (c. 1114 – c. 1156), a grandson of Vladimir Monomakh and an unrecognized claimant to the Hungarian throne. Although Engel’s theory obviously served the interests of the Habsburgs, who claimed all the “Hungarian heritage”, it was based on the Russian Chronicles translated into German by I.B. Scherer that contained no information about the early history of Galicia.

Keywords: Galician Principality, Hungary Kingdom, Medieval Poland, Wielkopolska Chronicle, Hungarian-Polish relations.

Туманные свидетельства Великопольской хроники, автора которых установить невозможно, дали австрийскому историку Йоганну-Христиану Энгелю (1770–1814) повод создать отраженный в названии настоящей работы историографический миф. В 27-й главе этой хроники после фраз, посвященных передаче сыну короля венгров Калману в качестве приданого Спишской «каштелянии», можно прочитать: «Коломана же совместно с венгерским королем назначил королем над галичанами и повелел его короновать. А при коронации король Болеслав из-за своей доверчивости был обманут хитрым венгерским королём...» (Великая хроника 1987: 95)¹, после чего следует эпизод об обмене Спишской «каштелянии» на Перемышльскую. С точки зрения внутренней хронологии Великопольской хроники, это событие должно было произойти около 1123–1124 гг.

Если буквально понимать процитированную информацию, получается, что Болеслав III Кривоустый, помимо передачи своему

венгерскому зятю «в качестве приданого» Спишской «каштелянии», вместе со сватом создал для Калмана на русских землях Галицкое «королевство», причем в его власти было отдать приказ о коронации своего зятя. Разумеется, все это не имеет никакого отношения к реальной политической ситуации, сложившейся в Юго-Западной Руси во время правления Болеслава Кривоустого (1102–1138).

Прежде всего, сам Болеслав III, несмотря на то что польские хронисты называют его королем, так и не добился официальной коронации и признания за ним королевского титула, поэтому говорить о том, что он мог своей волей даровать кому-то еще королевскую корону, по меньшей мере некорректно. Кроме того, само предположение о распространении иноземной власти на Юго-Западную Русь в первой четверти XII в. не имеет под собой никаких оснований. Все гипотезы такого рода, встречающиеся в трудах зарубежных историков XVIII–XIX вв., опираются на факты участия польских и венгерских армий в междоусобиях русских князей в названное время.

Действительно, как раз в 1123 г. состоялся поход венгерского войска к Владимиру-Волынскому, целью которого было возвращение «отчинного» владения Ярославу Святополковичу, лишённому в 1118 г. волынского княжения, после того как он отослал от себя свою третью супругу – внучку Владимира Мономаха². При этом ранние летописи по-разному называют страну, в которую бежал Ярослав в поисках помощи. Если в Лаврентьевской летописи написано, что он бежал «в Ляхы» (Польшу), то в Ипатьевской летописи – в «Оугры» (Венгрию)³. Из этого следует, что изгнанный князь искал военной помощи у правителей обеих стран, добившись ее сначала у Болеслава III Кривоустого, а затем у Иштвана II.

В ходе этого конфликта полякам удалось в 1122 г. организовать похищение перемышльского князя Володаря Ростиславича, вскоре освобожденного за большой выкуп. Это событие послужило одним из оснований для сформировавшегося в польской средневековой хронистике тезиса о принадлежности Перемышля к исконным владениям Пястов, однако, поскольку этот город все-таки вошел во второй трети XII в. в созданное Владимиром Володаревичем в 1141 г. Галицкое княжество, хронистами был создан миф о том, что Пясты потеряли эту важную крепость на русско-польском пограничье в результате лукавых действий венгерского короля, описанных в 27-й главе Великопольской хроники.

Вопреки реальной истории возникновения будущей Галиции, появившейся на политической карте Руси в результате длительного процесса борьбы за объединение в одну волость территорий, которые смогли удержать в своих руках потомки Ростислава Владимировича –

сына самого старшего из сыновей Ярослава Мудрого, умершего раньше отца, в конце XVIII в. в немецко-австрийской исторической науке возник миф о том, что Галицкое княжество было создано специально для Бориса Калмановича его покровителями – государями Венгрии и Польши. Если не считать темный рассказ Великопольской хроники, где Борис не упоминается, то впервые этот миф встречается у И.-Х. Энгеля в «Истории Галича и Владимира». Одну из глав этого труда он озаглавил так: «Галич, возникший между 1123 и 1127 гг., возвышается благодаря своему князю, венгерскому принцу Борису» (Engel 1792: 98–102).

По мнению Энгеля, Борис, будучи близким родственником киевского князя Святополка Изяславича (что также является мифом), после смерти последнего (1113) находился при дворе его сына – волинского князя Ярослава, вместе с которым бежал в Польшу в 1118 г. Поскольку Ярослав искал военной помощи в Польше и Венгрии, у Энгеля получается, что Борис смог добиться признания не только у Болеслава III, но и у своего сводного брата Иштвана II (Engel 1792: 93–94), в результате чего непризнанный сын венгерского короля Калмана Книжника стал основателем Галицкого княжества, переданного ему в «удел» в 1129 или 1130 г. (Engel 1792: 10, 111). При этом историк ссылается на информацию польского хрониста Богухвала (т. е. Великопольской хроники), который явно перепутал Бориса с венгерским принцем Калманом, сыном Андраша (Эндре) II, занимавшим галицкий княжеский стол в 1214–1221 гг. с перерывом.

Основное внимание в рассматриваемой главе уделено описанию событий 1123 г., связанных с безуспешной попыткой Иштвана II вернуть волинский стол Ярославу Святополковичу. В 1124–1125 гг. ушли из жизни Василько и Володарь Ростиславичи⁴. Произошедшие вследствие этого изменения в политической ситуации в Юго-Западной Руси Энгель описывает так: «После смерти обоих братьев, Володаря и Василька, в 1124 г. мы не видим в русских летописях в течение длительного времени ничего о судьбе городов Перемышля и Теробовля, и мы вынуждены привлекать польские анналы. Наиболее вероятным представляется в следующие после 1124-го годы пребывание Бориса на галицком княжении и его торжественная коронация; тем более что, согласно биографу св. Конрада, епископа Зальцбургского, король Стефан был как раз в 1127 г. в Червонной Руси⁵. Мог ли Борис получить непосредственно титул правителя этой страны и каких она была размеров? Это не представляется неопределяемым. Кажется, Перемышль Стефан все же мог удержать для себя самого, поскольку Болеслав хотел вознаградить себя за

понесенный ущерб крепостцами Спиша, а в будущем – Перемышлем» (Engel 1792: 101–102).

Так объясняет возникновение Галицкого княжества Й.-Х. Энгель. В дальнейшем изложении истории Галича австрийский историк датирует время правления Бориса в Галиче 1123–1135 гг. (Engel 1792: 107). Этому периоду исследователь посвящает специальную главу в рассматриваемом сочинении, правда, затрагивая в ней лишь те события, которые произошли после 1129 г. (Engel 1792: 111–119)⁶. По сути дела, он пытается связать свой миф о том, что Борис Калманович был зятем Болеслава III, с реальными событиями, приведшими к ухудшению венгерско-польских отношений во второй половине 20-х гг. XII в. При этом, в соответствии с политической целью своего исследования – показать активное проникновение венгров в Юго-Западную Русь уже в то время, одним из ярких примеров которого является создание венгерским королем Галицкого княжества, историк представляет факты в таком свете, что будущие Галиция и Волынь были до второй трети XII в. зависимыми от Венгрии и Польши землями, даже окраинами владений Арпадов и Пястов.

Вот как начинается Й.-Х. Энгель главу о судьбе венгерского принца Бориса, когда он занимал галицкий стол: «Если кому из князей счастье принесло сверхкняжескую власть, так это достойному сожалеания Борису. Как бастард он родился и вырос в Киеве. После смерти своего деда он был отовсюду изгнан вместе с Ярославом, бывшим князем Владимира. Он быстро взлетел одним махом из грязи; Болеслав, великий правитель Польши, назвал его своим зятем, и Стефан II определил ему в наследство окраинное королевство, но при этом и правление в Галиче. В стороне от двух могущественных родственных покровителей и соседей его трон казался местом безопасного отдыха» (Engel 1792: 111).

Далее Энгель повествует об избрании Иштваном II в качестве наследника престола своего двоюродного брата – ослепленного герцога Белу, что, по мнению историка, было главной причиной ухудшения отношений между Польшей и Венгрией: «Болеслав признал это вероломством, и его внимание к зятю значительно возросло. Уже в 1130 г. он хотел наказать его и отобрать область Спиш, выделенный им зятю апанаж; однако Стефан II воспротивился завоеванию; тогда Болеслав удовольствовался тем, что взял взамен этого Перемышль в качестве вознаграждения. Когда после этого Стефан II в 1131 г. уже закончил свои дни, Болеслав попытался всеми силами добыть своему зятю венгерскую корону» (Engel 1792: 112).

Так австрийский историк объясняет причины конфронтации между правителями Польши и Венгрии в рассматриваемое время. При этом

он не просто опирается исключительно на польские средневековые хроники, но и выбирает из них только те сведения, которые подкрепляют его концепцию об основании Галицкого княжества на окраине владений Арпадов специально для Бориса Калмановича. Между тем в «Польской истории» Яна Длугоша (1415–1480), хорошо известной Й.-Х. Энгелю, можно найти наиболее обстоятельное изложение событий, на самом деле приведших к польско-венгерскому противостоянию в конце 20-х – первой половине 30-х гг. XII в., если их сопоставить с известием Композиции венгерских хроник XIV в. и сведениями об Иштване II, содержащимися в «Житии св. Конрада», архиепископа Зальцбургского.

Как свидетельствует Длугош под 1127 г., во время междоусобной войны между сыновьями перемышльского князя Володаря Ростиславича каждый из них «обратился к помощи извне, Владимир – к паннонцам, Ростислав – к русским⁷. Поскольку венгры пришли к Владимиру на помощь, о которой тот просил, Ростислав, получив помощь от киевского князя Мстислава, а также от Григория и Ивана Васильковичей⁸, выступил против Владимира» (Щавелева 2004: 153, 305). «Житие св. Конрада» сообщает, что послы зальцбургского архиепископа в том же году не нашли Иштвана II на основной территории Венгерского королевства, поскольку он находился в «Русской марке» (Vita Chonradi 1854: 74) – скорее всего, к северу от верхнего течения Тисы, где сходились владения Венгрии и Польши с окраинами древнерусских земель. Что же касается Венгерского хроникального свода, то он свидетельствует о разорении посланным Иштваном II войском польских пределов через три года после неудачной попытки короля вернуть Ярославу Святополковичу владимирское княжение, т.е. в 1126 г. (Chronici Hungarici 1937: 439).

На основании сопоставления всех этих сведений исследователи делают вывод о том, что причиной резкого ухудшения отношений между польским и венгерским государями стало активное вмешательство Иштвана II в междоусобную войну Владимира и Ростислава Володаревичей. Оказание помощи Иштваном Владимиру имело серьезные политические причины, являясь выражением неприязни к Мономаху и его роду, унаследованной венгерским королем от отца Калмана Книжника (1095–1116). Поскольку киевский князь Мстислав Великий (1125–1132) – тогдашний глава Мономашичей – выступил на стороне Ростислава, Владимир Володаревич естественным образом получил поддержку от Иштвана II⁹. Ход боевых действий между братьями Володаревичами не выявил безоговорочного победителя, в связи с чем возникла опасность вмешательства в конфликт Болеслава III Кривоустого на стороне коалиции, возглавлявшейся киевским князем.

Для предотвращения похода польского войска в Юго-Западную Русь Иштван II и совершил нападение на юго-восточные окраины владений Пястов (Фонт 2004: 89).

Таким образом, нет никаких оснований связывать ухудшение отношений между Иштваном и Болеславом с решением венгерского короля назначить наследником престола своего слепого двоюродного брата Белу (будущий Бела II, 1131–1141) в обход сводного брата Бориса. Последний вообще не играл никакой роли в изменении характера взаимоотношений между Польшей и Венгрией в рассматриваемое время. Только стремлением помочь австрийскому двору обосновать историческими «фактами» претензии на владение Галицией – якобы бывшей окраиной владений Арпадов – можно объяснить создание Й.-Х. Энгелем мифа о Борисе как первом галицком князе. При этом австрийский историк в изложении ранней истории Галича не обращает внимание на сведения русских летописей, оставаясь в рамках легенд, сочиненных или записанных польскими средневековыми хронистами.

Если же обратиться к раннему русскому летописанию, то первые сведения о Галиче содержатся в известии Ипатьевской летописи под 6649 (1141/1142) г.: «Сего же лѣта преставися у Галичи Василковичъ Иванъ, и прия волость его Володимерко Володаревичъ; съде во обою волостью, княжа в Галичи»¹⁰. Из этих известий, в достоверности которых вряд ли можно сомневаться, следуют выводы о том, что княжеский стол в Галиче появился не позднее 1141 г., а с того самого года исследователи датируют возникновение Галицкого княжества, ставшего центром объединенной Владимиром Володаревичем в одну большую волость Юго-Западной Руси. Любые попытки представить Галич до названного года значительным политическим центром, как и Владимира Володаревича – крупным политиком, лишены серьезных оснований. Все это стало реальностью не ранее 1141 г.

При этом мы не вправе обвинять Й.-Х. Энгеля в том, что он сознательно игнорировал известия Ипатьевской летописи под 6649 г. Он о них попросту не знал, поскольку в доступном ему переводе на немецкий язык Радзивилловской летописи, сделанном И.Б. Шерером, отсутствуют сведения о Галиче ранее 6652 (1144/1145) г. Это обстоятельство, с точки зрения современных исследователей, должно было побудить Энгеля к более критическому отношению к известиям польских хронистов о Галицком «королевстве», однако он, в соответствии с духом и политическими потребностями своего времени, постарался восполнить недостаток информации русских летописей легендарными сведениями польских хронистов, вплетенными в созданную им хронологическую канву ранней истории Галиции.

Если представлять себе историю Юго-Западной Руси до 1141 г. в том ракурсе, в каком видел ее Энгель, то в нее вполне вписывается идея о том, что названный регион был окраиной Венгерского королевства, в чем можно увидеть причину того, почему о нем ничего не пишут русские летописцы до указанного года. Поскольку археологические исследования Галича в то время еще не начались, у ученых не было возможности получить какие-то иные сведения о его ранней истории, кроме данных письменных источников. А, как известно, чем меньше данных источников, тем шире открывается простор для различных гипотез, которые трудно проверить.

Не останавливаясь на описании Й.-Х. Энгелем событий 1132–1134 гг., в которых, по его мнению, Борис принимал участие в качестве галицкого князя, приведем цитату из двухтомного труда историка, в котором он объясняет причины потери Борисом Галицкого княжества: «Теперь оказалось, что благодаря его слишком частому отсутствию народ был доведен им до запущенного состояния; или потому что вспыхнула ненависть к полякам, также из-за него как польского союзника; достаточно того, что он был изгнан родственными ему князьями. Он бежал с женой к своему тестю Болеславу, и его враги предвидели, что Болеслав примет его как своего». Далее Энгель подводит свое повествование к событиям, связанным с разорением Вислицы (Engel 1792: 64), отданной неким знатным «паннонцем» в руки Владимира Володаревича в 1135 г., о котором пишут многие польские хронисты, начиная с Винцентия Кадлубка (1160/1161–1223).

Историографический миф о том, что Борис стал основателем Галицкого княжества, поддерживали некоторые польские и венгерские историки конца XIX – начала XX в., опиравшиеся на те же источники, которыми пользовался Й.-Х. Энгель (обзор мнений: Gorski 1876: 64). На невозможность княжения Бориса Калмановича где бы то ни было до 1128 г., когда ему пошел 15-й год, указал С.П. Розанов, добавив, что к названному году «в Галичской земле, можно сказать, уже царил энергичный, воинственный и властолюбивый Владимирко Володаревич, не считавшийся ни с кем и ни с чем, что не соответствовало его личным взглядам. С 1126 г., года смерти его старшего брата Ростислава, он поставил своей задачей объединить в своих руках всю Галицкую землю...» (Розанов 1930: 651).

Мнение Розанова не отражает ситуацию тех лет, о которых он пишет, и относится скорее к 1140-м гг., когда Владимир Володаревич уже объединил в своих руках все владения, составлявшие наследство его отца и дяди, и неоднократно проявлял своеволие по отношению к соседям и киевскому князю. Также представляется сомнительной столь ранняя дата смерти Ростислава Володаревича, которую историк

ничем не обосновывает. Тем не менее сама по себе точка зрения о невозможности Бориса княжить в одной из галичских волостей, безусловно, верна.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. На языке оригинала: «*Quem Colomanum una cum rege Ungarorum Halliciensibus in regem prefecerat ipsum coronari facientes. Cuius coronatione rex Boleslaus prout erat credulus per regem Ungarorum dolose...*» (МРН. NS 1970: 39).

2. См. об этом: ПСРЛ I 1997: Стб. 292; ПСРЛ II 1998: Стб. 285.

3. Там же.

4. Ипатьевская летопись относит смерть обоих Ростиславичей к 6632 (1124/1125) г. (ПСРЛ II 1998: Стб. 288–289). Присоединяюсь к мнению А.В. Назаренко, датирующего смерть Володаря Ростиславича 19 марта 1125 г. Эта дата указана в «Польской истории» Яна Длугоша и представляется вполне достоверной. См.: Щавелева 2004: 418–419, прим. 271.

5. Здесь Й.-Х. Энгель указывает в сноске, что выражением «в Червонной Руси» он переводит фразу «Жития св. Конрада» «*in Marchia Ruthenorum*» (Engel 1792: 101). Естественно, такое толкование весьма спорно и вряд ли соответствует действительности. Поскольку Червонная Русь представляла собой горную область на русско-польском пограничье, которую в 1018 г. присоединил к своим владениям польский князь Болеслав I Храбрый (992–1025), после чего она стала на несколько веков предметом территориальных споров между русскими и польскими князьями, нахождение здесь Иштвана II представляло для него серьезную опасность, тем более что польско-венгерские отношения в то время были на грани кризиса. Более реальным представляется мнение М. Фонт, считающей, что король Иштван в 1127 г. охотился в пограничной области Венгрии, примыкавшей к Юго-Западной Руси, откуда в том же году он напал на польские владения с целью помешать Болеславу Кривоустому вмешаться в междоусобную войну Ростислава и Владимира Володаревичей. См.: Фонт 2004: 89.

6. Хотя в названии данной главы указаны 1129–1135 гг., в конце ее приводится информация и о последних годах жизни Бориса Калмановича.

7. Паннонцами авторы латиноязычных средневековых сочинений называли венгров, заселивших бывшую римскую Паннонию, а под русскими в данном случае следует понимать жителей Русской земли «в узком смысле», являвшейся ядром, вокруг которого возникло

Древнерусское государство. Согласно А.Н. Насонову, оно охватывало земли будущих Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств (Насонов 1951: 32–33. Карта).

8. Григорий и Иван Васильковичи были двоюродными братьями, развязавшими междоусобную войну Володаревичей, и имели волости в Юго-Западной Руси.

9. В современной украинской историографии распространено мнение, согласно которому женой Владимира Володаревича была представительница рода Арпадов. Это никак не подкреплено сведениями источников. Венгерского короля называет тестем Владимира Володаревича только В.Н. Татищев, да и то лишь во второй редакции своего многотомного труда, где на порядок больше домыслов и амплификаций, чем в первой. Подробнее об этом см.: Юрасов 2007.

10. ПСРЛ II 1998: Стб. 308.

ЛИТЕРАТУРА

Великая хроника - «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Под ред. В.Л. Янина; сост. Л.М. Попова, Н.И. Щавелева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

Насонов 1951 - *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.

Розанов 1930 - *Розанов С.П.* Евфимия Владимировна и Борис Коломанович. Из европейской политики XII в. // Известия АН СССР. Отд. гуманитар. наук. Л., 1930. № 8. С. 585–599; № 9. С. 649–671.

ПСРЛ I 1997 - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. [Репр.]. М.: Языки русской культуры, 1997.

ПСРЛ II 1998 - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. 2-е изд. [Репр.]. М.: Языки русской культуры, 1998.

Фонт 2004 - *Фонт Марта.* Венгерско-русские политические связи в XII веке (1118–1199) / Пер. В.П. Шушарина; под ред. М.К. Юрасова // Центрально-европейские исследования. Вып. 2: Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время (Памяти В.П. Шушарина). М., 2004. С. 86–115.

Щавелева 2004 - *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI) / Под ред. А.В. Назаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2004.

Юрасов 2007 - *Юрасов М.К.* Была ли жена Владимира Володаревича венгеркой? // «Слово о полку Ігоревім» та його доба. Матеріали міжнародної науково-теоретичної конференції. Галич, 2007.

Chronici Hungarici - Chronici Hungarici compositio saeculi XIV / Ed. A. Domanovszky // *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Edendo operi praefuit E. Szentpétery. Budapestini: Academia Litter. Hungarica atque Societate Histor. Hungarica in partem impensarum venientibus Typographiae Reg. Universitatis Litter. Hung. sumptibus, 1937 [Repr. 1999]. Vol. I. P. 217–505.*

Engel 1792 - *Engel Johann-Christian. Geschichte von Halitsch und Wladimir bis 1772.* Wien: bey Franz Jakob Kaiserer, 1792. Bd. I.

Gorski 1876 - *Gorski Kazimierz. Borys. Ustęp z dziejów XII wieku // Przewodnik naukowy i literacki. R. IV. Lwów, 1876. S. 63–82, 148–164.*

MPH. NS. T. VIII - *Monumenta Poloniae Historica. Nova series – Pomniki Dziejowe Polski. Seria II. T. VIII. Kronika Wielkopolska / Wyd. B. Kürbis. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970.*

Vita Chonradi - *Vita Chonradi archiepiscopi Salisburgensis / Ed. G.H. Pertz // Monumenta Germaniae historica. Scriptores. Hannoverae, 1854. T. XI.*

REFERENCES

Yanin, V.L. (ed.) (1987) *“Velikaya khronika” o Pol’she, Rusi i ikh sosedyakh XI–XIII vv.* [The Great Chronicle about Poland, Rus and their neighbours in the 11th–13th centuries]. Moscow: Moscow State University.

Nasonov, A.N. (1951) *“Russkaya zemlya” i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva* [The “Russian land” and formation of the Old Russian State]. Moscow: USSR AS.

Rozanov, S.P. (1930) Evfimiya Vladimirovna i Boris Kolomanovich. Iz evropeyskoy politiki XII v. [Euphemia of Kiev and Boris Kolomanovich. From the European policy of the 12th century]. *Izvestiya AN SSSR*. 8. pp. 585–599.

Karsky, E.F. (ed.) (1997) *Lavrent’evskaya letopis’* [The Laurentian Codex]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul’tury.

Shakhmatov, A.A. (ed.) (1998) *Ipat’evskaya letopis’* [The Hypatian Codex]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul’tury.

Font, M. (2004) *Vengersko-russkie politicheskie svyazi v XII veke (1118–1199)* [Hungarian-Russian political relations in the 12th century (1118–1199)]. Translated by V.P. Shusharin. In: Islamov, T.M., Stykalin, A.S. & Yurasov, M.K. (eds). *Vengry i ikh sosedi po Tsentral’noy Evrope v Srednie veka i Novoe vremya* [Hungarians and their neighbours in Central Europe during the Middle Ages and Modern era]. Moscow: The Institute of Slavic Studies. pp. 86–115.

Shchhaveleva, N.I. (2004) *Drevnyaya Rus’ v “Pol’skoy istorii” Yana Dlugosha* [The Old Rus in the “Polish history” by Yan Dlugosh]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.

Yurasov, M.K. (2007) [Was the wife of Vladimir Volodarevich a Hungarian?]. "Slovo o polku Igorevim" ta yogo doba ["The Tale of Igor's Campaign" and Its Epoch]. Proc. of the International Conference. Galich.

Domanovszky, A. (ed.) (1937) *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*. In: Szentpétery, E. (ed.) *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum*. Budapest: Academia Litter. Hungarica atque Societate Histor. Hungarica in partem impensarum venientibus Typographiae Reg. Universitatis Litter. Hung. sumptibus. Vol. 1. pp. 217–505. (In Latin).

Engel, J.-C. (1792) *Geschichte von Halitsch und Wladimir bis 1772* [History of Halych and Vladimir until 1772]. Vol. 1. Vienna: Franz Jakob Kaiserer.

Gorski, K. (1876) Borys: Ustęp z dziejów XII wieku [Boris: A paragraph in the history of the 12th century]. *Przewodnik naukowy i literacki*. 4. pp. 63–82, 148–164.

Kürbis, B. (ed.) (1970) *Monumenta Poloniae Historica*. Series II. Vol. 8. Warsaw: Państwowe wydawnictwo naukowe.

Pertz, G.H. (ed.) (1854) *Vita Chonradi archiepiscopi Salisburgensis* [The life of Conrad, Archbishop of Salzburg]. In: *Monumenta Germaniae historica. Scriptores*. Vol. 11. Hannover: [s.n.].

Юрасов Михаил Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Россия).

Yurasov Mikhail - Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

УДК 94(4)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/3

РУСКО-МАДЯРСКИ ВЯЗИ У КАРПАТСКИМ АРЕАЛУ*

М. Фейса¹, С. Бенчик²

¹Универзитет у Новом Саду
ул. Зорана Діндіча, 2, Нови Сад, 21000, Сербия
E-mail: fejsam@gmail.com

²Основна школа Чаки Лайош
ул. Святосавска, 9, Бачка Топола, 24300, Сербия
E-mail: senka73@yahoo.com

Резиме

Найстарши гунґаризми у руским язичу походза зоз часох перших контактох Славянох и Мадярох. Мадярски язич бул державни язич по 1918. р. та присуство мадярских словох у руским язичу розумліве. Директни контакти обачліви и нешка у Бачкей Тополі, Новим Орахове и Суботици. Кед розпатриме причини и пожичоване гунґаризмох, можеме повесц же главна причина семантичної природи. Слова ше насампредз пребераю пре своіо значеня же би пополнили одредзену празніну у лексичу руского язича або же би виражели цалком нови поняца.

Ключни слова: руски язич, мадярски уплів, гунґаризми, язичи у контакту, сфери хаснованя, лексичолоґія.

РУСИНСКО-ВЕНГЕРСКИЕ СВЯЗИ В КАРПАТСКОМ АРЕАЛЕ

М. Фейса¹, С. Бенчик²

¹Универзитет города Нови-Сад
Сербия, 21000, г. Нови-Сад, ул. Зорана Диндича, 2
E-mail: fejsam@gmail.com

²Начальная школа Чаки Лайош,
Сербия, 24300, г. Бачка-Топола, ул. Святосавска, 9
E-mail: senka73@yahoo.com

Авторское резюме

Старейшие мадьяризмы в русинском языке появляются со времен первых контактов славян и венгров. Венгерский язык был государственным вплоть до 1918 г., и присутствие венгерских слов в русинском языке понятно. Прямые контакты наблюдаются и сегодня в Бачке-Тополе, Новом Орахове и Суботице. Рассматривая происхождение и заимствование мадьяризмов, можно отметить, что главная причина этого – их семантическая природа. Слова в первую очередь заимствуются благодаря своим значениям, которые заполняют конкретные пробелы в русинской лексике или выражают совершенно новые понятия.

Ключевые слова: русинский язык, венгерское влияние, мадьяризмы, связь языков, сферы использования, лексикология.

RUSINIAN-HUNGARIAN RELATIONS IN THE CARPATHIANS

M. Fejsa¹, S. Benčik²

¹University of Novi Sad

2 Zoran Đinđić Street, Novi Sad, 21000, Serbia

E-mail: fejsam@gmail.com

²Čaki Lajoš Primary School

9 Svjatosavska Street, Bačka Topola, 24300, Serbia

E-mail: senka73@yahoo.com

Abstract

The oldest Hungarianisms in the Rusinian language appeared from the time of the first contacts between the Slavs and Hungarians. Hungarian was the state language until 1918, so it is not a coincidence that there are many Hungarian words in the Rusinian language. The direct contacts can be observed even nowadays in Bačka Topola, Novo Orahovo and Subotica. Considering the origin of Hungarianisms, it may be noted that the main reason for their borrowing is their semantic nature. The words are borrowed primarily due to their meanings that either fill certain gaps in the Rusinian lexis or express a completely new concept.

Keywords: Rusinian language, Hungarian influence, Hungarianisms, language relationship, the scope of use, lexicology.

Чи Карпати у VIII–IX в. були и наклеьо були населени зоз припаднікама руского народу, т. є. тота часц, хтора ше традиційно наволує

Подкарпатска Рус, не мож утвердиц. Дзепоедни писателе твердза же на Карпатох, ище скорей як цо ше Мадяре спуцели на нешкайшу вельку ровніну медзи Дунайом и Тису, бивал руски народ и же ту мал и свойо населєня. О тим пише и писатель Анонимус зоз XIII в. (Лабош 1979: 12). Чи то наисце вельо руского народу бивало у тедишней Мадярскей, чежко утвердиц. Вироятно же под меном руски треба подроумйовац и други славянски народи. Зазначене напр. же руски фамелиї жили у карпатских крайох, у Ерделю (Трансилванії), а и коло рики Драви, та и у Сриме.

Заш лєм, не шмеме цалком одруциц идею же руски народ бивал и на нїзших Карпатских горох, при ровніни, помишани ведно з Мадярами. Таке думанє потвердзує и тото же тедишні мадярски кральове мали обичай дац свойому престолонашлїднікови трецину держави, на хторей вон цалком сам пановал. Тоту трецину держави творели комитати: Ужски, Земплински, Абауйски, Боршодски, Сатмарски, Бигарски, Солночки, а волали ю Руске князовство – *Marchia Ruisorum*, односно Руска країна. Таку систему панованя заведол уж сам краль св. Стефан за свойого сина св. Емерика. Тото право хасновали вец и други кральовски князове (Лабош 1979). Меню *Marchia Ruisorum* указує на тото же главна характеристика тих крайох, з оглядом на народ, хтори ту бивал, була руска.

Кед попатрїме нашу руску историю, вец можеме замерковац же, ше од вчасних часох нашей исторії спомина и мадярски народ, нашо животи ше преплєтаю и не можеме заобисц контакти тих двох народох, односно їх язикох котри вироятно уплївовали єден на други, на обичаї и культуру.

Понеже Горніца од XII до XIII в. була слабо населєна, у другей половки XIII в., по татарским походу, мадярски кральове на Горніци подаровали бояром вельки комплекси жеми и лєси. Так ше уж у першей половки 1218. р. спомина руски бояр Василь, хтори од краля достал маєток блїзко Парканя у Острогонским комитату, а бояр Младик 1262. р. достал маєток у Нїтранским комитату. 1321. р. жил напр. Русин Теца, дворян кралїци Марії.

Часц наших Русинох, як и тоти, хтори ше їу нїм приселєли зоз Галичини, ховали статок и керчели лєси. Землєдїлство не барз любели, та кед не мушели, анї ше з нїм не занїмали. Звикнути на природни почержкосци, не було роботи, до хторей ше не розумели. У Шарошским комитату копали соль, а у Земплинским и Шарошским тримали вапнярні, дзвигали мости на рикох и правели мліни. На нїзших брегох обрабляли винїци.

Такой на початку селєня Мадярох до Карпатских крайох и Панонскей ровніни наїходзиме на слово крипак – м. *Jobagy*, зоз хторим

ше виками означовало жалосну судьбу найвекшей часци жительох у держави, земледілски народ, не рахуюци чи бул шлєбодни чи не. Под меном *йобадь* думало ше на людзох, котри робели на твердиньох, як и коло твердиньох. То було твердиньске вояцтво (*jobagiones castri*). Спочатку, у документох, краль з тим меном наволовал самих боярох, йому подлєжних, алє познейше, од XIII в., тото слово вше частейше почали хасновац лєм за земледілцох и то за жем вязаних хлеборобох, подлєжних самому панству, бояром (Лабош 1979: 18).

Гоч у чежких обставинох, Руснаци були видзени як вредни, вирни и схопни народ. За Руснацох ше вяже шлїдуюца присловка зоз тих часох: *Хто Руснака ма за крипака, тому и кухня полна*. Наших людзох заш и пре борбу за свойо права, хтора була источасно и борба за очуванє интересох боярох розположених процив Габзбурговцох, наволоали и найвирнейшим народом, «*gens fidelissima*», а окреме их так наволовал бояр Ракоци, у чиім войску ше вони и борели (Лабош 1979: 44). Вичерпани з войнами, худобни, без ичого и под новима обтерхованями Руснаци рушили далєй за лепшим животом, зохабяюци свою дїдовщину, спущуюци ше до Панонскей ровніни, до Бачкей, хтора теди була жем будучносци. Велім улївала надїю на красши, мирнейши и справедлївши живот. На своєй драги, чи як поєдинци, чи як менши групи, Руснаци ше непреривно стретали зоз мадярским народом. Мадярски язык бул и урядови язык аж по перши децениї XX в. и потамаль пановал руско-мадярски билингвизем (Фирис 2008: 210), прето не случайно же велі мадярски слова хаснуєме у руским языку и нешка.

Перши мадяризми у руским языку зявели ше ище под час перших славянско-мадярских контактох, а векшина з нїх походзи зоз початку старомадярского язичного периоду, цо значи зоз часу скорей XVII в. (Фирис 2008), док на сиверу Бачкей (Суботица, Бачка Тополя, Нове Орахово – Зентянски Гунарош) и дзень-нешка Руснаци одрастаю и жию у директним контакту зоз трома языками (руским, сербским и мадярским языком), бешедуюци их. У 60-рочним заєдніцким живоце тих двох народох, окреме интересантне же медзи жителями Нового Орахова, мож чуц и числени анегдоти зоз каждодньового живота Мадярох и Руснацох од приселєня Руснацох до Орахова (1946. р.), цо указує и на звекшани ступень медзисобного порозумєня.

До тей роботи уключени потераз обробйовани мадярски пожички як и гунгаризми, хтори обезпечени преїг информаторох. Даєдни гунгаризми до руского языка вошли директно зоз мадярского языка, даєдни преїг нємецкого языка, або сербского языка. Даєдни слова нємецкого походзєня, медзитим, хаснуєме у руским языку, а превжати

су зоз мадярського язика (напр. лексему *фурик* хасную Мадяре зоз Мадярскей, док Мадяре зоз Сербії ю не хасную).

Значне надпомнуц же, авторе основней літератури о *язикох у контакту* Ейнар Гауген і Юриел Вайнрайх язичну пожичку спатраю вєдно зоз зявеньом бilingвізма, при чим вигледую уплів двох геогграфски зблжєних язикох. Розпатраючи пошлїдки контакту медзи двома язиками, Ейнар Гауген розликує: а) заменьованє кодох (альтернативне хаснованє двох язикох), б) інтерференция (медзязична идентификация, т.є. значеньске або функційне поклапанє елементох двох язикох), в) інтеграцію (адаптация превжатих елементох до системи язика-примателя) (Фейса 1990: 6). Можеме видзиц же, ше аж у рамикох інтеграції одкрива предмет тей роботи засновани на директних контактох медзи двома язиками. *Інтеграцію* треба похопиц у найширшим змислу і подроумйовац процес одомашньованя і прилагодзованя странского (мадярского) елемента гу новому (рускому) язикау, процес, хтори по правилу у язикау примателю резултусє у рижних варияційох форми і зміста язика-давателя. Варияції ше одноша на гласовне реалізованє странского слова, а варияції зміста на значенє (Фейса 1990: 8).

О гунгаризмох як окремей теми не вельо писанє у русинистики. По тераз о гунгаризмох у нашим язикау писали Гавриїл Костельник, Микола М. Кочиш, Олекса Горбач, Иштван Удвари, Юлиан Рамач, Гайналка Фирисова і други. Окреме значне діло, хторе помогло у анализованю потераз забєраних гунгаризмох то робота лингвісти проф. др Юлиана Рамача *Лексика руского язика* (Рамач 1983). У тим ділу автор, попри других пожичкох, позберал і коло 550 мадяризми і преширел их зоз коло 43-ма новима мадярским пожичками. Детальну анализу за кажди гунгаризм на фонологійним, морфологіїним і семаничним уровню не поробел, не пише окреме анї о ономастики, але бешедує о походзеню пожичкох і о почежкосцох одредзованя часових координатох одредженого язичного зявеня.

За обєдиньованє гунгаризмох до словніка хасновани і *Етимологіїни словнік* (Etimológiai szótár) професора Заїц Габора (Zaicz 2006), у хторим позберани і обробени мадярски слова і їх походзенє; потім *Руско-сербски словнік*, хторого виробели Хелена Медєши, Оксана Тимко-Дітко, Михайло Фейса і Юлиан Рамач, і у хторим обробена лексика руского народного і літературного язика. У тей роботі з народного язика до словніка унєшена, попри сучасней лексики, і застарєна лексика, хтору младши генєрації престали хасновац, але ю старши ище хасную, або добре познаю. Медзи нїма ше находза і гунгаризми *бизовни*, *фаркаш*, *ровка*, *орсаг* і други. Окремну увагу заслужує і приручнїк *Витайце у нас* авторки проф. др Марії Йобадь

Жирос, до хторого уключени 15 лекції за виучованє бачванско-сримскей варианти русинского языка, хтори зме хасновали за дополньованє нашого словніка гунґаризмох.

Кажди гунґаризм, односно кажде слово мадярского походзєня, хторе ше находзи у тим словніку потвердзєне и у язичу жридлу (мадярским язичу), зоз помоцу професорки мадярского языка Ивєґеш Гизели и шлїдующей литературы: *Magyar értelmző kézisztótár; Magyar-szerbhorvát kézisztótár; Szerbhorvát-magyar kézisztótár; Idegen szavak és kifejezések szótára*.

Гунґаризми нашли своє место и у Рамачовей *Граматики руского языка* (Рамач 2002). Вони у *Граматики* обробени у обласци лексиколоґия, дзе ше споминаю и топоними (начишлєни 12 топоними), док ше як приклади гунґаризми наводза и у обласци морфолоґия. Хаснована и *Грамматика мадярского языка (A magyar nyelv könyve)* од проф. др Давида Андраша (Dávid 1975), як и скрипти *Мадярски язык (Magyar nyelv)* мр Баґи Ференца (Bagi 1983).

Робота др Гайналки Ферисовей *Презвиска мадярского походзєня при бачванско-сримских Руснацох* тиж значно помогла же би, ше корпус преширел зоз рускими презвисками мадярского походзєня. Авторка, медзи иншим, вельо зробела на анализи презвискох на фонолоґийним и морфолоґийним уровню. У своєй роботї ше операла и на виглєдованя проф. др Иштвана Удвария.

Же бизме одкрили кеди ше перши мадяризми зявели у руским язичу требало пренайсперши контакти мадярского и руского народу през историю, односно контакти мадярского и руского языка. У тим виглєдованю помогло діло *История Русиных Бачкей, Сриму и Славонї 1745–1918 рок* автора др Федора Лабоса. Зоз його историї дознаваме вельо и о живоце тих двох народох през историю, а пренайдзєни и перши гунґаризми (напр. *йобадь, ишпан* и др.), як и же руски народ з боку мадярского бул ценєни и почитовани. О перших контактох Руснацох и Мадярох дознаваме и зоз діла *Magyarország története (История Мадярскей) 895–1301* мадярского историчара Кришто Дюли (Kristó 1998).

За виробок методи и структури теї роботи хаснована робота *Виробок фахових и наукових роботох* проф. др Момчила Сакана и робота *Анґлийски елементи у руским язичу* проф. др Михайла Фейси.

Виглєдовацки корпус оформени насампредз на писаним материялу, але є дополньовани и зоз уснима жридлами, односно информациями информаторох. У цеку цалого виглєдованя випитани коло 30 особи, з рижних местох биваня у Републики Сербиї и Мадярскей, рижного року народзєня, полу, образованя и професії. Попри числєних информаторох видзелюєме шлїдуючи: проф. Ивєґеш Гизелу, Иґнац Яноша, проф. Надь

Тибора, проф. Томик Нимрода, Посави Олгу и проф. Бенчик Миклоша. Попри інформаторох хасновани и шлїдуюци жридли: тижньови часопис *Руске слово* од 2010. до 2012; мешачни часопис за младеж *Мак* од 2010. до 2012; предвойново и повойново числа календара *Руски календар* од 1929. р. до 2012; учебніки за руски язик и пестованє руского язика зоз Сербії и Мадярскей; словніки (*Сербско-руски; Руско-сербски; Етимологіїни словнік мадярских словох; Magyar értelmező kéziszótár; Magyar-szerbhorvát kéziszótár; Szerbhorvát-magyar kéziszótár; Idegen szavak és kifejezések szótára*); робота *Руски презвиска мадярского походзєня* др Гайналки Фирисовой обявена у ділу *Русини / Руснаци / Ruthenians II (1745–2005)*; словнік у рамикох лингвистичного наукового твора о пасмох у рускей лексики – *Руска лексика* Юліяна Рамача; *Граматика руского язика* Юліяна Рамача; *Руснаци у Новим Ораховє* видате з боку Дружтва за руски язик, литературу и культуру; *Хронїка Руснацох у Миклошевцох* Дюри Лікара; *Народ нїодкадз* од Пола Роберта Маґочія.

У самим цеку виглєдованя зявели ше вецей почєжкосци, хтори привєдлї до основного проблема того виглєдованя. Вон ше состої у утвердзованю присуства и видзельованю мадярского елемента зоз язичней матерії руского язика. Як найвєкши почєжкосци спомнеме шлїдуюци:

а) Нєпостоянє подполного жридли о тим, хтори гунґаризми директно превжати зоз мадярского язика, а хтори преїґ даяких других язикох (нємецкого, сербского и др.);

б) Нєхаснованє даєдних мадярских словох у язїку-жридли (понеже прєшли до архаїзмох, як напр. *хлапец*), док их у руским язїку хаснуєме як фреквентни гунґаризми;

в) Нєможлївосц у подполносци провадзєня дїяхронеї компоненти на материялу руского, односно нє може точно одредзиц часово координати одредзєного язичного зявєня. Юліян Рамач при виучованю нашєй вкупнєй лексики и одредзованю точних часових координатох наглашує же барз важни момент приселєня до нового краю. Так вон видзєлює лексику, хтору Руснаци хасновали у старим краю (хтору принєсли зоз собу до Бачкей) од лексичних пасмох од стрєдку 18. в. у новим краю. При велїх словох мадярского походзєня, ридко и при других пожичкох и паралєлох, наведзєни рок лєбо вик кєди су зазначєни у писаних памятникох на мадярским язїку (напр. *барнасти* < м. *barna*, 1349. р.; *баршонь* < м. *bársony*, 1395. р.). За мадяризми зазначєни по стрєдок 18. в. єст вецей вироятносци же исновали у нашєй лексики старого краю. Новє лексичнє пасмо твори лексика створєна, або пожичєна по приселєню (Рамач 1983: 2).

У анализи на морфологіїним уровню гунґаризми дзєлїме на: 1) директни реплики; 2) вивєдзєни слова; 3) зложєни слова.

До директних репликох учишлени гевти мадяризми, хтори настали на бешедним подручу мадярського язика и чийо форми идентични зоз мадярскимма (мадяризми без суфиксох и мадяризми, чия ше концова ґрупа гласох поклопела по форми з нашим язиком); под виведзенима словами будземе подроумйовац шицки слова, хтори достали даяки руски (одомашнени або домашні) деривацийни елемент, зоз хторима ше сцера идентичносоц зоз жридлову форму (мадяризми з мадярскимма и рускимма суфиксами), док зме при зложених словах обробели гевти цо им обидва компоненти независни (Фейса 1990: 105).

Од шицких файтох словох меновніки найчислеьши и творя коло три штварцини нашого вигледовацкоґо корпуса, док ше у єдней штварцини стретае углавним зоз дієсловами, прикметніками, викричніками и числовніками.

4.1. Меновніки. При меновнікох наиходзиме и найвекше число гунґаризмох без суфиксох и таких гунґаризмох, чия ше концова ґрупа гласох поклопела по форми з нашим язиком. Тото число, медзитим, у непростредней зависносци од класификованя меновнікох-гунґаризмох на невиведзени, виведзени и зложени (Рамач 2002: 54).

Познате же невиведзени меновніки маю лем кореньову морфему, а припадково законченя доставаю на корень. Таки, наприклад: ШОР – 1. с. ред, укр. порядок, 2. улїца < м. SOR /šor/; ЧАТ – с. шнала < м. CSAT /čat/ = капча (Рамач 1983: 193–197). Ми ґу невиведзеним меновніком у руским язiku рахуєме и меновніки-гунґаризми, при хторих, гоч су у язiku-жридлу виведзени, у руским язiku не разликуєме морфем и (не знаме же хтора часц пожички предствая корень, а хтора афикс). То, наприклад, случай зоз БИШАЛМА < м. BIRSALMA /biršalma/ (Zaics 2006: 70). Мадярски линґвисти свидоми же тото слово виведзене з двох часцо але не и бешедніки руского язика. Перша часц *бирш* значи *блиш*, а друга часц *алма* значи *яблуко*. Ми, медзитим, у слову *бишалма* видзиме лем єдну морфему: *бишалм* – (хтора за нас кореньова) и тото слово у нашим язiku тримаме за невиведзене (Рамач 2002: 54). Таки и велї други пожички-гунґаризми хтори зме учишлели до директних репликох: АПО – заст. оец, тато [при обрацаню дзецох ґу оцови] < м. = оец /apo/; под уплївом сербского язика нешка ше розширело *тато* (Рамач 1983: 94). Таки напр. АРВАЧКА < м. ÁRVÁCSKA; АРЕНДА < м. ÁRENDA (Рамач 1983: 203), БАЛОґА < м. BALOG (Рамач 1983: 95); БОТОШИ < м. BOTOS; БОЧКОРИ < м. BOCSKOR (Рамач 1983: 98); БУДЇ – с. гаґе < м. BUGYI (Zaics 2006: 89), БУКСА < м. BUKSZA (Zaics 2006: 90), БУНДА < м. BUNDA; ВАДАС < м. VADÁSZ; ВАЗА, ВАЗНА < м. VÁZA; ГУНЦУТ < м. HUNCUT; ГУРКА < м. HURKA; ҐАЛЕР < м. GALLÉR; ДЕСКА < м. DESZKA; ДЄП луки < м. GYEP (Рамач 1983: 99–118); ЕСЕНЦ < м. ESENC;

ЕЛЕФАНТ < м. ELEFANT; ЗОКНИ < м. ZOKNI (Рамач 2010: 295); КОРМАНЬ < м. KORMÁNY; НАД < м. NÁD; НАДРАҒИ < м. NADRÁG; НАТХА < м. NÁTHA; НЕМЕШ < м. NEMES; ОВОДА < м. ÓVODA (Рамач 1983: 147–153); ПИШКОТА < м. PISKÓTA; ПЛЕХ < м. PLÉH (Zaics 2006: 630–649); СОКАШ < м. SZOKÁS; СУНЬОҒА < м. SZÚNYOG; ТАРҒОНЯ < м. TARNONYA; ТУЛИПАН < м. TULIPÁN; ФОҒАШ < м. FOGAS; ЧЕРЕП < м. CSERÉP; ХИР < м. HÍR; ШАЛАТА < м. SALÁTA; ШАПКА < м. SAPKA; ШАРҒА < м. SÁRGA; ШАРКАНЬ < м. SÁRKÁNY; ЮҒАС < м. JUHÁSZ; ЯРАШ < м. JÁRÁS (Рамач 1983: 177–199).

4.2. *Дієслова.* Необходне надпомнуц, же ані єдно з даяких пейдзешат дієсловах не директна реплика даєдного мадярського дієслова. Шицки вони виведзени зоз суфіксами, хтори уж присутни у руским язичу и руским инфинитивним законченьом -ц. Векшина гунґаризмох-дієсловах ма паралелно и меновнік у руским язичу и часто неможливе утвердзиц, чи до руского язичу перше вошел меновнік чи дієслово (БЕШЕДА чи БЕШЕДОВАЦ, АТРЕСА чи АТРЕСОВАЦ, МУЛАТШАҒ чи МУЛАТОВАЦ, ФУРОВ чи ФУРОВАЦ, ҒАЗДА чи ҒАЗДОВАЦ, ЧАВАРҒОВ чи ЧАВАРҒОВАЦ, ПАЙТАШ чи ПАЙТАШИЦ ШЕ, ЕСЕНЦ чи ЕСЕНЦОВАЦ), але предпоставяме же меновнік, заш лем, предходзел дієслову. На таке заключенє нас наводза шлїдуюци факти: а) шицки дієслова-гунґаризми паралелно маю и меновнік, але существує и вельке число меновнікох, хтори не маю пару у форми дієслова; б) же би дієслово було адаптоване зоз споминанима морфолоґийними средствами руского язича, воно потребує предходно формовану основу, хтора ше вше поклопує зоз номинативну форму меновніка (Фейса 1990: 119).

4.3. *Прикметніки.* У корпусу зазначени коло трицец описни прикметнікох и нет ані єдней директней реплики мадярського прикметніка. Шицки вони виведзени зоз домашніма суфіксами. Як и дієслова, и векшина прикметнікох-гунґаризмох у руским язичу маю паралелно и меновнік (БАРШОНЬ – БАРШОНЬОВИ, КАЙСА – КАЙСОВИ, ОЛЄЙ – ОЛЄЙОВИ, ПЛЕХ – ПЛЕХОВИ), даєдни прикметніки паралелно маю дієслово (ЦИФРОВАЦ – ЦИФРОВАНИ, ЕНҒЕДОВАЦ – ЕНҒЕДУЮЦИ, НЄЕНҒЕДУЮЦИ, ШПОРОВАЦ – ШПОРОВНИ), док маме прикметніки, хтори у руским язичу не маю пару у форми меновніка, ані других файтох слова, а, заш лем, виведзени су зоз домашніма суфіксами. Наприклад: КЕДВЕШНИ, ЛЮШТАВИ, ВАЛУШНИ, ГЕВЕРНИ.

4.4. *Присловніки.* Од других файтох словах у словніку гунґаризмох наиходзиме на присловніки БИЗОВНО (у руским язичу ше хаснує и форма прикметніка БИЗОВНИ) и САБАТ заст. < м. SZABAD.

4.5. *Числовніки.* Медзи мадярским пожичками у виглєдовацким корпусу словніка од числовнікох зазначене лем число *езер*, хторе хаснуєме и у форми меновніка *езерка*.

4.6. *Словка*. У словніку медзи другима гунґаризмами зазначени шлїдуюци словка: ГАТ < м. HÁT (Рамач 1983: 112); ПЕДИГ < м. PEDIG (Рамач 1983: 156); УДЯН < м. UGYAN (Рамач 2010: 775).

4.7. *Викричніки*. Викричніки-гунґаризми, хтори ше у руским языку хасную, або ше хасновали шлїдуюци: ГОГА < м. HÓHA (Рамач 1983: 113); ГОЗАД < м. HOZZÁ < м. HOZZÁD (Рамач 1983: 114); ГОНЕМ < м. HANEM < м. NEM IGY, HANEM AMÚGY; ЧИТ < м. CSITT (Рамач 2002: 407); ЕЙНЕ < м. EJNYE (Рамач 1983: 121); ФИЯМ < м. FIAM (Рамач 2002: 407); ГАЛО < м. HALLÓ (Рамач 1983: 206).

При розпатраню причинох пребераня и прилапйованя гунґаризмох походзиме зоз становиска же основна причина за їх пожичованє семантичней природи. Слова ше у першим шоре пребераю пре свойо значенє, хторе або пополнює даяку празніну у лексики языка-примателя або означує подполно нове поняце у ней (Фейса 1990: 128).

Даядни гунґаризми (*єлефант, тигриш, харча, бизовно* и т. д.) ше меней хасную. Вони заменени зоз сербизмами (*слон, тигар, сом, сигурно* итд), але, заш лем, маю свойо место у руским языку, окреме медзи Руснацами у сиверней Бачкей дзе нашо людзе и дзень-нешка жию под уплївом мадярского языка.

У руским языку маме понад 700 гунґаризми. Векшина з нїх одноша ше на поняца з каждодньового живота:

а) НАСЕЛЕНЯ – валал, варош, шор, теметов, турня, вармедя, пияц, парцела;

б) ТЕРЕН – мочар, сейки, лапош, дєп, рит, орсаг-драга, дильов, готар, бразда, парлаг, пашков, яраш;

в) ДОМ, ЧАСЦИ ДОМУ – порта, капура, аколь, квартал, салаш, череп, деска, валька, ґарадичи, карам-кармик, паланка, сек, алаши, тернац;

г) ПРЕДМЕТИ У ОБИСЦУ – коч, льовч, доронґа, канчов, погар, танєр, шерпеня, гордов, кошар, кошарка, рошта, лампаш, ашов, паньваш, ланц, валов, фуоров, карсцель, бичак, балта, бузоґвань, букса, вазна, ґомбошка, дерекаль, дуґов, каруца, кефа, клайбас, корбач, креденц, лавор, лада, лампа, лампаш, меселатов, паплан, путона, ресельов, сакайтов, сунькалов, тепша, фоґаш, шерпеня, шкатула, шпарґа, шпоргет, штампедла;

ґ) ОБЛЄЧИВО, ЧАСЦИ ОБЛЄЧИВА – ботоши, бочкори, будї, бунда, бурки (фалди на женскей блузни), ґалєр, зокни, кабат, калап, кепень, кепеняк, лайбик, мента, мундур, надраґи, пантюшка, папучи, пендель, пондьола, фитюла, ципела, чаков, чижми, триков, комбинет, гамови (треґєри за панталони);

д) ПОЖИВА, ЄДЗЕНЄ, НАПОЙ – бендов, векна, ґомбовци, ґоргель, ґулаш, жемлїк, колбаса, ланґош, лепинь, мочинґ (месо на карку при швинї),

або крави), паприґаш, пита, пишкота, поґач, профунт (вояцке єдзенє), ратота, рейтеш, сарма, таргоня, палєнка, циберай, череґи;

д) РЕМЕСЛА, ЗАНІМАНЯ – апаца, биров, боґнар, боднар, бойтар, вадас, галас, ґуляш, ишпан, кертис, кишбирив, кондаш, корманьош, ко-чиш, лакатош, месар, ординанц, пиктор, пушкаш, сабол, сияртов, толмач, удварош, чикош, юґас, яґєр;

е) ТЕКСТИЛ – блиш, баршонь, гарас, гатлас, друса, мохер, фатьол;

ж) НАЗВИ ОСОБОХ – апо, андя, бештия, битанґа, биреш, бачи, гунцут, ґавалір, ґазда, жандар, катона, качмар, качмарка, кезеш, леґинь, мункаш, мелах, ловґош, мештер, немеш, нина, нялкош, пайташ, параст, ронтов, тато, толвай, филько, фиям, урам, цимбора, чаварґов, шовґор;

з) РОШЛІНИ – арвачка, босорчата, бузавинок, дикинь, доган, ешти-ке, как, капуста, ґереґа, ґереґовка, ґєстиня, кайса, бишалма, карфиол, керелаб, кичкиридж, коньска шовшка, кромпля, кукурица, кускуруша, мандуля, луцерна, мугар, мушкатла, над, орґона, паприґа, парадича, па-стернак, пасуля, пипинє, помаранче, ринґлов, рискаша, тараска, тополя, фольовка, цирок, чичовка, шафрань, шаш, шпинат;

и) ЖИВОТИНІ – блиха, бирка, баран, баранче, герчок, ґовля, ґунар, донґов, єлефант, ирґа, каба, кандур, карас, качка, качур, куцуш, мачка, павур, папаґай, паткань, пейка (конь), потька, пулька, риґов, ровка, сомар, суньоґа, терпеш, токльов (младе баранче), харча, фаркаш, цинка, цица, чачи, чик, шаркань, шашка, шуль;

й) МУЗИКА – банда, беґєш, бруґа бас, новта, новтош, орґони, тромбита, тромбеташ, тромбитовац, чардаш.

Векшина мадяризмох до руского язика прията ещи пред приселєньом предкох бачванско-сримских Руснацох зоз Горніци. У тим чаше настало и значне число презвискох мадярского походзеня при Руснацох. Медзи нїма ше находза: презвиска зоз мадярских общих меновнікох без суфиксох (напр. Фейса, Колбас, Торма и други); презвиска зоз мадярских особних менох и назвискох (напр. Микловш, Шандор, Тамаш, Лацко, Берци и други); зложени празвиска (напр. Кишюґас, Паплацко, Кишмаря и други); презвиска мадярского походзеня зоз мадярским суфиксами (напр. Жирош, Шайтош, Дудаш и други); презвиска мадярского походзеня зоз славянским суфиксами (напр. Бодваньски, Ванчельовски и други). Обєдинюючи попис одкрива 138 презвиска мадярского походзеня при Руснацох. Мадярски язык мал уплїв на формованє презвискох при Руснацох на три способи (Фирис 2008: 227): преїґ урядовой администрациї, преїґ каждодньових язичних контактох и преїґ двоязичносци при Руснацох (Руснаци теди жили под мадярску державну власцу и векшина з нїх знала бешедовац и по мадярски).

Шлїди мадярского уплїву остали по нешка и у дзепоедних топонимох. Прето хаснуєме, лебо зме у прешлосци хасновали, вецей назви

местох мадярського походження. Єдни з нїх Руснаци хасную заєднічки зоз другима народами (напр. Торньош, Чантавир и други), док другу ґрупу творя топоними, хтори Руснаци хасную по угляду на хасноване яке и при бешеднікох мадярського народу (напр. Сентомаш, Гедеш, Зентянски Ґунарош, Зента и други).

ЛИТЕРАТУРА

Bagi 1983 - *Bagi F.* Mađarski jezik. Novi Sad: Institut za mađarski jezik, književnost i hungarološka istraživanja uz finansijsku pomoć samoupravne interesne zajednice višeg i visokog obrazovanja SAP Vojvodine, 1983.

Dávid 1975 - *Dávid A.* A magyar nyelv könyve. Újvidék: Tartományi Tankönyvkiadó Intézet, 1975.

Kristó 1998 - *Kristó Gy.* Magyarország története 895–1301. Budapest: Osiris kiadó, 1998.

Palich 1982 - *Palich E.* Magyar-szerbhorvát kézisztár. Budapest: Terra, 1982.

Zaicz 2006 - *Zaicz G.* Etimológiai szótár. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2006.

Лабош 1979 - *Лабош Ф.* История Русинох Бачкей, Сриму и Славониї 1745–1918. Бачки Петровец – Нови Сад – Руски Керестур – Вуковар: Союз Русинох и Українцох Горватскей, Републична самоуправна интересна заєдніца култури Горватскей, 1979.

Рамач 1983 - *Рамач Ю.* Руска лексика. Нови Сад: Универзитет у Новим Садзе, Филозофски факултет, Институт за педагоґију, катедра за руски язык и литературу, 1983.

Рамач 2002 - *Рамач Ю.* Граматика руского языка. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2002.

Рамач 2010 - *Рамач Ю., Фейса М., Медєши Г., Тимко-Дітко О.* Русинско-српски речник / Руско-сербски словник. Нови Сад: Завод за културу војвођанских Русина, Филозофски факултет, Одсек за русинистику, 2010.

Фейса 1990 - *Фейса М.* Английски елементи у руским языку. Новий Сад: Руске слово, 1990.

Фирис 2008 - *Фирис Г.* Презвиска мадярського походження при бачванско-сримских Руснацох. У: Русини / Руснаци / Ruthenians, II. Нови Сад: ИК Прометей, Универзитет у Новом Саду, Филозофски факултет, Одсек за русинистику. КПД ДОК Куцура, 2008. С. 210–228.

REFERENCES

Bagi, F. (1983) *Madjarski jezik* [The Hungarian Language]. Novi Sad: Institut za madjarski jezik, književnost i hungarološka istraživanja uz finansijsku pomoć samoupravne interesne zajednice višeg i visokog obrazovanja SAP Vojvodine.

Dávid, A. (1975) *A magyar nyelv könyve* [A Hungarian Language Book]. Újvidék: Tartományi Tankönyvkiadó Intézet.

Kristó, Gy. (1998) *Magyarország története 895–1301* [History of Hungarian State 895–1301]. Budapest: Osiris kiadó.

Palich, E. (1982) *Magyar-szerbhorvát kéziszlótár* [The Hungarian-Serbo-croatian Dictionary]. Budapest: Terra.

Zaicz, G. (2006) *Etimológiai szótár* [Etymological Dictionary]. Budapest: Tinta Könyvkiadó.

Labosh, F. (1979) *Istoriya Rusinokh Bachkey, Srimu i Slavonii 1745–1918* [History of the Ruthenians in Bačka, Srem and Slavonia in 1745–1918]. Bačka Petrovec – Novi Sad – Ruski Kerestur – Vukovar: Sojuz Rusinoh i Ukraïnoh Gorvatskej, Republichna samoupravna interesna zajednica kulturni Gorvatskej.

Ramach, Ju. (1983) *Ruska leksika* [Ruthenian Lexicon]. Novi Sad: Univerzitet u Novim Sadze, Filozofski fakultet, Institut za pedagogiju, Katedra za ruski jazik i literaturu.

Ramach, Ju. (2002) *Gramatika ruskogo jazika* [Grammar of the Ruthenian Language]. Belgrade: Zavod za udzbenike i nastavna sredstva.

Ramach, Ju., Fejsa, M., Medjeshi, G. & Timko-Ditko, O. (2010) *Rusinsko-srpski rechnik / Rusko-serbski slovník* [A Ruthenian-Serbian Dictionary]. Novi Sad: Zavod za kulturu vojvodjanskih Rusina, Filozofski fakultet, Odsek za rusinistiku.

Fejsa, M. (1990) *Anglijski elementi u ruskim jaziku* [English Elements in the Ruthenian Language]. Novi Sad: Ruske slovo.

Firis, G. (2008) Prezviska madjarskogo pohodzenja pri bachvansko-srimskih Rusnacoh [Family names of Hungarian origin of Bačka-Srem Ruthenians]. In: Fejsa, M. (ed.) *Rusini / Rusnaci / Ruthenians* [Rusins / Rusnaks / Ruthenians]. Novi Sad: IK Prometej, Univerzitet u Novom Sadu, Filozofski fakultet, Odsek za rusinistiku, KPD DOK Kucura. pp. 210–228.

Фейса Михайло – доктор лингвистики, професор Катедри руского языка и литературы Филозофского факултета Универзитета у Новим Садзе (Сербия).

Фейса Михайло – доктор лингвистических наук, професор кафедры русинского языка и литературы философского факультета университета города Нови-Сад (Сербия).

Fejsa Mihajlo – University of Novy Sad (Serbia).

E-mail: fejsam@gmail.com

Бенчик Сенка – мастер русинистики, професор руского языка Основней школы Чаки Лайош у Бачкей Тополі (Сербия).

Бенчик Сенка – мастер русинистики, професор русинского языка Начальной школы Чаки Лайош в Бачке-Тополе (Сербия).

Benčik Senka – Čaki Lajoš Primary School in Bačka Topola (Serbia).

E-mail: fejsam@eunet.yu

УДК 94(47).03

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/4

«ВТОРЫЙ ПО СОЛОМОНЪ»: «ЦАРСТВЕННЫЙ ОБРАЗ» ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВИЗАНТИИ

М.В. Киселев

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: fasthedgehog@bk.ru

Авторское резюме

Русь и Византия имели длительную историю взаимоотношений. Что логично, Византия оказывала воздействие на политическую систему и политическую культуру древнерусских княжеств, начиная с самых первых контактов двух государств. Какое влияние имела Византия на Юго-Западную Русь, в чем выразалось это влияние и какие факторы влияли на складывание «царственного образа» правителей Галицко-Волынского княжества? Каким образом в Юго-Западной Руси появляются атрибуты византийской императорской власти? С помощью чего на страницах летописи создается «царственный образ» галицко-волынского правителя? Все эти вопросы, требующие рассмотрения проблем культурных, политических и дипломатических связей двух государств в первой половине XIII в., и стоят перед автором данной статьи.

Ключевые слова: Даниил Галицкий, Византия, Никея, Галицко-Волынская Русь, «царственный образ», дипломатия.

“SECOND AFTER SOLOMON”: THE “REGAL IMAGE” OF DANIEL OF GALICIA AND THE BYZANTINE HERITAGE

M.V. Kiselev

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: fasthedgehog@bk.ru

Abstract

Old Rus and Byzantium had a long history of mutual relations, with the latter exerting influence on political system and culture of ancient Russian principalities starting from the first contacts between the two states. The paper discusses what impact Byzantium had on Southwestern Rus, what factors predetermined the “regal image” of Galician-Volhynian princes, how the attributes of the Byzantine imperial power appeared in Southwestern Rus and what means are used in the Chronicle to create the “regal image” of the Galician-Volhynian prince. The author believes that these questions require the analysis of cultural, political and diplomatic connections between the two states in the early 13th century.

Keywords: Daniel of Galicia, Byzantium, Nicaea, Galicia-Volhynia, “regal image”, diplomacy.

Вопрос о роли Византийской империи в определении внешне-политического курса Галицко-Волынской Руси времен правления Романа Мстиславича и Даниила Романовича Галицкого неоднократно поднимался в исследовательской литературе. Но этот вопрос решался различными авторами по-разному. Ряд новейших авторов склонны отрицать какое-либо существенное влияние Византии (Никеи) на внешнюю политику Руси вообще и Галицко-Волынского княжества в частности. Среди других взглядов на указанную проблему есть точка зрения о том, что никейские правители вынуждены были искать союзников на Западе с целью возвращения Константинополя, поэтому контакты Даниила Галицкого и папы не могли вызвать в Никее отрицательных эмоций. Подобных взглядов придерживается, например, Н.Ф. Котляр (Котляр 2008: 290–291).

М.М. Войнар и вслед за ним И.Ф. Паславский придерживались совершенно иной позиции, утверждая, что принятие Даниилом королевской короны стало актом окончательного разрыва с Византией (Никеей) и выхода русского князя из ее внешнеполитической орбиты (Войнар 1955: 116–117; Паславский 2003: 71–72).

Есть и другая позиция, на которой стоит А.В. Майоров. Согласно его точке зрения, Византия (Никея) оказывала прямое влияние на определение внешнеполитической линии Галицко-Волынской Руси, в частности через мать Даниила, византийскую принцессу Ефросинью (Анну) (Маіоров 2014: 188–233; 2015: 11–13).

Каков же был характер взаимоотношений между Галицко-Волынской Русью и Византией, в какой степени можно говорить о влиянии Византии (Никеи) на внешнюю политику Даниила Галицкого? И можно ли это делать вообще? Задачи данной статьи – проследить за ролью Византийской (Никейской) империи в определении внешнеполитиче-

ского курса князя Даниила Галицкого, рассмотреть вопрос о средствах и методах этого влияния и отдельное внимание уделить так называемому царскому следу – политико-идеологической составляющей в отношениях между Галицко-Волынской Русью и Византией (Никеей).

Наследие отца и матери

Византийское влияние на Русь IX–XII вв. было доминирующим как во внешней, так и во внутренней политике. Русские князья стремятся перенимать некоторые элементы византийской политической культуры. Например, князь Владимир Всеволодович, прозванный Мономахом, с которым Галицко-Волынская летопись сравнивает Романа Мстиславича: «...храборъ бо бѣ æко и тоуръ. ревноваше бо дѣдоу своему Мономаху. погоубившему поганыѣ Измалтаны. рекомыѣ Половци. изгнавшю Сѣтрока во Сѣбезы. за Желѣзнаѣ врата. Сърчанови же вставшю оу Доноу. рыбую вживъшю тогда Володимерь и Мономахъ пиль золотомъ шоломомъ Донъ. и приемшю землю ихъ всю...» (ПСРЛ 2: 155). Для Романа Мстиславича было важно именно сравнение с Владимиром Мономахом (причем не только сравнение, но и указание на родство). Для Романа это означало претензии на установление общерусского правления, на союз с Византией, а также на необходимость борьбы с иноземными захватчиками.

Однако именно в правление Романа в Византии происходит событие, которое заставляет измениться характер русско-византийских отношений. В 1204 г. Константинополь был завоеван крестоносцами и стал центром нового государства – Латинской империи, а на территории Малой Азии возникла Никейская империя, правители которой продолжали считать себя настоящими правителями Византии. Распад Византийской империи повлек за собой попытки многих правителей заявить о притязаниях на императорскую власть. По крайней мере, ей пытались подражать, перенимать некоторые элементы поведения византийских правителей. Именно в тот период в Галицко-Волынской Руси начинают складываться «царственный статус» князя, проявляться «царский след» Византии на Руси.

Галицко-Волынская летопись начинается посмертной похвалой Роману Мстиславичу, названному в самых первых строках «приснопамятным самодержцем всея Руси» (ПСРЛ 2: 155), а позднее в описании пребывания Даниила Романовича у татар и вовсе присутствует фраза «егожъ шѣь бѣ цсрь в Роуской земли» (ПСРЛ 2: 185), прямо указывающая на высокий статус Романа. После захвата Константинополя царский титул (или именование «самодержец») для большинства русских князей утрачивает свои привлекательность и

авторитет (Майоров 2009: 252–253), но только не для правителей Галицко-Волынской Руси. По словам В.А. Водова, в XIII в. среди русских источников царский титул правителей встречается лишь в текстах галицко-волынского происхождения (Водов 2002: 518). Использование титулования «царь и самодержец» можно отнести к указанию на родство с византийской императорской фамилией (Маіоров 2014: 303), следовательно, на общерусский характер политической деятельности князя, его могущество и авторитет.

В начале XIII в. все претенденты на имперский трон и титул самодержца обзавелись этими реликвиями и использовали их в целях поднятия своего политического авторитета (Майоров 2011а: 18). В то время реликвии оказываются и в распоряжении Романа Мстиславича. Очевидно, это происходит после бегства в Галич императора Алексея III.

О бегстве в Галич византийского императора сообщается в «Анналах» Яна Длугоша: «Аскарый же, константинопольский император, после взятия города перебрался к Понтийскому морю, в Терсону, а оттуда впоследствии прибыл в Галацию, или Галицкую землю, которая является частью Руси» (Древняя Русь 2004: 343). У итальянского историка дель Фиадони есть свидетельство о происхождении этого известия, в котором указывается на то, что бегство императора на Русь описывал в своей хронике еще Кузентин (Fiadoni 1727: 1119). Почему же Кузентин и Фиадони, а вслед за ними и Длугош называют императора Аскарием, хотя речь должна идти об Алексее III? Объясняя это, А.В. Майоров говорит о том, что итальянцам была более известна династия Ласкарей (Аскариев) ввиду многолетней борьбы последних с Латинской империей, поэтому в хрониках и происходят подмена и именование императора Алексея Аскарием (Маіоров 2016: 359–362). Очевидно, что именно пребывание императора в Галиче привело к заключению союза между князем и императором, одним из условий которого была передача реликвий Святого Креста в пользование Романа.

Важно отметить и еще одно событие в галицко-волынско-византийских отношениях времен Романа Мстиславича – брак с византийской принцессой Анной, называемой в летописях великой княгиней Романовой. Этот брак, точнее, само появление Ефросиньи (Анны) на Руси, имел важные последствия. Ее влияние в Галицко-Волынской земле и за ее пределами было велико: она заключила договор в Саноке с королем Андрашем II, который принял к себе Даниила «како милога снѣ» (ПСРЛ 2: 156), потом уговорила Лешка Белого дать земли Даниилу, заявив, что вотчиной его владеет Александр Белзский, а сам Даниил – лишь Берестьем (ПСРЛ 2: 157). Вообще в малолетство

Романовичей княгиня поддерживала дружественные отношения с правителями Венгрии и Польши и с волынскими боярами, но, очевидно, что ее влияние не уменьшилось и после того, как ее сыновья начали действовать самостоятельно. Об этом говорит описанный в летописи эпизод коронации Даниила, когда его мать находилась среди тех, кто убеждал сына принять королевский венец (ПСРЛ 2: 191). Роль Ефросиньи была одной из ключевых в отношениях между Даниилом и Никеей, что определенным образом сказалось на коронации (Маіоров 2015: 11–13).

О влиянии Ефросиньи и вместе с ней Византии (Никее) на Даниила свидетельствует явная тенденция князя к возвращению отцовского статуса «царя и самодержца» и поддержанию его.

«Царственный образ» Даниила Романовича

Становление Даниила как князя и первая половина его правления проходят в весьма сложных условиях – сначала сорокалетней войны за восстановление единства Галицко-Волынской Руси, а потом пребывания под игом. В этих условиях Даниил не мог, в отличие от отца, реально царствовать – в его правлении могли присутствовать лишь отдельные элементы царской власти (или, скорее, «царственного образа») византийских правителей. Царская власть предусматривала автократию – самодержавное правление, что для Даниила долгое время было недоступным. Поэтому «царский след» проявлялся в первую очередь в идеологической составляющей данииловой политики, в семантике имен и использовании царских знаков.

Ранее мы рассматривали историю о захвате монголами Киева в 1240 г. в свете тезиса о том, что летописный рассказ был практически полностью позаимствован из работ древних авторов и переиначен (Киселев 2016: 59–66). Можно утверждать, что такой заимствованный кусок в летописи – не единичный случай. А.В. Майоров рассматривает эпизоды, связанные с основанием «излюбленного города» Даниила Галицкого – Холма, а также Ярославского сражения 1245 г. В обоих эпизодах одну из ключевых ролей играет образ орла. В случае с битвой читаем в летописи: «и бывшоу знамению. сице надъ полкомъ. сице пришедшимъ врломъ. и многимъ ворономъ. æко шолокоу великоу играющимъ же птичамъ. врлом же клекъщоушимъ. и плавающимъ криломъ своими. и воспромѣтающимъс на воздусъ» (ПСРЛ 2: 183). Также исследователь упоминает описанный в летописи монумент с орлом в новой столице Даниила Холме (Майоров 2014: 234–235). Следовательно, образ орла – одного из символов верховной власти – является одним из инструментов конструирования летописцем

«царственного статуса» Даниила Галицкого. В случае с памятником с изваянием орла в новом столичном городе мы видим явную параллель со знаменитой легендой об основании Константином Великим Константинополя – столицы Византийской империи, выбор места для которого был сделан после явления императору орла.

Летописец создает образ «царя», наделяя Даниила чертами древних правителей, а также описывая происходящие вокруг события (битвы, основания городов) так, как это было описано в древних хрониках о деяниях великих правителей. Для летописца очень важны древняя царственная топка, о чем мы также писали в работе, посвященной монгольскому завоеванию (Киселев 2016: 64–65), и символика определенных образов, подчеркивавших величие Даниила как правителя и полководца.

Для Даниила Галицкого было важно следовать, насколько это было возможно, за «царственным статусом» и воплощать его в жизнь. Одним из способов этого воплощения стало появление в роду Романовичей необычных имен – Ираклий и Лев. Имя Ираклий не встречалось в роду Рюриковичей ни до, ни после рождения у Даниила первенца (Dąbrowski 2002: 99–101). Имя Лев встречалось всего один раз – его носил внук Льва Даниловича Лев Юрьевич. Появление имени Ираклий в семье Даниила Галицкого связано не только с указанием на родство Романовичей с византийскими правителями и желанием наречь первенца в честь одного из величайших византийских полководцев Ираклия I, но и с тем отношением, которое император Ираклий имел к почитанию образа Честного Креста (Майоров 2011b: 109).

Говоря о путях, по которым это имя могло прийти в Галицко-Волынскую Русь, А.В. Майоров замечает, что отец принцессы Ефросиньи, матери Даниила и бабки Ираклия, Исаак II считал себя продолжателем дела императора Мануила I, который стремился повторить великий подвиг Ираклия, некогда отвоевавшего Честный Крест у персов (Майоров 2011b: 116). Так что вполне логично, что под влиянием Ефросиньи, с появлением которой на Руси галицко-волынские князья стали обладателями святых реликвий, появляется в семье Даниила имя Ираклий – как напоминание об образе «идеального императора», что сочеталось с тенденцией на построение «царственного образа» Даниила.

Очевидна аналогичная история и с именем Льва Даниловича. Имя Лев носили шесть императоров Византии, последний из них – Лев VI Философ – прославился своей мудростью и законотворчеством, а также почитался за щедрость (Вардан 1861: 110). Наречение детей именами византийских императоров однозначно имело цель подчеркнуть родственные связи между Романовичами и базилиевсами.

Также возможно, что имя Ираклий, популярное как на католическом Западе, так и на православном Востоке, данное наследнику, было своеобразным призывом к объединению для христианских целей Запада и Востока и демонстрацией готовности к участию в общеевропейских политических делах (Майоров 2011b: 118–119). Но этим начинаниям и стремлениям Даниила не суждено было стать реальностью. В 1230-х гг. Даниил Романович попал в серьезную зависимость от короля Венгрии. Ряд исследователей на основании анализа эпизода о коронации Бела IV в 1235 г., когда Даниил «со всей почтительностью вел... [королевского. – М.К.] коня» (Chronici 1937: 467), утверждают, что князь признал верховную власть венгерского правителя (Лабунька 2004: 554–561; Волошук 2006: 331–341). Полное избавление от венгерского влияния произошло только после Ярославской битвы 1245 г., но затем сразу же возникла новая помеха для независимого правления Даниила.

Эта помеха заключалась в установлении монголо-татарского владычества над русскими землями. Новыми «царями» в полном политическом смысле этого слова были монгольские ханы и правители Золотой Орды. Они стали «царями» по праву силы и захвата русских земель – в русских летописях ханов называют «царями» не просто так, русские князья признают реальную царскую власть ханов, их политический статус. Причем если раньше царский титул на Руси воспринимался в религиозном, христианском значении (Водов 2002: 538), то Джучиды свой «царственный статус» основывали на силе монгольского оружия (Филюшкин 2006: 74). Это не могло не помешать Даниилу в установлении собственного «царства». Говоря о визите князя в Орду, летописец, как бы его упрекая за это, отмечает, что его отец был «царем Русской земли» (ПСРЛ 2: 185), намекая на то, что сам Даниил вынужден теперь кланяться собственным «царям» – ханам.

Очевидно, что «царственная идея» Даниила Романовича так и не была воплощена в жизнь, хотя, даже несмотря на утрату политической независимости и подчинение новому царству – Ордынскому, Даниил все равно заявлял о себе как о продолжателе дела своих отца и матери. На наш взгляд, причиной этого было сохранение тесных связей с императорами Никейской империи. Вероятно, такое большое значение, какое придавалось в Галицко-Волынской Руси элементам царской византийской власти, не могло быть следствием исключительно упрямого желания Даниила следовать по пути отца. Полагаем, что холмский двор Даниила был хорошо осведомлен о деятельности правителей Никеи и продолжал внимательно следить за развитием событий в конфликте между Никеей и Латинской империей. Если признать это, то в Холме, очевидно, знали о внеш-

неполитических успехах никейского императора Иоанна III Ватаца. В конце 1246 г. Ватац с войсками переправился на европейскую часть континента и осадил город Серры (в Северной Македонии, современная Греция), а затем занял большую часть Северной Македонии с городами Пиманином, Лентианой, Хариаром и Вервенияком (Георгий Акрополит 2013: 63). Впоследствии подчинил Адрианополь, Фессалоники и часть Эпирского царства, а следующей весной (1247 г.) выступил в поход на Константинополь (Георгий Акрополит 2013: 87). Естественно, в этих условиях Даниил Романович мог чувствовать себя более свободным во внешнеполитической активности. Так как Даниил был союзником и никейского правителя, и императора Священной Римской империи, он, соответственно, снова мог заявить о себе как о продолжателе дела отца и взять курс на возвращение своего «царственного статуса».

В 1248 или начале 1249 г. состоялась встреча Даниила с королем Белой IV, зависимость от которого Даниил ранее признавал:

«Данила же приде к нему [Беле Венгерскому. – М.К.] исполчи вса люди своѣ. Нѣмци же диващеса в ружью Татарьскомуу бѣша бо кони в личинахъ. и в коаѣрѣхъ кожанныхъ. и людье во аѣрицѣхъ. и бѣ полковъ его свѣтлость велика. ѿ в ружьяѣ блистающаса. самъ же бѣа подлѣ корола. по вбычаю Роускоу бѣ бо конь под нимъ дивлению подобень. и сѣдло ѿ злата. жьжена и стрѣлы и сабла златомъ оукрашена. иными хитростьми. аекоже дивитиса. кожуюхъ же шловира Грѣцького и кроуживы златыми плоскомиЕ шшити. и сапози зеленого хѣза шити золотомъ» (ПСРЛ 2: 187).

Трактовали этот эпизод исследователи по-разному. Большинство уделяли внимание лишь красочному одеянию Даниила Галицкого, говоря о том, что оно было предназначено, чтобы возвеличить образ русского князя. Так, например, считали советские исследователи Н.К. Гудзий (Гудзий 1966: 213), Н.В. Водовозов (Водовозов 1966: 133), Д.С. Лихачев (Лихачев 1970: 36). Еще исследователи имперских времен полагали, что парадный костюм князя был предназначен для того, чтобы поразить всех окружающих своим великолепием, что князь был одет «по русскому обычаю» (Соловьев 1988: 501–502).

Тем временем вслед за А.В. Майоровым мы признаем возможность иной трактовки данного описания. Исследователь замечает, что выражение «по русскому обычаю» относится не к костюму, а, скорее, к поведению князя в присутствии венгерского короля, к определенному церемониалу или протоколу (Майоров 2014: 226). При этом что-то в этом поведении короля смутило. Читаем в летописи: «Немцем же зращимъ много диващимса речѣ емоу король не взалъ быхъ тысаще серебра за то вже еси пришель. вбычаемъ Роускимъ шцѣвѣ своихъ»

(ПСРЛ 2: 187). В статье А.В. Майорова, посвященной этой встрече Даниила и Белы, подробно разбирается данная спорная ситуация. Большинство исследователей трактовали фразу летописца в благоприятном для князя смысле, как «менее дорога мне тысяча серебра, нежели то, что ты приехал по обычаю русскому отцов своих» (Крип'якевич 1999: 180). Сам же А.В. Майоров вслед за О.П. Лихачевой (Лихачева 1997: 263) трактует эту фразу иначе, исходя из того, что союз «уже» соответствует современному «если» или «лишь бы». В таком случае фраза приобретает противоположное значение: «Я бы отказался от тысячи серебра, лишь бы ты пришел по русскому обычаю своих отцов», таким образом упрекая Даниила в отходе от «русского обычая» (т. е. от привычного Беле вассального статуса Даниила). Надо думать, что именно «греческий оловир» – один из символов царской власти Византии (ткань «царской» пурпурной окраски) – был причиной недовольства венгерского монарха.

Очевидно, что это прямое указание на очередную попытку создания «царственного образа» Даниила Романовича, использовавшего оловир, чтобы подчеркнуть свои родственные связи с византийскими императорами. По-видимому, Даниил получил этот оловир в наследство от матери (Майоров 2014: 234). И, конечно же, в условиях военных успехов Никеи Даниилу было очень важно продемонстрировать свой царственный статус уже на международной арене – нужно было это сделать именно перед Белой IV, с которым некогда Даниил был связан вассальной клятвой, что, естественно, вызвало недовольство венгерского короля.

Важным кажется то, что Даниил использовал оловир как знак царской власти именно во время встречи с немецкими послами. То есть для Даниила имело большое значение не просто показать свой статус Беле, считавшему галицко-волынскому князя своим вассалом, но и предстать в «царственном образе» перед представителями императора. Можно указать еще на одну интересную с этой точки зрения фразу из летописного отрывка, в котором летописец характеризует императора: «бѣ бо цѣрь вбѣдержает ведень землю Ракоушьскоу. и Штирьскоу» (ПСРЛ 2: 187). При этом неясно, как трактовать слово «ведень» – как «Ведень» (в таком случае имеется в виду Венская земля в Австрии) или «в едень» (т. е. *в одиночку, самостоятельно*). Если предположить второй вариант, то получается, что в данном случае присутствует идея того, что царь может и должен владеть своей землей самостоятельно, без соправителей и кого-либо еще. В данном случае Даниил показывает царским послам, что он является равней императору, а королю Венгрии князь демонстрирует, что он также может держать свою землю «в едень».

Из всего перечисленного видно, что, даже несмотря на то что Даниил поочередно испытывал зависимость от Венгрии и Золотой Орды, он не отказался от попыток воссоздать «царство» отца. Причем если изначально это имело исключительно идеологическое выражение (создание образа великого царя в Галицко-Волынской летописи), то в 1240-х гг. в связи с успехом Никейской империи, с которой Даниил поддерживал отношения через свою мать, князь получил реальную возможность продемонстрировать свой «царский статус» могущественным правителям того времени – королю Венгрии и императору Священной Римской империи.

Византия (Никея) и коронация Даниила

Если признать, что холмский двор Даниила и никейский двор Иоанна III Ватаца были объединены политическими связями, то, очевидно, и в том и в другом месте были осведомлены о внешнеполитических делах, которые велись на Руси и в Никее. После успехов Ватаца папа римский имел все основания для беспокойства о том, что латиняне потеряют Константинополь. Основания для этого были – это не только собственно военные походы никейцев, но и мощный политический союз, сложившийся в 1240-е гг., в который входили Никея, Священная Римская империя и, очевидно, Галицко-Волынское княжество. Конечно же, задачей папы было расстроить этот союз и, главным образом, вывести из него императора Фридриха II. Пока Константинополь находился под контролем латинян, а значит, Римской церкви, папа мог обещать его императору Никее в случае, если придется заключать с ним мир и отговаривать его от союза с императором Фридрихом. Поэтому взятие Константинополя было явно не в интересах Рима.

В связи с этим становится ясно, что никейцы влияли на отношения между римским папой и Даниилом. Они знали, что сейчас папа находится в затруднительном положении – он не получил ответа ни от монголов, на союз с которыми, очевидно, рассчитывал в интересах противостояния Никее, ни от Даниила, бывшего союзником и действовавшего в интересах Никее. Вероятно, для подтверждения того, что Даниил будет следовать в русле никейской политики, около 1246–1247 гг. в Никею к патриарху отправился сподвижник князя – печатник Кирилл, миссия которого была успешна, о чем свидетельствует поставление его в митрополиты (Maierov 2015: 20).

Осенью 1247 г. в Никею прибыл папский посол – монах-францисканец Лаврентий из ближайшего окружения папы (Maierov 2015: 15), который встретился с патриархом Мануилом II и передал ему предложение об объединении церквей на благоприятных для гре-

ков условиях. Для Иоанна Ватаца такое предложение было выгодным – он мог обезопасить себя от возможного контрнаступления в Фессалии и Северной Македонии латинского императора Балдуина (Бодуэна) II де Куртене, который искал во Франции и Англии войска для удара по никейцам (Matthaei Parisiensis 1869: 24–25). На фоне переговоров, начавшихся с Никеей, папа продолжал общение и с Галичем, причем здесь договоренность, казалось бы, уже была достигнута. 12 сентября 1247 г. папа объявил Даниилу, его сыну и Васильку, «королю Лодомерии», о том, что принимает их «под покровительство святого Петра и наше» (Папские послания 1976: 128).

А. Папаянни пишет о том, что в 1249–1252 гг. папа выражал надежду на новый этап переговоров с никейцами (Papayianni 2000: 205). Однако слишком долгие раздумья в Никее вынудили его считать, что переговоры провалились. Тем не менее в самой Никее предложением папы были удовлетворены, после чего император направил к нему новое посольство в начале 1253 г. (Papayianni 2000: 205).

Как отмечает А.В. Майоров, переговоры с папой в Галицко-Волынской Руси и Никее происходили практически синхронно и одновременно достигли своей кульминации (Майоров 2011с: 73; 2015: 20–23). Однако весьма странным, как кажется на первый взгляд, представляется решение Даниила Романовича о коронации. При этом сказано, что Даниил принял корону по совету своей матери (среди прочих) (ПСРЛ 2: 191) – византийской принцессы, что дает возможность сделать вывод об изменении ее настроений с проникнейских на проримские. Но этот вывод поспешен. Мать Даниила оставалась верна своим никейским родственникам (Maіorov 2015: 21). И «разрешение» Никее на коронацию Даниила могло быть вызвано, в частности, тем, что в 1250 г. умер император Фридрих II, а его преемник Конрад IV был враждебно настроен к Никее (Maіorov 2015: 17). Это лишало Ватаца сильного союзника в борьбе с папой и вынуждало идти на более решительные действия.

След Византии во внешней и внутренней политике Галицко-Волынского княжества первой половины XIII в. достаточно велик, что объяснялось не только географической близостью регионов и давней политической традицией, связывавшей русские земли и Византию, но и новыми обстоятельствами, сопряженными с падением императорской власти и захватом Константинополя в 1204 г. Одну из главных ролей в сохранении византийского влияния в Галицко-Волынской земле сыграла дочь Исаака II Ефросинья (Анна), ставшая женой Романа и матерью Даниила Галицкого. Но если Роман «царствовал» действительно и имел законные основания на титулование благодаря своей внешнеполитической активности, браку и приобретению святых

реликвий, еще более укрепивших его позиции, то Даниилу оставалось лишь следовать за «царственным образом». Его политика включала отдельные элементы «царствования» (использование символики и прославление царского образа в летописи). Но связь с Византией, несмотря на временное подчинение Венгрии, подчинение Орде и контакты с папством, Даниил не утратил.

ЛИТЕРАТУРА

Вардан 1861 - Всеобщая история Вардана Великого. М., 1861.

Водов 2002 - *Водов В.А.* Замечание о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до XV века // Из истории русской культуры. Статьи по истории и типологии русской культуры. М., 2002. Т. II, кн. 1: Киевская и Московская Русь. С. 205–212.

Водовозов 1966 - *Водовозов Н.В.* История древней русской литературы. М.: Просвещение, 1966. 384 с.

Войнар 1955 - *Войнар М.М.* Корона Данила в правно-політичній структурі Сходу (Візантії) // Корона Данила Романовича. 1253–1953 рр. Доповіди Римської сесії II наук. конф-цфї. Наукового товариства ім. Шевченка (Рим, 18 грудня 1953 р.). Рим; Париж; Мюнхен, 1955. С. 116–117.

Волощук 2006 - *Волощук М.М.* Даниил Галицкий и Бела IV: К реконструкции русско-венгерских отношений 30-х годов XIII в. // *Rossica antiqua*. 2006 год / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, А.В. Майоров. СПб., 2006. С. 331–341.

Георгий Акрополит 2013 - Георгий Акрополит. История / Пер., вступ. ст., коммент. и прил. П.И. Жаворонкова; отв. ред. Г.Г. Литаврин. СПб., 2013. 415 с.

Гудзий 1966 - *Гудзий Н.К.* История древней русской литературы. М.: Учпедгиз, 1966. 551 с.

Древняя Русь 2004 - Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша / Пер. Н.И. Щавелевой. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 493 с.

Киселев 2016 - *Киселев М.В.* Спорные вопросы Батыева нашествия на Южную Русь и Прикарпатье // Русин. 2016. № 1 (43). С. 57–80.

Котляр 2008 - *Котляр Н.Ф.* Даниил, князь Галицкий. СПб.: Алетейя, 2008. 320 с.

Крип'якевич 1999 - *Крип'якевич І.П.* Галицько-Волинське князівство. Львів, 1999. 220 с.

Лабунька 2004 - *Лабунька М.* Князь Данило Галицький і коронація угорського короля Бели IV // До джерел. Збірник наукових праць на пошану О. Купчинського з нагоди його 70-річчя. Львів, 2004. Т. I. С. 554–561.

Лихачев 1970 - *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 180 с.

Лихачева 1997 - Галицко-Волынская летопись / Пер. О.П. Лихачевой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 5. С. 184–357, 482–515.

Майоров 2009 - *Майоров А.В.* Царский титул галицко-волынского князя Романа Мстиславича и его потомков // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1/2. С. 250–263.

Майоров 2011a - *Майоров А.В.* Восточнохристианские реликвии и идея «переноса империи»: Византия, Балканы, Древняя Русь // *Религиоведение*. 2011. № 1. С. 17–24.

Майоров 2011b - *Майоров А.В.* О происхождении и символике имени князя Ираклия Даниловича // *Вопросы истории*. 2011. № 3. С. 110–121.

Майоров 2011c - *Майоров А.В.* Апостольский престол и Никейская империя во внешней политике Даниила Галицкого // *Rossica Antiqua*. 2011. № 1. С. 60–99.

Майоров 2014 - *Майоров А.В.* Греческий оловир Даниила Галицкого: из комментария к Галицко-Волынской летописи // *ТОДРЛ*. 2014. Т. 62. С. 225–235.

Паславський 2003 - *Паславський І.* Коронація Данила Галицького в контексті політичних і церковних відносин XIII століття. Львів: Місіонер, 2003. 112 с.

Папские послания 1976 - *Большакова С.А.* Папские послания галицкому князю как исторический источник // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1975 г. М., 1976. С. 122–129.

ПСРЛ 2 - Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. II. 648 с.

Соловьев 1988 - *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн.* М.: Мысль, 1988. Кн. 2, т. 3–4. 765 с.

Фильюшкин 2006 - *Фильюшкин А.И.* Титулы русских государей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. 256 с.

Chronici 1937 - *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV* // *Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum* / Ed. E. Szentpétery. Budapestini, 1937. Vol. 1. 289 p.

Dąbrowski 2002 - *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 2002. 348 s.

Fiadoni 1727 - *Ptolomaei Lucensis Historiaecclesiastica nova* // *Rerum Italicarum Scriptores* / Ed. L.A. Muratori. Milano, 1727. T. XI. Col. 1119.

Maierov 2014 - *Maierov A.V.* The daughter of a Byzantine Emperor – the wife of a Galician-Volhynian Prince // *Byzantinoslavica*, 2014. Vol. 72, № 1–2. P. 188–233.

Maierov 2015 - *Maierov A.V.* Ecumenical Processes in the mid-13th century and the Union between Russia and Rome // *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. 2015. Vol. 126, № 1. P. 11–34.

Maierov 2016 - *Maierov A.V.* Angelos in Halych: Did Alexios III Visit Roman Mstislavich? // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 2016. Vol. 56, № 2. P. 343–376.

Matthaei Parisiensis 1869 - *Matthaei Parisiensis. Historia Anglorum, sive, ut vulgo dicitur, Historia Minor*. 1067–1253. London: Longmans, Green, Reader and Dyer. 1869. T. III. 667 p.

Papayianni 2000 - *Papayianni A. Aspects of the Relationship between the Empire of Nicaea and the Latins, 1204–1254*. London: University of London, 2000. 352 p.

REFERENCES

Vardan the Great. (1861) *Vseobshchaya istoriya Vardana Velikogo* [Universal History of Vardan the Great]. Translated by N. Emin. Moscow: Institut vostochnykh yazykov.

Vodov, V.A. (2002) Zamechanie o znachenii titula “tsar” primenitel’no k russkim knyaz’yam v epokhu do XV veka [On the meaning of the title “tsar” applied for Russian princes before the 15th century]. In: Litvina, A. et al. *Iz istorii russkoy kul’tury* [From the history of Russian culture]. Vol. 2(1). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul’tury. pp. 205–212.

Vodovozov, N.V. (1966) *Istoriya drevney russkoy literatury* [History of Ancient Rus literature]. Moscow: Prosveshchenie.

Vojnar, M.M. (1955) [The crown of Daniel in the legal and political structure of the East (Byzantium)]. *Korona Danila Romanovicha. 1253–1953 rr.* [The Crown of Daniel Romanovich. 1253–1953]. Proc. of the Second Conference of the Shevchenko Scientific Society. Rome. December 18, 1953. Rome, Paris, Munich. pp. 116–117.

Voloshchuk, M.M. (2006) Daniil Galitskiy i Bela IV: K rekonstruktsii russko-vengerskikh otnosheniy 30-kh godov XIII v. [Daniel of Galicia and Bela IV: To the reconstruction of Russian-Hungarian relations in the 1230s]. In: Dvornichenko, A.Yu. & Maiorov, A.V. (eds) *Rossica antiqua*. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 331–341.

George Akropolites. (2013) *Istoriya* [History]. Translated by P.I. Zhavoronkov. St. Petersburg: Aleteyya.

Gudziy, N.K. (1966) *Istoriya drevney russkoy literatury* [History of Old Rus literature]. Moscow: Uchpedgiz.

Shchhaveleva, N.I. & Nazarenko, A.V. (eds) (2004) *Drevnyaya Rus’ v “Pol’skoy istorii” Yana Dlugosha* [Old Rus in the Polish history by Jan Dlugosh]. Translated by N.I. Shchhaveleva. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.

Kiselev, M.V. (2016) The controversial issues of Batu’s invasion into Southwestern Rus and Subcarpathia. *Rusin*. 1 (43). pp. 57–80. DOI: 10.17223/18572685/43/5

Kotlyar, N.F. (2008) *Daniil, knyaz’ Galitskiy* [Daniel, Prince of Galicia]. St. Petersburg: Aleteyya.

Kripyakevich, I.P. (1999) *Galits’ko-Volins’ke knyazivstvo* [Principality of Galicia-Volhynia]. 2nd ed. Lviv: [s.n.].

Labunka, M. (2004) Knyaz’ Danilo Galits’kiy i koronatsiya ugars’kogo korolya

Beli IV [Prince Daniel of Galicia and coronation of the Hungarian king Bela IV]. In: Girich, I. et al. (eds) *Do dzherel. Zbirnik naukovikh prats' na poshanu O. Kupchins'kogo z nagodi yogo 70-richchya* [The sources. Scientific papers in honor of Oleg Kupchynskiy on the occasion of his 70th anniversary]. Vol. 1. Lviv: Ukrainian Academy of Sciences. pp. 554–561.

Likhachev, D.S. (1970) *Chelovek v literature Drevney Rusi* [Man in the Old Rus literature]. Moscow: Nauka.

Likhacheva, O.P. (1997) *Galitsko-Volynskaya letopis'* [Galician-Volhynian Chronicle]. In: Likhachev, D.S., Dmitriev, L.A., Alekseev, A.A. & Ponyrko, N.V. (eds) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The Library of Old Rus Literature]. Vol. 5. St. Petersburg: Nauka. pp. 184–357, 482–515.

Maiorov, A.V. (2009) *Tsarskiy titul galitsko-volynskogo knyazya Romana Mstislavicha i ego potomkov* [The regal title of Galician-Volhynian prince Roman Mstislavich and his ancestors]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1/2. pp. 250–263.

Maiorov, A.V. (2011a) Eastern Christian Reliquiae and the “Transfer of Empire”: Byzantium, the Balkans, Old Rus. *Religiovedenie – Study of Religion*. 1. pp. 17–24.

Maiorov, A.V. (2011b) *O proiskhozhdenii i simvolike imeni knyazya Irakliya Danilovicha* [On the origin and symbolic nature of the name of Prince Irakli Danilovich]. *Voprosy istorii*. 3. pp. 110–121.

Maiorov, A.V. (2011c) *Apostol'skiy prestol i Nikeyskaya imperiya vo vneshney politike Daniila Galitskogo* [Holy See and Nicaean Empire in the foreign policy of Daniel of Galicia]. *Rossica Antiqua*. 1(3). pp. 60–99.

Maiorov, A.V. (2014) *Grecheskiy olovir Daniila Galitskogo: iz kommentariya k Galitsko-Volynskoy letopisi* [The Greek purple of Daniel of Galicia: From the commentary to the Galician-Volhynian Chronicle]. *TODRL*. 62. pp. 225–235.

Paslavskiy, I. (2003) *Koronatsiya Danila Galits'kogo v konteksti politichnikh i tserkovnikh vidnosin XIII stolittya* [The coronation of Daniel of Galicia in light of political and religious relations of the 13th century]. Lviv: Misioner.

Bolshakova, S.A. (1976) *Papskie poslaniya galitskomu knyazyu kak istoricheskiy istochnik* [Papal letters to the Galician prince as a historical source]. In: Pashuto, V.T. (ed.) *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy* [The oldest states of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. pp. 122–129.

Kloss, B.M. (ed.) (1998) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Soloviev, S.M. (1988) *Sochineniya: v 18 kn.* [Works: In 18 vols]. Book 2. Moscow: Mysl'.

Filyushkin, A.I. (2006) *Tituly russkikh gosudarey* [The titles of Russian rulers]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo.

Szentpétery, E. (ed.) (1937) *Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum*. Vol. 1. Budapest: Acad. litt. Hungarica.

Dąbrowski, D. (2002) *Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich* [The genealogy of Romanovichi, Princes of Galicia-Volhynia]. Poznań; Wrocław: Wydawnictwo Historyczne.

Muratori, L.A. (ed.) (1727) *Rerum Italicarum Scriptores* [Italian Writers]. Vol. 11. Col. 1119.

Maierov, A.V. (2014) The daughter of a Byzantine Emperor – the wife of a Galician-Volhynian Prince. *Byzantinoslavica*. 72(1–2). pp. 188–233.

Maierov, A.V. (2015) Ecumenical Processes in the mid-13th century and the Union between Russia and Rome. *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. 126(1). pp. 11–34.

Maierov, A.V. (2016) Angelos in Halych: Did Alexios III Visit Roman Mstislavich? *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 56(2). pp. 343–376.

Mathew Paris. (1869) *Historia Anglorum, sive, ut vulgo dicitur, Historia Minor. 1067–1253*. Vol. 3. London: Longmans, Green, Reader and Dyer.

Papayianni, A. (2000) *Aspects of the Relationship between the Empire of Nicaea and the Latins, 1204–1254*. London: University of London.

Киселев Максим Викторович – аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Kiselev Maxim - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: fasthedgehog@bk.ru

УДК 94(47).03

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/5

ПРАКТИКА ПОСМЕРТНОГО ПОВРЕЖДЕНИЯ ТЕЛ «НЕЧИСТЫХ» ПОКОЙНИКОВ В ЮЖНОЙ РУСИ И В ПРИКАРПАТЬЕ И МЕСТЬ ЗА ОСЛЕПЛЕНИЕ ВАСИЛЬКА ТЕРЕБОВЛЬСКОГО*

С.Б. Чебаненко

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

Авторское резюме

В некоторых городах Южной Руси и их окрестностях известны находки человеческих останков с посмертными повреждениями (пробитые гвоздями черепа и др.). Повреждение тел определенных категорий покойников было распространено в защитных целях у восточных славян, эта практика хорошо известна и по материалам Воыни и Прикарпатья. Такими покойниками были «нечистые», или «заложные», покойники, которые могли навредить живым. Одной из категорий «нечистых» покойников были насильственно умерщвленные. Проводятся параллели между манипуляциями с телами «нечистых» покойников и расправой с жертвами мести, сопровождаемой повреждениями тел убитых (убийство виновных в ослеплении князя Василька Ростиславича).

Ключевые слова: Южная Русь, Прикарпатье, черепа, «заложные» покойники, упиры, ослепление Василька Теробовльского, месть, стрелы, повешение.

* Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ (проект № 5.38.265.2015).

THE PRACTICE OF POSTMORTEM DAMAGE TO BODIES OF THE “UNDEAD” IN SOUTH RUSSIA AND SUBCARPATHIA AND VENGEANCE FOR THE BLINDING OF VASILKO OF TEREBOVL*

S.B. Chebanenko

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

Abstract

Human remains with postmortem damages (skulls pierced by nails, etc.) were found in some towns of South Russia and around. According to historical and ethnographic materials of Volhynia and Subcarpathia, damage to certain categories of decedents was a common defensive practice among Eastern Slavs. Those decedents known as “zalozhniye” (i.e. the “undead,” like vampires, walking dead etc.) could harm the living. One category of the undead were those who died by violence. The author compares the manipulation with the bodies of the undead and massacres with victims of vengeance followed by the post-mortem damage to their bodies (the murder of those guilty of Prince Vasilko of Terebovl’s blinding).

Keywords: Southern Rus, Subcarpathia, skulls, the “undead”, blinding of Vasilko of Terebovl, vengeance, hanging, arrows.

В исследованиях этнографических и фольклорных материалов восточных славян, посвященных похоронно-поминальной обрядности и верованиям о посмертном существовании, фиксируется такая категория, как «нечистые» покойники. Они, в отличие от «чистых», являются к живым вне установленных сроков и представляют для них опасность.

Эти представления реконструируются в основном по данным XIX–XX вв., однако в данной связи приводятся свидетельства и более ранних периодов; предполагается, что подобные воззрения существовали еще в древнейшие времена. Так, Д.К. Зеленин, которому принадлежит основная заслуга в постановке и разработке данной проблематики, приводит свидетельство Серапиона Владимирского о

* The research is supported by Saint Petersburg State University (Project Nr. 5.38.265.2015).

взглядах народа на погребение таких покойников (удавленников и утопленников), относящееся ко второй половине XIII в. (Зеленин 1995: 93–94). Некоторые данные указывают на существование практики обезвреживания опасных мертвецов еще в домонгольский период, причем в таких формах, которые обнаруживают значительное сходство со способами защиты от «нечистых» покойников, отмечаемыми для XIX–XX вв.

Представления о «нечистых», так называемых «заложных» покойниках, которые после смерти причиняли разнообразный вред живым, были широко распространены у восточных славян (эти верования хорошо известны во всех славянских традициях). Одной из самых опасных разновидностей «заложных» покойников были упыри, демонические существа разной природы – в зависимости от региона (Седакова 2004: 133). Вера в упырей в наиболее развитых формах фиксируется у населения Украины. На превращение в «нечистых» мертвецов в первую очередь влияли обстоятельства смерти: ими становились умершие до срока, погибшие насильственно или не своей смертью, самоубийцы; также к ним относили людей, знавших при жизни с нечистой силой, и некоторые другие категории умерших (Зеленин 1995: 40–41). Их не полагалось хоронить рядом с обычными покойниками. Души «заложных» покойников рассматриваются и как представители нечистой силы. Несмотря на опасность таких мертвецов, существовали разнообразные способы защиты от них. Подобного рода воззрения подробно освещены в специальных исследованиях (см., напр.: Зеленин 1995; Виноградова 2000; Левкиевская 2000: 214–232; Толстая 2001, 2006; Седакова 2004: 39–51, 121–122, 237–276; Грузнова 2013: 161–172).

Одним из самых действенных способов избавиться (обезопаситься) от «нечистых» покойников было нанесение им различных повреждений (в этих целях покойникам также связывали ноги, клали в гроб различные обереги, сыпали мак и т. д.). Вредоносным и опасным мертвецам отрубали голову, ноги. Широко распространенным был обычай вонзать в тело или в могилу острые предметы – деревянные колья, железные зубья бороны, ножи, гвозди и т. п.

Для этих целей предпочтительными считались металлические предметы, поскольку нечистая сила боится железа. Так, одно из киевских захоронений XI в., в котором гроб и тело оказались пробиты насквозь большим железным костылем длиной в один метр, загнутым под днищем гроба, исследователи определили как захоронение вампира (см.: Панова 2004: 152). Пробивание же черепов покойников (особенно упырей) острыми железными предметами (гвоздями) как защитная мера, согласно поздним данным, было

особенно широко распространено на Волыни и в Прикарпатье (Кузеля 1907: 109–124).

В 1930-х гг. в ходе проведения масштабных археологических исследований на Волыни были обнаружены черепа, пронзенные в области теменной или височных костей железными гвоздями. Они были найдены на территории Владимира-Волынского и его окрестностей в одиночных погребениях и групповых захоронениях (Цинкаловский 1937: 186–193; 1984: 99, 368). Подобные находки были сделаны и другими исследователями и неоднократно встречались впоследствии (Мазур и др. 2010: 304).

Такие черепа в литературе в основном стали связывать со штурмом монголо-татарами Владимира-Волынского и последующими расправами с побежденными защитниками города (Цинкаловский 1935: 33; Каргалов 1967: 127; Храпачевский 2004: 387; Храпачевский 2011: 235; Котляр 2005: 256; Сусенков 2006: 80; Хрусталеv 2008: 189; Хрусталеv 2013: 228; Кучинко 2009: 405; Карпов 2011: 105). Однако, несмотря на распространенность указанного мнения, оно не подкрепляется показаниями письменных источников: в известиях, рассказывающих о завоевании монголо-татарами русских земель, не упоминается ни о чем подобном (Мазур и др. 2010: 307–308). Практика пробивания головы (черепа) гвоздями как способа казни или истязания тела врага или преступника не была характерна для завоевателей.

Относительно этих находок было высказано мнение, что их появление необходимо связывать с ритуальной практикой славян, мерами защиты против ходячих покойников и упырей (Пастернак 1961: 629). В последнее время эта точка зрения приобретает все большую популярность и получает все более обоснованную аргументацию¹ (Панова 2004: 152; Мазур и др. 2010: 302–317), в том числе в публикациях, вышедших на страницах журнала «Русин» (Майоров 2015: 16–17).

В связи с уже изложенным пониманием значения «волыньских черепов» полагаем уместным привлечь летописное известие, относящееся к домонгольскому периоду, события которого разворачиваются тоже на Волыни. Представляется, что можно провести определенные параллели между манипуляциями с телами покойников, которые рассматривались выше, и подробностями расправы над виновными в ослеплении Василька Теребовльского.

Под 1097 г. летопись сообщает, что князя Василько и Володарь Ростиславичи появляются под стенами Владимира-Волынского, где от них укрылся Давыд Игоревич Владимир-Волынский. Незадолго до этого по его инициативе Василько Теребовльский был пленен Святополком Изяславичем Киевским и вскоре ослеплен. После

освобождения Василька Ростиславича братья осаждают Владимир-Волынский и заставляют Давыда Игоревича и владимирцев выдать им Туряка, Лазаря и Василя – влиятельных лиц, которые «намолвили» Давыда ослепить Василька. В руки братьев попадают Василь и Лазарь (Туряк успел скрыться), «заутра по зори повесиша Василя и Лазаря и растреляша стрелами Василковичи, и идоша от града». Эта расправа названа «мщением». После отбытия князей от города тела убитых «снемши и погребоша я» (ПСРЛ 1: Стб. 268–269).

Ритуальные аспекты смерти Василя и Лазаря были детально рассмотрены А.В. Майоровым (Майоров 2001: 139–154), который опирался также на описания событий, содержащихся в «Истории Российской» В.Н. Татищева и «Хронике» Ф. Софоновича. Согласно Татищеву, «наутрее в понедельник Ростиславичи, поставя высокую виселицу перед градом, повесили злодеев тех за ноги и велели растрелять» (Татищев 1964: 117). Согласно Софоновичу, «Василько и Володарь... казали высоко на деревьях повешати и стрелами насмерть постреляли» (Софонович 1992: 80). А.В. Майоров склонен доверять вариантам Татищева и Софоновича: смерть настигает виновных не от петли, а от стрел (подобное понимание было принято некоторыми исследователями: Писаренко 2003: 185, прим. 56; Паткин 2014: 99), причем виновные оказываются подвешенными за ноги. Исполнителями расправы были отроки, младшие дружинники Василька, о чем сообщают поздние летописи и на что намекает Лаврентьевская летопись (употреблена форма множественного числа – «Василовичи», а не двойственного, а у князя было двое сыновей). Переворачивание преступников, сопряженное с расстрелом их стрелами, есть уподобление их дьяволу и разоблачение в них дьявольского, бесовского. Расстрел стрелами – уничтожение нечистого, очищение от него (стрела – символ божественного грома), предваряемое предсмертными истязаниями, имитирующими загробные муки.

Таким образом, согласно А.В. Майорову, Василя и Лазаря сначала повесили за ноги и затем расстреляли стрелами. Подобное толкование выглядит довольно убедительно, если довериться сообщениям В.Н. Татищева и Ф. Софоновича. Но более вероятным представляется, что в данном случае мы сталкиваемся с переосмыслением не вполне понятной поздним авторам процедуры («повесиша и... растреляша»), а не с сохранившимися следами древних источников. В пользу этого говорят расхождения у обоих авторов: для одного очевидно было, что виновных повесили «высоко на деревьях», для второго более привычной была виселица – оба истолковали неясный текст по-своему. Кроме того, такая деталь, как подвешивание за ноги, также не может

быть принята безоговорочно: она содержится во второй редакции «Истории Российской», которую Татищев писал современным ему языком, стремясь сделать ее понятной для современников (в отличие от первой редакции на «древнем наречии»). При этом он раскрывал и по-своему истолковывал отдельные неясные места. Поэтому, склоняясь к тому, что причиной смерти явился именно расстрел, а не повешение, он истолковал «повесиша» как подвешивание за ноги, видимо, как наиболее подходящее для «злодеев». К тому же в первой редакции он оставил без изменений «повесиша... и растреляша стрелами» (Татищев 1968: 172), а в примечаниях ко второй редакции Татищев не указывает, что пользовался в данном случае какими-то особыми источниками, кроме Лаврентьевской летописи, как это он делает в ряде случаев.

Полагаем, что слова Лаврентьевской летописи следует понимать иначе, нежели предложил А.В. Майоров: расстрелу *уже мертвых* тел стрелами предшествовало повешение. Тогда мы сталкиваемся с одним из традиционных способов умерщвления при кровной мести – смертью через повешение (Чебаненко 2014), осложненным посмертным повреждением тел.

Как было сказано ранее, традиция повреждения тел вредоносных покойников была широко распространена у восточных славян в различных формах. Необходимо заметить, что обычай повреждения именно черепов мертвецов, особенно характерный для Волыни и Прикарпатья, был лишь *одним из вариантов* распространенной там практики борьбы с опасными покойниками. Также в этих целях использовались иные способы. В частности, повреждались и другие части тел мертвецов: пронзали различными острыми предметами грудь, пробивали сердце, пятки, режущим инструментом подрезали ноги и т. п. (Кузеля 1907: 117–119; Левкиевская 1995: 285–286; Левкиевская 2000: 219–220 227–228, 232; Седакова 2004: 61; Толстая 2006: 257–258; Гузій 2007: 108). Все это многообразие калечащих способов обезвреживания предоставляют прежде всего этнографические данные позднего происхождения.

Первый способ, в отличие от остальных, лучше фиксируется археологически, особенно при наличии самого предмета, которым совершалось пробивание черепа (гвоздь и т. п.). В других случаях археологически зафиксировать посмертные повреждения бывает довольно сложно. Во-первых, повреждения мягких тканей не всегда отражаются на костях скелета, во-вторых, если при этом кости посткраниального скелета оказываются задеты, то определить обстоятельства, при которых это случилось, и орудие, которое при этом использовалось (было это оружие или иные предметы) (Мазур

и др. 2010: 310), нередко бывает затруднительно. Наконец, далеко не все костные останки подвергались специальным исследованиям на этот счет.

Выявление подобных практик упрощается, когда в останках находят орудия, которыми могли быть совершены данные манипуляции. Выше уже приводился пример, который не мог избежать внимания специалистов, – киевское захоронение XI в., где был обнаружен метровый железный костыль, пробивший тело и загнутый под днищем гроба. Однако далеко не всегда находки определенных предметов позволяют предположить, что они могли использоваться для таких специфических целей. Так, в захоронениях часто находят гвозди, деревянные колышки; между тем гвозди и колышки использовались и для изготовления гробов (Мазур и др. 2010: 305), и как средство защиты от покойников – они вбивались в тело или в гроб (Кузеля 1907: 117; Седакова 2004: 96). К тому же нельзя забывать о том, что существовал обычай класть с покойником в могилу самые разнообразные вещи: оружие (в том числе стрелы), хозяйственные орудия, бытовые предметы, которые не всегда поддаются однозначной трактовке.

Таким образом, черепа, пробитые гвоздями, могут считаться лишь одним из свидетельств (археологических) существования в Средневековье в Южной Руси и Прикарпатье практики повреждения тел «нечистых» и опасных покойников. Следы других разновидностей подобных манипуляций с останками в археологическом материале выявить сложнее. В последнем случае на помощь могут прийти письменные данные.

Многочисленные свидетельства обезвреживания «нечистых» покойников приводятся в основном в связи с поминально-похоронной обрядностью, однако такие меры могут применяться и вне границ обряда. Главным содержанием этих действий является именно нейтрализация мертвеца или защита от него, и они могут рассматриваться в качестве *отдельного ритуала* (Седакова 2004: 51, 95; Толстая 2006: 237). Соблюдение всех похоронных обычаев важно для родных и близких покойника, для остальных главное – не допустить его превращения в ходячего, добиться окончательной смерти, изгнать из сферы жизни². Нечто подобное наблюдается и во владимирских событиях: князя Ростиславичи (или их отроки) убивают Василя и Лазаря, затем расстреливают их тела стрелами и, сочтя свою цель достигнутой, оставляют их в таком виде. Похоронами занимаются уже после их отъезда владимирцы (родственники убитых?).

Важно отметить, что в ритуальной практике меры в отношении опасных покойников применялись не только для *прекращения* хождения живых мертвецов, но и в превентивных целях, для *пре-*

дупреждения такой возможности (Толстая 2006: 237). Существовали такие категории покойников, которые после смерти обязательно становились опасными для живых. К «нечистым» покойникам относятся, в частности, умершие до срока, умершие насильственной смертью, а также самоубийцы-висельники. Причем одними из самых опасных во всех региональных традициях славян считаются именно висельники (Седакова 2004: 47–48). «Заложными» становятся и большие грешники, преступники. Особой злокозненностью отличаются те, кто еще при жизни продал душу злым силам (колдуны и ведьмы): как правило, после смерти они превращаются в упырей (Толстая 2006: 249–250).

Иногда, имея дело с заведомо «заложными», висельников и других «нечистых» калечили заблаговременно: еще на похоронах пробивали деревянным колом или острым железным предметом тело (вариант: забивали кол в могилу), вбивали гвозди в голову, пробивали шилом пятки, протыкали гвоздями язык, выкалывали глаза и т. п. (Кузеля 1907: 117–119; Толстая 2001: 166; Седакова 2004: 253, 256; Гузій 2007: 108). Приводятся даже примеры пронзания осиновым колом тел еще живых людей – по сути, ритуальных убийств по этим мотивам (Кузеля 1907: 113).

В нашем случае Василь и Лазарь окончили свою жизнь насильственно и до срока и, как мы полагаем, в петле, уже только поэтому они не могли стать «обычными» покойниками. Сам способ умерщвления – повешение (удушение) – восходит к ритуалам языческих жертвоприношений (Чебаненко 2014: 169–171)³. Кроме того, Василя и Лазаря можно воспринимать как преступников, грешников, подговоривших Давыда Игоревича на страшное зло. Также было высказано обоснованное мнение (Майоров 2001: 139–142), что Василем, Туряком и Лазарем при жизни овладела нечистая сила: им «влезе сотона въ сердце», почему они и стали «наговаривать» Давыда Игоревича против Василька (ПСРЛ 1: Стб. 257). Эти обстоятельства могли дать убийцам Василя и Лазаря основания полагать, что одного только умерщвления тела недостаточно, или что их жертвы могли продолжить посмертное существование, возможно, в качестве «нечистых» мертвецов, следовательно, необходимы дополнительные меры в их отношении.

С обрядами в отношении «нечистых» покойников события под Владимиром-Волынским сближает характер повреждений, нанесенных телам Василя и Лазаря: они были пронзены стрелами с металлическими, надо полагать, наконечниками. Это напоминает упомянутые выше обычаи вбивания / втыкания в тело «нечистых» мертвецов острых предметов из железа с целью защититься или избавиться от них. Острые и металлические предметы считались предпочтитель-

ными для этих целей, поскольку общеизвестно, что нечистая сила их боится – таковы верования, представленные у многих народов. Стрела, сочетая оба этих качества, также наделялась апотропической и отгонной функциями, свойствами защищать от нечистой силы и отгонять ее (Узнёва 2012). Так, согласно археологическим данным, стрелы в то время использовались в защитных целях и в похоронном обряде (Фетисов 2004: 93–97).

Затруднительно сказать, в какой степени в действиях князей Ростиславичей присутствовала собственно защитная мотивация. Судя по поздним этнографическим данным, упыри и другие категории «заложных» покойников после смерти были, как правило, связаны с местом смерти или захоронения (Зеленин 1995: 40 и др.; Седакова 2004: 75; Левкиевская 1995: 285), и опасаться их стоило не столько Ростиславичам, сколько жителям Владимира-Волынского⁴.

Повреждение тел «нечистых» мертвецов, кроме защитной функции, имело еще одно назначение – недопущение возможности их посмертного существования в мире живых, окончательное их уничтожение⁵ (Толстая 2001: 169; 2006: 237, Седакова 2004: 58). Повидимому, эта функция была первичной. Представляется, что именно это и было главной целью Ростиславичей.

Стрела в данном случае (как острое металлическое орудие) выступает не как защитное средство, а как наступательное – инструмент уничтожения злых сил. Добавим к этому, что она может символизировать божественную стрелу, символ грома и молнии (как предположил А.В. Майоров). В мифе о индоевропейском боге грозы, хорошо фиксируемом и в славянских материалах, врагом, против которого направлена его стрела, является Змей, позднее представленный в качестве демона, черта, нечистого духа (Иванов, Топоров 1974: 5–179). Между тем души «заложных» покойников рассматриваются также как представители нечистой силы (Зеленин 1995: 58–60 и др.), а множество персонажей нечистой силы возводят к душам умерших (Виноградова 2000). Одним из таких персонажей является Змей, который в славянских поверьях осознается то как покойник, то как нечистый дух (Виноградова 2000: 39).

Сложно с уверенностью определить, что именно стремились поразить стрелами Ростиславичи (или отроки Василька), направляя их в тела Василя и Лазаря, – сами тела, души покойных или злые силы, духов, овладевших теми. Совокупность данных о «нечистых» покойниках не позволяет выстроить единую и непротиворечивую картину представлений, которые могут объяснить все формы ритуалов, связанных с предупреждением хождения и защитой от «нечистых» покойников (Толстая 2006: 238). С одной стороны, порча тела покойника

может рассматриваться как «убийство тела умершего», уничтожение смертной части человека (Седакова 2004: 58), ведь одна из главных целей калечения – не дать хотя бы кому мертвецу приходить к живым. С другой стороны, выбор конкретных видов и объектов повреждений – отрубание головы, вбивание гвоздя в голову, пробитие колом груди, пронзание сердца и т. д. – в ряде случаев обусловлен тем, что там помещается душа⁶ (Седакова 2004: 61), которая и поражается острыми и железными предметами. Само поражение души железным (деревянным) орудием возможно еще и потому, что душа часто воспринимается как не вполне нематериальная субстанция, даже как телесный орган и как живое существо, она может испытывать потребности, ее можно ранить и т. п. (Толстая 2008: 382–384, 404).

Полагаем, что комплекс негативных представлений, связанных с висельниками, хорошо известный по поздним материалам, во многом был обусловлен тем, что их души оказывались неотделенными от тел. Кончина, как правило, представляется в виде отделения души от тела с последним вздохом (Байбурин 1993: 105; Седакова 2004: 61), она покидает тело главным образом через рот (Толстая 2008: 398–399). Считалось опасным, если душа задерживалась в теле – в таком случае покойник может стать вампиром, демоном (Толстая 2008: 400). Повешение (удушение) не позволяло душе покинуть мертвое тело⁷; по-видимому, оставался в запертом таким образом теле и злой дух, овладевший человеком. Поэтому стрелы, пронзившие тела Василя и Лазаря, поразили и заключенные в мертвых оболочках души «злodeев» и (или) овладевшие ими нечистые силы.

Мы не утверждаем, что в отношении расправы над Василем и Лазарем, равно как и в отношении «волынских черепов», может быть в полной мере применен комплекс представлений о «нечистых» покойниках, как он раскрывается в этнографических материалах XIX–XX вв., тем не менее наблюдается значительное сходство внешней стороны ритуала и его содержания. Общей является основная цель повреждения останков покойного посредством острых (железных) предметов – окончательное уничтожение или изгнание некой опасной силы, заключенной в мертвом теле: злой, грешной души и (или) демонов, нечистой силы.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Находки человеческих останков с посмертными повреждениями (пробитые гвоздями черепа) в некоторых местностях Южной Руси нужно связывать с ритуальной практикой славян, мерами защиты от ходячих покойников и упырей. Археологические материалы и историко-этнографические данные о «нечистых» покойниках показывают, что для этих целей в Южной Руси и Прикарпатье применялись раз-

личные способы посмертного повреждения тел. В этой связи можно провести определенные параллели между «калечением» черепов покойников и подробностями летописного известия о расправе над виновными в ослеплении Василька Теробовльського, тела которых были расстреляны стрелами.

Детали рассказа о расправе над Василем и Лазарем, как и находки пробитых гвоздями черепов и некоторые другие данные, являются свидетельством существования в Древней Руси практики посмертного повреждения тел покойников. Обе рассматриваемые в статье разновидности повреждений (пробитие черепа или пронзание тела) наносились с целями прекращения или недопущения посмертного существования «нечистых» покойников (их душ) в мире живых, их окончательного уничтожения, а также уничтожения или изгнания нечистых сил, овладевших ими при жизни или после смерти. Данное типологическое сходство между этими феноменами указывает на то, что эта ритуальная практика восточных славян имела широкое распространение в домонгольский период.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Как показали исследования одного из дошедших до настоящего времени черепов, повреждения ему были нанесены после смерти его обладателя (Мазур и др. 2010: 310–311).

2. Более того, «заложных» покойников не всегда хоронили, а позже для их захоронений выделяли особые места (Зеленин 1995: 40–41, 88–96 и след.). Они были либо вовсе лишены похоронного обряда, либо он проводился для них не так полно, как для «чистых» покойников (Седакова 2004: 75).

3. Особое отношение к самоубийцам-висельникам в контексте позднейших представлений о «заложных» покойниках связано, конечно, и с особым отношением церкви к самоубийцам вообще, хотя, несомненно, восходит к языческим воззрениям славян. Также на эти представления повлияли библейский рассказ о самоубийстве Иуды («И повергъ сребреники въ церкви, отъиде: и шедъ удавися») (Мф. 27:5)) и его переосмысление в народной среде, в которой обстоятельства смерти Иуды стали перекликаться со взглядами на «заложных» покойников (Белова 2000: 350–354).

4. Тем не менее в материалах о «нечистых» покойниках известен сюжет о том, что жертвы насильственной смерти являлись своим убийцам с целью мести (Виноградова 2000: 29–30).

5. Вот один очень характерный пример: П.Г. Богатырев приводит услышанный им в Закарпатье рассказ о покойнике-колдуне, которому,

выкопав из могилы, отрезали голову и положили между ног. Покойник стал кричать: «Зачем вы меня извели?» (Богатырев 1971: 272).

6. Вместилищем души могут быть все тело, сердце, желудок, горло, глотка, голова, глаза, кости, кровь, легкие, печень, мизинец. Кроме того, душа может перемещаться в теле (Толстая 2008: 392–395).

7. Или же повешение не позволяло душе своевременно покинуть тело обычным путем. «Прочие пути выхода из тела расцениваются как аномальные, присущие колдунам, ведьмам и другим лицам, знающим с нечистой силой» (Толстая 2008: 399). Впрочем, представления о душе у славян довольно разнообразны, что не позволяет составить некую четкую и единообразную картину, чтобы с уверенностью процитировать ее на древнейшие известия.

ЛИТЕРАТУРА

Байбурин 1993 - *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Белова 2000 - *Белова О.В.* Иуда Искариот: от евангельского образа к демонологическому персонажу // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М.: Индрик, 2000. С. 344–360.

Богатырев 1971 - *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. 515 с.

Виноградова 2000 - *Виноградова Л.Н.* Народные представления о происхождении нечистой силы: демонологизация умерших // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М.: Индрик, 2000. С. 25–51.

Грузнова 2013 - *Грузнова Е.Б.* На распутье Средневековья: языческие традиции в русском простонародном быту (конец XV–XVI в.). СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2013. 320 с.

Гузій 2007 - *Гузій Р.* З народної танатології: карпатознавчі розсліди. Львів: Інститут народознавства НАН України, 2007. 352 с.

Зеленин 1995 - *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.

Иванов, Топоров 1974 - *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. 342 с.

Каргалов 1967 - *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М.: Высш. шк., 1967. 263 с.

Карпов 2011 - *Карпов А.Ю.* Батый. М.: Молодая гвардия, 2011. 352 с.

Котляр 2005 - *Котляр Н.Ф.* Комментарий // Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование. СПб.: Алетейя, 2005. 422 с.

Кузеля 1907 - *Кузеля З.* Причинки до народніх вірувань з початком ХІХ ст. Упирі і розношене зарази // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Львів, 1907. Т. 80. С. 109–124.

Кучинко 2009 - *Кучинко М.М.* Історія населення Західної Волині, Холмщини та Підляшшя в Х–ХІV століттях. Луцьк: Волинська обласна друкарня, 2009. 528 с.

Левкиевская 1995 - *Левкиевская Е.Е.* Вампир // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 283–286.

Левкиевская 2000 - *Левкиевская Е.* Мифы русского народа. М.: Астрель, 2000. 528 с.

Мазур и др. 2010 - *Мазур О., Терський С., Подоляка Т.* Археологічні, краніологічні та етнографічні відомості про боротьбу з пирами за княжої доби // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2010. Вип. 3. С. 302–317.

Майоров 2001 - *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб.: Университетская книга, 2001. 640 с.

Майоров 2015 - *Майоров А.В.* Монгольское завоевание Волыни и Галичины: спорные и нерешенные вопросы // Русин. 2015. № 1 (39). С. 11–24.

Панова 2004 - *Панова Т.Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница, 2004. 183 с.

Пастернак 1961 - *Пастернак Я.* Археологія України: Первісна, давня та середня історія України за археологічними джерелами. Торонто: Наукове товариство ім. Шевченка 1961. 791 с.

Пауткин 2014 - *Пауткин А.А.* К проблеме стратификации летописной статьи 6605 года: культурно-исторический аспект // Россия XXI. 2014. № 6. С. 98–99.

Писаренко 2003 - *Писаренко Ю.* Слепление Василька Тербовольского (1097 г.). Мифологический подтекст // Соціум. Альманах соціальної історії. 2003. Вип. 19. С. 179–196.

ПСРЛ 1 - Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.

Седакова 2004 - *Седакова О.А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.

Софонович 1992 - *Софонович Ф.* Хроніка з літописців стародавніх. Київ: Наукова думка, 1992. 336 с.

Сусенков 2006 - *Сусенков Ю.И.* Русско-монгольская война 1237–1241 гг. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 110 с.

Татищев 1964 - *Татищев В.Н.* История Российская: в 7 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. Т. 2. 360 с.

Татищев 1968 - *Татищев В.Н.* История Российская: в 7 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1968. Т. 4. 555 с.

Толстая 2001 - *Толстая С.М.* Полесские поверья о ходячих покойниках // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М.: Индрик, 2001. С. 151–205.

Толстая 2006 - *Толстая С.М.* Мотив посмертного хождения в верованиях и ритуале // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. М.: Индрик, 2006. С. 236–267.

Толстая 2008 - *Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.

Узнёва 2012 - *Узнёва Е.С.* Стрела // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 181–182.

Фетисов 2004 - *Фетисов А.А.* Функции стрел в погребальном инвентаре «дружинных курганов» // Российская археология. 2004. № 3. С. 89–97.

Храпачевский 2004 - *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингисхана. М.: АСТ ЛЮКС, 2004. 557 с.

Храпачевский 2011 - *Храпачевский Р.П.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М.: Квадрига, 2011. 260 с.

Хрусталева 2008 - *Хрусталева Д.Г.* Русь: от нашествия до «ига» 30–40 гг. XIII в. СПб.: Евразия, 2008. 381 с.

Хрусталева 2013 - *Хрусталева Д.Г.* Русь и монгольское нашествие, 20–50-е гг. XIII в. СПб.: Евразия, 2013. 416 с.

Цинкаловський 1935 - *Цинкаловський О.* Княжий город Володимир. Львів: Накладом фонду «Учітеся, брати мої», 1935. 111 с.

Цинкаловський 1937 - *Цинкаловський О.* Матеріяли до археології Володимирського повіт // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Львів, 1937. Т. 154. С. 186–193.

Цинкаловський 1984 - *Цинкаловський О.* Стара Волинь і Волинське Полісся. Вінніпег: Published by Volyn Society, 1984. Т. I. 600 с.

Чебаненко 2014 - *Чебаненко С.Б.* Казнь князей Игоревичей в Галиче: правовой и ритуальный аспекты события // Русин. 2014. № 2 (36). С. 162–181.

REFERENCES

Bayburin, A.K. (1993) *Ritual v traditsionnoy kul'ture: Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavjanskikh obryadov* [The rite in the traditional culture: The structural-semantic analysis of the East Slavic rites]. St. Petersburg: Nauka.

Belova, O.V. (2000) Iuda Iskariot: ot evangel'skogo obraza k demonologicheskomu personazhu [Judah Iscariot: From the evangelistic character to the demonologic person]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Narodnaya demonologiya* [Slavic and Balkan folklore. Folk demonology]. Moscow: Indrik, pp. 344–360.

Bogatyrev, P.G. (1971) *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [The Folk Art Theory]. Moscow: Iskusstvo.

Vinogradova, L.N. (2000) Narodnye predstavleniya o proiskhozhdenii nechisty sily: Demonologizatsiya umershikh [Peoples' representations of evil spirit: demonology of dead]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Narodnaya demonologiya* [Slavic and Balcanic folklore. Folk demonology]. Moscow: Indrik. pp. 25–51.

Gruznova, E.B. (2013) *Na rasput'e Srednevekov'ya: yazycheskie traditsii v russkom prostonarodnom bytu (konets XV-XVI v.)* [At the crossroads of Middle Ages: Pagan traditions in Russian demotic life (the late 15th – 16th centuries)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Guziy, R. (2007) *Z narodnoi' tanatologii': karpatoznavchi rozslidy* [From folk thanatology: A Carpatian research]. Lviv: Institute of Ethnology of the Ukrainian National Academy of Sciences.

Zelenin, D.K. (1995) *Izbrannye trudy. Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoyu smert'yu i rusalki* [Essays on Russian mythology. Those who died an unnatural death and mermaids]. Vol. 1. Moscow: Indrik.

Ivanov, V.V. & Toporov, V.N. (1974) *Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey. Leksicheskie i frazeologicheskie voprosy rekonstruktsii tekstov* [A research of Slavic antiquities. Text reconstruction: Lexical and phraseological problems]. Moscow: Nauka.

Kargalov, V.V. (1967) *Vneshnepoliticheskie faktory razvitiya feodal'noy Rusi. Feodal'naya Rus' i kochevniki* [The foreign policy in the development of feudal Russia. Feudal Russia and nomads]. Moscow: Vysshaya shkola.

Karpov, A.Yu. (2011) *Baty* [Batu]. Moscow: Molodaya gvardiya.

Kotlyar, N.F. (2005) *Kommentariy* [Commentary]. In: Kotlyar, N.F. (ed.) *Galitsko-Volynskaya letopis': Tekst. Kommentariy. Issledovanie* [The Galician–Volhynian Chronicle. Text. Commentary. Research]. St. Petersburg: Aleteya.

Kuzelja, Z. (1907) *Prychynky do narodnih viruvan'z pochatkom XIX st. Upyri i roznoshenje zarazy* [Notes on the folk beliefs in the early 19th century. Ghouls and contagion]. *Zapysky Naukovogo Tovarystva im. Shevchenka*. 80. pp. 109–124.

Kuchinko, M.M. (2009) *Istoriya naseleण्या Zakhidnoi' Volini, Kholmshchini ta Pidlyashshya v X-XIV stolittiyakh* [The history of the population of Western Volhynia, Chełm Land and Podlasie in the 10th–14th centuries]. Lutsk: Volyn'ska oblasna drukarnja.

Levkievskaya, E.E. (1995) *Vampir* [Vampire]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities. The Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 283–286.

Levkievskaya, E. (2000) *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian People]. Moscow: Astrel'.

Mazur, O., Terskiy, S. & Podolyaka, T. (2010) *Arheologichni, kraniologichni ta etnografichni vidomosti pro borot'bu z pyrjamy za knjazhoi' doby* [Archaeological, craniological and ethnographical data on the fight against vampires in the

Middle Ages]. In: Dmitrovich, I.Ya. (ed.) *Knyazha doba: istoriya i kul'tura* [The Epoch of Princes: History and Culture]. Vol. 3. pp. 302–317.

Maierov, A.V. (2001) *Galitsko-Volynskaya Rus': Ocherki sotsial'no-politicheskikh otnosheniy v domongol'skiy period. Knyaz', boyare i gorodskaya obshchina* [Galician Volhynian Russia. Essays on social-political relations in the Premongolian period. Prince, boyars and city commune]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.

Maierov, A.V. (2015) The Mongol conquest of Volhynia and Galicia: Controversial and unresolved issues. *Rusin*. 1 (39). pp. 11–24. DOI: 10.17223/18572685/39/2

Panova, T.D. (2004) *Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyy obryad srednevekovoy Rusi XI-XVI vekov* [The Reign of Death. Medieval Russian obsequies in the 11th – 16th centuries]. Moscow: Radunitsa.

Pasternak, Ya. (1961) *Arkheologiya Ukraïni: Pervisna, davnya ta serednya istoriya Ukraïni za arkheologichnimi dzherelami* [The archaeology of Ukraine: Primeval, ancient and medieval history of Ukraine on archaeological sources]. Toronto: Naukove tovaristvo im. Shevchenka.

Pautkin, A.A. (2014) K probleme stratifikatsii letopisnoy stat'i 6605 goda: kul'turno-istoricheskii aspekt [On the stratification of the chronicle of 6605 year: A cultural and historical aspect]. *Rossiya XXI*. 6. pp. 98–99.

Pisarenko, Yu. (2003) Osleplenie Vasil'ka Terebovl'skogo (1097 g.) Mifologicheskii podtekst [The blinding of Vasilko of Terebovl (1097). The mythological subtext]. *Sotsium. Socium. Al'manah social'noi istorii*. 19. pp. 179–196.

Kloss, B. (ed.) (1997) *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Lavrent'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Laurentian Codex]. Vol.1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Sedakova, O.A. (2004) *Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan* [The poetics of rite. The obsequies of Eastern and Southern Slavs]. Moscow: Indrik.

Sofonovich, F. (1992) *Khronika z litopistsiv starodavnikh* [Chronicles from Old Annals]. Kiev: Naukova dumka.

Susentov, Yu.I. (2006) *Russko-mongol'skaya vojna 1237-1241 gg.* [The Russian-Mongolian War of 1237–1241]. Tomsk: Tomsk State University.

Tatishchev, V.N. (1964) *Istoriya Rossiyskaya. V 7 t.* [Russian History. In 7 vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.

Tatishchev, V.N. (1968) *Istoriya Rossiyskaya. V 7 t.* [Russian History. In 7 vols]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.

Tolstaya, S.M. (2001). Poleskie pover'ya o khodyachikh pokoynikakh [Beliefs about the walking dead in Polesie]. In: Plotnikova, A.A. et al. (eds) *Vostochno-slavyanskiy etnolingvisticheskiy sbornik. Issledovaniya i materialy* [The East Slavic ethnolinguistic collection. Research and materials]. Moscow: Indrik. pp. 151–205.

Tolstaya, S.M. (2006) Motiv posmertnogo khozhdeniya v verovaniyakh i rituale [The motive of after death walking in faiths and rite]. In: Tolstaya, S.M. (ed.)

Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Semantika i pragmatika teksta [Slavic and Balkan folklore. Semantics and pragmatics of the text]. Moscow: Indrik. pp 236–267.

Tolstaya, S.M. (2008) *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheshlavyanskoj perspective* [The space of the word. Lexical semantics in the Slavonic perspective]. Moscow: Indrik.

Uzneva, E.S. (2012) *Strela* [Arrow]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities. The Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 181–182.

Fetisov, A.A. (2004) *Funktsii strel v pogrebal'nom inventare "druzhinnykh kurganov"* [The functions of arrows in the funeral inventory of "druzhina mounds"]. *Rossiyskaya arkheologiya*. 3. pp. 89–97.

Khrapachevskiy, R.P. (2004) *Voennaya derzhava Chingis-khana* [The military power of Genghis Khan]. Moscow: AST LYuKS.

Khrapachevskiy, R.P. (2011) *Armiya mongolov perioda zavoevaniya Drevney Rusi* [The Mongol army during the conquest of Old Rus]. Moscow: Kvadriga.

Khrustalev, D.G. (2008) *Rus': ot nashestviya do "iga" 30-40 gg. XIII v.* [Rus: From invasion to "yoke" (the 1730–1740s)]. St. Petersburg: Evraziya.

Khrustalev, D.G. (2013) *Rus' i mongol'skoe nashestvie, 20-50-e gg. XIII v.* [Rus and the Mongolian invasion. The 1220–1250s]. St. Petersburg: Evraziya Publ.

Tsinkalovskiy, O. (1935) *Knyazhiy gorod Volodimir* [The princely city of Vladimir]. Lviv: Uchitesja, braty moi'.

Tsinkalovskiy, O. (1937) *Materiyali do arkheologii Volodimirs'kogo povit* [Materials on the archaeology of Vladimir district]. *Zapiski Naukovogo tovaristva im. Shevchenka*. 154. pp. 186–193.

Tsinkalovskiy, O. (1984) *Stara Volin' i Volins'ke Polissya* [The ancient Volhynia and Volhynian Polesye]. Vol. 1. Winnipeg: Volyn Society.

Chebanenko, S.B. (2014) The execution of the Igorevichi princes in Halych: Juridical and ritual aspects of the event. *Rusin*. 2 (36). pp. 162–181.

Чебаненко Сергей Борисович – кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Chebanenko Sergey - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

УДК 94(234.421+1-924.71)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/6

ОТ КРЫМА ДО КАРПАТ: ИНОСТРАННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ОПЕРАЦИЯМ АРМИИ БАТЯЯ В 1238–1241 гг. НА ЗАПАДЕ ПОЛОВЕЦКОЙ СТЕПИ*

Ф.Н. Веселов

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: veselovfedor@gmail.com

Авторское резюме

Рассматривается комплекс военных операций монгольской армии хана Батая в 1238–1241 гг. в западной части Половецкой степи и Прикарпатье, приведших к отступлению и миграции значительной части половцев в Крым и Венгрию. На основе анализа ряда восточных и латинских источников сделан вывод о том, что встреча венгерским королем Белой IV орды половецкого хана Котяна и его крещение произошли на территории Куманского епископата. Кроме того, названием и основным направлением деятельности епархии объясняется маневр отряда Бучека южного корпуса войск Батая, нанесшего удар по землям Южной Молдавии и Валахии, который нашел отражение не только в ряде документов XIII в., но и в легендарных историях об основании Молдавского государства XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Великий Западный поход, Половецкая степь, Южная Молдавия, Прикарпатье, Куманская епархия, Крым.

* Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ (проект № 5.38.265.2015).

FROM CRIMEA TO THE CARPATHIANS: FOREIGN SOURCES ON BATU'S MILITARY OPERATIONS IN 1238–1241 ON THE WEST OF THE CUMAN STEPPE*

F.N. Veselov

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: veselovfedor@gmail.com

Abstract

The article examines the complex of Batu Khan's military operations in 1238–1241 in the west of the Cuman Steppe and Subcarpathia that led to the retreat and migration of the Cumans to Crimea and Hungary. Having analysed a number of Eastern and Latin sources, the author concludes that the meeting of King Bela IV with the Horde of a Cuman Khan Köten took place on the territory of the Cuman episcopate, where Khan Köten adopted Christianity. The name and main activity of the eparchy explain the maneuver of Buczek's unit belonging to the Southern wing of the Batu's army that attacked South Moldavia and Walachia. This maneuver was described not only in a number of documents dated by the 13th century, but also in the legends about the foundation of the Moldavian state dated by the 16th–17th centuries.

Keywords: Mongol Invasion of Europe, Cuman Steppe, Southern Moldavia, Subcarpathia, Cuman eparchy, Crimea.

Нашествие Батыевых туменов, огнем и мечом разорявших северо-восточные русские княжества в 1237–1238 гг., нашло весьма подробное отражение в древнерусских летописях и послужило основой для ряда литературных произведений житийного и повествовательного жанров. Тем приметнее немногословность русских письменных источников о походе 1240 г. на земли южные: лишь молчаливые и страшные археологические находки погребенных под слоями пепла человеческих костей в городах, в которые уже никогда не вернулись жители, «имже несть числа» (ПСРЛ 2: Стб. 786) на пространстве от Киева до Галицкой земли (Каргалов 1966: 84–87; Храпачевский 2005: 380–381; Хрусталеv 2008: 186–188), свиде-

* The research is supported by St. Petersburg State University (Project Nr. 5.38.265.2015).

тельствуют об очередном этапе Великого Западного похода. Между уходом Батыя в «Полветскую степь» (ПСРЛ 1: 365) после разорения Козельска и первыми атаками на южные княжества в 1239 г. (нападения весной на Переяславль Русский и осенью на Чернигов) прошел год, согласно русским летописям, «тихий и мирный» (Татищев 1784: 2), однако полный трагических событий, произошедших в степях к югу от русского пограничья. Эти события имели серьезные последствия для дальнейшей участи Руси, Центральной и Юго-Восточной Европы.

Весной 1238 г. армии Батыя, уйдя в Половецкую степь, занялись обеспечением спокойного тыла, для того чтобы иметь возможность продолжить поход на запад. Необходимо было окончательно усмирить половцев, а также часть непокорных племен в предгорьях Северного Кавказа (Тизенгаузен 1941: 23; Рашид-ад-Дин 1952: 39; Храпачевский 2005: 491). Против причерноморских кочевников выступили тумены Шейбана, Бучука и Бури (Рашид-ад-Дин 1952: 39). Потерпев поражения в степи, половцы были к концу 1239 г. оттеснены в Крым. Рашид-ад-Дин весьма кратко сообщает о том, что татарские войска выступили в поход в 635 г. х. (1237/1238 г.) «на страну Мерим, из племени Чинчакан и взяли Таткару» (Тизенгаузен 1941: 37). Не вдаваясь в подробности интерпретации данного сообщения публиковавшими его учеными, укажем, что речь в данном отрывке идет о военной операции в причерноморских степях и Крыму (Геккеньян 2009: 157; Пилипчук 2011: 187–189), в ходе которой в декабре 1239 г. пал Судак (Храпачевский 2005: 386). О завоевании Крыма после покорения причерноморских степей кипчаков сообщают и иные источники. Так, Гетум из Корикоса пишет, что, после того как Батый прогнал команов из области Комания, он вступил в область Русия, покорил ее и завоевал область Газарии, т. е. Крым (Пилипчук 2011: 187, 199). Активность половцев на этом полуострове прослеживается еще с последних десятилетий XI в. Главным их городом, согласно Ибн-аль-Асиру, был Судак (Крамаровский 2009: 437). О контроле половцами крымских городов свидетельствуют и данные о морской экспедиции к Судаку войска султана Ала-ад-дин-Кейкобада в 1221–1222 гг. (Якубовский 1927: 53–76; Peacock 2006: 136).

По сообщению Гильома де Рубрука, куманы, обитавшие в степях Северного Крыма, облагали данью крепости и города на побережье от Керсона до Судака (Рубрук 1957: 90). Указанная выше экспедиция трех монгольских военачальников в Дешт-и-Кыпчак оттеснила орды половцев к морскому побережью. Говоря об огромном количестве беженцев и вызванном перенаселением этих территорий голоде, Рубрук свидетельствует, что спасавшихся от монгольской угрозы команов было столь много, «что они пожирали друг друга взаимно,

живые мертвых, как мне рассказал видевший это купец; живые пожирали и раздирали зубами сырое мясо умерших, как собаки трупы» (Рубрук 1957: 90).

Дальнейшая судьба несчастных может быть реконструирована по отрывочным сообщениям латинских хроник XIII в. Так, монах Альберик из монастыря Трех Источников сообщает в своей хронике в статье за 1239 г., что венгерский король направил против татар «...комеса Трансильвании, который в одном узком проходе Меотийских болот так сокрушил их [татар] правое крыло, что остальные повернули назад...» (Хаутала 2015: 411). Термин «Меотийские болота» в сочинениях средневековых авторов имеет двоякую трактовку: Жак де Витри помещает их между Азовским морем и Дунаем (Хаутала 2015: 57), упомянутый Рубрук – северо-восточнее, к берегу Северного океана, откуда, согласно его гипотезе, берет истоки Дон (Танаис) (Рубрук 1957: 109). Сам Альберик никак не уточняет местонахождение Меотиды. Однако, с нашей точки зрения, вполне объективно суждение переводившего и комментировавшего указанный текст Р. Хаутала о том, что речь идет о местности рядом с крымским Перекопом (Хаутала 2015: 411), возможно, как раз тем «узким проходом», о котором говорится в статье. Сообщение Альберика позволяет подойти к дешифровке путанного свидетельства другого средневекового хрониста – Матвея Парижского, который сообщает о победе над «тартарами» объединенных сил христианских и сарацинских царей, заключивших между собой союз, но не называет места битвы и ее участников. Насколько это сражение было победоносным для союзников, не ясно: арабские источники ничего подобного не сообщают, более того, Рашид-ад-Дин после сообщения о походе в Крым говорит о взятии в плен ханом Берке троих половецких военачальников.

Далее Матвей Парижский пишет, что короли Венгрии и Дакии (Болгарии) направили христианских поселенцев, чтобы заселить пределы, превращенные тартарами в пустыню, и «из одной только Дакии отправилось более сорока кораблей» (Хаутала 2015: 413). Однако вполне возможно, что заселению обезлюдившего Крыма предшествовала волна эмиграции спасавшихся беженцев, буквально «скинутых» в Черное море, если поверить хотя бы в половину свидетельства Рубрука об их небывалом числе. Тем более что подобная миграция повторилась, согласно сведениям Ибн Тагриберди, чуть позднее – в 640 г. х. (1242–1243 гг.). От известия о нападении татар кипчаки были вынуждены снова бежать через Судакское море в Болгарию к Унус-хану (по всей видимости, царю из династии Асеней) (Пилипчук 2011: 198; Досаев 2012: 230). Так или иначе, свидетельства и Ибн Тагриберди, и Матвея Парижского говорят о существовании

морского пути между Крымом и Вторым Болгарским царством, который вполне мог быть использован отрезанными на полуострове беженцами (Хаутала 2015: 412).

Это, впрочем, было не единственное направление отступления половецких орд на запад. Экспедиция венгерского отряда в Северное Причерноморье, о которой говорят упомянутые выше европейские хронисты, могла быть связана со сближением короля Белы IV и половецкого хана Котьяна и переселением последнего и его подданных на территории королевства вследствие все того же комплекса военных операций монголов 1238–1240 гг. (согласно большинству гипотез, переселение Котьяна произошло в 1239 г. (Пилипчук 2011: 193)). Магистр Рогерий в своей «Горестной песне о разорении Венгерского королевства татарами» пишет, что «Котьян, царь куманов, назначил к названному королю [Беле IV] торжественных послов, утверждая, что он сражался с тартарами в течение многих лет и два раза одерживал победы над ними; в третий же раз они внезапно вторглись в его землю, когда он был неподготовлен и не был в состоянии собрать войско, и он должен был бежать от нечестивых тартар. И так они, убив его людей, разрушили основную часть его земли. Вследствие этого, если король хотел бы его принять, сохранив за ним свободу, он вместе со своими был бы готов ему подчиниться, войти в Венгрию со всеми своими кровными родственниками и братьями, друзьями, скарбом и движимым имуществом и последовать примеру короля в католической вере» (Хаутала 2015: 431). Эпизод с желанием языческого хана креститься, на наш взгляд, довольно значим: не все половецкие князья, служившие со своим войском западным владыкам, обращались в христианство. Так, князь («rex» у Альберика из монастыря Трех Источников) Иона (Jonah), служивший Латинской империи и умерший в 1241 г., был похоронен за стенами Константинополя весьма пышно, но по языческим обычаям (Vasary 2005: 66).

Далее Рогерий указывает на то, что король лично встретил Котьяна на границах своей земли, участвовал в его крещении и расселил половцев в некоторых областях своего королевства. Опираясь на ряд других источников, мы находим описание сходного эпизода, хотя и произошедшего несколько раньше. Так, согласно хроникам Альберика из монастыря Трех Источников (Хаутала 2015: 282–283), Хронике Эмо, посланию папы Григория IX принцу Беле (Хаутала 2015: 290–291) Роберт, архиепископ Эстергомский, отправляясь на встречу с пожелавшим креститься вождем куманов, в сопровождении будущего короля Белы IV встречал предводителя (*Бортца* или *Брута*) и его подданных на границах Трансильвании, в земле куманов. При этом, еще будучи герцогом, Бела имел непосредственное отношение к материальной

и военной поддержке земель, вошедших в Куманскую епархию (хотя, очевидно, преследуя отличные от ее доминиканского главы цели)¹, в которой деятельность апостолатов особо активизировалась накануне Батыева нашествия в 1237–1238 гг. (Хаутала 2015: 43–44). Поэтому кажется логичным предположить, что встреча Белой IV спасавшегося со своим народом и стремившегося креститься хана Котьяна произошла на той же территории, что и Бортца за двенадцать лет до этого.

Куманский епископат – это вассальное государственное образование (Хаутала 2015: 299–301) на границах Венгерского королевства. Данные о положении и населении этой территории можно почерпнуть из ряда папских посланий, отправленных в 1220–1230-е гг. архиепископу Эстергомскому, который был назначен Гонорием III папским легатом Кумании и Земли бродников. Уже в первом послании от 31 июля 1227 г. указывается на проповедническую деятельность на этих территориях (Spinei 2009: 153). *Кумания* в данном контексте относится не ко всему Половецкому полю, а к территориям западных прикарпатских кочевий подунайских куманов и, возможно, полукочевых народов, постоянно обитавших в Северо-Восточной Валахии и Южной Молдавии. *Земля бродников* также локализуется в Южной Молдавии: в начале 1220-х она служила границей сферы влияния Тевтонского ордена, приглашенного королем Андреем II в землю Бырса для охраны границ королевства, но распространившего свои владения и за «снежные горы» (Spinei 2009: 146). Дата следующего послания, в котором содержится указание на то, что апостольским легатом **уже** поставлен епископ в краях куманов, точно определяет верхнюю границу образования епархии – март 1228 г. (Хаутала 2015: 285–290). Послание куманского епископа Теодорика того же года дает указание на ряд народов, подчинявшихся юрисдикции вновь образованной епископии: сюда входили не только половцы, но и валахи, и секеи (Хаутала 2015: 296–297). При этом последние исповедовали христианство греческого образца и имели «епископов-схизматиков», как явствует из послания 1234 г. папы Григория IX соправителю Венгрии Беле (Хаутала 2015: 334–337). Объяснить «схизму» населения территорий новообразованной католической епархии, с одной стороны, можно параллельным влиянием Второго Болгарского царства: бродники, как и половцы, входили в орбиту интересов царей династии Асеня. Бродники упоминаются в связи с борьбой Ивана II Асеня за болгарский трон в начале XIII в., да и подунайские половцы активно привлекались болгарским правителем в военных целях: И. Вашари указывает на их важную (если не решающую) роль в победоносном сражении Асеня против эфирского деспота 9 марта 1230 г. (Vasary 2005: 63). Кроме того, получив в правление первых Асений автоке-

фалию, Болгарская церковь вполне могла активизировать прозелитическую деятельность. С другой стороны, находки энколпионов не только болгарского, но и русского происхождения X–XIII вв. говорят о православном влиянии Киевского и Галицко-Волынского княжеств (Spinei 2009: 142–143, 272).

Итак, как было упомянуто выше, король предоставил кочевникам земли для расселения в разных областях своего королевства: «...тогда вельможи, бароны, комиты и все команы были созваны возле монастыря де Кё возле [реки] Тисы, и после основательного обсуждения на общем совете было решено, что предводители команов со своими близкими будут по отдельности отправлены в различные области Венгрии и в назначенной им области получают любую землю» (Досаев 2012: 22). С.А. Плетнева (Плетнева 1990: 179) полагает, что часть из них была направлена и на восточную окраину государства, где к тому времени уже полтора десятилетия римские миссионеры усердствовали в создании мультиэтнической общности на основе христианской религии, включавшей половцев, валахов, венгров и секеев (Хаутала 2015: 296). Однако сведения, приводимые П.В. Голубовским (Голубовский 1889: 6–8), указывают на внутренние области королевства – прежде всего на междуречье Тисы и Дуная. Так или иначе, появление половцев было крайне важно для венгерского короля, который к 1239 г. имел неоспоримые сведения о начавшемся Великом Западном походе монголов (хотя бы из отчетов венгерских братьев-проповедников (Аннинский 1940: 88–90); о том же свидетельствует и Фома Сплитский: «На пятый год царствования Белы, сына короля Венгрии Андрея, губительный народ татар приблизился к землям Венгрии. А ведь тому уже было много лет, как слух об этом народе и ужас перед ним распространились по всему свету» (Сплитский Фома 1997: 104)) и в союзе с Котяном мог надеяться на военную помощь в защите королевства, тем более что хан бежал к Беле с довольно большим войском (Пилипчук 2011: 194; Vasary 2005: 65).

Опасения короля были не напрасны. Разорив земли Южной Руси – взяв Киев, «многое множество бесчисленное русских городов», включая Берестье, Владимир-Волынский, Галич (Майоров 2015: 11–24; 2016: 473–499), армия Батыя разделилась на границах *Рутении* и Венгрии на несколько крупных отрядов (несмотря на то что Рашид-ад-Дин описывает действия четырех, он, подытоживая, называет пять (Тизенгаузен 1941: 38); Фома Сплитский подразумевает два отряда – Батыя и Кадана (Сплитский Фома 1997: 106), Рогерий так же, как и Рашид-ад-Дин, называет четыре (Досаев 2012: 29–31)). Правое крыло этого войска выдвинулось в Польшу, между тем как остальные в нескольких местах вторглись на территорию Венгерского королевства.

Рашид-ад-Дин повествует, что «Кадан и Бури выступили против народа сасан и после трехкратного сражения победили этот народ. Бучек, через Караулаг пройдя тамошние горы, разбил те племена [Кара] улага. Оттуда через лес и гору Баякбук вступил в пределы Мишлява и разбил врагов, которые там стояли, готовые встретить его» (Рашид-ад-Дин 1952: 45). Под «народом сасан» должны подразумеваться сасы (как их называли венгры), или саксонцы – население горной страны, в которой был расположен город Рудана, где, по свидетельству Рогерия, добывалось серебро (Досаев 2012: 30). Между тем дарственные грамоты короля Андрея II, пригласившего рыцарей Тевтонского ордена для охраны рубежей королевства в землю Бырса, давали право на добычу серебра и оставление себе части доходов от той, что должна была принадлежать королевскому казначейству (Хаутала 2015: 192–203). Вполне возможно, что упоминаемая Рудана (нынешняя Родна) в определенный момент принадлежала тевтонским крестоносцам, что, несомненно, могло отразиться на качестве укреплений: окруженная стенами и рвом, она оказала серьезное сопротивление отряду Кадана, однако удалось взять и ее (Досаев 2012: 30). Затем Кадан отправился на соединение с армией Батыя и вместе с ним участвовал в трагическом для венгерской армии сражении при Шайо. Второй отряд – Бучека – двинулся вдоль восточных предгорий Карпат к территории Южной Молдавии, а оттуда в Валахию. Это вполне согласуется с указанием Рогерия о том, что действовавший южнее всех отряд монгольского войска, «...перейдя... реку, которая называется Зерех, пришел в землю епископа команов и, когда были разбиты собравшиеся для сражения люди, принялся ту землю приводить в полную покорность» (Досаев 2012: 31). «Земля епископа команов» – это Куманская епархия, река Зерех – это Сирет, приток Дуная, служивший восточной границей земель епархии (Пилипчук 2011: 19; Spinei 2009: 154). Указание же Рашид-ад-Дина на то, что Бучек разбил валахов (без упоминания половцев), не противоречит рассмотренным выше сведениям о населении этой земли. Очевидно, действия этого же отряда монголов нашли отражение и в легендарных рассказах об образовании Молдавского государства, дошедших в составе ряда сборников исторического содержания XVI–XVII вв., где география похода на Венгрию татар ограничивается на востоке рекой Молдова, впадающей в Сирет (Майоров 2013: 13; Майоров 2014: 82–105).

В качестве одного из предположений, касающихся разделения армии Батыя на несколько отрядов, действовавших с разных направлений, высказывалась идея о грандиозной «облаве» в Восточной Венгрии (Геккеньян 2009: 163–164), тактике покорения земель, опробованной монголами в Азии и на Руси. Однако если действия

основных сил Батыя логически объяснимы (сам он пошел наикратчайшим путем, сметя оборону на Русском проходе, корпус Кадана направился к серебряным рудникам Ойтоцкого прохода), то действия отряда Бучека, отправленного в далекий обход до южных отрогов Карпат, т. е. вдоль восточных границ королевства, кажутся несостоятельными. Тем более что настоящая «облава» началась только после того, как объединенными силами корпусов Батыя и Кадана под Шайо была уничтожена основная боевая сила королевства – армия Белы IV и Коломана (Храпачевский 2005: 393). С нашей же точки зрения, марш южного корпуса монгольской армии можно объяснить необходимостью уничтожить остатки эмигрировавшего племени Котьяна и венгерских куманов. Покорив Половецкую степь, монголы могли рассчитывать на их вассальную зависимость, Котьян же вместе с сохранившим боеспособность войском подчинился королю Венгрии, что могло послужить одной из причин монгольской агрессии против последней (Vasary 2009: 70). При этом не столько важно действительное население земель, находившихся под юрисдикцией Куманской епархии (относительно проживания на ее территории половцев высказывались определенные сомнения (Spinei 2009: 155–156)), сколько ее претенциозное название и сам смысл ее существования, направленный на приведение кочевников к римскому престолу и в зависимость от венгерского государя.

Доминиканец Юлиан, путешествовавший с заданием орденов братьев дальше на восток в поисках прародины венгров, возвращаясь со сведениями о начавшемся Великом Западном походе, передавал красноречивые строки письма Батыя, направленного королю Венгрии: «Узнал я сверх того, что рабов моих куманов ты держишь под своим покровительством; почему приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против тебя» (Аннинский 1940: 88–89). Кроме того, развивая наступление, удар южного крыла армии Батыя после покорения закарпатских земель пришелся по банату Северин (Vasary 2009: 71), где исторически располагались земли, в которых были расселены половцы. Именно в связи с присоединением территорий Северо-Западной Валахии и созданием этого баната король Венгрии стал именоваться государем куманов (Spinei 2009: 158). Наконец, маршем через междуречье Тисы и Дуная, где должны были быть расселены половцы Котьяна, отряд Бучека присоединился к уже подступившим к Эстергому основным силам Батыя. Стоит напомнить, что именно соединения Бучека за два года до этого сражались с Котьяном в Северном Причерноморье.

Сам же Котьян и ряд его приближенных были убиты в Пеште, а пришедшие с ним половцы, отомстив венграм, огнем и мечом пройдя

по придунайским землям, ушли на территорию Болгарского царства (Досаев 2012: 34–35). Только спустя несколько лет после монгольского нашествия куманам было разрешено вернуться на территорию королевства, где на столетие они стали серьезной составляющей Арпадской, а впоследствии Анжуйских армий (Spinei 2009: 169).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Так, согласно посланию папы Григория IX, он обещал возвести кафедральный собор епархии (Хаутала 2015: 40–41, 45).

ЛИТЕРАТУРА

Аннинский 1940 - *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров о татарах и Восточной Европе. Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. III.

Геккеньян 2009 - *Геккеньян Х.* Поход на Запад и завоевание Восточной Европы // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III: Улус Джучи (Золотая орда) XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 161–165.

Голубовский 1889 - *Голубовский П.* Половцы в Венгрии. Исторический очерк. Киев, 1889. 28 с.

Досаев 2012 - *Досаев А.С.* Магистр Рогерий «Горестная песнь о разорении венгерского королевства татарами». СПб., 2012. 304 с.

Каргалов 1966 - *Каргалов В.В.* Монголо-татарское нашествие на Русь. М., 1966. 136 с.

Крамаровский 2009 - *Крамаровский М.* Крым в системе административного устройства Золотой Орды // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая орда) XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 436–448.

Майоров 2013 - *Майоров А.В.* Последний рубеж западного похода Батыя и Карпато-Дунайские земли // Русин. 2013. № 2 (32). С. 6–18.

Майоров 2014 - *Майоров А.В.* Образование Молдавского государства // Вопросы истории. 2014. № 4. С. 82–105.

Майоров 2015 - *Майоров А.В.* Монгольское завоевание Волыни и Галичины: спорные и нерешенные вопросы // Русин. 2015. № 1 (39). С. 11–24.

Майоров 2016 - *Mayorov A.V.* The Mongol Invasion of South Rus' in 1239–1240s: Controversial and Unresolved Questions // The Journal of Slavic Military Studies. 2016. Vol. 29, № 3. P. 473–499.

Пилипчук 2011 - *Пилипчук Я.В.* Завоевание монголами восточноевропейских степей (1237–1242 гг.) // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. 2011. С. 187–206.

Плетнева 1990 - *Плетнева С.А.* Половцы. М., 1990. С. 179.

ПСРЛ 1 - Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Л., 1926. 600 с.

ПСРЛ 2 - Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.

Рашид-ад-Дин 1952 - *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. с перс. Л.А. Хетагурова. М.; Л., 1952. Т. 1, кн. 1. 316 с.

Рубрук 1957 - *Гильом де Рубрук*. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука (ред., вступ. ст., прим. Н.П. Шастиной). М., 1957. С. 87–194.

Сплитский Фома 1997 - *Сплитский Фома*. История архидьяконов Салоны и Сплита / Пер. О.А. Акимовой. М., 1997. 320 с.

Татищев 1784 - *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. СПб., 1784. Кн. 4. 595 с.

Тизенгаузен 1941 - *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. 308 с.

Хаутала 2015 - *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань, 2015. 496 с.

Храпачевский 2005 - *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингисхана. М., 2005. 557 с.

Хрусталеv 2008 - *Хрусталеv Д.Г.* Русь от нашествия до ига. СПб., 2008. 384 с.

Якубовский 1927 - *Якубовский А.* Рассказ Ибн-аль-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // Византийский временник. М., 1927. Т. 25. С. 53–76.

Peacock 2006 - *Peacock A.C.S.* The Saldjuq campaign against the Crimea and the expansionist policy of the Early reign of 'Ala' al-Din Kayqubad // Journal of Royal Asiatic Society. 2006. № 16 (2). P. 133–149.

Spinei 2009 - *Spinei V.* The Romanians and the Turkic Nomads North of the Dunabe Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century. Leiden; Boston, 2009. 545 p.

Vasary 2005 - *Vasary I.* Cumans and Tatars Oriental military in the Pre-Ottoman Balkans 1185–1365. Cambridge, 2005. 230 p.

Vasary 2009 - *Vasary I.* The Jochid realm: the western steppe and Eastern Europe. In: The Cambridge History of Inner Asia. Vol. II: The Chinggisid Age / Ed. by Peter B. Golden – Nicola di Cosmo – Allen Frank. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 67–85.

REFERENCES

Anninskiy, S.A. (1940) Izvestiya vengerskikh missionerov o tatarakh i Vostochnoy Evrope [News of Hungarian missionaries about the Tatars and Eastern Europe]. *Istoricheskiy arkhiv*. 3.

Gekkenyan, H. (2009) Pokhod na Zapad i zavoevanie Vostochnoy Evropy [The Western campaign and conquest of Eastern Europe]. In: Usmanov, M. & Khakimov, R. (eds) *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh* [History of the Tatars from ancient times in seven volumes]. Vol. 3. Kazan: Academy of Sciences, Republic of Tatarstan.

Golubovskiy, P. (1889) *Polovtsy v Vengrii. Istoricheskiy ocherk* [The Cumans in Hungary. A historical essay]. Kiev: St. Vladimir Imperial University.

Magister Rogerius (2012) “*Gorestnaya pesn’ o razorenii vengerskogo korolevstva tatarami*” [“A sad song for the destruction of the Kingdom of Hungary by the Tartars”]. Translated from Latin by A.S. Dosaev. St. Petersburg: Dmitry Bulanin.

Kargalov, V.V. (1966) *Mongolo-tatarskoe nashestvie na Rus’* [The Mongolian-Tatar invasion on Rus]. Moscow: Librokombiz.

Kramarovskiy, M. (2009) Krym v sisteme administrativnogo ustroystva Zolotoy Ordy [Crimea in the system of the territorial organization of the Golden Horde]. In: Usmanov, M. & Khakimov, R. (eds) *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh* [History of the Tatars from ancient times in seven volumes]. Vol. 3. Kazan: Academy of Sciences, Republic of Tatarstan.

Maiorov, A.V. (2013) The last frontier of Batu’s Western campaign and Carpathian-Dunabe lands. *Rusin*. 2 (32). pp. 6–18.

Maiorov, A.V. (2014) *Obrazovanie Moldavskogo gosudarstva* [The formation of the Moldavian state]. *Voprosy Istorii*. 4.

Maiorov, A.V. (2015) The Mongolian invasion of Volhinia and Galicia: Controversial and unresolved issues. *Rusin*. 1 (39). DOI: 10.17223/18572685/39/2

Maiorov, A.V. (2016) The Mongol Invasion of South Rus in 1239–1240s: Controversial and Unresolved Questions. *The Journal of Slavic Military Studies*. 29(3). pp. 473–499. DOI: 10.1080/13518046.2016.1200395

Pilipchuk, Ya.V. (2011) Zavoevanie mongolami vostochnoevropeyskikh stepey (1237–1242 gg.) [Mongolian conquest of East European steppes in the 1230–1240s]. In: Mirgaleev, I.M. (ed.) *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [The Golden Horde Civilisation]. Iss. 4.

Pletneva, S.A. (1990) *Polovtsy* [Cumans]. Moscow: Nauka.

Karskiy, I.F. (ed.) (1926) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. Leningrad: USSR Academy of Sciences.

Kloss, B.M. (1998) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul’tury.

Rashid-ad-Din (1952) *Sbornik letopisey* [Collection of Chronicles]. Translated from Persian by L.A. Khetagurov. Vol. 1(1). Moscow; Leningrad: USSR AS.

Rubrouck, de G. (1957) Puteshestvie v vostochnye strany [Journey to the Eastern countries]. In: Carpine, da Pian del G. & Rubrouck, de G. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Journey to the East by Plano Carpinus and G. Rubrouck]. Translated by N.P. Shastina. Moscow: Gos. izd-vo geogr. lit-ry.

Thomas the Archdeacon. (1997) *Istoriya arkhiepiskopov Salony i Splita* [History

of the archbishops of Salona and Split]. Translated by O.A. Akimova. Moscow: Indrik.

Tatishchev, V.N. (1784) *Istoriya Rossiyskaya s samykh drevneyshikh vremen* [History of Russia from the oldest times]. Book 4. St. Petersburg: [s.n.].

Tizengauzen, V.G. (1941) *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collection of materials dedicated to the history of the Golden Horde]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

Hautala, R. (2015) *Ot "Davida, tsarya Indiy" do "nenavistnogo plebsa satany". Antologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From "David, the king of India" to "the hateful plebs of Satan". An anthology of the early Latin information about the Mongols]. Kazan: Academy of Sciences, Republic of Tatarstan.

Khrapachevskiy, R.P. (2005) *Voennaya derzhava Chingiskhana* [The Military state of Genghis Khan]. Moscow: AST, Lyuks.

Khrustalev, D.G. (2009) *Rus' ot nashestviya do iga* [Rus from the invasion to the Yoke]. St. Petersburg: Evraziya.

Yakubovskiy, A. (1927) *Rasskaz Ibn-al-Bibi o pokhode maloaziyskikh turok na Sudak, polovtsev i russkikh v nachale XIII v.* [A Tale of Ibn-al-Bibi about the campaign of Asia Minor Turks against Sudak, Cumans and Russians in the early 13th century]. *Vizantiyskiy vremennik*. 25. pp. 53–76.

Peacock, A.C.S. (2006) The Saldjuq campaign against the Crimea and the expansionist policy of the Early reign of 'Ala' al-Din Kayqubad. *Journal of Royal Asiatic Society*. 16 (2).

Spinei, V. (2009) *The Romanians and the Turkic Nomads North of the Dunabe Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century*. Leiden – Boston: Brill. DOI: 10.1163/ej.9789004175365.i-482

Vasary, I. (2005) *Cumans and Tatars Oriental military in the Pre-Ottoman Balkans 1185–1365*. Cambridge: Cambridge University Press.

Vasary, I. (2009) The Jochid realm: the western steppe and Eastern Europe. In: Golden, P., Cosmo, di N. & Frank, A. (eds) *The Cambridge History of Inner Asia*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press.

Веселов Федор Никитович – старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Veselov Fedor - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: veselovfedor@gmail.com

УДК 94(478)"14/17"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/7

ЭТНОНИМ РУС В АНТРОПОНИМИКЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОЛДАВИИ*

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Авторское резюме

В Молдавском княжестве русины составляли значительную часть населения. Это нашло отражение в молдавской средневековой дипломатике. В актах господарской канцелярии указано большое количество имен и прозвищ, имевших восточнославянское происхождение. Большое распространение получили антропониимы с корнем *рус*; указывавшие на этническое происхождение их носителей.

Носители имен и прозвищ с корнем *рус*-упоминаются в документах на протяжении всей истории Молдавского княжества. Эти люди были представлены во всех слоях страны. В настоящее время фамилия Русу (от *Rus* – русский) является самой распространенной фамилией в Республике Молдова, которая представляет собой часть территории Молдавского средневекового княжества. Ее, по данным на начало 2011 г., носят 23 028 чел.

Ключевые слова: русины, русские, антропониимы, средневековые акты, Молдавия, Галицкая Русь.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований исследований: грант № 17-01-00089 «Русины Карпато-Днепровских земель с XIV в. до 1918 г.».

THE ETHNONYM *RUS* IN THE ANTHROPONYMICS OF MEDIEVAL MOLDAVIA*

S.G. Sulyak

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

The Rusins made up a significant part of the population in the Moldavian principality, which was reflected in the Moldavian medieval diplomacy. The acts of the Gospodar Chancellery contain a large number of names and nicknames of the East Slavic origin. The widely spread anthroponyms with the root *rus-* give evidence of the ethnic origin of their bearers.

The bearers of names and nicknames with the root *rus-* can be met in the documents throughout the whole history of the Moldavian principality. These people were represented in all social classes. Nowadays the surname Rusu (from *Rus* – Russian) is the most common in the Republic of Moldova, which is part of the former Moldavian medieval principality. By the beginning of 2011, there were 23 028 people with this surname there.

Keywords: Rusins, Rusyns, Russian, anthroponyms, medieval acts, Moldavia, Galician Rus.

Русины в Молдавском средневековом княжестве составляли значительную часть населения. В середине XIV в., как в свое время подсчитал Л.Л. Полевой, используя данные сельской ойконимики, их было 39,5 %. Восточных романцев в то время насчитывалось 48,7 %, южных славян – 3,3 %, представителей прочих народов (цыган, татар, венгров, сасов, греков и т. д.) – 8,5 % (Полевой 1979: 113).

Присутствие в Придунайских княжествах многочисленного славянского населения выразилось в ономастике. До XIV в. восточные романцы называли славян, а также болгар *шкей* (*ŝchei*). Это нашло отражение в личных именах и фамилиях: *ŝcheau* (*Шкяу*), *ŝchiaua* (*Шкяуа*), *Schiaul* (*Скяул*), *Scheia* (*Скея*) и др. Этноним *slav* (славянин, славянский), как считал Н. Константинеску, в качестве антропонима

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Grant Nr. 17-01-00089 “Rusyns of the Carpatho-Dniestrian Lands (from XIVth cent. through to 1918)”.

распространение не получил. Такие имена и фамилии, как *Slav* и *Slava* (Слав и Слава), *Slavna u Slamna* (Славна и Сламна), *Slăvitescu* (Слэвитеску), скорее всего произошли от слов *slavă* (слава), *a slăvi* (славить, прославлять).

Распространение получил также этноним *sîrbu* (от сьрб, серб). В качестве мужского имени *Sîrbu* (Сьрбу) он встречается в несколько раз чаще, чем фамилия. Появляется и женские имена *Sîrbca* (Сьрбка), *Sîrbsca* (Сьрбска), *Sîrca* (Сьрка). В Дунайских княжествах, особенно начиная с XV в., словом *sîrb* (серб) обозначали южных славян вообще (сербов и болгар). Славянский язык до XVIII в. именовался *сербским* (*sîrbie* (сьрбие), *limba sîrbească* (лимба сьрбьскэ)). Распространенное в Трансильвании имя *Rațiu* (Рациу) – венгерское название сербов. К этническим относятся имена *Bosanc* (Босанк) и *Bosnă* (Боснэ) (от Босния), *Arvat* (Арват, хорват). Имена и фамилии *Leahu* (Ляху) и *Lehu* (Леху), *Lehliu* (Лехлиу), *Lenghel* (Ленхель – от венгерского *поляк*) означают *поляк*. Родственные формы этого этнического имени: *Leș* (Леш – от польского *leś*), *Leavul* (Лявул), *Leafu* (Ляфу), *Leahotă* (Ляхотэ), *Leaotă* (Ляотэ).

Наибольшее распространение в качестве имени и фамилии (прозвища) в княжествах получил этноним *Rus* (Рус, русский): *Rusu* (Русу), *Ruse* (Русе) – у мужчин, *Rusa* (Руса), *Rusca* (Руска) – у женщин, а также его варианты: *Rusan* (Русан), *Rusin* (Русин), *Rusman* (Русман), *Rusoi* (Русой), использовавшиеся как фамилии. На землях Молдавского княжества были распространены и венгерские формы этого этнонима, пришедшие из Марамуреша: *Orăș* (Ораш), *Oroș* (Орош), *Orîș* (Орыш), *Oriș* (Ориш), производным от которых является *Orășanu* (Орэшану) (см.: Constantinescu 1963: XLIX).

В то же время этнонимы *рус*, *русин* в качестве названия народа в документах молдавской канцелярии встречаются редко. В основном они использовались для обозначения жителей Галицкой Руси, которая к тому времени была присоединена к Польше (выходцы из Ляшской земли). Воевода Александр (Александрел) 23 февраля 1453 г. дает право Яцкову монастырю возле Сочавы, где есть храм Успения святой Богородицы, «всадит(ь) село оу монастырских(ь) хотарь вколо монастырю» и разрешает звать из «чужеи земли или в(ь)т Ладцкую Земли, или в(ь)т нашеи земли» свободных людей, мастеровых, кожухарей (портных, шивших «кожухи», т. е. тулупы из овчины) или других ремесленников («или русин(ь), или гръчин или буд(и) каку азык(ь)»), освобождая их от налогов (DRHA 2: 38). 19 сентября 1597 г. господарь Иеремия Могила выдает иммунитетную грамоту «монастырю Яцкову» на данное село и разрешает звать туда людей от «иншии землю, или з нашеи земли, лѣх или русин, или

срѣбин, или гречин, или буд что за азика будет», тоже освобождая переселенцев от налогов и податей (МЭФ 2: 374–375). 24 августа 1616 г. господарь Радул Михня дает монастырю Яцков льготную грамоту, где подтверждает, что на основании грамот, выданных прежними господарями («от старого Александра воеводы, от Стефана воеводы старого и от Еремии Могилы воеводы»), «монастырь вправе заселить людей по своей воле из других стран: поляков, русских (*русинов*), сербов, греков или любого другого рода». Эти люди могли свободно пахать, сеять и заготавливать сено на пашнях Сучавы наравне с остальными мещанами, а мастера получали налоговые льготы и освобождение от уплаты ряда налогов (МЭФ 3: 113).

Н.Д. Руссев подсчитал, что среди сохранившихся за 1585–1623 гг. грамот в 13 из них господари разрешали землевладельцам привлекать в свои имения иностранных поселенцев, освободив их на некоторое время (до 5 лет) от уплаты налогов. Русины упоминались в 12 грамотах, причем при перечислении они занимали 1–2-е места. Представители других народностей называются от 1 до 10 раз. Сербы (южные славяне), отмеченные в 9 из 13 случаев, в перечне, как правило, помещены на 3–4-м местах. Другие славяне – ляхи и «московиты» – встречаются соответственно в 5 и 3 грамотах. По мнению исследователя, это свидетельствует о том, что славяне составляли более половины данных переселенцев (Руссев 2006: 94–95).

Свободные русины (не переселенцы), проживавшие в Молдавском княжестве, как, впрочем, и другие этносы, в молдавской дипломатике не отделялись от остального населения, в том числе и от волохов (молдаван), и жили, как и последние, по волошскому праву.

Свидетельством этого может служить грамота господаря Стефана III от 8 февраля 1470 г. Освобождая татарина холопа Оана и его детей, он разрешает им жить в стране, «какже сидѣть и живут(ь) **у нашии з<е>мли уси волохове своим(ь) волоск<ым(ь)> закономь** (выделено мною. – С.С.)» (DRHA 2: 239). Таким образом, русины, как и другие народы, жившие по волошскому праву, не выделялись из общей массы свободного населения княжества.

В Средние века этноним *rus* выступает, как и другие этнонимы, в функции имени, от которого во втором поколении образуется отчество или прозвище (позже – фамилия). Как считал Н. КонстантINESКУ, это не всегда может свидетельствовать об этническом происхождении. В румынском и молдавском языках, как и в южнославянских, у данного слова имеется значение *светловолосый, рыжеватый* (*rus, rusav*) (Constantinescu 1963: 364). По мнению И. Билецки-Албеску, только после 1775 г. антропоним *Rusu* (Русу) начинает указывать на этническое происхождение (Biletchi-Albescu 1939: 19). С этим предположением

нельзя согласиться, учитывая многочисленность русинского населения средневековой Молдавии и его влияние на государственные институты княжества, его официальный язык, материальную и духовную культуру волохов (молдаван) (подробнее см.: Суляк 2016а; 2016б).

Фамилии (наследственное имя семьи) в современном значении этого слова возникли не так давно. В Венгрии они стали распространяться с XIV по XVIII в. В Польше у шляхты они появились в XV–XVI вв., а у остального населения – с XVIII в. В России процесс формирования фамилий начался в XVI в. Он активизировался во время преобразований Петра I (Никонов 1988: 20–21). В рассматриваемый же период мы можем говорить о двух видах имен: личных именах и именах-прозвищах (Чичагов 1959: 19). На наш взгляд, большинство этнических имен и прозвищ в молдавской средневековой дипломатике, связанных с корнем *рус-*, свидетельствует об этническом происхождении носителя антропонима. Об этом говорят и документы господарской канцелярии, и летописная традиция, в которых восточнославянское население соседней Галицкой Руси называли *рус* (во множественном числе *руси* (*русь*)) (см., напр.: МЭФ 1: 141, 143; МЭФ 2: 374; *Letopisețul* 1990: 28, 65, 68, 193). Д. Кантемир в своей работе «Описание Молдавии» («*Descriptio antiqui et hodierni status Moldaviae*») назвал местное и пришедшее из Галиции русинское население на латыни *Russi* (русские), а язык – *Ruthenice* (русский, рутенский) (Кантемир 2011: 136–138).

Н. Константинеску в своем «Румынском ономастическом словаре» проанализировал ономастику, встречающуюся в дипломатике Валахии, Молдавии и Трансильвании. Мы выделили из его работы антропонимы с корнем *рус-*:

– *Rus* (Рус), муж. (Рус Михай и Рус Тоадер); *-u*; *-ul* (Русул и его брат Лавр, Русул сын Гаврила Немиша; Русул, сын Тоадера Паровий; Русул, сын Иона Татулеску).

– *Rusulei* (Русулей Иван).

– *Rusuleț* (Русулец И.).

– *Rusa* (Руса), жен. (Руса зовется и Русу и Русин), *Rusa = Rusul* (Руса = Русул).

– *Rusan* (Русан), фамилия; *-ul* (Русанул); *-escu* (Русанеску); *-escul* (Русанескул); ср. с *h*: *Hrusana* (Хрусана).

– *Ruse* (Русе И.).

– *Rusea* (Руся); *Rusia* (Русия), муж.

– *Rusaila* (Русайла), муж.

– *Rusen* (Русен).

– *Rusil din Drajna* (Русил из Дражны); *-ă* (Русилă), К.; *Bîsca Rosili* (Быска Росили) или *Roșilii* (Росилий) появляется в 1819 г. в форме

Basca *Rusului* (Баска Русулуй). В случае с *Rusailă* (Русайлэ) и *Rusil(ii)* (Русил(ий)) может быть и влияние существительного *Rusalii* (Русалий).

– *Rusin* (Русин), муж.

– *Rus* + *-man*: *Rusman*, дьяк из Вэлений де Мунте 1711, 1719 гг. и его предок (+ *-ean*): *Rusmăneanul* (Русмэнянул) из Вэлений де Мунте, который в 1608 г. продавался как вечин (крепостной) вместе с усадьбой и сыновьями.

– *Rus* + *-oiu*: *Rusoiul* (Русоюл Ст.).

– *Rusa* (*Руса*), форма жен. рода, бытует как престижное или модное имя мунтянское, молдавское, олт्यानское, добруджское.

– С заменой *u* > *o* (*y* на *o*): *Ros* (Рос), муж. (Трансильвания); *Rosin* (Росин, М., Олтения).

– *Rus* + *Sindilar*: *Rusindelarul* (Русинделару) – современное.

– *Rus* + *-cu, -ca*: *Rusco* (Руско); боярин, постельничий.

– *Ruscan* (Рускан, Т.).

– *Rusca* (Руска), жен.; *Rusca sora cu Mărica* (Руска сестра Мэрики); *Rusca Şendrei hatman* (Руска Шендря гетмана); *Rusca Căldărusoia* (Руска Кэлдэрусоая); *Rusca sneaghina* (Руска княгиня) 1609 г.; в род. падеже: *Ruscăei* (Рускэеи).

– От венг. *Orosz* (русский): *Orăş* (Орэш), муж.; *Oroş* (*Орош*); *Ortş* (Ортш) + *-escu* (Ортшеску), *Oreş lurie* (Ореш Юрие), *Oriş* (Ориш) фамилия (Constantinescu 1963: 364–365).

В господарских грамотах Молдавского княжества встречается большое количество имен и прозвищ с корнем *рус-*, что видно из приведенной ниже таблицы.

Имена и прозвища с корнем *рус-* в дипломатике Молдавского княжества (1384–1625 гг.)¹

Антропони-мы с корнем <i>рус-</i>	Кол-во упо-мина-ний	Дата упоминания	Дополнительные сведения
Русе	2	ок. 1608–1610, 1617 гг.	Ион, сын Руса, внук Тоадера и Русе Митескул, отец Воикэи, дед Георгие

Русул	Более 60	1432, 1456, ок. 1471, 1472, 1491, 1574, ок. 1585, 1598, 1583–1600, ок. 1507, ок. 1535 1574, ок. 1583, ок. 1585, 1588, ок. 1597, 1599, 1603, ок. 1603, 1604, ок. 1604–1624, 1605, 1607, 1609, 1610, 1612, 1613, 1614, 1616, ок. 1617, 1618, ок. 1618, 1619, ок. 1619, ок. 1620, 1622, 1623, ок. 1623, 1625 гг.	43 носителя прозвища: Ион, Костя, Петру, Тоадер, Тоадер; великий стольник, бывший гетман (хатман); ворник (боярский чин, член господарского совета); вистерник (государственный казначей); господарские слуги (3); священник, монах, два дьяка (среди них – пишущий господарские акты); вечин (зависимый крестьянин); соприсяжник; свидетели сделок, а также сыновья, отцы, братья, дедушки, внуки и т. д.
Русулей	1	1612 г.	Иван, внук Влашко Бэшкое
Русулец	1	1609 г.	Ион, резеш
Рус	2	ок. 1503, 1508 гг.	Тоадер (Теодер), боярин
Руса	2	ок. 1604, ок. 1617 гг.	2 носителя имени: бабушка Лупула и др., дочь Тоадера и мать Иона Русе и Марии
Русанул	2	1609, ок. 1619 гг.	Свидетель при продаже части села
Русановски (Рушэновски)	2	ок. 1610, 1617 гг.	Симион, отец Лупула, господарского слуги, Урсула и Драгого из Русен (Хотин)

Руска	38	1483, 1494, 1495, 1499, 1513, 1528, ок. 1528, ок. 1529, ок. 1546, 1548, 1552, 1563, ок. 1567, 1569, 1571, 1574, 1576, ок. 1583, 1603, ок. 1603, 1604, ок. 1604, 1605, 1606, ок. 1606, 1609, ок. 1609, ок. 1609–1616, 1616, 1618, ок. 1618, 1619, 1620, ок. 1621, 1622, 1624 гг.	Имена 25 различных дочерей, сестер, матерей, жен, внушек, бабушек (в т. ч. и казначей). У одной было прозвище Руска Кэлдэрусоаие (горячая русская (căldă – горячая))
Руся	1	1609 г.	Племянница
Руси	1	1495 г.	Мать
Русин	1	1606 г.	Свидетель залога
Руснакул	1	ок. 1608 г.	Ионашко, свидетель
Орэш	Более 100 ²	1418–1464, ок. 1486, 1532, 1546, 1550, 1551–1570, ок. 1552, 1558, 1568–1571, 1573, 1584, ок. 1584, 1594–1611, 1613, 1621, 1619–1624 гг.	13 носителей прозвища, среди них: ворник (Ориш); Алекса, господарский слуга; Костя (Орэш, Орэшескул), внук Марушки, ворник, брат Фодора (Фэдора); Фэдор, брат Кости, внук Марушки; Григорие, ворник, сын Юрия, внук Фэдора, отец Вэскана Ораша; Илие, господарский слуга, брат Петре Орэша; Юрие господарский слуга, сын Фэдора, отец Григорие, дед Вэскана; Вэскан (Орэш, Орэшь, Ореше, Орош, Васэли, Василе, Василие), великий ворник Верхней страны, господарский слуга, сын Григоре Орэша, внук Юрие; Петре, брат Мэтиеша, Брэтэуша, Станка; пыркэлаб Сучавы (начальник крепости); отец Петре, Матиеша, Брэтэуса, Илие Орэшей; Влад Орэш (Ориш)
Ориш	1	1392 гг.	Боярин господарского совета

Источник: Gonța³ 1995: 14, 128–129, 205, 269, 305, 330, 347, 363, 367, 533–534, 555, 584–587, 610, 686, 738.

Как видно из выборки, носители имен и прозвищ с корнем *рус-*, в большинстве случаев означающих этническое происхождение, принадлежали к различным слоям общества. Среди них были великий ворник Верхней страны, бояре, занимавшие высокие должности при господарском дворе, господарские слуги, священники, государственные чиновники, собственники земли (резеши), зависимые крестьяне (вечины) и т. д. Антропонимы с корнем *рус-* встречаются на протяжении всего указанного периода (конец XIV – начало XVII в.). Русины, как следует из средневековых молдавских актов, были представлены во всех сословиях страны.

В современной Республике Молдова, представляющей часть исторической Молдавии, среди 141 570 фамилий распространены этнические с корнем *рус-*. Среди них есть произошедшие от упомянутых в средневековой молдавской дипломатике имен и прозвищ и производных от них. Фамилию *Rusu* (Русу) носят в Республике Молдова 23 028 чел. (данные на начало 2011 г., самая распространенная фамилия в Молдове), *Russu* (Руссу) – 7 297, *Rus* (Рус) – 84; *Rusuleac* (Русуляк) – 62, *Russuleac* (Руссуляк) – 21, *Rusulencu* (Русуленку) – 14, *Rusciuc* (Русчук) – 32, *Rusnac* (Руснак) – 4 733, *Rusnak* (Руснак) – 14, *Rusnaciuc* (Русначук) – 18, *Rusnacenco* (Русначенко) – 16, *Rusin* (Русин) – 34, *Rusinov* (Русинов) – 11, *Rusinova* (Русинова) – 15, *Rusanovschi* (Русановски) – 656, *Rusanovscaia* (Русановская) – 171, *Rusanovschii* (Русановский) – 44, *Ruseanovschi* (Русяновский) – 18, *Ruseanovscaia* (Русяновская) – 10, *Rusanov* (Русанов) – 35, *Rusanova* (Русанова) – 25, *Rusanenco* (Русаненко) – 13, *Rusal* (Русал) – 61, *Rusilo* (Русило) – 13, *Rusoi* (Русой) – 134, *Oros* (Орос) – 12 чел. (Фамилии).

Реже встречаются фамилии, в основе которых лежат названия других славянских народов, упоминаемые в качестве имен и прозвищ в средневековой молдавской дипломатике, и образованные от них варианты. К примеру, фамилия *Sîrbu* (Сырбу) – у 14 171 чел., *Sîrbul* (Сырбул) – у 136, *Sîrbuleț* (Сырбулец) – у 68, *Sîrbov* (Сырбов) – у 57, *Sîrbova* (Сырбова) – у 40, *Sîrcu* (Сырку) – у 571, *Arvat* (Арват) – у 178, *Leahu* (Ляху) – у 2 461, *Leah* (Лях) – у 354, *Leahovici* (Ляхович) – у 79, *Leahov* (Ляхов) – у 67, *Leahova* (Ляхова) – у 61, *Leahevici* (Ляхович) – у 49, *Leahovcenco* (Ляховченко) – у 33, *Leahin* (Ляхин) – у 15 чел. и т. д. (Фамилии).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чтобы получить общую картину, приведены только упоминаемые в грамотах этнические имена и имена-прозвища корнем *рус-*. В то же время в грамотах есть многочисленные упоминания об отцах, детях,

внуках и других родственниках указанных лиц.

2. В грамотах упоминаются в основном представители одной семьи. Один только Вэскан Орэш – более 80 раз.

3. При выборке использована монография А. Гонцы (Gonța A. Documente privind istoria României. A. Moldova. Veacurile XIV–XVII (1384–1625). Indicele numelor de persoane. București, 1995), в которой дан перечень личных имен, встречающихся в молдавской средневековой дипломатике. В работе использованы «Документы по истории Румынии. А. Молдова», вышедшие в Бухаресте в 1950-е гг. под редакцией М. Роллера (Documente privind istoria României. A. Moldova, сокр. – DIRA), изданные Румынской академией (Documente privind istoria României. A. Moldova: veacul XIV–XV, vol. 1 (1384–1475), veacul XV, vol. 2 (1476–1500); veacul XVI, vol. 1–4 (1501–1550, 1551–1570, 1571–1590, 1591–1600); veacul XVII, vol. 1–5 (1601–1605, 1606–1610, 1611–1615, 1616–1620, 1621–1625), București, 1952–1957). К недостаткам данного издания можно отнести то, что все тексты даны только в переводе на румынский язык.

ЛИТЕРАТУРА

Кантемир 2011 - *Кантемир Дмитрий*. Описание Молдавии. Факсимиле, латинский текст и русский перевод Стурдзовского списка / Сост. и общ. ред. Н.Л. Сухачева. СПб.: Нестор-История, 2011. 433 с.

Никонов 1988 - *Никонов В.А.* География фамилий. М.: Наука, 1988. 192 с.

МЭФ 1 - Молдова ын эпока феодализмулуй. Вол. I = Молдавия в эпоху феодализма. Т. I: Славяно-молдавские грамоты XV – первая четверть XVII в. / Сост. П.Г. Дмитриев, Д.М. Драгнев, Е.М. Руссев, П.В. Советов; под ред. Л.В. Черепнина. Кишинев: Штиинца, 1961. 485 с.

МЭФ 2 - Молдова ын эпока феодализмулуй. Вол. II = Молдавия в эпоху феодализма. Т. II: Славяно-молдавские грамоты XV–XVI вв. / Сост. Д.М. Драгнев, А.Н. Никитич, Л.И. Светличная, П.В. Советов; под ред. Л.В. Черепнина. Кишинев: Штиинца, 1978. 448 с.

МЭФ 3 - Молдова ын эпока феодализмулуй. Вол. III = Молдавия в эпоху феодализма. Т. III: Славяно-молдавские грамоты. 1601–1640 / Сост. Д.М. Драгнев, А.Н. Никитич, Л.И. Светличная, П.В. Советов; под ред. В.П. Пашуто. Кишинев: Штиинца, 1982. 480 с.

Полевой 1979 - *Полевой Л.Л.* Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев: Штиинца, 1979. 204 с.

Руссев 2006 - *Руссев Н.Д.* Славянский фактор в истории средневековой Молдавии // Русин. 2006. № 4 (6). С. 90–101.

Суляк 2016а - *Суляк С.Г.* Русины Карпато-Днестровских земель в молдав-

ской средневековой дипломатике (общий обзор) // Русин. 2016. № 1 (43). С. 95–119. DOI: 10.17223/18572685/43/7

Суляк 2016b - Суляк С.Г. О языке славяно-молдавских грамот XIV–XVII вв. (к историографии вопроса) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 4 (42). С. 73–97. DOI 10.17223/19986645/42/7

Фамилии - Фамилии Республики Молдова // Сайт «Moldovenii». URL: <http://www.moldovenii.md/ru/library/documents/page/15> (дата обращения: 21.01.2016).

Чичагов 1959 - Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М.: Учпедгиз, 1959. 128 с.

Biletschi-Albescu 1939 - *Biletschi-Albescu I.* Nume de popoare și elemente slave în patronimia românească // Anuarul Liceului de Stat «Dragoș-Vodă». Câmpulung-Moldovenesc, 1939. P. 39–70.

Constantinescu 19063 - *Constantinescu N.A.* Dicționar onomastic românesc. București: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1963. 470 p.

DRHA 2 - *Documenta Romaniae Historica: A. Moldova.* Vol. 2. (1449–1486). București: Editura Academiei Republicii Socialiste Române, 1976. 647 p., il.

Gonța 1995 - *Gonța A.* Documente privind istoria României. A. Moldova. Veacurile XIV–XVII (1384–1625). Indicele numelor de persoane. București: Editura Academiei Române, 1995. 800 p.

Letopisețul 1990 - *Letopisețul Țării Moldovei.* Grigore Ureche, Viron Costin, Ion Neculce. Chișinău: Editura Hyperion, 1990. 638 p.

REFERENCES

Kantemir, D. (2011) *Opisanie Moldavii. Faksimile, latinsky tekst i russkiy perevod Sturdzovskogo spiska* [The description of Moldova. Facsimile, Latin text and Russian translation of the Sturdza list]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

Nikonov, V.A. (1988) *Geografiya family* [Geography of surnames]. Moscow: Nauka.

Cherepnin, L.V. (ed.) (1961) *Moldova yn epoka fedodalizmuluy* [Moldova in the era of feudalism]. Vol. I. Chișinău: Shtiintsa.

Cherepnin, L.V. (ed.) (1978) *Moldova yn epoka fedodalizmuluy* [Moldova in the era of feudalism]. Vol. II. Chișinău: Shtiintsa.

Pashuto, V.P. (ed.) (1982) *Moldova yn epoka fedodalizmuluy* [Moldova in the era of feudalism]. Vol. III. Chișinău: Shtiintsa.

Polevoy, L.L. (1979) *Ocherki istoricheskoy geografii Moldavii XIII–XV vv.* [Essays on the historical geography of Moldavia in the 13th – 15th centuries]. Chișinău: Shtiintsa.

Russev, N.D. (2006) Slavyanskiy faktor v istorii srednevekovoy Moldavii [The Slavonic factor in the history of medieval Moldavia]. *Rusin.* 4 (6). pp. 90–101.

Sulyak, S.G. (2016a) Rusiny Karpato-Dnestrovskikh zemel' v moldavskoy sredneveko-voy diplomatike (obshchiy obzor) [The Carpatho-Dniestrovian Rusins in medieval Moldavian diplomacy (a general review)]. *Rusin.* 1 (43). pp. 95–119. DOI: 10.17223/18572685/43/7

Sulyak, S.G. (2016b) About the language of the Slavonic-Moldavian documents of the 14th-17th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya.* 4 (42). pp. 73–97. DOI: 10.17223/19986645/42/7

Moldovenii.md. (n.d.) *Familii Respubliki Moldova* [Surnames of the Republic of Moldova]. [Online] Available from: <http://www.moldovenii.md/ru/library/documents/page/15> (Accessed: 21st January 2016).

Chichagov, V.K. (1959) *Iz istorii russkikh imen, otchestv i familiy (voprosy russkoy istoricheskoy onomastiki XV–XVII vv.)* [From the history of Russian names, patronymics and surnames (on Russian historical onomastics of the 15th – 17th centuries)]. Moscow: Uchpedgiz.

Biletschi-Albescu, I. (1939) Nume de popoare și elemente slave în patronimia românească [Names of peoples and Slavic elements in Romanian family names]. *Anuarul Liceului de Stat "Dragoș-Vodă"*. pp. 39–70.

Constantinescu, N.A. (1963) *Dicționar onomastic românesc* [The Romanian onomastic dictionary]. Bucharest: Romanian People's Republic Academy.

Berza, M., et al. (eds) (1976) *Documenta Romaniae Historica: A. Moldova*. Vol. 2. Bucharest: Romanian Socialist Republic Academy.

Gonța, A. (1995) *Documente privind istoria României. A. Moldova. Veacurile XIV–XVII (1384–1625). Indicele numelor de personae* [Documents on Romanian history. A. Moldova. The 14th – 17th centuries (1384–1625). Index of the names of persons]. Bucharest: Romanian People's Republic Academy.

Ureche, G., Costin, V. & Neculce, I. (1990) *Letopisețul Țării Moldovei* [Chronicle of the Land of Moldova]. Chișinău: Hyperion.

Суляк Сергей Георгиевич – доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sulyak Sergey - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 81.11-112

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/8

ЭТНОНИМЫ *РУСИН, РУСАК И РУССКИЙ* В ОБИХОДНОМ ЯЗЫКЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII вв.*

Е.И. Зиновьева

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: e.i.zinovieva@spbu.ru

Авторское резюме

Анализируются особенности функционирования лексем, называющих человека, принадлежащего к русскому этносу в Московской Руси, в обиходном русском языке XVI–XVII вв. Исследование выполнено в рамках функционально-семантического подхода к анализу языковых единиц. Выявляются жанровые характеристики памятников, в которых употребляются анализируемые лексемы, сочетаемость этнонимов, образуемые противопоставления, денотативная отнесенность единиц. Формулируется гипотеза о предпосылках постепенного становления в качестве гиперонима внутри рассматриваемой группы лексемы *русский*. Анализ проводится на материале картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», привлекаются данные этимологического и исторических словарей русского языка. В результате проведенного анализа делается вывод о том, что все этнонимы, функционировавшие в обиходном языке Московской Руси, употреблялись как равноправные, между ними существовали отношения согипонимии. Субстантивации прилагательного *русский* способствовали два фактора: прилагательное имело производные однокоренные наречия, а также в обиходном языке намечалась тенденция использования существительного *люди* в сочетании с этим прилагательным в препозиции, что приводило к большей самостоятельности прилагательного.

Ключевые слова: этноним, русин, русак, русский, функционирование, обиходный язык, гипоним.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда: грант № 14-04-0011а «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.».

THE ETHNONYMS *RUSIN*, *RUSAK* AND *RUSSKIY* IN THE RUSSIAN VERNACULAR OF MUSCOVITE RUS IN THE 16TH–17TH CENTURIES*

E.I. Zinovieva

Saint Petersburg State University
7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: e.i.zinovieva@spbu.ru

Abstract

The article analyses functioning of vernacular Russian lexemes designating people belonging to the Russian ethnic group in Muscovite Rus in the 16th–17th centuries. The study uses the functional-semantic approach to the analysis of language units. The paper identifies the genre characteristics of texts with the lexemes under analysis, combinability of the ethnonyms, their oppositions, and denotative relatedness of language units. The author hypothesises about preconditions for a gradual formation of the lexeme *russskiy* (Russian) as of a hyperonym within the group under analysis. The analysis is based on the card-index of “The Dictionary of Vernacular of Muscovite Rus in the 16th – 17th centuries”. The author also employs the data of Russian etymological and historical dictionaries. The analysis concludes that all these are ethnonyms that functioned in the vernacular of Muscovite Rus as equal, with cohyponymy between them. The nominalisation of the adjective *russskiy* (Russian) was promoted by two factors: the adjective had derivative cognate adverbs, and the vernacular showed the tendency to use the noun *lyudi* (people) in a combination with this adjective in preposition, which resulted in a greater autonomy of the adjective.

Keywords: ethnonym, Rusin, Rusak, Russian, functioning, vernacular, hyponym.

Постановка проблемы

Одним из первых специальных изданий в мировой науке, посвященных этнонимике, был вышедший в 1970 г. сборник под редакцией В.А. Никонова (Этнонимы 1970). Этнонимы (наименования различных видов этнических общностей: наций, народов, народностей, племён, племенных союзов, родов и т. п.) в современном языкознании из-

* The research was supported by the Russian Foundation for Humanities, Grant Nr. 14-04-0011a “The Dictionary of Vernacular of Muscovite Rus in the 16th–17th centuries.”

учаются в разных аспектах: прослеживается этимология различных этнонимов (напр., Митрошкина 1995, Туймебаев 2009); рассматривается исторический аспект этнонимии; некоторые работы посвящены изучению славянских этнонимов (Добродомов 1970, Ковалев 1991 и др.). В лингвокультурологическом аспекте изучаются этноконнотации (Кашкин, Пейхёнен 2000, Быкова 2001, Кипиани 2009 и др.).

Отдельного рассмотрения в связи с тематикой нашей работы заслуживает статья З.И. Резановой и К.С. Шиляева, посвященная социолингвистическому исследованию этнонима *русин* и производного от него прилагательного *русинский* в русской речи последних трех столетий на материале «Национального корпуса русского языка» (Резанова, Шиляев 2015). Авторы делают вывод о том, что русинский этнос либо позиционируется как единый с общерусским и другими этносами, либо противопоставляется им. Лингвистические наблюдения исследователей относительно семантики и функционирования анализируемых языковых единиц соотнесены с выводами научных трудов, посвященных истории, культуре русинского этноса и контактирующих славянских и неславянских этносов (Суляк 2007; 2009а, 2009б; Головацкий 2008).

В Межкафедральном словарном кабинете имени профессора Б.А. Ларина на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) авторским коллективом составляется «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (далее – СОРЯ). В настоящее время изданы шесть выпусков словаря¹, седьмой сдан в печать, идет работа над созданием восьмого выпуска. Обиходный язык – это тот язык конца XV–XVII вв., который использовался в ежедневном общении людей и нашел отражение в письменных памятниках, созданных на народно-разговорной основе: официально-деловых и частно-деловых документах, частной переписке, расспросных речах, записях былин и исторических песен, пословицах, демократической сатире и зарождавшейся публицистике, разговорниках, составленных иностранцами. В СОРЯ получают детальное семантическое описание каждое слово и устойчивое выражение, отмечаются все оттенки значения, особенности употребления². Картотека СОРЯ на настоящий момент насчитывает около 500 тыс. единиц, она постоянно пополняется усилиями студентов и сотрудников филологического факультета СПбГУ.³

Язык Московской Руси XVI–XVII вв. отражает начальный период формирования национального русского языка. Основными языковыми процессами на лексико-фразеологическом уровне являются постепенный и последовательный распад семантического синкретизма и становление полисемии в лексике, конкуренция внутри лек-

сико-семантических групп и синонимических рядов, равноправное функционирование гипонимов, способных к взаимозаменяемости с постепенным выделением гиперонима; формирование фразеологической системы языка, во многих чертах уже близкой к современной.

Цель статьи – выявить особенности функционирования этнонимов *русин*, *русак* и *русский* в обиходном языке XVI–XVII вв. для определения мотивации выбора той или иной лексемы в конкретных контекстах употребления, а также предпосылок закрепления в русском языке гиперонима *русский*.

Проводимый анализ позволит сделать выводы об особенностях употребления этнонима *русин* в обиходной русской речи в хронологический период, непосредственно предшествовавший синхронному срезу, на котором изучалось его функционирование З.И. Резановой и К.С. Шилиевым (2015), т. е. до XVIII ст.

Источники материала, методы и методика исследования

Источниками материала для анализа послужили данные этимологического и исторических словарей русского языка, а также картотека СОРЯ, хранящаяся в Межкафедральном словарном кабинете имени профессора Б.А. Ларина на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета.

Основные методы исследования: метод наблюдения, контекстуального анализа, дистрибутивный, описательный и сопоставительный.

Методика исследования включает несколько этапов, подразумевающих решение следующих задач:

1) определение состава лексико-семантической группы этнонимов, называющих русского человека в древнерусском языке, по данным исторических словарей русского языка;

2) выявление этнонимов данной группы, функционировавших в обиходном языке Московской Руси, по материалам картотеки СОРЯ;

3) анализ особенностей употребления каждого из этнонимов в обиходном русском языке XVI–XVII вв.: жанровая характеристика памятника, сочетаемость, образуемые противопоставления, денотативная отнесенность;

4) формирование гипотезы о предпосылках закрепления в языке этнонима *русский* в качестве гиперонима.

Анализ лексикографических источников

Этимологический словарь М. Фасмера описывает существительное *русин* как «стар. название украинцев в Галиции, укр. *русин* – то же, польск. *rusin*. Производное от *Русь*. Др.-русск. *русичи* мн. как и

нѣмчичи мн. представляет собой безукоризненное производное от *Русь*» (Фасмер 1971: 520).

В «Материалах для Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского интересующие нас единицы не зафиксированы. По данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», лексико-семантическая группа этнонимов, называющих русского человека в древнерусском языке, включала следующие единицы: *русак* (с XVI в.), *русин* (с XII в.), *русянин* (с XV в.). В качестве окказионального ласкательного наименования, образованного от существительного *русак*, зафиксировано использование в XVII в. протопопом Аввакумом лексемы *русачок*. Для именования лица женского пола использовался этноним *руска* (с XV в.). Формы множественного числа представлены этнонимами *русичи* (с XII в.), *русцы* (с XIII в.), *русы* (*русичи*) – с XVI в. (СРЯ 1997: 258–261). Интересно, что словарная статья на прилагательное *русский* в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» не включает сведений о его субстантивации и использовании в качестве этнонима.

Таким образом, самым древним следует признать этноним *русин*.

Функционирование этнонимов, называющих русского человека, в обиходном языке XVI–XVII вв.

В материалах картотеки СОРЯ зафиксированы три единицы: *русин*, *русак* и *русский человек* (*люди*), *русский*.

Источники конца XV в. (нижняя хронологическая граница СОРЯ) фиксируют употребление этнонима *русин* в качестве самоназвания в разных по жанру памятниках – разговорнике («Речь тонкословия греческого»), деловых памятниках («Делах Тайного Приказа») и повествовательной литературе («Хождение за три моря Афанасия Никитина»). Например: «Се же писах ти, сколько знаю, а гдѣ будет ложно и ты въспрашиваи от того, кто гораздѣ мене умѣет, а на мене о том не диви понеж нѣсмь гречин, но *русин* есмь» (Речь тонкословия 1992: 59, XV в.); «Учинится пеня в Новгороде Полочанину... или *Русину* с нашего великого княженья концати в Новгороде по княжой правде и по крестному челованью» (ДТП 1908: 17, XV в.); «Хань у меня взял жерепца, а увѣдал, что яз не бесерменинь, *русинь*» (Хождение 1958: 15, XV в.). Во всех контекстах *русин* противопоставляется наименованиям других этносов – *гречину*, *полочанину*, представителю другой веры – *бесерменину*.

Контекстов употребления этнонима в обиходном языке XVI в. не зафиксировано. В XVII в. лексема *русин* частотна в разговорнике, составленном немцем Тоннисом Фенне в 1607 г. Это существительное перечисляется в одном ряду с другими этнонимами: «нѣмчин –

niemtzin, русин – *rusin*, жидовин – *šjidovin*) (Разговорник Т. Фенне 1970: 93); русин противопоставляется немчину, названию этноса, для которого и предназначался разговорник: «Во имя Святая Троица (!) яз почну зде писать, как надобь нѣмчину с *русином* торговать, товар купить или мѣнять товар против товару, коли Господу Богу любо» (Разговорник Т. Фенне 1970: 231); «Здѣ яз Божиєю помочию почину писат русскую рѣце как надобь немьчину с *русиномъ* порускы говорит от домовню дѣле и всяких дѣлех говоря» (Разговорник Т. Фенне 1970: 125). Контексты употребления, соответственно жанру памятника, отражают разговорную речь и бытовые ситуации: «Поедем в лѣс, одерем лык, соьем веревку, повесим *русиномъ*» (Разговорник Т. Фенне 1970: 459); «Привѣси *русина* за бороду в висѣлиц (!) да друга возлѣ столба да постегай обѣ с дубцом» (Разговорник Т. Фенне 1970: 460). В деловых памятниках этот этноним встречается реже, в основном в актах, отражающих разговорную речь. См., напр., в сборнике документов о крестьянской войне под предводительством Степана Разина тоже в противопоставлении другому этнониму (мордвин-русин): «И тех де, государь, воров пущих завотчиков, сотника Тимошку Иванова да войсковово их воровского подьячего Ивашку Леонтьева до дву мордвинов да *русина* велел повесить, а достальных казнил же» (РД II-1 1957: 448, 1670 г.). Форма множественного числа существительного – *русины* – не встретилась в наших материалах.

Этноним *русак* употребляется, согласно материалам картотеки СОРЯ, в памятниках XVI–XVII вв., различных по жанру, но отражающих разговорную речь: в русско-немецком анонимном разговорнике, сатирических повестях, пословицах, реже в деловых актах. Например, в противопоставлении другому этнониму: «Wet wy Rusacki chytry Nemtzow omaniwati – Ведь вы *русачки* хитры немцов оманывати» (Анонимный разговорник 1994: 98, 1568 г.); «Ты ведь, Михайлович, *русак*, а не грек. Говори своим природным языком; не уничижай его и в церкви, и в дому, и в пословицах» (Житие протопопа Аввакума 1960: 159, 1672 г.). В сатирической «Повести о попе Саве»: «Радуйся, породны *русак*, по делам воистину дурак» (Повесть о попе Саве 1954: 72); в сборнике пословиц XVII в., собранных П. Симони: «Исакъ *русакъ* что ему ни давай все прибирает» (Старинные сборники 1899: 110). В якутских актах находим форму множественного числа этнонима: «А он Трека креститца не хочет, а хочет идти в улус к родником своим жить, а у *русак*ов жить не хочет» (Якутские акты, ст. 74, 1642 г.). Ср. уменьшительно-ласкательное существительное, производное от *русак*, также в форме множественного числа: «Мудры блядины дети греки, да с варваром турским с одново блюда патриархи кушают

рафленья курки. *Русачки* же миленькия не так: во огонь лезет, а благоверия не предает» (Житие протопопа Аввакума 1960: 233, 1672 г.).

Лексема *русский* очень частотна в обиходном языке Московской Руси. Слово функционирует главным образом как прилагательное (ср.: *русская земля, русская вера, русские города* и многие другие атрибутивные сочетания). В этот период употребляются также производные от прилагательного наречия *русски* и *по-русски*.

В качестве этнонима используются сочетания *русский человек* и *русские люди*, широко представленные в картотеке СОРЯ. В форме единственного числа словосочетание встречается реже, например: «А Данилка въ распрось сказался: бываль *русский человекъ*, а былъ въ полону у татарь, а взять осьми лтъ» (Новомбергский 1911: 76, 1643 г.); «И острогожской де жилец *русской человек* [Трофим Лучник]... вынел из-за кораула на свои поруки у полковника [стрельцов]... в том, чтоб их с Острогожского не упустить» (РД II-2 1959: 15, 1670 г.); «Да онъ же Елфимко сказаль: въ прошломъ же де въ 202 году татаринъ Кинка приѣжжалъ съ товарищемъ къ нему жъ Петрушкѣ Огниву съ товарищемъ, а съ *рускимъ* ли де *человекомъ* или съ татаринномъ, того онъ Елфимко не вѣдаетъ» (Кунгурские акты 1888: 240, 1696 г.). Интересно употребление лексемы *русин* по данной модели: «Яз тебе не ищу, я ищу *русина человекъ*» (Разговорник Т. Фенне 1970: 182).

Словосочетание *русские люди* противопоставляется названиям других этносов: «От царя и великого князя Алексея Михайловича... ко всяких чинов служилым и жилецким и уездным *руским людем*, и мурзам и татаром, и чуваше, и черемисе, и вотяком» (РД II-1 1957: 412, 1670 г.); «Приводной татаринъ деревни Карьевы Ирыспайка Актаевъ въ роспрось сказаль: въ прошломъ де во 183 году онъ Ирыспайка съ товарищи, пять человекъ, украли быка у *рускихъ людей* на Степановѣ Городищѣ» (Кунгурские акты 1888: 25, 1675 г.).

Это словосочетание в форме единственного и множественного числа образует также оппозиции с собирательными наименованиями других этносов: *русские люди* – *иноземцы*; по вероисповеданию: *русский человек* – *иноверцы*, *русский человек* – *бусурман*, например: «А *русскихъ людей* поместей *иноземцом* не давати» (Уложение 1959: 205); «Лечебник выдан от *русскихъ людей*, как лечить *иноземцев* и их земель людей; зело пристойныя лекарства от различныхъ вещей и дражайшихъ» (Лечебник на иноземцев 1954: 121, XVII в.); «Будет кто *иноверцы*, какие ни буди веры, или и *Русской человек*, возложить хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на рождшую Его Пречистую Владычицу нашу Богородицу и приснодеву Марию, или на честный Крест, или на святыхъ Его угодников: и про то сыскивати всякими сыски накрепко» (Лечебник на иноземцев 1954: 22, XVII в.).

Ряд контекстов деловых памятников допускает препозицию существительного *люди* в качестве обобщающего слова при перечислении этнонимов, что способствует обособлению прилагательного, большей его самостоятельности, особенно в сопровождении существительного *люди* местоимением *всякий*: «И вы [Яковлев] б послали от себя на Волгу к тем казакам... кого пригож и велели им говорить, чтоб они... всяких торговых *людеи, русских* и *иноземцев*, не грабили» (РД I 1957: 89, 1667 г.); «Ево царского пресветлого величества воевода Феофил Тимофеевич Бобрович в православной христианской вере воспитанныи, а нынешнею прелестию богоотступника вора Стеньки Разина всяких чинов прельщенным *людем, русским* и *чювашом* и *черемиса*» (РД II-1 1957: 447, 1671 г.); «Велено для нашия великого государя службы, переписать и розобрать тѣжь... всякихъ чиновъ *людей, русскихъ* и *татарь*, и *мордву*... которые на посадѣ и въ уѣздѣ съ посадскими и съ уѣздными людьми въ тягль не написаны» (Кунгурские акты 1888: 44, 1680 г.).

И, наконец, в фольклорных памятниках находим субстантивированное употребление прилагательного *русский* в качестве этнонима: «Похвалялись они [татары] меж собой: “Казань *русским* мы не отдадим”» (Исторические песни 1960: 105, XVI в.); «Говорит царь Константин своему богатырю Тугарину Змиевичу: “Познал я тех калик, слышу я по речам, кабы *русские* пришли, попытаю их о киевских вестях: либо что они ведают”» (Былины 1960: 153, 2-я пол. XVII в.).

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

По данным лексикографических источников, наиболее древним этнонимом следует признать этноним *русин*.

Все рассматриваемые языковые единицы, функционировавшие в обиходном языке Московской Руси, употреблялись как равноправные, между ними существовали отношения согипонимии. Этноним *русин* (в отличие от *русак*) не использовался в форме множественного числа, но активно употреблялся в разговорнике Тонниса Фенне, что может свидетельствовать как о том, что составитель разговорника, немец по этнической принадлежности, слышал его в речи носителей русского языка в качестве самоназвания, так и о том, что этноним использовался для номинации носителей русского языка иностранцами.

Сочетание *русский человек* (*русские люди*) является наиболее частотным (согласно картотеке СОРЯ) в рассмотренном ряду этнонимов, что способствовало субстантивации прилагательного *русский*.

Субстантивации прилагательного *русский*, на наш взгляд, содействовали два фактора. Во-первых, данное прилагательное имело производные однокоренные наречия, и, во-вторых, в обиходном языке

Московской Руси XVI–XVII вв. намечалась тенденция использования существительного *люди* в препозиции, что приводило к большей самостоятельности прилагательного. Этому, очевидно, способствовало и использование в соответствующих контекстах местоимения *всякий*.

Выявленная частотность сочетания *русский человек (русские люди)* наряду с наблюдаемым в исторических источниках XVI–XVII вв. постепенно идущим процессом субстантивации прилагательного привели к тому, что *русский* занял позицию гиперонима в ряду *русин – русак – русский*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Опубликованы следующие выпуски словаря: Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1: А – Бязь. СПб.: Наука, 2004. 333 с.; Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 2: В – Воль. СПб.: Наука, 2006. 340 с.; Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 3: Вор – Вящий. СПб.: Наука, 2010. 323 с.; Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 4: Гагара – Гуща. СПб.: Наука, 2011. 312 с.; Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 5: Да – Дотянуть. СПб.: Наука, 2012. 342 с.; Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 6: Доучивать – Заехать. СПб.: Наука, 2014. 360 с.

С проектом «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» можно подробно ознакомиться на сайте СОРЯ (<http://msk-slovar16-17v.slovo-spb.ru>).

2. См. опубликованную в четвертом выпуске СОРЯ инструкцию.

3. Расписке подвергаются новые опубликованные рукописные источники, региональные исторические словари, такие, как: *Хитрова В. И.* Русская историческая и диалектная лексикология: Материалы к практическим занятиям по истории русского литературного языка и русской диалектологии (Буквы А–Ж). М., 1987; *Хитрова В. И.* Русская историческая и диалектная лексикология: Материалы к практическим занятиям по истории русского литературного языка и русской диалектологии (Буквы З–К). М., 1989; *Исламова Э. А., Галиуллин К. Р.* Казанский край: Словарь памятников XVI в. Казань, 2000; *Галиуллин К. Р., Гизатуллина А. Р.* Казанский край: Словарь языка памятников 1-й четверти XVII в. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008; *Галиуллин К. Р., Гизатуллина А. Р.* Казанский край: Словарь языка памятников 2-й четверти XVII в. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2010; *Галиуллин К. Р., Шакирова Р. Р.* Казанский край: Словарь языка памятников 3-й четверти XVII в. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009; Словарь языка мангазейских памятников

XVII – первой половины XVIII в. / Сост. Н.А. Цомакион. Красноярск, 1971; Исторический словарь Восточного Забайкалья: по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв. / Сост. Г.А. Христосенко, Л.М. Любимова. Чита, 2003. Т. 1.

ЛИТЕРАТУРА

Кунгурские акты 1888 - Кунгурские акты XVII в. (1668–1699 гг.) / Издатель А.Г. Кузнецов. СПб., 1888. 292 с.

Анонимный разговорник 1994 - «Ein Rusch Boeck...» Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert / Hrsg. von A. Fałowski. Köln; Weimar; Wien, 1994. 209 p.

Быкова 2001 - *Быкова О.И.* Лингвокультурологический подход к исследованию этноконнотации // Вестник Воронежского государственного университета. 2001. № 2. С. 32–38.

Былины - Былины в записях и пересказах XVII–XVIII вв. М.; Л., 1960. 320 с.

Головацкий 2008 - *Головацкий Я.Ф.* Карпатская Русь (историко-этнографический очерк) // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 224–261.

Добродомов 1970 - *Добродомов И.Г.* Два булгаризма в древнерусской этнонимии // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 160–163.

ДТП 1908 - Дела Тайного приказа. Кн. 2. СПб., 1908 (РИБ. Т. 22). 888 с.

Житие протопопы Аввакума 1960 - Житие протопопы Аввакума, им самим написанное // Житие протопопы Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под общ. ред. Н.К. Гудзия. М., 1960. С. 53–122.

Исторические песни 1960 - Исторические песни XIII–XVI веков (по спискам XVIII–XX вв.) / Изд. подг. Б.Н. Путилов, Б.М. Добровольский. М.; Л., 1960. 696 с.

Кашкин, Пейхёнен 2000 - *Кашкин В.Б., Пейхёнен С.* Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 62–70.

Кипиани 2009 - *Кипиани Н.А.* Этноконнотации как путь к осмыслению феномена человека // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. М., 2009. С. 12–18.

Ковалев 1991 - *Ковалев Г.Ф.* Этнонимия славянских языков. Номинация и словообразование. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. 176 с.

Новомбергский 1911 - Новомбергский Н. Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1 // Записки Московского археологического института. М., 1911. Т. 14. 593 с.

Лечебник на иноземцев 1954 - Лечебник на иноземцев // Русская демократическая сатира XVII в. / Подг. текстов В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 121–124.

Митрошкина 1995 - *Митрошкина А.Г.* К этимологии этнонима бурят // Проблемы бурятской филологии и культуры. 1995. С. 29–30.

Повесть о попе Саве 1954 - Повесть о попе Саве // Русская демократическая сатира XVII в. / Подг. текстов В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 70–72.

Разговорник Т. Фенне 1970 - *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian*. Pskov. 1607 / Ed. by L.L. Hammerich and R. Jakobson. Vol. 2: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.

РД I 1954 - Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1954. Т. 1. 322 с.

РД II-1 1957 - Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1957. Т. 2, ч. 1. 665 с.

РД II-2 1959 - Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1959. Т. 2, ч. 2. 242 с.

Резанова, Шиляев 2015 - *Резанова З.И., Шиляев К.С.* Этнонимы «русин», «русинский» в русской речи: корпусное исследование // Русин. 2015. № 1 (39). С. 239–255.

Речь тонкословия 1922 - Речь тонкословия греческого // Vasmer M. Ein russisch-byzantinisches Gesprächsbuch. Beiträge zur Erforschung der älteren russischen Lexikographie. Leipzig, 1922. 180 с.

Срезневский 1912 - *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. III. 272 с.

СРЯ 1997 - Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. Г.А. Богатова. М.: РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 1997. Т. 22. 300 с.

Старинные сборники 1899 - Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. / Собрал П. Симони // Сборник ОРЯС. Т. 66, № 7. СПб., 1899. 216 с.

Суляк 2007 - *Суляк С.Г.* Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–56.

Суляк 2009а - *Суляк С.Г.* Русины карпатского региона и русская цивилизация // Русин. 2009. № 1 (15). С. 158–162.

Суляк 2009б - *Суляк С.Г.* Русины: прошлое, настоящее, будущее // Русин. 2009. № 3 (17). С. 61–70.

Туймебаев 2009 - *Туймебаев Ж.К.* Этимология этнонима *ойрат* // Вестник Казахстанско-Американского свободного университета. 2009. № 2. С. 3–10.

Уложение - Соборное уложение царя Алексея Михайловича. 1649 г. // Памятники русского права. М., 1959. Вып. 6. 503 с.

Фасмер 1971 - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. 3. 827 с.

Хождение 1958 - Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472 гг. / Под ред. акад. Б.Д. Грекова, В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1958. 284 с.

Этнонимы 1970 - Этнонимы: Сб. статей / Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. В.А. Никонов. М.: Наука, 1970. 271 с.

Якутские акты - Якутские акты 1638–1647 гг. НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Карт. 1–7.

REFERENCES

Titov, A.A. (1888) *Kungurskie akty XVII v. (1668–1699)* [The Kungur Acts of the 17th century]. St. Petersburg: A.G. Kuznetsov.

Fatowski, von A. (ed.) (1994) *“Ein Rusch Boeck...” Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert* [“A Rusch Boeck ...” A Russian-German Anonymous Dictionary from the 16th century]. Cologne; Weimar; Vienna: De Gruyter.

Bykova, O.I. (2001) Lingvokul'turologicheskii podkhod k issledovaniyu etnokonnnotatsii [Linguocultural approach to the study of ethnic connotations]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 32–38.

Astakhova, A.M. (ed.) (1960) *Byliny v zapisyakh i pereskazakh XVII–XVIII vv.* [Epics in records and retellings of the 17th–18th centuries]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

Golovatskiy, Ya.F. (2008) Carpathian Rus (a historical and ethnographic essay). *Rusin*. 3-4 (13-14). pp. 224–261.

Dobrodomov, I.G. (1970) Dva bulgarizma v drevnerusskoy etnonimii [Two Proto-Bulgarian ethnonyms in the Old Russian language]. In: Nikonov, V.A. (ed.) *Etnonimy* [Ethnonyms]. Moscow: Nauka. pp. 160–163.

The Secret Office. (1908) *Dela Taynogo prikaza* [Documents of the Secret Office]. Book 2, St. Petersburg: [s.n.].

Gudziy, N.K. (ed.) (1960) *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe i drugie ego sochineniya* [The Life of Avvakum, written by himself, and his other writings]. Moscow: Goslitizdat. pp. 53–122.

Putilov, B.N. & Dobrovolsky, B.M. (eds) (1960) *Istoricheskie pesni XIII–XVI vekov (po spiskam XVIII–XX vv.)* [Historical songs of the 13th – 16th centuries (lists of the 18th – 20th centuries)]. Moscow; Leningrad: [s.n.].

Kashkin, V.B. & Peykhenen, S. (2000) *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian and Finnish communicative behavior]. Voronezh: Voronezh State Technical University.

Kipiani, N.A. (2009) Etnokonnnotatsii kak put' k osmysleniyu fenomena cheloveka [Ethnic connotations as a way of understanding human phenomenon]. In: Prokhorov, Yu.E. et al. (eds) *Voprosy yazyka i literatury v sovremennykh issledovaniyakh* [Problems of language and literature in modern studies]. Moscow: Redmer. pp. 12–18.

Kovalev, G.F. (1991) *Etnonimiya slavyanskikh yazykov. Nominatsiya i slovoobrazovanie*. [Ethnonymy in Slavic languages. Nomination and derivation]. Voronezh: Voronezh State University.

Novombergskiy, N. (1911) Slovo i delo gosudarevy: Protsessy do izdaniya

Ulozheniya Alekseya Mikhaylovicha 1649 g. T. 1 [Monarchic Word and Deed: Processes before the publication of the Penal Code by Aleksey Mikhailovich of 1649. Vol. 1]. *Zapiski Moskovskogo Arkheologicheskogo instituta*. 14.

Adrianova-Perets, V.P. (ed.) (1954a) *Russkaya demokraticeskaya satira XVII v.* [Russian democratic satire of the 17th century]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 121–124.

Mitroshkina, A.G. (1995) K etimologii etnonima *buryat* [On the etymology of the ethnonym *buryat*]. In: *Problemy buryatskoy filologii i kul'tury* [Problems of Buryat philology and culture]. Irkutsk: [s.n.]. pp. 29–30.

Adrianova-Perets, V.P. (ed.) (1954b) *Russkaya demokraticeskaya satira XVII v.* [Russian democratic satire of the 17th century]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 70–72.

Fenne, T. (1970) *Low German Manual of Spoken Russian*. Pskov. 1607: Transliteration and Translation. Vol. 2. Copenhagen: Royal Danish Academy of Sciences and Letters.

Shvetsova, E.A. (ed.) (1954) *Krest'yanskaya vojna pod predvoditel'stvom Stepana Razina* [Peasant War under the leadership of Stepan Razin]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.

Shvetsova, E.A. (ed.) (1957) *Krest'yanskaya vojna pod predvoditel'stvom Stepana Razina* [Peasant War under the leadership of Stepan Razin]. Vol. 2(1). Moscow: USSR AS.

Shvetsova, E.A. (ed.) (1959) *Krest'yanskaya vojna pod predvoditel'stvom Stepana Razina* [Peasant War under the leadership of Stepan Razin]. Vol. 2(2). Moscow: USSR AS.

Rezanova, Z.I. & Shilyaev, K.S. (2015) Ethnonyms “Rusin” and “Rusinian” in Russian discourse: a corpus study. *Rusin*. 1 (39). pp. 239–255. DOI: 10.17223/18572685/39/16

Nikolsky, N.K. (1922) Rech' tonkosloviya grecheskogo [Russian-Greek Talks]. In: Vasmer, M. (ed.) *Ein russisch-byzantinisches Gesprächsbuch. Beiträge zur Erforschung der älteren russischen Lexikographie* [A Russian-Byzantine conversation book. Contributions to the study of older Russian lexicography]. Leipzig: Markert et Petters in Komm.

Sreznevskiy, I.I. (1912) *Materialy dlya Slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language according to written monuments]. Vol. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Bogatov, G.A. (ed.) (1997) *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th centuries]. Vol. 22. Moscow: Institute of the Russian Language RAS.

Simoni, P. (ed.) (1899) Starinnye sborniki russkikh poslovits, pogovorok, zagadok i proch. XVII-XIX st. [Old collections of Russian proverbs, sayings, riddles, etc. of the 17th – 19th centuries]. In: *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka*

i slovesnosti [Collection of the Department of Russian Language and Literature]. Vol. 66 (7). ST. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Sulyak, S.G. (2007) Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee [Rusins in history: The past and the present]. *Rusin*. 4 (10). pp. 29–56.

Sulyak, S.G. (2009a) Rusins of the Carpathian region and Russian Civilisation. *Rusin*. 1 (15). pp. 158–162.

Sulyak, S.G. (2009b) Rusins: The past, the present, the future. *Rusin*. 3 (17). pp. 61–70.

Tuymebaev, Zh.K. (2009) Etimologiya etnonima oyrat [The etymology of the ethnonym *Oirat*]. *Vestnik Kazakhstansko-Amerikanskogo svobodnogo universiteta – Bulletin of the Kazakh-American Free University*. 2. pp. 3–10.

Sofronenko, K.A. (ed.) (1959) *Pamyatniki russkogo prava. Sobornoe ulozhenie tsarya Alekseya Mikhaylovicha. 1649 g.* [Monuments of Russian law. Sobornoye Ulozheniye by Tsar Aleksey Mikhailovich. 1649]. Vol. 6. Moscow: Gosyurizdat.

Vasmer, M. (1971) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 3. Moscow: Progress.

Grekov, B.D. & Adrianova-Perets, V.P. (eds) (1958) *Khozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina. 1466–1472 gg.* [A Journey Beyond The Three Seas by Athanasiy Nikitin. 1466–1472.]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

Nikonov, V.A. (ed.) (1970) *Etonimy: Sbornik statey* [Ethnonyms: A collection of articles]. Moscow: Nauka.

Yakutsk. (n.d.) *Yakutskie akty 1638-1647 gg.* [Yakut Acts of 1638–1647]. Fund 160. List 1. Files 1-7.

Зиновьева Елена Иннокентьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Zinovieva Elena - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: e.i.zinovieva@spbu.ru

УДК 975.174.2

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/9

THE FIRST RESULTS OF Y-DNA HAPLOGROUP TESTING FOR A MEDIEVAL RUSSIAN BURIAL OF THE 16TH – 17TH CENTURIES IN RADONEZH (MOSCOW AREA)

**Kh.Kh. Mustafin¹, I.E. Alborova²,
A.S. Semenov³, V.I. Vishnevsky⁴**

^{1,2,3}Moscow Institute of Physics and Technology

9 Institutskiy Lane, Dolgoprudny,

Moscow Region, 141700, Russia

¹E-mail: kh-mstf@yandex.ru,

²E-mail: ira_teuchezh@mail.ru

³E-mail: semyonov1980@mail.ru (corresponding)

⁴Sergiev Posad State History and Art Museum-Preserve

144 Red Army Avenue, Sergiev Posad,

Moscow Region, 141310, Russia

E-mail: vladwish@mail.ru

Abstract

This paper reports about the result of defining Y-DNA haplogroup for a medieval Russian man, whose remains were excavated in Radonezh area. The burial is dated by the 16th – 17th centuries, which was the periods of Russian Tsardom and the Time of Troubles. Radonezh was the centre of the Orthodox Church. The paper describes the burials, genotyping method, and the results. The obtained Y-DNA haplogroup is R1a1, typical for the Slavic population of Russia.

Keywords: haplogroup, Medieval Rus, Y-DNA, R1a1.

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ Y-ХРОМОСОМНОЙ ГАПЛОГРУППЫ ДЛЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАХОРОНЕНИЯ XVI–XVII вв. В РАДОНЕЖЕ (МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ)

**Х.Х. Мустафин¹, И.Э. Альборова²,
А.С. Семенов³, В.И. Вишнеvский⁴**

^{1,2,3}Московский физико-технический институт
Россия, 141700, Московская область,
г. Долгопрудный, Институтский переулок, 9

¹E-mail: kh-mstf@yandex.ru,

²E-mail: ira_teuchezh@mail.ru

³E-mail: semyonov1980@mail.ru (корреспондирующий)

⁴Сергиево-Посадский государственный историко-художественный
музей-заповедник
Россия, 141310, Московская область,
г. Сергиев Посад, проспект Красной армии, 144
E-mail: vladwish@mail.ru

Авторское резюме

Представлен первый результат определения Y-ДНК гаплогруппы из средневекового русского захоронения в окрестностях города Радонеж. Захоронение относится к XVI–XVII вв., периоду Русского царства и Смутного времени. Приводятся описание захоронения, метод генотипирования и результат. Для извлеченного ДНК выявлена гаплогруппа R1a1, типичная для славянского населения России.

Ключевые слова: средневековая Русь, Y-ДНК гаплогруппа, R1a1.

The research was carried out for the osteologic materials, namely, one skull excavated in 1989 from the Radonezh cemetery of XVI–XVII centuries. The excavations were made by the Sergiev Posad (former Zagorsk) State History and Art Museum-Preserve expedition lead by Dr. V.I. Vishnevsky.

Radonezh was a medieval Russian town near Serguiev Posad (but more old) and has become a small village. It is near 55 km from Moscow. The town of Radonezh was founded in the XI century by Novgorod set-

tlers near the preceding Finno-Ugric and Slavic Krivichi villages. Then Radonezh became a part of Vladimir-Suzdal and Moscow princedoms. The famous Trinity Monastery of the Russian Orthodox Church started in the vicinities of Radonezh.

The skull taken for the research is kept in the laboratory of the archaeological section of the Sergiev Posad State History and Art Museum-Preserve Below is the description of the skull taken from the report on the expedition¹:

Burial Nr. 1 (К8-А-Б/1-2). No traces of a pit. The burial is filled by the light-brown soil with the ceramic fragments. It is oriented to the South-West by the head, azimuth 245 degrees. The depth is 0.9 from the surface. The bones are of medium safety, the skeleton lies on the right side. The knees lie 20 cm from each other. The feet and shins were destroyed by the later burials. The hands are folded together. The orbits are oriented towards the South-West. The skeleton is attributed to a man of the age about 25 years. In the nose bridge and in the crown area there are small oval holes of around 1 cm diameter. An iron knife was found near the hips, a bronze cross with the Calvary depiction was found below the right shoulder. The cross was dated by M.V. Sedova by XVI–XVII centuries.

According to the dating²:

“The estimated time of the Radonezh burial functioning can be estimated around a century. The latest burial Nr. 1, which overlays the burial Nr. 13 (dated by the coin of 1560-1584) can be dated by the early beginning of the XVII century. In 1617 the nearby Church of the Athanasius the Great was mentioned in the landmark book as empty, so the cemetery was abandoned. So the Athanasius the Great cemetery functioned from the beginning of XVI century to the beginning of XVII century”.

The skull was transferred in 2016 to the Moscow to the Laboratory of Historical Genetics, Radiocarbon Analysis, and Applied Physics of Biopharmaceutical cluster “Northern” and the Moscow Institute of Physics and Technology (headed by Dr. Kh.Kh. Mustafin). The DNA from a tooth was extracted and then the procedure of sequencing was performed.

The research of the old DNA was carried out in a module, consisting of four glove boxes. To avoid the contamination each box was strictly separated from each other and from the environment and the atmosphere air was replaced by the inert gas of high purity. The DNA from the skull was extracted by means of the commercial kit **PrepFiler BTA Forensic DNA**, what is used in criminalistics and forensic medicine for the extraction of degraded DNA from complicated objects. The obtained DNA was analyzed by means of the standard molecular genetic techniques including real-time PCR on the **AB7500** equipment, fragment analysis and sequencing on genetic analyzer **AB3500 XL**.

The Y-DNA analysis revealed the R1a1 Y-DNA haplogroup, typical for the Slavic population. The obtained result can be compared with other still scarce results of the Slavic Y-DNA haplogroups (Table).

Now the Laboratory continues the works on the defining of mitochondrial DNA haplogroup by the capillary sequencing on **AB3500 XL** device. The detailed analysis to identify the subclade of R1a1 is also in process.

Of course, having only the first medieval Y-DNA haplogroup from Moscow area it is too early to make the final conclusion. But the first R1a1 finding in the medieval Russian burial supports the point of view that strong R1a1 presence was inherent for all medieval Russian lands from Carpathians to Volga not depending from the state borders.

Known Y-DNA haplogroups from different Old Slavic burial

Site	Y-DNA haplogroup	Source
Devichi Gory , Pskov district, (VIII–X centuries)	N1c	(Chekunova et al.)
Usedom , Eastern Germany (XIII century)	R1a1-M458, E1b1b	(Freder)
Radonezh , beginning of XVII century	R1a1	this work

Concerning Radonezh, we have two scenarios either the man was the descendant of Slavic settlers of Russian times or he was the descendant of pre-state settlers – Finns, Balts, or early Krivichi Slavs. The high concentration of Y-DNA N1c in Finnic and Baltic populations, and old N1c in possible Krivichi burial (Devichi Gory, Pskov area) give a first argument that the buried man was the descendant of the Slavic settlers of Russian times. But to increase the reliability, the future research is needed.

NOTE

1. *Вишневский В.И.* Отчет о раскопках экспедиции Загорского музея-заповедника в Загорском районе в 1989 году // Архив ИА РАН. P-1. № 1396 (Vishnevsky, V.I. The Report about the Excavations of the expedition of Zagorsk State History and Art Museum-Preserve in the Zagorsk district in 1989. The Archive of the Archaeology Institute of the Russian Academy of Sciences, P-1. Nr. 1396).

2. *Вишневский В.И.* Древний Радонеж (по материалам археологических раскопок 1980-х годов) // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения 1995. М., 1995. С. 12 – 30. (Vishnevsky, V.I. Old Radonezh

(according to the archaeological excavations of 1980-ies) // Sergiev Posad State History and Art Museum-Preserve. Reports, 1995. pp. 12–30).

REFERENCES

Chekunova, E.M., Yartseva, N.V., Chekunov, M.K. & Mazurkevich, A.N. (2014) The First Results of the Genotyping of the Aborigines and Human Bone Remains of the Archeological Memorials of the Upper Podvin'e. *Archeology of the Lake Settlements of IV–II Thousands BC: The chronology of cultures and natural environment and climatic rhythms*. Proceedings of the International Conference, devoted to the 50th year of research of the Pile Settlements on the North-West of Russia. St. Petersburg.

Freder, J. (2010) *Die mittelalterlichen Skelette von Usedom* [The medieval skeletons of Usedom]. Dissertation Free. University of Berlin.

Мустафин Харис Харрасович – кандидат технических наук, заведующий лабораторией исторической генетики, радиоуглеродного анализа и прикладной физики Московского физико-технического института и биофармкластера «Северный» (Россия).

Mustafin Kharis - Moscow Institute of Physics and Technology (Russia).

E-mail: kh-mstf@yandex.ru

Альборова Ирина Эдуардовна – кандидат биологических наук, научный сотрудник лаборатории исторической генетики, радиоуглеродного анализа и прикладной физики Московского физико-технического института и биофармкластера «Северный» (Россия).

Alborova Irina – Moscow Institute of Physics and Technology (Russia).

E-mail: ira_teuchezh@mail.ru

Семенов Александр Сергеевич – кандидат физико-математических наук, эксперт кафедры инновационной фармацевтики и биотехнологии Московского физико-технического института и биофармкластера «Северный» (Россия).

Semenov Alexander - Moscow Institute of Physics and Technology (Russia).

E-mail: semyonov1980@mail.ru

Вишневецкий Владимир Игоревич – кандидат исторических наук, заведующий археологическим отделом Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника (Россия).

Vishnevsky Vladimir - Sergiev Posad State History and Art Museum-Preserve (Russia).

E-mail: vladwish@mail.ru

УДК 94(478)"18/19"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/10

ЗАДУНАЙСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В МОЛДАВСКИХ ГРАМОТАХ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в.

Н.Д. Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака
Молдова, 7400, г. Тараклия, ул. Мира, 9
E-mail: nrussev@mail.ru

Авторское резюме

Анализируется содержание двух десятков грамот 1793–1806 гг., составленных от имени молдавских господарей в связи с так называемыми задунайскими переселенцами, которые в документах называются сербами. Выяснилось, что речь идет о болгаргах, по самым разным причинам покинувших родные места и поселившихся в Молдавии на положении обеспеченной податными льготами сословной группы «рупта де вистерия». Деятельность абсолютного большинства переселенцев была ориентирована на рынок, поэтому селились они в Кишиневе и вблизи этого торгового местечка. В такой миграции с правого на левый берег Дуная были взаимно заинтересованы как переселенцы, так и молдавские правители.

Ключевые слова: задунайские переселенцы, болгары, сербы, Молдавия, Османская империя, «Ханская Украина», Буджак, райи, Кишинев, «рупта де вистерия».

TRANS-DANUBIAN MIGRANTS IN MOLDAVIAN DOCUMENTS OF THE LATE 18TH – EARLY 19TH CENTURIES

N.D. Russev

Tsamblak State University of Taraclia
9 Peace Street, Taraclia, 7400, Moldova
E-mail: nrussev@mail.ru

Abstract

The article analyses the content of a score of documents dated by 1793–1806 which were composed on behalf of the Moldovan gentlemen in connection with the so-called Trans-Danubian migrants, who are called Serbs in the documents. It turns out that this

refers to the Bulgarians who left their native places for various reasons and settled in Moldova as “Rupta de Wisteria”, a social group with taxable benefits. Most of the settlers were market-oriented, so they settled in Chişinău and near this trading post. The migration from the right to the left bank of the Danube was mutually beneficial for the settlers and Moldovan rulers.

Keywords: Trans-Danubian settlers, Bulgarians, Serbs, Moldavia, Ottoman Empire, “Khan Ukraine”, Budzhak, rayah, Chişinău, “Rupta de Wisteria”.

Начало массового движения задунайских переселенцев в молдавские земли обычно связывают с событиями Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., завершившейся присоединением к российским владениям земель, лежащих к востоку от реки Прут и дельты Дуная. Вместе с тем многие исследователи указывают, что процесс перемещения в Валахию и Молдавию имел место и ранее – на протяжении XV–XVIII вв. Давно высказано предположение, что «в Молдавском княжестве поселение иммигрантов осуществлялось только путем льготной правительственной колонизации» (Драгнев 1975: 180). Существенным поводом для нового обращения к названной теме стало ознакомление с содержанием ряда грамот молдавских господарей 1793–1806 гг., выпущенных мизерным тиражом провинциальным болгарским издательством более десяти лет назад (Дундаров, Пелин 2005). Изучение совокупности этих и других опубликованных документов дает возможность проследить особенности развития межэтнических контактов в регионе до установления здесь власти России.

Сведения, о которых идет речь, с большим трудом прокладывали себе дорогу к современным читателям. Сначала упоминались 13 господарских грамот на льготы 486 семьям сербов, осевшим в Кишиневе в последние годы XVIII – начале XIX в. Отмечалось, что сербы и болгары оседали в различных селах Лапушно-Оргеевского уезда, а также создавали новые поселения – Парканы, Папауцы, Сырбь и др. (Драгнев 1975: 184–185). Гораздо позже были изданы полные переводы четырех грамот – 1793, 1800 гг. и две 1801 г. (Пелин 1992: 56–59).

Уже в нынешнем столетии стали доступны оригиналы текстов 20 грамот: 1793 г. – 1, 1800 г. – 1, 1801 г. – 2, 1802 г. – 3, 1803 г. – 6, 1804 г. – 3, 1805 г. – 3, 1806 г. – 1 (Дундаров, Пелин 2005: 21–146). К сожалению, приходится говорить о больших изъянах публикации. Молдавская исследовательница В.С. Пелин выполнила свою часть работы на высоком профессиональном уровне, тогда как ее болгарский соавтор этим требованием науки пренебрег, очевидно, в угоду собственным довольно примитивным амбициям. Не буду писать о

его выпадах в адрес коллег из Молдовы. Укажу лишь, что к грамотам И.Дундаров приложил «вольные» болгарские переводы, существенно искажившие молдавские подлинники. Соответствующие оригиналам текстов русские переводы В.С.Пелин в издание не включены. Попытка ввести в заблуждение читателей, которым не понятен молдавский язык более чем двухвековой давности, к счастью, не обесценивает содержания документов, выпущенных господарской канцелярией.

Самая ранняя из названных грамот издана 14 октября 1793 г. Михаилом Константином Суцулом – представителем греческой династии, занимавшим молдавский престол в 1793–1795 гг. В документе поименно назван 21 иностранец – *«шаменй стрейний»*¹, члены 14 семей, которые «вынуждены были вместе с другими людьми уйти за Днестр до начала и во время случившегося мятежа в райи всесильной империи от бывшего над ними насилия». Вновь добиваясь покровительства Османской империи, они просили определить их на жительство в Молдавии, в Кишиневе: *«ын пъмънтул Молдовой, ла търгул Кишьнь-улуй»*. Господарь установил для этих людей постоянную ежегодную подать в государственную казну – *«ла вистерия»*. Деньги следовало вносить двумя равными частями в праздники св. Дмитрия и св. Георгия. При этом чиновникам Оргеевского цинута (езда) предписывалось в точности соблюдать зафиксированный грамотой порядок обложения новых поселенцев (Пелин 1992: 56–57; Дундаров, Пелин 2005: 22, 24).

Документ от 11 июля 1800 г. составлен от имени убежденного русофила Константина Александра Ипсиланти, в первый раз ставшего господарем Молдавии в марте 1799 г. В этой грамоте речь идет о 63 «иностранцах из-за Дуная» – *«шаменй стрейний де писте Дунъре»*. Они прибыли в земли Молдавии бедными и лишенными всего необходимого. Желая обосноваться в Кишиневе, эти «иностранцы» просили установить им подати в определенном размере, «чтобы знать, какую сумму они должны выплачивать в год, а другими повинностями не были больше отягощены». Проникнувшись тяжелым положением единоверных иноземцев и не желая бросать их в бедности, господарь установил им посильную подать, которую предложено было вносить в «вистерию» двумя равными частями также в дни св. Георгия и св. Дмитрия. Грамота гарантировала, что с новоприбывших не будут взиматься никакие другие платежи: «...ни пособия, ни денежные издержки вистерии, ни почтовые деньги, ни какие-либо другие повинности: поставка масла, провианта, рабочих, подвод, строевого леса и тому подобное». Особо оговаривалась позиция властей относительно овец, принадлежавших переселенцам из-за Дуная и остававшихся за пределами молдавских владений. Подчеркивалось условие, что отары, которые содержатся «за границей – в Украине или Буджаке

или в других иностранных местах, никогда не будут пригнаны в земли Молдавии» (*«писте хвтар – ын Окраина ши ын Буджяк сау ынтр-алте пърц стрейне ши ну ле вор адуче ничь ѡдать ын... пъмънтул ачеста а Мѡлдавѡйя»*). Тогда с овец хозяева не должны были давать десятину – «гоштину». Однако тем из них, кто перегонял своих овец через границу, предстояло «платить гоштину подобно другим жителям страны» – *«вор плъти ши ей гоштина ка ши алц лъкуиторй ай църйй»* (Пелин 1992: 57; Дундаров, Пелин 2005: 26, 28).

В рассматриваемых грамотах выходцев с Балкан характеризует устойчивое словосочетание «иностранные люди из-за Дуная» – в оригинале *«оаменй стрейнй де писте Дунъре»*. Упоминания о Дунае нет только в уже цитированной грамоте от 14 октября 1793 г., а также в грамоте Александра Константина Морузи от 14 мая 1803 г., в которой говорится более обобщенно о людях, прибывших из-за границы – *«де писте хотару»* (Дундаров, Пелин 2005: 70, 72). Почти во всех случаях – в 18 из 20 – эти чужеземцы называются сербами (варианты: *«люди сърбйй», «сърбй стрейнй»* или просто *«сърбйй»*). Только один раз использовано более сложное и довольно неожиданное этническое определение *«люди сърбй булгарйй»* (грамота того же господаря, составленная 16 сентября 1803 г.) (Дундаров, Пелин 2005: 94).

Однако анализ географии происхождения задунайских переселенцев дает вполне определенную картину.

Таблица 1

Данные о численности и происхождении задунайских переселенцев в молдавских грамотах 1800–1805 гг. (Дундаров, Пелин 2005)

Дата	Кол-во душ	Этническое определение	Каза, откуда прибыли	Населенные пункты, откуда прибыли
1800, 11.06.	63	<i>сърбйй</i>	–	<i>Калефер</i>
1801, 13.02.	26	<i>сърбйй</i>	–	<i>Калофир</i>
1803, 16.09.	40	<i>сирбйй булгарйй</i>	<i>Филипополис</i>	<i>Абрашлари, Хамзалари, Караорман</i>
1803, 16.09.	23	<i>сирбйй булгарйй</i>	<i>Ендрине</i>	–
1803, 18.10.	35	<i>сърбйй</i>	<i>Ямболи</i>	<i>Фундуклия, Салманилор</i>
1804, 05.12.	52	<i>сърбйй</i>	–	<i>Видин, Калифер, Тетован, Казанлък, Карлава, Ендерне, Тернова, София, Филипопол, Негебол, Саркукю, Пабакию, Аврада</i>
1805, 27.01.	31	<i>сърбйй</i>	<i>Ендрине</i>	–
1805, 16.08.	20	<i>сърбйй</i>	<i>Филибе</i>	–
	290			

На основе данных табл. 1 легко убедиться в том, что чаще всего (в пяти случаях) места происхождения людей, обратившихся в канцелярию молдавского господаря, названы в соответствии с принятым в Османской империи делением на «казы»² (см.: Серета 2009: 54), например «*де ла казаа Филополис*». Еще в четырех грамотах записаны названия конкретных населенных пунктов. Это существующие и теперь довольно крупные города различных районов Болгарии, а также Едирне (античный Адрианополь, болгарский Одрин) в современной Турции.

Таким образом, анализ восьми грамот 1800–1805 гг. позволяет прийти к однозначному выводу о том, что названные в них сербы приходили во владения господарей Молдавии из болгарских, а не из сербских этнических территорий. На это указывают и более ранние документы. Например, в одной из грамот 1783 г. говорится об иностранце, который поселился в селе *Ciuciule* Ясского цинута. Этот человек именуется «*lon, sin lani, sîrbul de la Târnova*» (Documente 2005: 149).

Разумеется, очень трудно предположить существование в болгарских землях, включая историческую столицу, такого количества сербов, регулярно переселявшихся на левобережье Дуная. Скорее всего, такая «документальная» смена этнонимов связана, в первую очередь, с традициями молдавско-валашской письменной культуры изучаемой эпохи. Любопытно, что с распространением в деловой документации Бессарабской области русского языка упоминаний о сербах стало гораздо меньше. Когда же на юге края в 1816–1818 гг. была проведена перепись задунайских переселенцев, включая осевших в молдавских землях до Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., то сербов среди них практически не оказалось (Мещеряк 1957: 57–58, 99–101).

Что касается количества людей, перечисленных в 20 грамотах 1793–1806 гг., то предварительные подсчеты дают общую цифру, превышающую 1 100 человек обоих полов. Судя по табл. 1, значительная часть из них – не менее 10–15 % – была представлена выходцами из Софии, Видина, Пловдива, Никополя, Калофера, Карлово, Казанлыка, Тырново (Дундаров, Пелин 2005: 114, 116). Вероятно, это были люди, занимавшиеся производством и реализацией товара. Предполагаю, что можно говорить не только о ремесленных изделиях, но и о поставках на рынки продукции овцеводства и овощеводства.

В двух десятках опубликованных грамот имеются интересные сведения о соседних с Молдавией и независимых от господаря областях. Они документально определены как «иностраннные» – «*пърци стрейне*». Имеются в виду близко расположенные к молдавским владениям юго-восточные земли, подчиненные татарам и туркам. По всей видимости, таковыми в начале XIX в. считались территории Украины и Буджака (грамоты от 11 июля 1800 г., 13 февраля 1801 г.

и 23 сентября 1802 г.). На левобережье Днестра лежала «Ханская Украина», центром которой являлись Дубоссары. Кроме того, в данную категорию включены райи, находившиеся под контролем османской администрации, как и крепости Килия, Измаил, Аккерман и Бендеры с размещенными в них гарнизонами (грамота от 14 октября 1793 г.).

Достоверные сведения о проживании на левобережье Днестра болгар датируются уже началом XVIII в. Так, русское описание маршрута «до Царя-Города от Киева» утверждает, что на границе с Польшей у Днестра выше Дубоссар находится Егорлык³, «а владеет им крымский хан». В этом местечке насчитывалось две сотни домов евреев, «волохов и болгаров». Ниже по течению реки располагались села, принадлежавшие бендерскому паше: Беляковка – примерно 100 дворов и Ташлык⁴ – около 200. Их жителями также были молдаване и болгары (Русов 1876: 79–80).

Что касается турецких городов, то в них болгары селились еще раньше. В частности, по сообщению христианина из Сирии, ко второй половине XVII в. в Измаиле проживало «более двенадцати тысяч семейств валахов и болгар, которые бежали от притеснений турок» (Павел Алеппский 1900: 14). Хотя эта цифра представляется явно завышенной, сам факт пребывания среди горожан значительного числа болгар подтверждается сообщениями других авторов той эпохи (см., напр.: Филип Станиславов 1982: 131). Там же, как отмечалось полвека спустя, измаильчане – турки, волохи, болгары, греки – «торги имеют нарочитые» (Русов 1876: 82). Имеются данные, что в 1774 г. «у Килии поселились 74 семейства сербов из-за Дуная» (Драгнев 1972: 309).

Буджак, или «Буджакская земля», в соответствии с авторитетным мнением первого молдавского историка Д. Кантемира, еще в 1568 г. был «предоставлен для обитания ногайским татарам», имевшим в начале XVIII в. единственный город – Каушаны (Димитрий Кантемир 1973: 25). Тогда же цитируемый выше источник (Русов 1876) о русском тракте сообщает, что в этом принадлежавшем крымскому хану местечке проживали *«турки и татары, а большая часть христиан - волохи, и болгары, и греки»* (Русов 1876: 81).

Таким образом, не подлежит сомнению, что движение из-за Дуная имело место как в направлении Валахии⁵ и Молдавии, так и в пределы соседних османско-татарских владений. Причем миграции происходили по принципу сосудов, сообщающихся в зависимости от колебания конъюнктуры в этой части пространства, подвластного Османской империи. Судя по всему, этот факт в какой-то мере осознавали молдавские господа и сами переселенцы.

Разумеется, во время полных опасности событий русско-турецких войн и неизбежной поляризации сил потоки переселенцев прио-

бретали направленность, обусловленную религиозно-культурной близостью сторон. Не случайно подъем миграционной волны был зафиксирован в 1772 г., когда в 11 уездах Молдавии обосновалось более 1 700 чел. – 320 семей задунайских выходцев (Драгнев 1972: 309; 1975: 181).

Из 20 исследуемых документов в 14 грамотах содержатся сведения об оседании людей с правобережья Дуная в Кишиневе Орхейского (Лапушно-Орхейского) цинута, занимавшего центральную часть современной Молдовы. Более 80% новопоселенцев – 457 чел. из 567 – стали жителями этого торгового поселения, недвусмысленно называвшегося *тырг*. Оставшиеся менее 20% задунайцев остановились на жительство в селах (табл. 2).

Таблица 2

Данные о численности и местах поселения задунайских переселенцев в молдавских грамотах 1803–1806 гг. (по: Дундаров, Пелин 2005)

Дата	Душ	Цинуты, в которых поселяются	Населенный пункт	Номенклатура поселений
1803, 15.03.	17	<i>Гречений</i>	<i>Паикул</i>	<i>Мошия</i>
1803, 22.05	12	<i>Гречений</i>	<i>Паикул</i>	<i>Сатул</i>
1803, 18.10.	35	<i>Орхеюл</i>	<i>Петриканий</i>	<i>Сатул</i>
1805, 27.01.	31	<i>Кодрулуй</i>	<i>Баба-Яна</i>	<i>Слобозие</i>
1805, 20.02.	6	<i>Гречений</i>	<i>Паикул</i>	<i>Сатул</i>
1806, 15.07.	9	<i>Кодрулуй</i>	<i>Баба-Яна</i>	<i>Сатул</i>

Один из этих населенных пунктов – Петриканий – является частью сегодняшнего Кишинева. Два других села – Баба-Яна и Паикул – находились на территориях Кодрского и Греченского цинутов, которые располагались южнее на левом берегу реки Прут, доходя на юге до придунайского озера Кагул. На востоке они граничили с Буджаком. Показательно, что оба поселения относятся к разным типам. Если «слобозия» подразумевала наличие у жителей податных льгот, то «мошия» означала вотчину (буквально по-русски – «дедина»), у которой был наследственный землевладелец. Крупнейшим помещиком в припрутских землях являлся тогда Иоанн Бальш, заявивший в августе 1817 г., что из его имений сбежало 498 семей болгар, поселившихся в них с 1775 по 1805 г. (см.: Устройство задунайских переселенцев 1957: 436–437. № 340).

Из рассматриваемого актового материала (см. грамоту от 14 октября 1793 г. и др.) следует: устраиваясь на жительство в Молдавии, иностранцы поступали в особую сословную группу *«рупта де вистерия»*, которой господари обеспечивали некоторые привилегии. Такие но-

воприбывшие ежегодно вносили фиксированную плату в державную казну («вистерию»), но не платили прочих многочисленных податей в пользу государства. С включением Бессарабии в состав Российской империи большинство представителей этой группы изменили правовой статус, став колонистами, а остальные уже к середине XIX в. слились с массой рядовых сельских жителей или горожан, отбывая все установленные для них повинности (Очерки истории 1967: 49–54).

Большое значение для понимания характера переселений из-за Дуная в мирное время имеет одна из грамот Александра Константина Маврокордата, правившего в Молдавии с июня 1782 по январь 1785 г. В середине мая 1783 г. господарь жаловал своею милостью иностранца «серба Михая Митрешу» («*Mihai Mitreșu sirbul*»). Этот человек некогда поселился в селе Парканы (*Părcane*) Орхейского цинута, где женился на дочери мазила⁶. Он заслужил награду тем, что привел в цинут множество переселенцев из-за границы, которые основали села Парканы, Папауцы, Сырбь (*Părcane, Păpăuți, Sirbi*). В документе прямо сказано, что господарь зачисляет Михая в привилегированную категорию жителей страны – мазилов, ожидая, что этот человек и впредь будет способствовать привлечению в Молдавию иностранных поселенцев (Documente 2005: 144–145. Nr. 106; ср.: Драгнев 1975: 184–185).

Подводя итоги, следует сказать, что документы о задунайских переселенцах, появившихся в молдавских землях задолго до войны 1806–1812 г., показывают, что эти процессы связаны с взаимной заинтересованностью иммигрантов и господарской администрации. Недостаток податного населения в Молдавии издавна восполнялся за счет выходцев из соседних стран (Руссев 2006: 90–101). При этом предпочтение отдавалось единоверцам, для привлечения которых использовались все подходящие возможности – от бедствий войн и голодных лет до общего османского «зонтика» и инициативы частных лиц. Судя по всему, многие из уже сложившихся традиций, не исключая и части привычных терминологических понятий, обрели новую жизнь в условиях утверждения в Пруто-Днестровском междуречье власти России.

Еще несколько десятилетий назад в историографии было сформулировано противоречивое мнение о том, что до Бухарестского мира Бессарабия являлась «органической частью Молдавии», владениями которой на правах сюзерена распоряжалась Турция (Лазарев 1974: 111–112). В спорах, разгоревшихся с новой силой в связи с двухсотлетием этого события, акцент делался на пагубной для края политике российского царизма. В частности, обвинения в адрес властей империи звучали и так: «Вместо того чтобы дать крестьянам

из центральных районов земли на юге, туда специально завезли чужаков, чтобы отделить нас от Дуная и Черного моря» (<http://enews.md/articles/view/2413/>). Полагаю, что содержание рассмотренных в статье документов показывает, сколь далекими от исторической реальности бывают умозрительные картины, усердно создающиеся в тиши академических кабинетов.

Примечания

1. Цитаты из подлинных грамот даны курсивом с сохранением особенностей правописания документов.
2. Каза или кадилык – судебно-административные округа во главе с шариатским судьей (кади).
3. Село Ягорлык почти полностью затоплено в 50-е гг. XX в. при строительстве Дубоссарской ГЭС.
4. Ныне микрорайон Дубоссар – Магала.
5. Изучение значительного пласта сведений на этот счет не является задачей настоящей статьи.
6. Представитель пользовавшегося податными льготами сословия, приравненного в присоединенной к России Бессарабии к однодворцам.

ЛИТЕРАТУРА

Димитрий Кантемир 1973 - *Димитрий Кантемир*. Описание Молдавии. Кишинев: Карта Молдовеняскэ, 1973.

Драгнев 1972 - *Драгнев Д.М.* Динамика численности народонаселения и некоторые миграционные процессы в Карпато-Дунайских землях XVIII в. // Юго-Восточная Европа в Средние века. Кишинев: Штиинца, 1972. С. 277–327.

Драгнев 1975 - *Драгнев Д.М.* Сельское хозяйство феодальной Молдавии (конец XVII – начало XIX в.). Кишинев: Штиинца, 1975.

Дундаров, Пелин 2005 - *Дундаров И., Пелин В.С.* Грамотите на молдовските князе за приемането и настаняването на българи в Молдова през 1790–1810 г. Ямбол: Издателска къща «Жельо Учков», 2005.

Лазарев 1974 - *Лазарев А.М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев: Карта Молдовеняскэ, 1974.

Мещерюк 1957 - *Мещерюк И.И.* Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812–1820 гг. Кишинев: Гос. изд-во Молдавии, 1957.

Очерки истории 1967 - Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812–1861). Кишинев: Карта Молдовеняскэ, 1967.

Павел Алеппский 1900 - Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидьяконом Павлом Алеппским. М.: Университетская типография, 1900. Вып. 5.

Пелин 1992 - *Пелин В.* Из истории колонизации Бессарабии // *Sugetul. Социально-политический и научно-методический журнал.* 1992. № 3. С. 56–59.

Русов 1876 - *Русов А.А.* Русские тракты в конце XVII – начале XVIII века // *Записки Юго-Западного отдела Императорского Русского географического общества.* Киев, 1876. Т. III. С. 47–120.

Русев 2006 - *Русев Н.Д.* Славянский фактор в истории средневековой Молдавии // *Русин.* 2006. № 4 (6). С. 90–101.

Середа 2009 - *Середа А.* Силистренско-Очаковският еялет през XVIII – нач. на XIX в. Административно-териториално устройство, селища и население в Северозападното Причерноморие. София: Дио Мира, 2009.

Устройство задунайских переселенцев 1957 - Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А.П. Юшневского: сб. док. / Сост.: К.П. Крыжановская, Е.М. Русев. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1957.

Филип Станиславов 1982 - *Филип Станиславов.* Бележки за епископското посещение в Добруджа и Буджак // *Пътища и пътешественици XIV–XIX век.* София, 1982.

Documente 2005 - *Documente privitoare la istoria Țării Moldovei în sec. al XVIII-lea (1775–1786).* Chișinău: Civitas, 2005.

REFERENCES

Kantemir, D. (1973) *Opisanie Moldavii* [The Description of Moldova]. Chișinău: Kartya Moldovenyaske.

Dragnev, D.M. (1972) *Dinamika chislennosti narodonaseleniya i nekotorye migratsionnye protsessy v Karpato-Dunayskikh zemlyakh XVIII v.* [Population dynamics and some migration processes in the Carpathian-Danube lands of the 18th century]. In: Budak, I.G. (ed.) *Yugo-Vostochnaya Evropa v srednie veka* [South-Eastern Europe in the Middle Ages]. Chișinău: Shtiintsa. pp. 277–327.

Dragnev, D.M. (1975) *Sel'skoe khozyaystvo feodal'noy Moldavii (konets XVII – nachalo XIX v.)* [Agriculture of feudal Moldavia (the late 17th – early 19th centuries)]. Chișinău: Shtiintsa.

Dundarov, I. & Pelin, V.S. (2005) *Gramotite na moldovskite knyaze za priemaneto i nastanyavaneto na b'lgari v Moldova prez 1790–1810 g.* [The edicts of Moldovan princes for acceptance and placement of Bulgarians in Moldova in 1790–1810]. Yambol: Zhel'no Uchkov.

Lazarev, A.M. (1974) *Moldavskaya sovetskaya gosudarstvennost' i bessarabskiy vopros* [The Moldovan Soviet statehood and the Bessarabian issue]. Chișinău: Kartya Moldovenyaske.

Meshcheryuk, I.I. (1957) *Antikrepostnicheskaya bor'ba gagauzov i bolgar Bessarabii v 1812–1820 gg.* [The anti-serfdom struggle of Gagauzians and Bulgarians of Bessarabia in 1812–1820]. Chișinău: Gos. izd-vo Moldavii.

Budak, I.G. & Grosul, Ya.S. (1967) *Ocherki istorii narodnogo khozyaystva Bessarabii (1812–1861)* [Essays on the history of the national economy of Bessarabia (1812–1861)]. Chişinău: Kartya Moldovenyaske.

Paul of Aleppo (1900) *Puteshestvie Antiokhiyskogo patriarkha Makariya v Rossiyu v polovine XVII veka, opisannoe ego synom arkhid'yakonom Pavlom Aleppskim* [Journey of the Antiochian Patriarch Macarius to Russia in the mid-17th century, described by his son Archdeacon Paul of Aleppo]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.

Pelin, V. (1992) Iz istorii kolonizatsii Bessarabii [From the history of Bessarabian colonization]. *Cugetul. Sotsial'no-politicheskiy i nauchno-metodicheskiy zhurnal*. 3. pp. 56–59.

Rusov, A.A. (1876) Russkie trakty v kontse XVII – nachale XVIII veka [Russian tracts in the late 17th – early 18th centuries]. In: *Zapiski Yugo-Zapadnogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the South-West Division of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 3. Kyiv: [s.n.]. pp. 47–120.

Russev, N.D. (2006) Slavyanskiy faktor v istorii srednevekovoy Moldavii [The Slavonic factor in the history of medieval Moldavia]. *Rusin*. 4 (6). pp. 90–101.

Sereda, A. (2009) *Silistrensko-Ochakovskiyat eyalet prez XVIII – nach. na XIX v. Administrativno-teritorialno ustroystvo, selishcha i naselenie v Severozapadnoto Prichernomorie* [Silistra-Ochakovskiyat Eyalet in the 18th – early 19th centuries. The administrative-territorial structure, settlements and population in the Northwestern Black Sea shore]. Sofia: Dio Mira.

Kryzhanovskaya, K.P. & Russev, E.M. (eds) (1957) *Ustroystvo zadunayskikh pereselentsev v Bes-sarabii i deyatel'nost' A.P. Yushnevskogo* [Settlement of Trans-Danubian settlers in Bessarabia and activities of A.P. Yushnevsky]. Chişinău: Kartya Moldovenyaske.

Stanisławów, P. (1982) Belezhki za episkopskoto poseshchenie v Dobrudzha i Budzhyak [Notes about the episcopal visit to Add-Rugile and Budzhyak]. In: Gyurova, S. (ed.) *P"tishcha i p"teshestvenitsi XIV–XIX vek* [Roads and travelers of the 14th – 19th centuries]. Sofia: B"lgarski pisatel.

Dragnev, D. (ed.) (2005) *Documente privitoare la istoria Ţării Moldovei în sec. al XVIII-lea (1775–1786)* [Documents relating to the history of Moldavia in 1775–1786]. Chişinău: Civitas.

Руссев Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры филологии, истории и общественных наук Тараклийского государственного университета им. Г. Цамблака (Молдова).

Russev Nikolai - G. Tsamblak State University of Taraclia (Moldova).

E-mail: nrussev@mail.ru

УДК 94(410:71)"19/20"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/11

ИММИГРАЦИЯ РУСИНОВ В КАНАДУ НА РУБЕЖЕ XIX – НАЧАЛА XX в.: ФОРМИРОВАНИЕ ДИАСПОРЫ И ЕЕ АДАПТАЦИЯ*

В.В. Шевцов¹, М.Н. Бабута²

¹Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: totleben@yandex.ru

²Томский политехнический университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30
E-mail: babuta_m@rambler.ru

Авторское резюме

Первая волна иммигрантов в 1896–1914 гг. была наиболее массовой и стала фундаментом формирования русинского сообщества в Канаде. Иммигранты первой волны происходили из областей, сильнее других испытывавших земельный голод, – Восточной Галиции, Закарпатья, Северной Буковины. Для принимающей стороны они выступали как «галичане», «буковинцы», «русины». Увеличение притока иммигрантов отвечало задачам сельскохозяйственного и промышленного роста Канады, что определяло сравнительную легкость въезда в страну, но не отменяло трудностей по первоначальной экономической, языковой и культурной адаптации переселенцев. Формой интеграции русинов в новое сообщество стали компактные анклавные поселения, помогавшие сохранить и воспроизвести свою культурную идентичность через традиционный хозяйственно-бытовой уклад, привычную топонимику новых поселений, образование на национальном языке, собственные печатные органы, религиозные и общественные организации. Родственный исторической родине ландшафт и климатические условия позволили русинам быстро адаптироваться на новых территориях и внести свой вклад в экономический рост Канады.

Ключевые слова: русины, диаспора, Канада, миграция, идентичность.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009 (проект «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности»).

IMMIGRATION OF RUSINS TO CANADA IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: THE DIASPORA FORMATION AND ADAPTATION*

V.V. Shevtsov¹, M.N. Babuta²

¹Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: totleben@yandex.ru

²Tomsk Polytechnic University,
30 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: babuta_m@rambler.ru

Abstract

The first inflow of immigrants in 1896–1914 was the largest, so it laid the foundations for the Rusin community in Canada. The first wave immigrants came from Eastern Galicia, Transcarpathia, and Northern Bukovina, which suffered from land hunger more than other territories. In Canada they were referred to as “Rusins”, “Galicians”, “Bukovinians”. The increase of the immigration inflow contributed to the agricultural and industrial growth of Canada. It explained a comparatively easy entry into the country; however, it did not remove initial difficulties of economic, linguistic and cultural adaptation. The Rusins formed dense enclaves that helped to preserve and reproduce their cultural identity through the traditional household, habitual toponymy of new settlements, national language education, publishing houses, religious and public organisations. The landscape and climate that reminded Rusins their native land allowed their quickly adaptation to new areas and contributed to the economic growth of Canada.

Keywords: Rusins, diaspora, Canada, migration, identity.

С 20-х гг. XX в. в научно-политическую лексику вошло понятие «канадская мозаика», характеризующее сосуществование в стране множества этнических групп и формирование на их основе «первой многокультурной нации мира» (Черкасов 2002: 222). Канадская политика поощрения многокультурности, проявляющаяся в финансовой поддержке разноязычной прессы, школ с преподаванием на языках различных национальностей, деятельности многочисленных

* The research is supported by the Russian Federation Government Grant П 220 Nr. 14.B25.31.0009 within the project “Man in a Changing World. Problems of Identity and Social Adaptation in History and at Present”.

культурных обществ, фольклорных фестивалей, поддерживает существование всех этнических групп в своей стране. Если в начале политики мультикультурализма акцент был сделан на сохранении культурных традиций этнических групп, то потом закреплялись такие положения, которые регулировали не только культурное равенство, но и равенство в социальной, экономической, политической сферах (Babuta et al. 2015). Русины сыграли в этом процессе немалую роль, принимая активное участие в жизни принимающей страны.

На начало XX в. пришелся непростой период в истории русинов Австро-Венгрии. Вследствие тяжелого экономического положения многие русины во второй половине XIX в. вынуждены были иммигрировать в Америку. В 1891 г. в Канаду прибыли первые переселенцы из села Небылив Ивано-Франковской области (Австро-Венгрия) – крестьяне Иван Пилипов и Василь Елиняк (Ukrainian 1951: 13). Узнав о возможности при переселении в Канаду иметь свою землю, стать «вольным человеком», Иван Пилипов задумался об отъезде в эту страну. Этот его шаг привел к массовой иммиграции в Канаду (Шапка 2007: 146). Первая волна иммиграции пришлась на период с 1896 по 1914 г. и составила более 170 тыс. чел. (Евтух и др. 2000: 85; Украинцы 2016). В переселенческом потоке преобладание выходцев из Галиции было настолько явным, что все остальные славяне в представлениях принимающей стороны стали отождествляться с ними. Во многих канадских источниках они писались как *галишенс* – галичане (Сыч 1990: 177). К 1907 г. неанглоязычное население Канады составляло уже 28 %, и большая часть его была представлена переселенцами из Восточной Галиции, Закарпатья и Северной Буковины (Woodsworth 1909: 22; Martinowych 1978: 12). Канадские власти поддерживали их под именем *руснаци* (Ruthenians), и они занимали среди других этнических групп третье место после немцев и словаков (Медєши 2007: 157).

Основная причина отъезда с исторической родины – безземелье. Примерно 3/4 иммигрантов – люди трудоспособного возраста (от 15 до 40 лет), преимущественно мужчины, что было очень выгодно для канадского правительства, испытывавшего недостаток в трудовых ресурсах. К концу 90-х гг. XIX в. в галицких, буковинских и закарпатских селах действовало от 5 до 6 тыс. канадских эмиграционных агентов, получавших в качестве вознаграждения 5 долларов за завербованного мужчину и по 2 доллара за члена семьи (Черная 1988: 145). Канада вступила в период стремительного промышленного роста, и массовое строительство железных дорог, развитие лесной и горнодобывающей отрасли в Северном Онтарио, Квебеке и Британской Колумбии требовали большого количества рабочей силы. Чаще всего работодателями для иммигрантов становились подрядчики и субподрядчики, имевшие

заказы от более крупных компаний на определенные виды работ. По закону 1908 г., для того, чтобы быть допущенным в Канаду, иммигранту из любой европейской страны достаточно было пройти медицинское освидетельствование в порту высадки и иметь при себе в летнее время сумму в 25, а зимой – в 50 долларов. В 1913 г. правительство отменило и эти требования (Кукушкин 2002: 129).

Характерная особенность расселения иммигрантов – компактные анклавы русинов-переселенцев в канадских провинциях Альберта (колония в долине реки Бивер-Крик (с 1894 г.), поселения в Брудергайме и Ребит Хилле (1896)), Саскачеван (поселения в Дак Лейк, Фиги Крик, Круккед Лейк (с 1895 г.)) и Манитоба (поселения в Стюартборне и Гоноре (с 1896 г.)) (Шлепаков 1972: 146). В этих трех провинциях к 1921 г. сосредоточилось около 90 % от общего количества переселенцев. Население таких городов, как Вегревилл и Стюартборн, почти полностью было представлено русинами (Ukrainian 1951: 17).

Канадское правительство предлагало переселенцам выгодные условия приобретения земельных участков – 10 долларов за 160 акров (около 60 десятин). Русины стали пионерами сельскохозяйственного освоения районов Западной Канады, которая из-за короткого лета и ранних заморозков ранее считалась неблагоприятной для развития зернового хозяйства. Родственные исторической родине ландшафт и климатические условия позволили быстро адаптироваться на новых территориях. Привезенные переселенцами культуры составили селекционную основу известных во всем мире западноканадских сортов, специально приспособленных к условиям канадских прерий. Так, пшеница сорта «Ред файф» обладала сокращенным вегетационным периодом; ее превзошел введенный в 1904 г. сорт «Маркиз», созревавший на 7–8 дней раньше. Культивирование новых сортов привело к увеличению урожайности зерновых в Западной Канаде, которая стала одним из основных районов производства пшеницы и других сельскохозяйственных продуктов, являвшихся важнейшими статьями канадского экспорта. Кроме успехов в земледелии, русины достигли положительных результатов в животноводстве и пчеловодстве, в выращивании овощей и плодовых культур, что не раз подтверждалось на сельскохозяйственных выставках (Yusyk 1967: 18).

Земельные наделы (гомстеды) в труднодоступных лесистых и болотистых местностях требовали значительных трудовых затрат и капиталовложений для приобретения сельскохозяйственных орудий и рабочего скота. Новопоселенцам приходилось наниматься к ранее прибывшим фермерам, снимать у них жилье и жить до 10 человек в одной комнате или строить землянки (Vinņiper 1951: 14; Шлепаков 1972: 140). Поэтому значительная часть переселенцев

пополняла население городов и пригородов, устраиваясь на работу в угледобывающую промышленность, лесную отрасль и на транспорт, особенно в провинциях Онтарио и Квебек. Если в 1911 г. только 15 % переселенцев были горожанами, то к 1921 г. эта цифра достигла 20 %, а к 1931 г. возросла до 30 % (Черная 1988: 145). В освоении обширных территорий канадского Запада были заинтересованы промышленные и транспортные компании, в особенности «Canadian Pacific». Строительство Канадской тихоокеанской железной дороги вынуждало владельцев компании не только обеспечивать строительные и эксплуатационные работы, но и заботиться о хозяйственном освоении и заселении прилегающих к дороге районов. В районах Гилкреста и Колгорста среди шахтеров иммигранты составляли большинство. Условия работы были тяжелыми: рабочий день длился 10–12, иногда и 16 часов, высокой была смертность на производстве (Винніпег 1951: 14). На начало XX в. заработки русинов были самыми низкими – 14,39 доллара (при среднем доходе населения 28,95 доллара; у французов он составлял 86,18 доллара, у иммигрантов из скандинавских стран – 69,52, у немцев – 58,86, у чехов – 41,6, у поляков – 14,76 доллара) (Макар 1992: 98).

В рамках этнических анклавов первые иммигранты-русины стремились сберечь и воспроизвести свое национальное своеобразие, культурные и бытовые особенности. Галичанин строил хату по образцу тех жилищ, которые были в его родном селе; буковинцы возводили хаты в «буковинском стиле» и т. д. Интерьеры комнат сохраняли черты национальной специфики не только в домах на фермах, но нередко и в городе: на постели лежали вышитые подушки, на стенах висели вышитые полотенца, на столах были скатерти, на полках – фарфор и керамика. Народное искусство – писанки, вышивание, ткачество и кулинария – передавалось из поколения в поколение. Во многих местностях народные оркестры играли прикарпатскую народную музыку на семейных праздниках (Шапка 2007: 153). Поселениям давались названия, вывезенные с исторической родины. В современной Канаде около 180 топонимов, связанных с географией (Киев, Галичина, Полтава, Одесса, Город Тернополь, Днепр, Днестр и т. д.). На карте Канады есть поселения с названиями Воля, Свобода, Правда, Згода («согласие»), Слава (Krawchuk 1980: 38).

С 1897 г., когда количество русинов в Канаде выросло, переселенцы стали думать о духовных потребностях, собираться в общины. Иммигранты пытались открыть школу в каждом этническом анклаве, где наряду с английским языком дети изучали родной язык и историю. Первой такой школой была «Галичина» в Манитобе, действовавшая с 1899 г. С 1905 г. стали открываться частные ежедневные школы (Евтух,

Ковальчук 1991: 43). С начала XX в. формируется переселенческая печать Канады. Первая газета под названием «Канадский фермер» вышла в 1903 г., затем последовали журналы «Слово» (1904), «Православие» (1907), «Свободная пресса» (1908), «Новини» (1913) (Евтух, Ковальчук 1991: 44). В 1913 г. была основана газета «Русский голос», а в 1914 г. в Виннипеге – газета «Русский народ» (Шапка 2007: 151). Всего в Канаде русины издавали 22 наименования газет и журналов, некоторые из них выходят и в настоящее время (Суляк 2007: 43).

Одной из самых значимых форм культурной организации выходцев из Галичины и Буковины стала церковь, которая и по сей день остается символом и источником единства русинско-американского сообщества в Канаде.

Русины Галицкой и Подкарпатской Руси были в основном униатами, хотя веру по-прежнему называли русской (Суляк 2008: 9). Большинство священнослужителей сопротивлялись окатоличиванию и проводимой политике колонизации. В конце XIX в. галицкие русины продолжали присоединяться к Русской православной церкви. Так, в 1897 г. русины поселения Восток (в провинции Альберта близ г. Эдмонтон) обратились к православному епископу Сан-Франциско, и к ним были направлены священник Дмитрий Камнев и псаломщик Владимир Александров (Шапка 2007: 147). П. Магочий писал, что «хождение в церковь каждое воскресенье и в праздничные дни превратилось в естественную необходимость, аналогичную приему пищи или ночному отдыху» (Евтух, Ковальчук 1991: 45). Схожую мысль высказал и канадский социолог В. Исаев: «Для подавляющего большинства иммигрантов, прибывших в Канаду до Второй мировой войны, в отличие от тех, кто переселился сюда после нее, религиозные организации становились главным корпоративным механизмом выражения жизненной активности, включая этническую, просветительную и культурную жизнь» (Игнатюк 1991: 25). Церковная жизнь, которая регулировала отношения в семье, заключение браков, крещение и погребение, была способом организации этнокультурного воспроизводства (Martinowych 1991: 372). В число важных обязанностей священников входила организация читален, школ, обществ взаимопомощи. В созданных церковью организациях, обществах и средствах массовой информации иммигрант имел возможность прикоснуться к народным традициям и обычаям и сохранить их. Силами прихожан организовывались церковные хоры, которые украшали богослужения и церковные обряды (Шапка 2007: 153). Если церковь играла роль идеологического фактора в стабилизации русинского сообщества, то общества взаимопомощи, особенно на первых порах, выступали его материальной основой. Главную свою задачу эти общества видели в

том, чтобы оказать новоприбывшим материальную помощь, помочь сориентироваться в новой среде, способствовать получению общего или профессионального образования.

Итак, первая волна иммигрантов-русинов в 1896–1914 гг. была наиболее массовой и стала фундаментом для формирования русинской диаспоры в Канаде. Иммигранты первой волны происходили из областей, сильнее других испытывавших земельный голод, – Восточной Галиции, Закарпатья, Северной Буковины. Для принимавшей стороны они выступали как «галичане», «буковинцы», «русины». Увеличение притока иммигрантов отвечало задачам сельскохозяйственного и промышленного роста Канады, что определяло сравнительную легкость въезда в страну, но не отменяло трудностей по первоначальной экономической, языковой и культурной адаптации русинских переселенцев. Формой их интеграции в новое сообщество стали компактные анклавные поселения, помогавшие сохранить и воспроизвести свою культурную идентичность через традиционный хозяйственно-бытовой уклад, привычную топонимику новых поселений, образование на национальном языке, собственные печатные органы, религиозные и общественные организации. Родственные исторической родине ландшафт и климатические условия позволили переселенцам быстро адаптироваться на новых территориях и внести свой вклад в экономический рост Канады.

ЛИТЕРАТУРА

Вінніпег 1951 - Вінніпег – ворота на захід // 60 років українці в Канаді 1891–1951. Вінніпег: Видання «Українського Слова», 1951. 59 с.

Евтух, Ковальчук 1991 - *Евтух В.Б., Ковальчук Е.А.* Етнокультурна діяльність українських канадців: здобудки и проблеми // Український історичний журнал. 1991. № 9. С. 42–50.

Евтух и др. 2000 - *Евтух В.Б., Каминский Е.Е., Ковальчук Е.А.* Украинцы в дальнем зарубежье // Украинцы. М.: Наука, 2000. С. 81–94.

Игнатов 1991 - *Игнатов В.* На путях возрождения // Политика и время: массовый политический журнал ЦК Компартии Украины. Киев: Радянська Україна, 1991. № 17–18. С. 24–30.

Кукушкин 2002 - *Кукушкин В.Е.* Славянская трудовая эмиграция из Российской империи в Канаду в начале XX века // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. С. 126–138.

Макар 1992 - *Макар В.* Про стартові можливості соціальної мобільності українців в Канаді // Українська діаспора. Київ; Чикаго, 1992. С. 97–106.

Медєши 2007 - *Медєши Л.* Америцки руснаци пред свою прессу // Русин. 2007. № 2 (8). С. 156–182.

Суляк 2007 - *Суляк С.Г.* Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–56.

Суляк 2008 - *Суляк С.Г.* Русины: уроки трагической истории // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 11–33.

Сыч 1990 - *Сыч А.И.* О роли славянской иммиграции в освоении канадского Запада (1896–1914 гг.) // Американский ежегодник. 1989 год. М.: Наука, 1990. С. 174–189.

Украинцы 2016 - Украинцы в Канаде: от хлебного колоса до Уейна Грецки. URL: <http://zarubegom.com/ukraintsy-v-kanade-ot-hlebnogo-kolosa-do-uejna-gretski> (дата обращения: 11.01.2016).

Черкасов 2002 - *Черкасов А.И.* Этнокультурная мозаика и межэтнические отношения в Канаде // Канада: взгляд из России: Экономика, политика, культура. М.: Анкил, 2002. 288 с.

Черная 1988 - *Черная Н.В.* Украинская иммиграция в Канаду в конце XIX – 30-е гг. XX в. // Проблемы исторической демографии СССР. Киев: Наукова думка, 1988. С. 143–146.

Шапка 2007 - *Шапка Р.* Краткий очерк истории «твердых русинов» в Канаде // Русин. 2007. № 3 (9). С. 146–156.

Шлепаков 1972 - *Шлепаков А.Н.* Славянские группы Канады // Национальные проблемы Канады. М.: Наука, 1972. С. 133–171.

Babuta et al. 2015 - *Babuta M.N., Nguyen Thi Hong Bach Lien, Anisimov M.V.* Multiculturalism policy formation and realization in Canada // 2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2015, Aug 26–Sept 01, 2015 : Conference Proceedings. 2015. Book 1, vol. 1: Psychology and Psychiatry, Sociology and Healthcare, Education. URL: <http://sgemsocial.org/ssgemlib/spip.php?article1306&lang=en> (дата обращения: 11.01.2016).

Krawchuk 1980 - *Krawchuk P.* Ukrainian place names in Canada // Ukrainian Canadian. 1980. September.

Martinowych 1978 - *Martinowych O.* Village Radicals and peasant immigrants: the social roots of factionalism among ukrainian immigrants in Canada, 1896–1918. A dissertation submitted to the Faculty of Graduate studies of the University of Manitoba in partial Fullfillments for the degree Master of Arts. Manitoba, 1978. 330 p.

Martinowych 1991 - *Martinowych O.* Book Reviews. Basil Rotoff, Roman Yereniuk and Stella Hryniuk. Monuments to Faith. Ukrainian Churches in Manitoba // Canadian Slavonic Papers. 1991. Vol. 22, № 3–4. P. 372–373.

Ukrainian 1951 - Ukrainian Canadian Jubilee. 1951. Toronto: National Comitee of the Association of United Ukrainian Canadians, 1951. 79 p.

Woodsworth 1909 - *Woodsworth J.S.* Strangers within our gates or, coming Canadians. Toronto: University of Toronto Press, 1909. 279 p.

Yusyk 1967 - *Yusyk P.* Ukrainian Canadians: Their Place and Role in Canadian Life. Toronto: Ukrainian Canadian Business & Professional Federation, 1967. 104 p.

REFERENCES

Shatul'sky, M. (ed.) (1951) *60 rokiv ukrainsi v Kanadi 1891–1951* [60 years of Ukrainians in Canada. 1891–1951]. Winnipeg: Ukrain'skoe Slovo.

Evtukh, V.B. & Kovalchuk, E.A. (1991) Etnokul'turna diyal'nist' ukrains'kikh kanadtsiv: zdobudki i problemi [Ethno-cultural activities of Ukrainian Canadians: Achievements and challenges]. *Ukrains'kiy istorichniy zhurnal*. 9. pp. 42–50.

Evtukh, V.B., Kaminskiy, E.E. & Kovalchuk, E.A. (2000) Ukraintsy v dal'nem zarubezh'e [Ukrainians far abroad]. In: Ponomarev, A.P. et al. *Ukraintsy* [Ukrainians]. Moscow: Nauka. pp. 81–94.

Ignatov, V. (1991) Na putyakh vrozozhdeniya [On the way to revival]. *Politika i vremya*. 17–18. pp. 24–30.

Kukushkin, V.E. (2002) Slavyanskaya trudovaya emigratsiya iz Rossiyskoy imperii v Kanadu v nachale XX veka [Slavic migration from the Russian Empire to Canada in the early 20th century]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 126–138.

Makar, V. (1992) Pro startovi mozhlivosti sotsial'noi mobil'nosti ukrainsiv v Kanadi [About starting opportunities of social mobility of Ukrainians in Canada]. In: *Ukrains'ka diaspora* [The Ukrainian Diaspora]. Kiev; Chicago: [s.n.]. pp. 97–106.

Medeshy, L. (2007) Ameritski rusnatsi pred svoyu pressu [The American Rusins in their press]. *Rusin*. 2 (8). pp. 156–182.

Sulyak, S.G. (2007) Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee [Rusins in history: Past and present]. *Rusin*. 4 (10). pp. 29–56.

Sulyak, S.G. (2008) Rusins: Lessons of a Tragic History. *Rusin*. 3–4 (13–14). pp. 11–33.

Sych, A.I. (1989) O roli slavyanskoy immigratsii v osvoenii kanadskogo Zapada (1896–1914 gg.) [On the role of Slavic immigration in the development of Canadian West (1896–1914)]. In: Bolkhovitinov, N.N. (ed.) *Amerikanskiy ezhegodnik* [American Yearbook]. Moscow: Nauka. pp. 174–189.

Calgary Russian Community. (2016) *Ukraintsy v Kanade: ot khlebnogo kolosa do Ueyna Gretski* [Ukrainians in Canada: from ears of wheat to Wayne Gretzky]. [Online] Available from: <http://zarubegom.com/ukraintsy-v-kanade-ot-hlebnogo-kolosa-do-uejna-gretski> (Accessed: 11th January 2016).

Cherkasov, A.I. (2002) Etnokul'turnaya mozaika i mezhetnicheskie otnosheniya v Kanade [Ethno-cultural mosaic and ethnic relations in Canada]. In: Sokolov, V.I. (ed.) *Kanada: vzglyad iz Rossii: Ekonomika, politika, kul'tura* [Canada: view from Russia: economics, politics, culture]. Moscow: Ankil.

Chernaya, N.V. (1988) Ukrainskaya immigratsiya v Kanadu v kontse XIX – 30-e gg. XX v. [Ukrainian immigration to Canada in the late 19th – 1930s]. In: Pullat, R. (ed.) *Problemy istoricheskoy demografii SSSR* [Problems of historical demography of the USSR]. Kyiv: Naukova dumka. pp. 143–146.

Shapka, R. (2007) Kratkiy ocherk istorii "tverdykh rusinov" v Kanade [A brief

sketch of the history of the “solid Rusins” in Canada]. *Rusin*. 3 (9). pp. 146–156.

Shlepakov, A.N. (1972) *Slavyanskie gruppy Kanady* [Slavic groups of Canada]. In: Averkieva, Yu. (ed.) *Natsional'nye problemy Kanady* [National problems of Canada]. Moscow: Nauka. pp. 133–171.

Babuta, M.N., Lien, N.T.H.B. & Anisimov, M.V. (2015) Multiculturalism policy formation and realization in Canada. *The Second International Multidisciplinary Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2015*. August 26–September 1, 2015. [Online] Available from: <http://sgemsocial.org/ssgemlib/spip.php?article1306&lang=en> (Accessed: 11th January 2016). DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2015/B11/S2.089

Krawchuk, P. (1980) Ukrainian place names in Canada. *Ukrainian Canadian*. September.

Martinowych, O. (1978) *Village Radicals and peasant immigrants: the social roots of factionalism among Ukrainian immigrants in Canada, 1896–1918*. A dissertation submitted to the Faculty of Graduate studies of the University of Manitoba in partial fulfillments for the Degree of Master of Arts. Manitoba.

Martinowych, O. (1991) Book Reviews. Basil Rotoff, Roman Yereniuk and Stella Hryniuk. *Monuments to Faith. Ukrainian Churches in Manitoba*. *Canadian Slavonic Papers*. 22(3–4). pp. 372–373.

National Committee of the Association of United Ukrainian Canadians. (1951) *Ukrainian Canadian Jubilee. 1951*. Toronto: National Committee of the Association of United Ukrainian Canadians.

Woodsworth, J. S. (1909) *Strangers within our gates or, coming Canadians*. Toronto: University of Toronto Press.

Yusyk, P. (1967) *Ukrainian Canadians: Their Place and Role in Canadian Life*. Toronto: Ukrainian Canadian Business & Professional Federation.

Шевцов Вячеслав Вениаминович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета (Россия).

Shevtsov Vyacheslav – Tomsk State University (Russia).

E-mail: totleben@yandex.ru

Бабута Марина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии науки и техники Национального исследовательского Томского политехнического университета (Россия).

Babuta Marina - Tomsk Polytechnic University (Russia).

E-mail: babuta_m@rambler.ru

УДК 930.1

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/12

ПОПЫТКИ ВХОЖДЕНИЯ ШЛЯХЕТСТВА В СОСТАВ БЕССАРАБСКОГО ДВОРЯНСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В.В. Морозан

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: v_moga@mail.ru

Авторское резюме

Рассматривается сложный процесс признания дворянских прав шляхтичей, проживавших на территории Бессарабской области. Активная миграция шляхетских семей на правобережную часть реки Прут началась вслед за вступлением российской армии в пределы Молдавского княжества и усилилась после подписания Бухарестского мирного договора. Однако трудности формирования дворянского общества в Бессарабии после 1812 г. многократно осложнили процедуру признания прав на дворянство большинства прибывших шляхтичей. Лишь малочисленная их часть смогла войти в состав высшей сословной группы края. Несмотря на то что в первое десятилетие после присоединения Бессарабии к России власти неоднократно поручали различным учреждениям рассмотреть прошения шляхтичей о признании их дворянских прав, чиновники всячески уклонялись от ревизии представленных документов. Важно отметить, что это не было политикой царских властей, а лишь бюрократическими особенностями этой области. Таким образом, поселившейся в Бессарабии многочисленной группе шляхтичей пришлось столкнуться с полной безучастностью местных служб к их просьбам. Вместе с тем автор отмечает, что шляхтичи относились к успешным кругам бессарабских жителей. Они активно скупали земельные владения в крае, удачно устраивали свою служебную карьеру. Отмечены и приоритеты в выборе сфер служебной деятельности. Высокий образовательный ценз позволял им занимать в крае видное место, в частности служить в судебной сфере, в губернаторской канцелярии и т. п.

Ключевые слова: социальные группы, сословия, дворянство, история России XIX в., шляхта.

ATTEMPTS OF THE POLISH NOBILITY (SZLACHTA) TO BECOME PART OF THE BESSARABIAN NOBILITY IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

V.V. Morozan

Saint Petersburg State University
7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: v_moga@mail.ru

Abstract

The article deals with the complex process of recognising the rights of the Polish nobility (szlachta) living in Bessarabia. Active migration of Polish gentry to the right bank of the Prut began after the Russian army had entered Moldavian principality and intensified after signing the Treaty of Bucharest. However, the formation of Bessarabian nobility after 1812 faced many challenges, which hampered the procedure of recognition of nobility rights for the majority of the newly arrived Polish noblemen. Only few of them could join the highest social class of the region. Although in the first decade after Bessarabia's accession to Russia the authorities repeatedly entitled various institutions with the obligation to consider petitions from Polish gentry for recognition of their nobility rights, officials evaded this duty in every possible way. It should be underlined that it was regional bureaucracy, rather than the throne policy. Thus, a large group of Polish nobility who settled in Bessarabia had to deal with a complete indifference of local officials. However, the author emphasises that the Polish nobility succeeded in Bessarabia. They were active buying lands and building up their careers. Having high educational qualification, they could be engaged in the judiciary system, Governor's Office and other prestigious places.

Keywords: social group, nobility, class, history of Russia of the 19th century, Polish szlachta.

Роль и место польской шляхты западных губерний Российской империи в истории российского дворянства все еще остаются слабо изученными. К сожалению, отечественная историография не богата работами по истории многочисленной шляхты западных губерний Российской империи. Можно лишь вспомнить статью

В. Казимировича (Казимирович 2006). Хотя вышедшая несколько лет назад в России замечательная работа французского историка Даниэля Бовуа и стала заметным явлением в изучаемой сфере, изменить отношение российских историков к этой теме она не смогла (Бовуа 2011). Для написания данной статьи автор обратился к материалам Российского государственного исторического архива и Национального архива Республики Молдова. Конечно, в рамках одной статьи проследить весь процесс вхождения польской шляхты в жизнь Бессарабии невозможно. По этой причине не был использован весь комплекс документальных материалов, с которыми удалось поработать в архивах (НАРМ 1–9; РГИА 1–5).

После вхождения восточной части Молдавского княжества под названием Бессарабия в состав Российской империи царским властям потребовалось немало усилий, чтобы структурировать сословный строй этой области. Его состав не соответствовал традиционным сословным группам русского общества. Кроме того, в Молдавии не закончился процесс формирования дворянства и городских социальных групп, что мешало созданию в Бессарабии эффективных органов местного управления. В силу этих причин процесс организации дворянского общества затянулся на десятилетие. Впрочем, если коренная часть благородного сословия с трудом, но все же обретала свои права, то вновь прибывшие в область этноконфессиональные группы испытывали порой непреодолимые препятствия. Так, до и после подписания Бухарестского мира в 1812 г. в Бессарабию из соседних губерний в надежде получить должности на государственной службе стали стекаться польские шляхтичи. Участвуя в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг., они с интересом присматривались к краю, готовили условия для последующего переселения в эту область. При возможности покупали за небольшие суммы дома или крохотные участки земли, благо предложений было немало от бежавших в первые годы после присоединения края к России молдаван. С назначением полномочным наместником этой области подольского военного губернатора А.Н. Бахметева в 1816 г. процесс этот многократно усилился. Очевидно, генерал больше доверял чиновникам из Подольской губернии, нежели местным жителям, так как с большей охотой назначал людей из-за Днестра. Между тем на левой стороне этой реки, в особенности в ее верховье, число польских шляхтичей было велико, в особенности в Хотинском и Ясском уездах. Бедность и безземелье большей части некогда польских дворян не оставляли им другой возможности добычи средств к существованию, кроме частной и государственной службы. Помимо того, добиваясь прав на дворянство, шляхетская масса не оставляла надежду на его приобрете-

ние в коренных или вновь приобретенных губерниях, в частности в Бессарабии, где процесс сбора документов у этого сословия только начинался.

Таким образом, после 1812 г. в Бессарабии создалась весьма благоприятная обстановка для шляхтичей, желавших поселиться в этом краю. Многих толкала на переезд в Бессарабию и возможность арендовать землю у тех, кто не желал оставаться под скипетром русского царя, но медлил с продажей своего имущества. А таковых было немало, что позволяло мигрантам рассчитывать в будущем на удачную покупку недвижимости. Кроме того, в области ощущался острый недостаток в людях с опытом российской службы. Часть поселившихся в этой области шляхтичей уже имели опыт борьбы за дворянские права и стремились скорее оформить свой социальный статус на новом месте. Затягивание с этим делом могло привести к причислению налоговыми службами многих из них к податному сословию. Однако в силу несформированности депутатского собрания процесс признания дворянства за вновь прибывшими шляхтичами затормозился. Это заставляло многих обращаться к местным властям с жалобами на проволочки при рассмотрении их документов. В частности, в сентябре 1824 г. кишиневское польское шляхетское общество обратилось в Верховный совет области с коллективной жалобой на депутатское собрание. По мнению поляков, из-за отсутствия специальной «комиссии для разбора документов на звание их они подвергаются теперь платежу податей и отбыванию повинностей наравне с людьми простого звания» (НАРМ 9: 11). В Бессарабии они «снискали для себя выгоднейшее убежище и, желая... расселиться между новоприобретенным российским оружием народом, с дозволения начальства, перешли в значительном числе из польских губерний в сию область со всеми имеющимися у них на дворянское происхождение их документами и, поселившись тут постепенно одни по городам, а другие по цынутам (уездам), занимают приличным званию их промыслами, каждый по своему состоянию...» (НАРМ 9: 11).

Первые попытки рассмотреть документы на дворянство шляхтичей были предприняты после учреждения в 1816 г. в области Временного комитета. Подчиняясь распоряжению властей, эта группа благородного сословия стала активно вносить на рассмотрение комитета имевшиеся у нее бумаги. Однако члены этого учреждения не стали заниматься ревизионной работой. После упразднения Временного комитета в 1818 г. документы польской шляхты были переданы в Бессарабский верховный совет. Но вместо ожидаемого признания прав на дворянство последовало распоряжение в адрес городской

и земской полиции начать сбор с шляхтичей местного налога – бира, вынудив их исполнять земские повинности наравне с податным населением. В том же 1818 г. поляки обратились в Верховный совет с просьбой приступить к рассмотрению полученных от них документов и до окончания этой работы освободить их от податей. 22 января 1819 г. последовало новое предписание Верховного совета о возвращении всем ранее полученных от них документов на дворянство без их рассмотрения. Надлежало дожидаться учреждения особой комиссии, куда вновь следовало сдавать свои бумаги. При этом в ответ на прошение шляхтича Андрея Кашульского Верховный совет в указе 1819 г. приказал Кишиневской городской думе освободить поляков от всяких повинностей до окончания работы будущей комиссии. Но, вопреки решению совета, шляхтичей продолжали вынуждать исполнять обязанности податного населения. Да и саму комиссию власти так и не учредили. Важно подчеркнуть, что трудности, которые испытывала эта категория претендентов на дворянство, не создавались властями искусственно. Очевидно, налоговые власти преследовали свои фискальные интересы, мало заботясь о судьбе шляхтичей. Другие органы местного управления, не имея строгих предписаний и инструкций, просто не желали заниматься этими делами.

В 1821 г. была создана комиссия под председательством исполнявшего обязанности наместника области генерал-лейтенанта И.Н. Инзова, «имевшая в предмет приведения в известность разбор одних коренных молдавских дворян, по особой инструкции» (НАРМ 6: 41 об.–42). Но в этой инструкции ничего не было сказано о шляхтичах, отчего комиссия не принимала к рассмотрению бумаги других претендентов на дворянство, в том числе поляков. По этой причине шляхтичи оставались «в прежнем положении, ожидая разбора документов по постановлению Верховного совета» (НАРМ 6: 42). Определенные надежды у поляков вновь появились после решения в 1822 г. генерал-лейтенанта И.Н. Инзова об открытии действий Бессарабского дворянского депутатского собрания. Вслед за этим Верховный совет постановил, чтобы польская шляхта вносила свои документы в депутатское собрание на тех же основаниях, что и прочие соискатели. Примечательно, что совет потребовал указать шляхтичам, чтобы они более не беспокоили областные власти по настоящему вопросу, а действовали согласно общепринятым процедурным нормам. Однако и после этого принятые к рассмотрению документы шляхтичей продолжали накапливаться в дворянской комиссии при депутатском собрании, оставаясь без внимания. Такое отношение к полякам со стороны комиссии лишь множило их

частные жалобы в адрес местных властей. Можно предположить, что Дворянское собрание было больше заинтересовано в скорейшем рассмотрении прошения коренного дворянства, нежели вновь прибывших шляхтичей.

В 1825 г. на бездействие дворянской комиссии обратил внимание исполнявший обязанности областного прокурора И.А. Подгурский, потребовав от нее надлежащих объяснений. В частности, он писал о безуспешных попытках добиться причисления к бессарабскому дворянству братьев Николая, Якова, Тодора и Арсения Гурских, а также Василия, Георгия, Иосифа и Матвея Граневских. Обратившись в дворянскую комиссию, они представили полный пакет документов, подтверждавших их благородное происхождение. Но дворянские депутаты отказывали им даже в приеме бумаг, сославшись на то, что переводы с польского не были заверены в областном правительстве. Подгурский потребовал ускорить процесс рассмотрения дел шляхтичей. Вместе с тем он настаивал на том, чтобы от поляков, которые уже представили свои документы на дворянство в других губерниях, не требовали делать это вновь в Бессарабии. До рассмотрения их документов в Герольдии они могли жить в области, пользуясь правами дворян. Так, из отношения Подольского дворянского депутатского собрания следовало, что из этой губернии выехали в Бессарабию 15 семей шляхтичей (табл. 1). Правда, не все они представили акты на внесение Подольским дворянским депутатским собранием их фамилий в родословную книгу. Ко всему прочему, вопреки решению указанного собрания, большинство из них впоследствии так и не были официально признаны дворянами. Те же, кто не внес еще свои бумаги в депутатские собрания по прежнему месту жительства, могли это сделать на общих основаниях в Бессарабии. Из той же Подольской губернии к концу 1827 г. подали свои документы либо предъявили свидетельства о приеме документов в Подольском собрании 14 семей (табл. 2).

Требования прокурора И.А. Подгурского соблюдать права польской шляхты 10 ноября 1825 г. поддержал и генерал-губернатор граф М.С. Воронцов. «Все польские шляхтичи, поселившиеся в здешней области на жительство, кои доказали во внутренних губернских дворянских депутатских собраниях свое звание и имеют на то акты, не должны быть побуждаемы к новому доказательству происхождения своего в здешнем депутатском собрании, но могут оставаться в Бессарабии на жительство при своих правах... до рассмотрения и разрешения оных Правительствующим Сенатом», – писал Воронцов бессарабскому гражданскому губернатору (НАРМ 6: 43).

Таблица 1

Ведомость о числе дворян Бессарабской области

Уезд	Помещиков	Беспоместных	Личных	Польских шляхтичей
Хотинский	38	11	1	14
Ясский	61	35	1	20
Оргеевский	94	95	4	67
Бендерский	4	7	–	12
Аккерманский	–	5	1	4
Измаильский	3	6	–	1
Всего	200	159	7	118

Источник: НАРМ 3: 74.

Таблица 2

Список шляхтичей, представивших в БДДС документы на дворянство

№ п/п	Шляхтичи	Примечания
<i>По Оргеевскому уезду</i>		
1	Яков, Сильвестр, Степан и др. Урбановичи	На основании предписания графа М.С. Воронцова предоставлено им пользоваться теми правами, какими они по предъявленным документам пользовались во внутренних губерниях. И о сем выданы им свидетельство
2	Николай, Иван, Семен и Кондрат Делимарские	
3	Кондрат Осецкий	
4	Пантелеймон, Андрей, Фома и Иосиф Лазо	
5	Антон Якубович	
6	Иван Жаборовский	
7	Федор, Андрей и Андрей Борщевы	
8	Яков и Федор Гурские	
9	Григорий Толмачевский с сыновьями и племянниками	
10	Павел Ильницкий	
11	Григорий, Лукьян и Андрей Брашевановы	
12	Федор, Василий и Иван Домбровские	
13	Федор Кисилевский	
14	Григорий, Михаил, Ян и Павел Бачинские	
15	Константин, Даниил, Сафроний и др. Чернявские	
16	Константин, Иван и др. Поповские	
17	Иван, Демьян и др. Левицкие	
18	Иван Бусуиок	
19	Григорий, Иван и Пантелеймон Целинские	
20	Влас, Илья, Захарий и др. Березовские	
21	Николай, Тимофей и др. Чернелиевы	

22	Георгий, Сергей, Иван, Григорий и др. Бродеску- ловы	
23	Илья, Прокофий, Еремей и Андрей Ставинские	
24	Михаил Княгницкий	
25	Филипп Шиговский	
26	Софроний Шостаковский	На основании указа Правительствующего Сената от 19 октября 1831 г. этим лицам вы- даны свидетельства
27	Анисим Синкевич	
28	Никита и Павел Терзимановы	
29	Трофим Платонович с сыновьями	
<i>По Ясскому уезду</i>		
30	Андрей и Савва Урсуловы	Были признаны к вне- сеню в родословную книгу бессарабских дворян
31	Ананий Лазо с братьями	
32	Фома Недзельский	
33	Василий Грановский	
34	Григорий, Василий, Иван и Гавриил Ревенковы	На основании предпи- сания графа М.С. Воронцова им выданы свидетель- ства
35	Василий Чемский	
36	Гавриил и Дмитрий Петрашевичи	
37	Аврам и Андрей Березовские	
38	Онофрий Заржицкий	
39	Радуловы	На основании указа Правительствующего Сената от 19 октября 1831 г. этим лицам вы- даны свидетельства
40	Константин, Андрей и др. Лазовы	
41	Иезекль Круковский	
42	Андрей, Иоанн, Исаак и др. Ониловы	
<i>По Хотинскому уезду</i>		
43	Базылий, Штефан и др. Медведцкие	На основании предпи- сания графа М.С. Воронцова им выданы свидетельства
44	Антон, Ефрем, Иоанн и Тодор Тиминские	
45	Онофрий Солтовский	
46	Илья и Иван Граневские	
<i>По Бендерскому уезду</i>		
47	Антон Прохницкий с братьями	Были признаны к вне- сеню в родословную книгу бессарабских дворян
48	Василий Граневский с братьями	
49	Яким Бродескул с братьями	На основании предпи- сания графа М.С. Вор- онцова им выданы свидетельства
50	Андрей и Григорий Додоновы	
51	Степан Горский	
52	Ясинские	

<i>По Аккерманскому уезду</i>		
53	Захарий Журавский с сыновьями и племянниками Григорием, Василием и др.	На основании предписания графа М.С. Воронцова им выданы свидетельства
<i>По Левовскому уезду</i>		
54	Михайло Барановский с сыном Яковом	На основании предписания графа М.С. Воронцова им выданы свидетельства

Источник: НАРМ 6: 46–48.

Отметим, что в числе так называемых шляхтичей, прибывших из других губерний, не все были поляками по национальности. В различных списках встречаются семьи с фамилиями явно молдавского происхождения. Так, из Екатеринославской губернии прибыл 26-летний канцелярист Иван Мартынович Ройбулов-Вакаре (очевидно, Ройбул-Вакаръ) с родными братьями Максимом, Козмой, Петром, Тихоном и Андреем. С ними были и двоюродные братья Люкян и Тимофей (НАРМ 4: 63). Они представили копии протоколов состоявшихся депутатских собраний Екатеринославской губернии от 8 февраля и 10 мая 1794 г. о внесении в 4-ю часть родословной книги хорунжего Ивана Ройбулов-Вакаре (очевидно, Ройбул-Вакаръ) и его родных: Филиппа, Степана, Мартына и Сергея. В числе подольских шляхтичей в Бессарабию прибыли и братья Данило, Демьян и Казимир Дмитриевичи Доници, которые 11 декабря 1802 г. были внесены собранием в 4-ю часть родословной книги Подольской губернии (НАРМ 8: 79). Судя по фамилии, эти лица также имели молдавские корни.

Перечисленные трудности с признанием дворянских прав шляхты возникали из-за отсутствия четких правил рассмотрения документов этой сословной группы. Кроме того, дворянские депутаты объясняли медлительность при рассмотрении таких дел отсутствием в собрании переводчика с польского языка. В связи с этим шляхтичи обратились к исполнявшему обязанности гражданского губернатора А.Н. Пизани с предложением нанять на свои средства для дворянской комиссии нужного переводчика (НАРМ 7: 29). Однако это предложение не было поддержано властями. 26 июня 1825 г. заступивший в должность гражданского губернатора В.Ф. Тимковский предложил перевести на время рассмотрения документов польских шляхтичей переводчика из Верховного совета (НАРМ 1: 30). Но и после этого дела шляхтичей оставались без рассмотрения. Устав от постоянных упреков со

стороны прокурора и гражданского губернатора, областной маршал И. Димитриу 3 ноября 1826 г. предложил депутатом являться каждый день к 9 часам утра в присутствии для совместного с ним разбирательства документов польских шляхтичей. В своем письме областной предводитель отмечал, что практика неявки в собрание депутатов обрела размах. По этой причине он потребовал брать письменные объяснения от всякого, кто пропустил присутственный день. Если депутат болел или находился в отпуске, то его должен был замещать кандидат на должность депутата (НАРМ 5: 43). Во второй половине 1820-х гг. процесс рассмотрения дел шляхтичей стал постепенно налаживаться. Они разбирались дворянским собранием наряду с представленными документами местного благородного сословия. Казалось бы, при незначительном количестве дворян в области процедура их признания должна была пройти быстрее, но на деле все шло чрезвычайно медленно. Из записки неизвестного лица в адрес гражданского губернатора А.И. Сорокунского следовало, что в 1830 г. в области было 484 главы дворянских семей (см. табл. 1), из них 118 – шляхетских семей. Число же семей других социальных групп в то время в Бессарабии составляло 214 063. Очевидно, что неравное соотношение между дворянами и другими группами было явным (Gherasim 2012: 177).

Отношение царских властей к многочисленному шляхетству западных губерний после присоединения этих территорий к России всегда было неоднозначным. Как отмечала в своем докладе Герольдия общему собранию Правительствующего Сената в октябре 1831 г., «состояние многочисленного сословия шляхты в западных губерниях, неоправдательность прав и повинностей оного и неуместные смешения, под общим сим именованием, действительных дворян с лицами, ничем права своего на дворянство не утвердившими, от самого возвращения помянутых губерний к России...» всегда обращало на себя внимание российского правительства (РГИА 1: 37). Примечательно, что приведенная выше формула вошла без изменений в указ 19 октября 1831 г. При этом неоднородность и пестрота состава этой сословной группы вызывали у властей острое желание причислить большую ее часть к податному населению. Впрочем, для начала власти пытались вычленить из нее ту часть, которая могла доказать свое благородное происхождение. Очевидно, к последней категории относились в основном поместные землевладельцы. Чиншевая шляхта имела гораздо меньше шансов доказать свое благородное происхождение. И тем не менее подавляющая масса этого сословия при ревизии 1795 г. вписала себя в состав дворянства.

Интересно, что уже спустя несколько месяцев после первого раздела Польши белорусский генерал-губернатор граф З.Г. Черны-

шев во всеподданнейшем докладе предложил провести полную ревизию вновь приобретенных территорий, не исключая и само население. Отмечая важность этого акта в указе от 13 сентября 1772 г., Екатерина II предписала местному дворянству представить списки благородного сословия, «чтобы впредь без высочайшей воли никто себя тем достоинством не почитал» (ПСЗРИ 1845: № 13865). 14 июня 1773 г. последовало новое распоряжение, которое обязывало шляхетство представить в верхние земские суды доказательство о своем достоинстве. Потом власти неоднократно назначали новые сроки для представления письменных документов о благородном происхождении, но безуспешно (ПСЗРИ 1849: № 17327; ПСЗРИ 1856: № 22873; ПСЗРИ 1857: № 26108; ПСЗРИ 1861: № 27014). Большая часть шляхты игнорировала эту процедуру из-за отсутствия нужных бумаг. В 1808 г. правительство попыталось определить конечный срок подачи документов на дворянство для чиншевой шляхты, но и эти сроки были нарушены (ПСЗРИ 1856: № 22873). Наконец, в 1816 г. было принято решение «учинить по польским губерниям разбор неизвестным людям, вписавшимся при 6 ревизии в класс старой шляхты» (ПСЗРИ 1860: № 26108). Но по стечению разных обстоятельств, отмечали власти в 1831 г., эти меры «не имели доньше желаемого успеха, ни предложения о новом устройстве шляхты, еще от времен Екатерины II предначертанные и потом многократно возобновлявшиеся, не были приведены в действия» (РГИА 1: 37).

Восстание 1830–1831 гг. ускорило процесс разбора дел дворянства западных губерний с ужесточением требований властей к претендентам. Решительность правительства ярко выразилась в указе 19 октября 1831 г., в котором отмечалось: «Предав виновных заслуженному ими наказанию, мы признали за благо ускорить вместе с сим приведением в действие предначертаний наших к лучшему устройству остальных, и, положив решительный предел дальнейшему присвоению себе дворянских прав лицами, не причастными к дворянству ни по их происхождению, ни по общим правам службы, основать положение их на началах более прочных и прежним о них постановлениям соответственных» (ПСЗРИ 1888: № 4869). Незадолго до подписания отмеченного указа проблема шляхты западных губерний обсуждалась в Комитете министров. Ознакомившись с журналами заседания этого учреждения от 22 и 28 сентября 1831 г., Николай I распорядился подготовить нужный указ по шляхте и рассмотреть в Комитете министров возможность переселения 5 тыс. шляхетских семей из Подольской губернии на Кавказскую линию или в Кавказскую область.

Примечательно, что это была не первая попытка переселить часть шляхты в другие районы империи. Так, по предложению екатерино-

славского, вознесенского и таврического генерал-губернатора князя П.А. Зубова в 1796 г. Екатерина II подписала указ о перемещении 2 тыс. семей чиншевых шляхтичей в район р. Кодым, еще 1 800 семей – в Херсонский уезд и 200 семей – под г. Вознесенск (ПСЗРИ 1905: № 17469). Каждой семье предполагалось выдать в кредит по 50 руб. проездных, а на месте поселения безвозмездно выделить 30 десятин земли с небольшой усадьбой. К сожалению, нам неизвестно, состоялось ли в полной мере это переселение. Решение 1831 г. о переселении шляхетских семей на Кавказ, очевидно, было реализовано лишь частично. По сведениям А.С. Дзагалова, на Кавказ из Подольской губернии в 1834 г. были переселены 347 семей, добровольно пожелавших уехать (Дзагалов 2008: 39).

Судьба же остальной части шляхты обсуждалась на заседании Комитета министров 5 октября 1831 г. Для доклада по этому вопросу был приглашен гродненский гражданский губернатор М.Н. Муравьев. Незадолго до этого он возглавлял Могилевскую губернию, участвовал в жестоком подавлении повстанческого движения в Витебской, Минской и Виленской губерниях. После дискуссии Комитет министров решил, что необходимый указ надлежало издать в ближайшее время. Он должен был содержать только общие положения об устройстве шляхты (РГИА 1: 37). Подробности же по реализации намерений властей в этом деле должны были содержаться в министерских циркулярах. Объективно указ 19 октября 1831 г. положил конец надеждам значительной части шляхты приобрести дворянское достоинство. К этому сословию причислялись лишь те, кто к тому времени представил необходимые документы или уже был признан дворянами Герольдией. Те же, кто не смог доказать свое право, причислялись к однодворцам в сельской местности и к гражданам в городской черте.

Отметим, что положение тех, кто уже представил свои документы на дворянство, но еще не был утвержден Герольдией, было весьма шаткое. Созданные в западных губерниях ревизионные комиссии для проверки подлинных оснований для причисления к дворянству не могли исполнить свои обязанности из-за отсутствия достаточно убедительных свидетельств. Интересно, что до 1829 г. дворянские собрания, рассмотрев на своих заседаниях дела претендентов на причисление к благородному сословию, возвращали обратно подлинные документы тем, кто их внес. Когда же возникла необходимость вновь их представить в губернские ревизионные комиссии, многие шляхтичи этого не стали делать. В связи с этим 5 июля 1838 г. был издан указ, ограничивавший сроки работы этих комиссий тремя последующими годами (ПСЗРИ 1897: № 11387). Те же, кто не предъявил свои доказательства до истечения времени, отпущенного на эту

процедуру, подлежали причислению к однодворцам. Столь жесткое отношение к уже утвержденным депутатскими собраниями лицам было вызвано подозрением властей, что многие из них представили в свое время поддельные документы. Боясь же раскрытия подлога, шляхтичи намеренно не представляли их в комиссии повторно. Впрочем, и эти сроки оказались недостаточными, и 5 ноября 1842 г. власти были вынуждены продлить время решения дворянских дел шляхетства до 1 января 1845 г. (ПСЗРИ 1899: № 14998). Но и после этого число неутвержденных дворян оставалось значительным.

Что касается шляхтичей, переехавших на жительство в Бессарабскую область и сумевших добиться признания со стороны местного депутатского собрания своего права на благородное звание, то таких оказалось относительно немного – около двух десятков родов. В табл. 2 представлен список тех, кто, имея акты других депутатских собраний о признании их дворянами, был решением бессарабских депутатов до 1836 г. внесен в местную родословную книгу либо получил свидетельство на дворянство, будучи внесенным в книгу соответствующих губерний. За ними сохранялись сословные права до окончательного решения Сената.

Из 54 шляхетских семей, перечисленных в табл. 2, подавляющее большинство так и не добилось в Сенате прав на дворянство. Примечательно, что само Бессарабское депутатское собрание внесло в родословную книгу с 1824 по 1836 г. всего 10 фамилий шляхтичей. Однако из этих десяти ни одной не удалось получить утверждения Герольдии. Примером неудачных попыток обрести благородное звание может служить опыт трех семей, носивших одну фамилию – Лазо. Исследователи, в частности Г. Безвикони (Bezviconi 1943: 47), считают, что представители этой фамилии имели молдавские корни. Однако в архивных документах они фигурируют в качестве шляхтичей. В Бессарабии решением депутатского собрания в местную родословную книгу были внесены четыре рода с подобной фамилией. Однако право на дворянство добился лишь род Янакакия (Енакия) Лазо, внесенный в алфавитный список бессарабских дворян комиссией 1821 г. Возможно, судьба этой семьи была более успешной лишь потому, что отец соискателя Иордакий Лазо имел молдавский боярский чин вел. пахарника (чашника) (РГИА 2: 226). Сам Янакакий Лазо, будучи зрелым человеком (в 1821 г. ему было уже 40 лет), нигде не служил и чинов не имел. Соискатель занимался своим обширным хозяйством в Оргеевском уезде, где в вотчинах Икимауц и Сахарна владел землей.

Впрочем, как пишут современные авторы, причисление Янакакия Лазо к дворянству в 1821 г. было в определенной мере условным. Комиссия, которая была призвана рассматривать доказательства

дворянства, никаких документальных подтверждений от него не получила (Румянцев, Фенопентов 2013: 3). В отмеченное время у Лазо документов просто не было, о чем писали члены комиссии по разбору документов дворянства: «...в то время не мог он представить о древнем его происхождении и на чин спатаря надлежащих документов, которые до сего находились в Молдавии» (НАРМ 2: 23). Лишь в 1836 г., когда работала Комиссия по ревизии дел дворянского депутатского собрания, он предоставил необходимые бумаги, подтверждавшие его происхождение.

Между тем другие претенденты имели не меньше прав на дворянство. Так, титулярный советник Пантелеймон Степанович Лазо прибыл в Молдавию еще во время Русско-турецкой войны как служащий провиантской комиссии Дунайской армии. Свою государственную службу он начал 2 июня 1804 г. после окончания Подольской семинарии. В 1807 г., с началом войны против Турции, он поступил в местную провиантскую комиссию по земскому войску. Таким образом, его опыт по заготовлению провианта потребовался непосредственно в действующей армии. После присоединения Бессарабии к России П.С. Лазо остался служить в этой области. В 1814 г. он стал бухгалтером 2-го департамента областного совета, а с 1818 г. по выбору дворянства занимал различные должности (РГИА 4: 107 об.-111). В 1821 г. он приобрел у генерал-майора И. Катаржи вотчину в с. Кошерница Оргеевского уезда. Очевидно, после этого в Бессарабию переселились остальные его братья – Андрей, Фома и Иосиф. В 1826 г. братья Лазо были признаны Бессарабским собранием дворянами и внесены в дворянскую книгу, но так и не были признаны Герольдией (Румянцев 2012: 59). До окончательного решения этого вопроса фискальные службы пытались обложить членов семей Лазо, Дашкевичей, Ефимовских и других шляхтичей поборами. Во время производства очередной ревизии населения в середине 1830-х гг. была предпринята попытка внести их в число однодворцев. Чтобы защитить интересы этих шляхтичей, в дело пришлось вмешаться областному маршалу.

Кроме того, в области проживало немало шляхтичей, которые и не пытались войти в число бессарабских дворян. Причины их переселения в эту часть новоприобретенных территорий были разные – в частности, доступные цены на недвижимость, обилие вакансий на гражданской службе. Благо царские власти разрешили брать на такие должности недворянскую часть населения с условием, что оно проживало в Бессарабии. По этой причине в первые десятилетия вхождения области в состав России число шляхтичей в различных учреждениях было достаточно велико. Если в первое время шляхти-

чи концентрировались вокруг наместника А.Н. Бахметева, занимая должности в областном городе, то с годами их число выросло и в уездных структурах власти. В частности, в 1830–1840-е гг. они предпочитали делать карьеру в судебных и полицейских органах края. Так, в 1838 г. в полицейской части г. Хотин лишь один человек из пяти не принадлежал к шляхтичам. Им был письмоводитель С.И. Власов. Полицмейстером был литовский шляхтич Я.Л. Фраже, секретарем – Ф.А. Хожевский, письмоводителем – Ф.А. Заболоцкий. Там же служил и О.К. Баранецкий. Яков Леонтьевич Фраже был родом из Брест-Литовска и на службу поступил в 1803 г. в Новоингерманладский пехотный полк. Принимал участие в битве при Аустерлице, будучи ординарцем генерала П.И. Багратиона. После выхода в отставку в 1811 г. служил в разных губерниях, в основном в городских органах управления. В Бессарабию на должность полицмейстера он был переведен лишь в апреле 1837 г. В 1840 г. стал сорокским полицмейстером. Был женат, имел нескольких сыновей. Вся семья была римско-католического вероисповедания (РГИА 3: 181–183).

Отметим, что в конце 1830-х гг. в судебных и полицейских институтах Бессарабии служили несколько десятков поляков. В частности, Семен Маркелович Дембинский, Дмитрий Васильевич Салацкий, Симфириан Петрович Кохановский, Антон Юрьевич Харжевский, Август Лаврентьевич Карчевский, Казимир Лаврентьевич Карчевский, Степан Францевич Оссовский, Кирилл Игнатьевич Бучен, Феликс Михайлович Клодницкий, Андрей Демьянович Миколаевич, Павел Станиславович Отоманский, Иван Францевич Янушевич, Осип Венедиктович Хмелевский, Викентий Лукьянович Дудевич, Николай Николаевич Васьковский, Альберт Александрович Ясинский, Осип Станиславович Партицкий, Игнатий Григорьевич Ефимович, Осип Тимофеевич Малинский и др. Они оказались в Бессарабии по разным причинам: кто-то по назначению начальства, кто-то по собственному прошению, кто-то пытался осесть в этом крае навсегда. Примечательно, что абсолютное большинство из них не владели недвижимостью. Следовательно, служба для них была единственным источником существования. Так, из перечисленных выше лиц только С.М. Дембинский и Д.В. Салацкий имели собственные дома. Первый владел домом в предместье города Каменец-Подольский, доставшимся ему по духовному завещанию. У второго жена владела ¼ частью селения Кирстинец и каменным домом в Хотине, оцененным в 6 тыс. руб. ассигнациями. Большинство из них состояли в браке с католичками, лишь в двух случаях жены были православного вероисповедания. Все перечисленные лица имели хорошее образование, хотя не во всех случаях обрели его в учебных заведениях. Так,

Ф.М. Клодницкий, окончивший Каменец-Подольское поветное училище, владел, помимо польского и русского языков, латинским, немецким и французским. А.Д. Миколаевич имел лишь домашнее образование, но знал, кроме польского и русского языков, немецкий и французский (РГИА 3: 16–18). При обширном знании языков вновь прибывшие поляки плохо были знакомы с местной правовой и судебной практикой, не владели молдавским языком. Впрочем, это не мешало им сделать хорошую служебную карьеру.

Юридическое образование имел лишь С.М. Дембинский, окончивший в 1807 г. Высшее училище правоведения. Очевидно, он был родом из Могилевской губернии, где за ним числилось 48 крестьянских душ. Службу начал в 3-м департаменте Сената переводчиком с польского языка. В Бессарабию он попал в 1835 г., став областным прокурором. Затем несколько лет служил председателем Бессарабского уголовного суда (РГИА 3: 61–65). В те же годы кишиневским уездным прокурором был Д.В. Салацкий. Он был командирован в Бессарабию в 1817 г. А.Н. Бахметевым для разбора накопившихся уголовных дел. Буквально накануне он поступил в местный главный суд канцеляристом после окончания Каменец-Подольской гимназии. В Кишиневе работал около года, затем был возвращен в родной Каменец-Подольский. Однако в 1819 г., уволившись со службы, вернулся в Бессарабию, где продолжил свою карьеру (РГИА 3: 73–75). В частности, в 1842–1850 гг. он занимал должность хотинского уездного прокурора. Примечательно, что до назначения на должность уездного прокурора Д.В. Салацкий трижды был под судом: дважды (в 1835 г.) – за незаконное водворение в местечке Бричаны двух евреев и за взятку 230 руб. серебром от евреев того же местечка; третье судебное расследование над Салацким проходило в 1836 г. по подозрению в растрате уездного казенного сена, приготовленного для нужд армии (РГИА 5: 35–45).

Хорошее образование получил С.П. Кохманский, который, будучи католиком, закончил Подольскую греко-российскую семинарию. С 1826 по 1836 г. служил в Подольске, затем был переведен сорокским уездным прокурором. Кохманский служил в Бессарабии до конца 1850-х гг., успев побывать аккерманским уездным прокурором (1839–1851 гг.) (РГИА 5: 48–50), затем градоначальником в Бельцах (1852–1855 гг.) и Кагуле (1856–1859 гг.). Служебную карьеру в Бессарабии продолжил старший сын С.П. Кохманского Роман. Окончив Кишиневскую областную гимназию, он поступил в начале 1860-х гг. в Бессарабский областной суд. После проведения судебной реформы Р.С. Кохманский служил присяжным поверенным и присяжным стряпчим Бессарабского коммерческого суда. В Бессарабии начал свою служебную карьеру и младший сын С.П. Кохманского Вацлав,

исполнявший в конце 1850-х гг. обязанности столоначальника в областном правлении. Однако в начале 1860-х гг. он перешел служить помощником главного контролера 4-го отделения с. е. и. в. канцелярии.

Говоря о массовом поселении в Бессарабии шляхетских семей, отметим, что это явление не привело к существенному увеличению численного состава местного дворянства. Очевидно, большинство из них так и не смогли или не захотели добиться прав на благородное звание. Хорошо образованная, социально активная шляхта удовлетворялась высоким экономическим и служебным статусом. Кроме того, многие, формально обрета свидетельства о признании их дворянскими собраниями, пусть и не признанные Сенатом, могли беспрепятственно поступать на государственную службу. Внесение в родословную книгу ограждало их от риска внесения в число податного населения. Эти факторы вполне удовлетворяли их социально-экономические претензии.

Процесс вхождения этой социальной группы в состав дворянства не прекращался на протяжении всего периода существования императорской России. Время от времени Бессарабское дворянское депутатское собрание принимало решение о внесении бывших шляхтичей в местную родословную книгу. Наиболее активно этот процесс протекал во второй половине XIX в. Так, в отмеченное время к бессарабскому дворянству были причислены Стровские (в 1856 г.), Власовы (в 1862 г.), Долинские (в 1865 г.), Сицинские (в 1866 г.), Грозинские (в 1869 г.) и др. Словом, процесс причисления потомков бывших шляхтичей не останавливался вплоть до 1916 г. Однако в большинстве случаев право на дворянство давали лишь ордена или высокие чины. Таким образом, лишь в первой половине XIX в. наблюдался широкий интерес со стороны шляхетства к обретению дворянства. В пореформенные годы такой активности со стороны этой категории жителей Бессарабии уже не было замечено.

ЛИТЕРАТУРА

Бовуа 2011 - *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М.: Новое литературное обозрение, 2011. 1008 с.

Дзагалов 2008 - *Дзагалов А.С.* Переселение бывшей польской шляхты из Подольской губернии на Кавказскую казачью линию после подавления восстания 1830–1831 гг. // *Архивы и общество: научно-просветительский журнал.* Нальчик, 2008. Вып. 7. С. 38–48.

Казимирович 2006 - *Казимирович В.* Страницы истории поляков Молдавии // *Русин.* 2006. № 4 (6). С. 177–183.

- ПСЗРИ 1845 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. СПб., 1845. Т. 19, № 13865.
- ПСЗРИ 1849 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. СПб., 1849. Т. 23, № 17327.
- ПСЗРИ 1856 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. СПб., 1856. Т. 30, № 22873.
- ПСЗРИ 1857 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. СПб., 1857. Т. 31, № 26108.
- ПСЗРИ 1860 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. СПб., 1860. Т. 33, № 17327.
- ПСЗРИ 1861 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. СПб., 1861. Т. 34, № 27014.
- ПСЗРИ 1888 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. СПб., 1888. Т. 6, № 4869.
- ПСЗРИ 1897 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. СПб., 1897. Т. 13, № 11387.
- ПСЗРИ 1899 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. СПб., 1899. Т. 16, № 14998.
- ПСЗРИ 1905 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. СПб., 1905. Т. 23, № 17469.
- Румянцев 2012 - *Румянцев Е.А.* Кишиневский дворянский некрополь. Рукопись. 2012. С. 137.
- Румянцев, Фенопентов 2013 - *Румянцев Е., Фенопентов В.* Дворянский род Лазо: генеалогия, персоналии, источники. Рукопись. 2013.
- НАРМ 1 - Национальный архив Республики Молдова (далее – НАРМ). Ф. 88. Оп. 1. Д. 74. В.Ф. Тимковский – Бессарабскому дворянскому депутатскому дворянству 25 июня 1826 г. Л. 30.
- НАРМ 2 - НАРМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 858. Дело о дворянстве рода Лазо. Л. 23.
- НАРМ 3 - НАРМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 425. Записка неизвестного гражданскому губернатору от 29 апреля 1830 г. Л. 74.
- НАРМ 4 - НАРМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 74. Отношение Екатеринославского дворянского депутатского собрания к Бессарабскому дворянскому депутатскому собранию 31 августа 1827 г. Л. 63.
- НАРМ 5 - НАРМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 74. Предложение бессарабского областного предводителя дворянства Димитриу Бессарабскому дворянскому депутатскому собранию 3 ноября 1826 г. Л. 43.
- НАРМ 6 - НАРМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 15. Представление бессарабского областного предводителя дворянства в Бессарабский областной совет 11 мая 1836 г. Л. 41 об. – 42.
- НАРМ 7 - НАРМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 74. Прошение 19 дворян к А.Н. Пизани 12 марта 1825 г. Л. 29.

НАРМ 8 - НАРМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 74. Список дворян Подольской губ., переселившихся в Бессарабскую обл. Л. 79.

НАРМ 9 - НАРМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 74. Указ Бессарабского верховного совета. 19 декабря 1823 г. Л. 11.

РГИА 1 - Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1140. Оп. 3 (1845 г.). Д. 2. Краткая записка из всеподданнейшего доклада Правительствующего Сената общего собрания первых трех департаментов по вопросу о подсудности бывшей польской шляхты. Л. 37.

РГИА 2 - РГИА. Ф. 1151. Оп. 3 (1844 г.). Д. 231. Краткая записка из дела по обревизованию дворянской родословной книги, составленной по определениям существовавшей в Бессарабии в 1821 году особой комиссии для рассмотрения доказательств на дворянское звание. Л. 226.

РГИА 3 - РГИА. Ф. 1349. Оп. 4 (1833 г.). Д. 424. Формулярные списки о службе и достоинстве бессарабских прокурора и стряпчих, казенных и уголовных дел да уездных прокуроров за 1837 г.

РГИА 4 - РГИА. Ф. 1349. Оп. 4 (1833 г.). Д. 120. Формулярные списки о службе классных чиновников Бессарабской области, состоящих на действительной службе. Л. 107 об. – 111.

РГИА 5 - РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. Д. 1113. Формулярные списки чиновников Бессарабской области за 1845 г.

Bezviconi 1943 - *Bezviconi G.G. Boierimea Moldovei dintr Prut și Nistru. București. 1943. V. 2. 320 p.*

Gherasim 2012 - *Gherasim C. Unele considerații privind situația elitei nobiliare din Basarabia la sf. sec. XIX – înc. sec. XX. // Buletin științific al tinerilor istorici: Serie nouă. Chisinau, 2012. Vol. I (IV). P. 151–163.*

REFERENCES

Bovua, D. (2011) *Gordiev uzul Rossiyskoy imperii: Vlast, shlyahyta i narod na Pravoberezhnoy Ukraine (1793–1914)* [The Gordian knot of the Russian Empire: Power, Polish nobility and the people on the Right-Bank Ukraine (1793–1914)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Dzagalov, A.S. (2008) *Pereselenie byivshey polskoy shlyahyti iz Podolskoy gubernii na Kavkazskuyu kazachyu liniyu, posle podavleniya vosstaniya 1830–1831 gg.* [Resettlement of former Polish nobility from Podolia to the Caucasian Cossack line, after the suppression of the 1830–1831 uprising]. *Arkhivy i obshchestvo: nauchno-prosvetitel'skiy zhurnal. 7.*

Kazimirovich, V. (2006) *Stranitsyi istorii polyakov Moldavii* [Pages of Polish history in Moldova]. *Rusin. 4* (6). pp. 183–190.

Russia. (1845) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. I. Vol. 19.

Russia. (1849) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection

of Laws of the Russian Empire]. Coll. I. Vol. 23.

Russia. (1856) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. I. Vol. 30.

Russia. (1857) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. I. Vol. 31.

Russia. (1860) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. I. Vol. 33.

Russia. (1861) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. I. Vol. 34.

Russia. (1888) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. II. Vol. 6.

Russia. (1897) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. II. Vol. 13.

Russia. (1899) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. II. Vol. 16.

Russia. (1905) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. II. Vol. 23.

Rumyantsev, E.A. (2012) *Kishinevskiy dvoryanskiy nekropol'* [Chisinau noble necropolis]. p. 35. [Manuscript].

Rumyantsev, E. & Fenopentov, V. (2013) *Dvoryanskiy rod Lazo: genealogiya, personalii, istochniki* [The noble family of Lazo: Genealogy, personalities, sources]. [Manuscript].

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (1826a) *V.F. Timkovskiy – Bessarabskomu dvoryanskomu deputatskomu dvoryanstvu 25 iyunya 1826 g.* [V.F. Timkovsky – to Bessarabian Nobility Deputies, June 25, 1826]. Fund 88. List 1. File 74.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Delo o dvoryanstve roda Lazo* [The case of the Lazo family nobility]. Fund 88. List 1. File 858.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (1830). *Zapiska neizvestnogo grazhdanskogo gubernatoru ot 29 aprelya 1830 g.* [Note from an unknown person to the civil governor of April 29, 1830]. Fund 88. List 1. File 425.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (1827) *Otnoshenie Ekaterinoslavskogo dvoryanskogo deputat-skogo sobraniya k Bessarabskomu dvoryanskomu deputatskomu sobraniyu 31 avgusta 1827 g.* [The attitude of the Yekaterinoslav Nobility Deputies' Meeting to Bessarabian Noble Deputies' Meeting of August 31, 1827]. Fund 88. List 1. File 74.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (1826b) *Predlozhenie bessarabskogo oblastnogo predvoditelya dvoryanstva Dimitriiu Bessarabskomu dvoryanskomu deputatskomu sobraniyu 3 noyabrya 1826 g.* [Proposal of the Bessarabian regional nobility leader Dimitriou Bessarabian to

the Deputies' Meeting of November 3, 1826]. Fund 88. List 1. File 74.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (1836) *Predstavlenie bessarabskogo oblastnogo predvodite-lya dvoryanstva v Bessarabskiy oblastnoy sovet 11 maya 1836 g.* [Submission of the Bessarabian Regional nobility leader to the Bessarabian Regional Council of May 11, 1836]. Fund 88. List 1. File 15.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (1825). *Proshenie 19 dvoryan k A.N. Pizani 12 marta 1825 g.* [Petition from nineteen noblemen to A.N. Pisani of March 12, 1825]. Fund 88. List 1. File 74.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Spisok dvoryan Podol'skoy gubern., pereselivshikhsya v Bessarabskuyu obl.* [The list of nobility from Podolia who moved to Bessarabia]. Fund 88. List 1. File 74.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (1823) *Ukaz Bessarabskogo verkhovnoy sovetu. 19 dekabrya 1823 g.* [Decree of the Bessarabian Supreme Council of December 19, 1823]. Fund 88. List 1. File 74.

The Russian State Historical Archives (RGIA). (1845) *Kratkaya zapiska iz vsepoddanneyshego doklada Pravitel'stvuyushchego Senata obshchego sobraniya pervykh trekh departamentov po voprosu o podsudnosti byvshey pol'skoy shlyakhty* [A brief note of the most loyal report of the Governing Senate of the first three departments on the jurisdiction of the former Polish gentry]. Fund 1140. List 3 (1845). File 2.

The Russian State Historical Archives (RGIA). (1844) *Kratkaya zapiska iz dela po obrevizovaniyu dvoryanskoy rodoslovnoy knigi, sostavlennoy po opredeleniyam sushchestvovavshey v Bessarabii v 1821 godu osoboy komissii dlya rassmotreniya dokazatel'stv na dvoryanskoe zvanie* [A brief summary of the proceedings on inspection of the aristocratic genealogy book compiled according to the definitions of the special commission for consideration knighthood evidence that existed s in Bessarabia in 1821]. Fund 1151. List 3 (1844). File 231.

The Russian State Historical Archives (RGIA). (1833a) *Formulyarnye spiski o sluzhbe i dostoinstve bessarabskikh prokurora i stryapchikh, kazennykh i ugovolnykh del, da uezdnykh prokurorov za 1837 g.* [The official lists of service and dignity of the Bessarabian prosecutor and solicitors, state and criminal cases and county prosecutors for 1837]. Fund 1349. List 4 (1833). File 424.

The Russian State Historical Archives (RGIA). (1833b) *Formulyarnye spiski o sluzhbe klassnykh chinovnikov Bessarabskoy oblasti, sostoyashchikh na deystvitel'noy sluzhbe* [The official lists of service class officials of Bessarabia region, in active service.]. Fund 1349. List 4 (1833). File 120.

The Russian State Historical Archives (RGIA). (1845). *Formulyarnye spiski chinovnikov Bessarabskoy oblasti za 1845 g.* [Formulary lists of Bessarabia region officials for 1845]. Fund 1349. List 6. File 1113.

Bezviconi, G.G. (1943) *Boierimea Moldovei dintr Prut și Nistru* [Boyars of Moldova Prut and Nistru]. V. 2. Bucharest: Fundatia Regele Carol I.

Gherasim, C. (2012) Unele considerații privind situația elitei nobiliare din

Basarabia la sf. sec. XIX – înc. sec. XX. [Some considerations on the situation of Bessarabian noble elite in the 19th – early 20th century]. *Buletin științific al tinerilor istorici: Serie nouă*. I(IV). pp. 151–163.

Морозан Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Morozan Vladimir - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: v_moga@mail.ru

УДК 947(477.87)"18/19"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/13

РУСОФІЛЬСТВО НА ЗАКАРПАТТІ В ДРУГІЙ ПОЛОВИНІ ХІХ – НА ПОЧАТКУ ХХ ст.: ГЕНЕЗА, РОЗВИТОК ТА ІДЕОЛОГІЯ

Р.І. Майор

Кам'янець-Подільський державний історичний музей-заповідник
Україна, 32300, Хмельницька область, м. Кам'янець-Подільський,
вул. Іоанно-Предтечинська, 2
E-mail: major.r@mail.ru

Авторское резюме

Проаналізовано основні причини виникнення та інституційний розвиток русофільської течії в Закарпатті, розглянуто ідеологію, політичну та культурно-просвітницьку діяльність русофілів у другій половині ХІХ – на початку ХХ ст. Русофільство включало в себе мовно-літературну, етно-національну й політичну складові, а ці поняття є різними за суттю і ототожнювати їх не слід. В історіографії для позначення досліджуваного феномену використовуються терміни «русофільство», «москвофільство», рідше «старорусинство». На нашу думку, русофільство є ширшим поняттям від москвофільства, яке зрештою й виникло на основі першого. Інколи дані поняття ототожнюють, однак, даний феномен на Закарпатті в ХІХ ст. правомірніше називати русофільською течією (рухом), а на зламі ХІХ–ХХ ст. – москвофільською, так як в цей час відбувся процес трансформації русофільства (панрусизму) в москвофільство (власне чітку проросійську орієнтацію).

Ключові слова: русофільство, українці, мова, Закарпаття, А. Добрянський, І. Раковський.

РУСОФИЛЬСТВО НА ЗАКАРПАТЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ЗАРОЖДЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И ИДЕОЛОГИЯ

Р.И. Майор

Каменец-Подольский государственный исторический
музей-заповедник

Украина, 32300, Хмельницкая область, г. Каменец-Подольский,
ул. Иоанно-Предтечинская, 2
E-mail: major.r@mail.ru

Авторское резюме

Проанализированы основные причины возникновения русофильского течения на Закарпатье и его институционального развития. Отображены идеология, политическая и культурно-просветительская деятельность русофилов во второй половине XIX – начале XX в. Русофильство включает в себя культурно-литературную, этнонациональную и политическую составляющие, а эти понятия различны по сути, и отождествлять их не следует. В историографии для обозначения исследуемого феномена используют термины «русофильство», «москвофильство», реже – «старорусинство». По нашему мнению, русофильство является более широким понятием, нежели москвофильство, которое в конце концов и произошло на основе первого. Иногда эти понятия отождествляют, однако данный феномен на Закарпатье в XIX в. правомернее называть русофильским течением (движением), а на рубеже XIX–XX вв. – москвофильским, так как в то время произошел процесс трансформации русофильства (панрусизма) в москвофильство (собственно четкую пророссийскую ориентацию).

Ключевые слова: русофилы, украинцы, язык, Закарпатье, А. Добрянский, И. Раковский.

RUSSOPHILIA IN TRANSCARPATHIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: ORIGINS, DEVELOPMENT AND IDEOLOGY

R.I. Mayor

Kamianets-Podilsky State Historical Museum-Preserve
2 Ioanno-Predtechinskaya Street, Kamianets-Podilskyi, 32300, Ukraine
E-mail: major.r@mail.ru

Abstract

The article analyses the main causes and institutional development of Russophilia in Transcarpathia. The author discusses the ideology, political, cultural and educational activities of Russophiles in the second half of the 19th – early 20th centuries. Russophilia includes linguistic, literary, ethno-national and political components, however, these concepts are different and should not be confused. To describe the phenomenon under analysis historiography uses the terms “Russophilia”, “Moscophilia” and “Starorusynstvo”. The author believes that Russophilia is wider than Moscophilia, which eventually arose from the former. Sometimes these concepts are identified, however, in Transcarpathia in the nineteenth century it should be called Russophilia, and at the turn of the twentieth century – Moscophilia, since that time demonstrated the process of transformation of Russophilia (Panrusyzm) to Moscophilia (a clear pro-Russian orientation).

Keywords: Russophiles, Ukrainians, language, Transcarpathia, A. Dobriansky, I. Rakowski.

У процесі національного пробудження українців Закарпаття в середині XIX ст. у краї зародилося русофільство – мовно-літературна й суспільно-політична течія (рух), представники якої обстоювали ідею про існування «русского народа», до складу якого зараховували українців, білорусів і росіян, а пізніше прямо визнавали українців росіянами, стояли на позиціях перетворення російської мови на літературну для всього українського народу. Упродовж 1850 – початку 1870-х рр. русофіли займали провідне місце у культурному та суспільно-політичному житті українців. Та, якщо проблемі русофільського руху в Галичині та Буковині присвячено чимало досліджень (як окремих наукових статей, так і ґрунтовних монографічних праць, дисертацій),

то на теренах Закарпаття до сьогодні він залишається одним із найменш досліджених явищ в українській та зарубіжній історіографії. Окремі аспекти даної проблеми на фоні більш ширших історичних явищ і процесів розглядалися у працях В.М. Гнатюка (Гнатюк 1916), М.Ю. Кашки (Кашка 2008), В.В. Маркуся (Маркусь 1994), В.І. Падяка (Падяк 2006), С. Папа (Пап 2003), В.І. Шандора (Шандор 1992) та інших вчених, і лише невелика частина науковців присвятила даному питанню окремі розвідки Ю. Бача (Бача 1961; 1994), Г.М. Стрипський (Стрипський 2008).

Мета статті – проаналізувати основні причини виникнення русофільства в Закарпатті, його розвиток та інституційну базу, становлення та еволюцію ідеологічної платформи русофілів, розглянути місце і роль русофільської течії у суспільно-політичному русі українців упродовж другої половини ХІХ – початку ХХ ст.

Сьогодні в історіографії існують різні погляди щодо датування часу зародження русофільства в Закарпатті. Одні вчені датують даний процес кінцем ХVІІІ – початком ХІХ ст., інші – 1820–1840-ми чи 1850-ми рр. (Кореспонденція 1905: ХLVІІ; Гнатюк 1915; Мишанич 1992: 7; Шандор 1992: 131; Тіхий 1996: 154; Стрипський 2008: 265). На нашу думку, русофільство як мовно-літературний напрямок зародилося у 1850-х рр. після ліквідації «Руського округу». Воно проявлялося у пропаганді та вживанні інтелігенцією (духовною та світською) російської мови й прагненні запровадити її як літературну для українського населення. Основну роль у становленні русофільської течії відіграли греко-католицький священник І.І. Раковський та громадсько-політичний діяч А.І. Добрянський. У 1860 – на початку 1870-х рр. зі становленням ідеологічної та інституційної бази русофільського руху, проведенням русофілами політичної діяльності, відбулася його трансформація у впливову суспільно-політичну течію. Соціальну базу русофільської течії в Закарпатті, як і в Галичині, становило греко-католицьке духовенство та невелика частина світської інтелігенції (Изь Мармороса 1864; И.С. 1886; Сухий 2003: 121).

Беручи до уваги доробок вітчизняної та зарубіжної історіографії у вивченні порушеної автором проблеми, а також аналіз широкої джерельної бази та національно-політичної ситуації у Центрально-Східній Європі у ХІХ ст. вважаємо, що існували такі причини виникнення і поширення русофільства в Закарпатті:

еміграція провідних представників закарпатської інтелігенції до Російської імперії у першій половині ХІХ ст. та підтримка ними зв'язку з рідним краєм, що сприяло збільшенню там зацікавленості Росією, її культурою, мовою та літературою (Драгоманов 1895; Маркусь 1994:

10; Філіна 2011: 11);

придушення російськими військами угорської революції 1849 р. Воно яскраво продемонструвало українцям військову могутність російського імператора («московського царя») та слабкість австрійського цісаря. У зв'язку з цим у свідомості закарпатців сформувалася думка, що лише Росія зможе допомогти їм у боротьбі проти Угорщини, а відтак почала асоціюватися у них з надією на «порятунок». Так в той час Росію сприймали не лише українці, але й чехи та інші слов'яни (Драгоманов 1895; Пап 2003: 464);

москвофільська пропаганда, здійснювана російською владою та її представниками;

відсутність незалежної Української держави та проведенням угорською владою політики мадяризації українців;

низький рівень етнонаціональної самосвідомості в більшій частини української інтелігенції.

З 1850-х по 1871 р. русофільство відіграло домінуючу роль в українському русі у краї (Гнатюк 1916: 46; Žeguc 1965: 57; Маєр 1968: 55; Пап 2003: 403;). За словами Г. Стрипського, якщо в Галичині на бік москвофільства перейшла лише частина українців, то в Закарпатті москвофільські погляди стали виключно панівними (йдеться про світську та духовну інтелігенцію, а не селян. – *Р.М.*). Практично кожен представник української інтелігенції, яка майже виключно складалася із священників, став москвофілом (Стрипський 2008: 265). Стрижнем ідеологічної платформи цього руху були, по-перше, постулат про етно-національну єдність українців, росіян та білорусів, які нібито утворюють єдиний «русский народ», чи визнання українців частиною російського народу, і, по-друге, прийняття російської мови літературною мовою українців. Найбільш розгорнуте теоретичне обґрунтування русофільської національної концепції дав А. Добрянський. В одній зі своїх праць він зазначав: «Тримільйонний народ наш русській, який живе під австрійським скіпетром, є частиною одного і того ж народу русского, мало-, біло- і великорусского, має одну з ним історію, одні перекази, одну літературу і звичаї народні; звідси випливають причини і умови повної національної єдності з цілим народом русским...» (Проект политической 1871: 9–10). Зауважимо, що мова тут не йшла про визнання українців росіянами (що власне відображає сутність москвофільської концепції), оскільки як перші, так і другі визнавалися автором складовими частинами значно ширшого поняття – «русского» народу. А тому термін «русській» не слід ототожнювати з словом «російський» («великоруський»), оскільки вони не були синонімами. А. Добрянський у межах «русского» народу виділяв три спільноти: малоруську (українську), білоруську та великоруську (російську). Отже,

для русофільської концепції А. Добрянського характерний двоступеневий рівень ідентичності: перший – регіональний (український, білоруський, російський) й другий – загальнонаціональний, якому іманентна панрусська (в межах всього східнослов'янського простору) національна ідентичність. Упродовж другої половини ХІХ – початку ХХ ст. у середовищі русофілів існували істотні національно-світоглядні розбіжності у баченні цієї проблеми, що поступово (в 1890-х рр. (Світлик 2011: 289)) зумовило трансформацію русофільства (для якого була характерна панрусська національна ідентичність) у москвофільство (яке базувалося на власне російській національній ідентичності).

Вплив русофілів на культурний розвиток Закарпаття найбільше відбився на мовній сфері. Відчутний він був навіть тоді, коли вони уже не відігравали важливого значення у суспільно-політичному житті краю. Незважаючи на те, що на території досліджуваного регіону вже існувала, хоч і не в повній мірі задекларована традиція формувати норму літературної мови на основі розмовної народної бесіди (Падяк 2010: 67), русофіли відмовлялися від даної традиції й виступали за перейняття уже кодифікованої й унормованої російської мови, яка й мала стати для українців літературною (Унгар 1872; Воззваніє 1885). Цією ідеєю у 1850-х рр. захопилася майже вся інтелігенція (Стрипський 2008: 271). У другій половині ХІХ ст. проросійського мовної орієнтації притримувалися О. Гомичков, А. Добрянський, О. Митрак, І. Раковський, І.А. Сільвай, Ю.І. Ставровський, Є.А. Фенцик та ін. (Пап 2003: 463; Філіна 2011: 13). Причинами її обрання були такі: відсутність упевненості в змозі створити власну літературну мову (Падяк 2010: 9); існування у Закарпатті великої кількості відмінних діалектів, що у випадку вибору одного з них за основу літературної мови ставало перепоною у її однаковому розумінні всіма русинами краю (Бача 1961: 100; Голос 1861; Изъ Ужгорода 1868; Явный отвѣтъ 1868; Какъ имѣемъ 1869b; Магочій 1994: 36); її близькість до церковнослов'янської мови та прагнення зберегти останню від «вимирання» (Фонетика 1895; Кореспонденция 1905: СХХХІІІ; Стрипський 2008: 271).

Закарпатські русофіли, як і галицькі (Аркуша, Мудрий 1999: 261–262) та буковинські (Добржанський 1999: 151–152), виступали проти вживання української мови й запровадження фонетичного правопису (Голось 1861; Попрадов 1872; Патріотическіи 1873; Гнатюк 1897b; 1899: 166–170). Тому постійні намагання галицьких народовців переконати їх використовувати українську мову та фонетику й таким чином приєднатися до української культури, наштовхувалися на різку критику (Гнатюк 1897b; 1899: 166–170; Мукачевській 1904). Частина русофілів обґрунтовувала свою відмову прийняти українську мову за літературну тим, що вважала її польським проектом (Галицкіи 1904;

Мукачевській 1904; Стрипський 2008: 267). У той же час у відстоюванні русофілами проросійської мовної орієнтації варто відмітити один важливий момент. Не зважаючи на те, що у своїх періодичних виданнях і публіцистичних працях вони пропагували російську мову, писали нею (правильніше – наближеною до російської) свої праці, видавали періодичні видання («Світ», «Сова», «Новий Світ», «Карпат», «Листок»), зробили її викладовою мовою у гімназіях (Бабота, 1988: 70), абсолютна більшість русофілів досконало її не знали (Какь имѣемъ 1869а; Бращайко 1908: 180; Драгоманов 1970: 166, 207, 278; Пап 2003: 465; Данилюк 1997: 200). А відтак застосування російської на практиці призводило до витворення нової штучної мови, «язичія» – суміші елементів російської, церковнослов'янської та української, а іноді й угорської і словацької мов, процентне відношення слів яких визначити важко, оскільки у кожного автора даний показник був різним і не сталим (Гнатюк 1897а; Бращайко 1908: 180; Драгоманов 1970: 278).

Поштовхом до початку активної політичної діяльності русофілів стали прийняття 1860 р. австрійським імператором Францом Йозефом I «Жовтневого диплому» та ухваленням 1861 р. нової Конституції, що передбачала проведення перших після подій «Весни народів» виборів до угорського парламенту у квітні 1861 р. (Майор 2012а: 121–122). У 1861–1868 рр. закарпатцями, в основному за ініціативою русофілів, було розроблено більше десятка національно-політичних програм. Для основної частини з них були характерні такі положення: реорганізація комітетів Угорщини за національним принципом і формування на території українського комітату окремого конгресу (сейму); офіційне визнання руської народності та її рівноправності (як і інших національних меншин) з угорцями; створення посади міністра без портфеля при центральній владі для кожної національності; запровадження руської мови як офіційної в діловодстві та шкільній освіті; відкриття при Пештському університеті та Кошицькій академії кафедр руської мови; забезпечення автономії Руської греко-католицької церкви та перетворення Мукачівського єпископства на митрополію (або ж створення окремого Руського архієпископства); формування в армії окремої української військової частини; ліквідація залишків кріпосницької системи (Изь Пряшевской 1865; Владимірь 1867; Изъ Угочи 1867; Изъ Пряшева 1868; Изъ Угорской 1883; Перени 1957: 58–73, 83–88; Žегус 1965: 52–60, 68–71; Пап 2003: 354–356; Майор 2012а: 123).

На засіданнях угорського парламенту розроблені русинами національно-політичні вимоги та програми представляв і відстоював А. Добрянський (Майор 2012а). Не зважаючи на те, що шовіністична

угорська влада навідріз відмовилася виконувати вищезазначені вимоги, лідер закарпатських русофілів не припинив шукати шляхи розв'язання «українського питання». 1871 р. ним був розроблений політичний проект, який передбачав створення у складі Австро-Угорщини автономної української адміністративно-територіальної одиниці («Русі австрійської»), яка об'єднувала в єдине ціле Галичину, Закарпаття і Буковину. Реалізація цього проекту дозволила б українцям самостійно розвиватися як на політичному (в межах, дозволених Конституцією), так і на національно-культурному рівні (Проект политической 1871). 1885 р. А. Добрянський розробив черговий політичний проект («Програма для реалізації національної автономії в Австрії»), який передбачав перетворення Австро-Угорщини із дуалістичної держави на федерацію восьми рівноправних національно-адміністративних автономій-районів: Галицько-руський, Німецький, Південнослов'янський, Польський, Румунський, Угорський, Чеський та Віденський (Programm 1885: 59–61). Проте, домогтися реалізації одного з цих проектів йому так і не вдалося. Ідея надання українській території статусу автономії, як і концепція федералізму тоді не користувалися підтримкою, а часто викликали й гострий спротив у представників урядових кіл Австро-Угорщини.

Важливим етапом у розвитку русофільського руху стало заснування у 1860-х рр. ряду культурно-просвітніх спілок – «Товариства св. Василя Великого» та «Руської бесіди». Вони стали осередками української інтелігенції й об'єднували людей з різними ідейними переконаннями. Однак більшу частину їх членів складали русофіли. Ініціаторами створення в Ужгороді «Товариства св. Василя Великого» у 1864 р. виступили пряшівський єпископ Й. Гаганець та мукачівський єпископ В. Попович (Игнатовъ 1866; Уставъ 1866: 16; Уріиль Метеоръ 1938: 79). Його статут був затверджений Угорською намісницькою радою 15 грудня 1864 р. (Отъ Ужгорода 1865; Уставъ 1866: 16). Ціль і завдання спілки полягали у тім, аби здійснювати підготовку, видавництво та поширення шкільних книг, а також русько- та угорськомовних книжок і часописів, які б сприяли морально-духовному просвітленню греко-католиків Мукачівської та Пряшівської єпархій (Уставъ 1866: 2; Мауер 1977: 21). Покровителями і першими керівниками товариства виступили єпископи В. Попович і Й. Гаганець. Окрім них, діяльністю спілки керували його старший та молодший голови (Уставъ 1866: 2, 6).

Перші загальні установчі збори «Товариства св. Василя Великого», на яких сформували його керівний комітет, відбулися 1 жовтня 1866 р. (Уріиль Метеоръ 1938: 80; Добош 1956: 94; Жегис 1965: 65; Зарубежные 1975: 386). З цього дня воно і розпочало де-факто свою активну діяльність. Першим головою спілки обрали А. Добрянського,

а другим – І. Раковського, котрий де-факто і залишався керівником товариства, оскільки його перший голова в цей час мешкав головню за межами Закарпаття – у Відні (Уріиль Метеорь 1938: 80; Добош 1956: 95; Мауер 1977: 20). У відповідності до програмових цілей, під егідою спілки видавалися шкільні книги: «Всемірна история» В. Кимака, «География» й «Арифметика» І. Раковського, «Краткий сборник для упражнених в русском языке» К. Сабова (Добош 1956: 95), «Велікій сборникъ» А. Поповича (Ръчь 1869). З 1867 р. товариство почало видавати газету «Світ», редакторами якої були професори гімназії Ю. Ігнатко й К. Сабов (Пап 2003: 395). За словами історика і літературознавця О.М. Рудловчак, «Світ» був першим періодичним друкованим органом українців Закарпаття, яким покладено основи національної журналістики суспільного характеру (Рудловчак 1985: 83). Будучи друкованим органом ужгородської спілки, суспільно-літературна газета виражала ідею культурного єднання з Росією, закликала засвоювати російську культуру та вивчати російську мову (Рудловчак 1985: 99). Спроби заснувати політичну газету, які 1860 р. здійснив А. Добрянський (Рудловчак 1988: 22–23), 1864 р. – Й. Ляхович (Рудловчак 1985: 96), а 1871 р. – Г. Маркош, виявилися, через нестачу необхідних для цього коштів, безуспішними (Падык 2006: 26–27).

Окрім «Товариства св. Василя Великого» осередками культурного й громадського руху українців стали товариства клубного типу (касино) – «Руська бесіда», які у другій половині 1860-х рр. відкрилися в Ужгороді, Хусті, Пряшеві та Сиготі (Унгварь 1869; Майор 2012b). Ідея заснування першої «Руської бесіди» виникла ще 1865 р. у москвофіла М. Гомичкова та І. Даниловича (Изь Ужгорода 1865). Однак, отримати офіційне урядове підтвердження на його відкриття вдалося лише 1867 р. (Ігнатков 1867). Метою діяльності товариства визначалося піднесення рівня освіти серед неграмотного населення (Александрь 1867). Засобами її реалізації слугували бібліотека, яка містила велику кількість різних книг, журналів і газет (як українських, так і угорських, німецьких, російських й ін.) (Изь Мукачова 1867; Изь Ужгорода 1867), та, власне, саме спілкування між членами клубу (Александрь 1867). Кількість членів ужгородської «Руської бесіди» була невеликою. Влітку 1867 р. вона нараховувала 126 осіб (Ръчь 1867), а наступного року їх кількість зросла до 150 (Ужгород 1868). В основному ними були члени «Товариства св. Василя Великого» (Общество 1868).

1868 р. завдяки активній діяльності інтелігенції (П. Долина, Є. Поповича, К. Добрянського, Е. Грабара та ін.) засновується ще одна «Руська бесіда» у Сиготі (Отъ Сигота 1868; Рудловчак 1988: 39–40). Основними цілями її діяльності визначалися розвиток руської говірки,

пробудження народного духу, надання допомоги селянським дітям, які навчалися у Сиготській гімназії, відкриття для них гуртожитку (Ізь Марморозького 1869). Та попри позитивні наміри членів «Руської бесіди» в Ужгороді, Сиготі (на жаль, про аналогічні касино в Хусті і Пряшеві майже нічого не відомо), «Товариства св. Василя Великого» здійснювати просвіту серед селян, ця діяльність не мала великого успіху, бо задля її реалізації використовувалася, як правило, література та преса, опубліковані російською мовою чи «язичієм», які були незрозумілими для абсолютної більшості населення. Винятком став лише популярний «Додаток» до часопису «Листок», який Є. Фенцик видавав народною розмовною мовою (Брацайко 1908: 179).

Важливі зміни у розвитку суспільно-політичного руху українців відбулися наприкінці 1860-х рр., коли намітилися перші риси розмежування у середовищі закарпатської інтелігенції. Поступово ця поляризація ставала значно чіткішою, що призвело до формування у 1869–1870 рр. (Унгарь 1871; Падык 2006: 11) двох «партиї»: «народно-руської» («народної», «патріотичної», «радикальної») та «єпископської» («мадяронської», «поміркованої», «партиї єпископа Панковича», «утилітаристської», «партиї єпископатів», «партиї опортуністів») (Дѣла Галицкой 1871; Партии 1871; Явдыкь 1904: 69; Падык 2006: 11). До першої групи, очолюваної А. Добрянським, належали представники Мукачівської і Пряшівської єпархії: А. Рубій, Ю. Форкаш, Є. Попович, М. Грабар, П. Грабар, М. Молчан та ін. (Явдыкь 1904: 69). Лідером другої «партиї», яка складалася зі змадяризованої інтелігенції, став мукачівський єпископ С. Панкович. Основна ціль «єпископської партиї», яка співпрацювала з угорською владою, полягала в мадяризації русинів та максимальному послабленні позицій русофілів (Движеніе 1873). Вони, зокрема, намагалися усунути від управління «Товариством св. Василя Великого» його лідерів – А. Добрянського та І. Раковського (Дѣла Галицкой 1871). Реалізувати дану ціль їм вдалося 28 вересня 1871 р., коли під час шостих загальних зборів старе керівництво ужгородської спілки було усунуте, а на його місце обране нове (О. Негребецький, Ю. Маркош), лояльне до єпископа й угорської влади (Добош 1956: 98; Метеорь 1875: 84; Оть Ужгорода 1871; Мауер 1977: 22). Цього ж дня в Ужгороді здійснили невдалий замах на А. Добрянського (Метеорь 1875: 84), що мало сумні наслідки для Закарпаття, адже провідний громадський і політичний діяч краю уже не міг брати активної участі у громадсько-культурному житті українців.

Подальше існування «Товариства св. Василя Великого» більше нагадувало просту формальність, ніж об'єктивну дійсність. Його нове керівництво не лише майже нічого не робило задля національно-культурного розвитку краю, поширення освіти серед населення, але й

разом з угорською владою не давало можливості здійснювати активну культурно-громадську діяльність колишнім лідерам спілки (Е.Ф. 1886; Смерть общества 1886; Зарубежные 1975: 388–389; Мауер 1977: 56). А з її занепадом на початку 1870-х рр. припинилася і діяльність «Руської бесіди» в Ужгороді та Сиготі, а, очевидно, й у Хусті та Пряшеві, оскільки відомості про їх діяльність після 1870 р. відсутні. Відбулося це не випадково, а під тиском мукачівського єпископа, котрий з великим острахом дивився на діяльність «Бесіди», оскільки вважав, що там займалися протизаконною політикою, читали небезпечні для церкви книги та газети, готували змови проти церковної влади та ін. (Уріиль Метеорь 1938: 86, 106, 116).

Негативні тенденції у суспільно-політичному житті краю, які спостерігалися наприкінці 1860-х рр., та їх загострення у наступні роки призвели до того, що з початку 1870-х рр. у русофільському русі, як і національному русі українців Закарпаття у цілому, наступила серйозна й затяжна криза, яка тривала до середини 1890-х рр. (Изъ Угорской 1883; Що діють 1889; Зарубежные 1975: 388–389; Павлик 1985: 245;). За словами І. Раковського, єпископ С. Панкович наніс народному рухові, який майже повністю припинився після 1871 р., «смертельний удар» (Зарубежные 1975: 388). «З тих пір настало панування цілковитої безжиттєвості, а становище це можна назвати "розумовою вбогістю"», – підкреслював І. Сильвай (Метеорь 1875: 84). Відомий галицький громадсько-політичний діяч М. Павлик відмічав, що на Закарпатті запанувала «непроглядна пільма» (Павлик 1985: 245).

Після 1871 р. вплив русофільської течії у громадсько-політичному житті краю настільки зменшився, що проявлявся лише у вживанні псевдоросійської мови у періодичних і неперіодичних виданнях, її ж використанні в деяких навчальних закладах, розробці А. Добрянським політичних проектів розв'язання «українського питання» у Габсбурзькій монархії тощо. Діячі даного напрямку, переконавшись у марності своєї діяльності, почали відходити від тієї ідеології, яка була політичною платформою їх руху, перервали зв'язки з галицькими русофілами (Žegus 1965: 88; Стрипський 2008: 266). З кінця 1860-х – початку 1870-х рр. москвофіли піддалися серйозному впливові мадяризації (Žegus 1965: 88 Гнатюк 1916: 46; Стрипський 2008: 266), внаслідок чого стали «безнадійними мадяронами» (Галичина 1915: 130). Покоління українців, яке народилося починаючи від 1880-х рр., виростало вже виключно в угорському культурному середовищі, вони читали різноманітну літературу й розмовляли виключно по-угорськи (Стрипський 2008: 266).

На зламі XIX–XX ст. старші русофільські діячі з покоління А. Доб-

рянського та І. Раковського вже практично не займалися активною громадсько-політичною діяльністю (Лисяк-Рудницький 1994: 462). У 1890-х рр. – на початку ХХ ст. лише невелика частина представників закарпатської інтелігенції належали до москвофільського напрямку: Ю. Бачинський, Д. Гебей, І. Сильвай, Є. Фенцик та ін. Як зазначає В. Падяк, до початку ХХ ст. русофільство як ідейно-естетичне та мовне явище вичерпало себе, і зі смертю 1903 р. останнього яскравого будителя Є. Фенцика покоління будителів-русофілів зійшло з літературної ниви (Падяк 2010: 105). «Великоруський напрям у літературі скінчився повним фіяском», – зазначав сучасник тих подій О. Бонкало (Волошин). Наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. у Закарпатті було лише біля 25–30 осіб, котрі абияк володіли російською, оскільки досконало вивчити її не зуміли (Гнатюк 1897с; Стрипський 1897; Стрипський 2008: 267). Етимологічного ж правопису на початку ХХ ст. закарпатські журналісти (зокрема змадяризовані), на думку Г. Стрипського, притримувалися вже лише несвідомо, в силу звички (Стрипський 2008: 271).

Крах русофільської течії був зумовлений такими причинами: ідеологічною концепцією русофілів, особливо прагненням запровадити для українців літературною мовою російську та використанням на практиці «язичія», незрозумілого для населення; відсутністю активної громадської і культурно-освітньої діяльності (створення широкої мережі читалень, проведення народних віче, видання друкованої літератури на зрозумілій для народу мові); проведення угорською владою політики мадяризації.

Як бачимо, упродовж 1850-х – 1919 р. русофільський рух пройшов чотири етапи розвитку. Перший – 1850–1860 рр. – виникнення і організаційний розвиток русофільства як мовно-літературної орієнтації. Другий – 1860–1871 рр. – становлення інституційної бази руху (створюються культурно-громадські організації), розробка національних програм, здійснення політичної діяльності, трансформація русофільства в домінуючу в регіоні суспільно-політичну течію. У цей час відбулося загострення конфронтації з мадярофілами, в результаті якої останні, заручившись підтримкою угорської влади, здобули перемогу. Третій – 1871 – середину 1890-ті рр. – занепад і стагнація русофільства, істотне зменшення його соціальної бази (більшість русофілів стала мадярофілами). Четвертий – середина 1890-х – 1919 р. – характеризується трансформацією русофільства в москвофільство, ідеологія якого базувалася на російській національній ідентичності (визнання українців росіянами). Загалом для цього етапу притаманні ті ж риси, що й для попереднього. Незважаючи на те, що русофіли домінували в суспільно-політичному житті краю упродовж 1850-х – 1871 р., широкої підтримки серед населення

вони не мали. Та навіть беручи до уваги те, що у діяльності та ідеології русофілів були негативні моменти, на нашу думку, на них не слід вішати клеймо зрадників, «гальма» національного руху, адже поява даної течії у суспільно-політичному житті краю була цілком закономірним процесом, зумовленим рядом вагомих внутрішніх і зовнішніх факторів.

ЛІТЕРАТУРА

Александръ 1867 - *Александръ Ю.Г.* Русская бесѣда (Касино) въ Унгварѣ // Свѣтъ. Унгварь. 1867. Ч. 3.

Аркуша, Мудрий 1999 - *Аркуша О., Мудрий М.* Русофілство в Галичині в середині XIX – на початку XX ст.: генеза, етапи розвитку, світогляд // Вісник Львівського університету. Серія історична. Львів, 1999. Вип. 34. С. 231–268.

Бабота 1988 - *Бабота Л.* Закарпатська газета «Карпат» (1873–1886) // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. 1988. № 15, ч. 1. С. 69–84.

Бача 1994 - *Бача Ю.* До питання про русофілство та москвофілство закарпатських українців від середини XIX ст. // «Карпаторусинство»: історія і сучасність. Київ: Обереги, 1994. С. 22–30.

Бача 1961 - *Бача Ю.* Літературний рух на Закарпатті середини XIX століття. Пряшів, 1961. 272 с.

Брацдайко 1908 - *Брацдайко І.* Декілько слів за угорсько-руське просто-народне жите і поезію // Січ: Альманах в пам'ять 40-их роковин основаня товариства «Січ» в Відні. Львів. 1908. С. 175–186.

Владимірь 1867 - *Владимірь.* Изъ Угочи (Заявленіе народных желаній въ Угорской Руси) // Слово. Львовъ. 1867. Ч. 89.

Воззваніе 1885 - Воззваніе къ подпискѣ // Листокъ. Унгварь. 1885. № 1.

Волошин - *Волошин А.* Засіювання й розвиток т-ва Просвіта. URL: <http://litorus.org.ua> (останній перегляд: 9 жовтня 2016).

Галицкіи 1904 - *Галицкіи Оукраинцы* // Наука. Унгварь. 1904. № 20.

Галичина 1915 - *Галичина, Буковина, Угорская Русь.* 2-е изд., доп. М.: За-друга, 1915. 282 с.

Гнатюк 1915 - *Гнатюк В.* Безцільні заходи. Кирилиця і русофілство // Діло. Львів. 1915. Ч. 93.

Гнатюк 1916 - *Гнатюк В.* Національне відродження австро-угорських українців (1772–1880 рр.). Відень, 1916. 65 с.

Гнатюк 1899 - *Гнатюк В.* Причинок до історії зносин галицьких і угорських русинів // Літературно-науковий вістник. Річник II. Том VII. Львів: Наукове товариство імени Шевченка у Львові, 1899. С. 162–178.

- Гнатюк 1897а - *Гнатюк В.* Сьвітлі духи на Угорській Русі // Буковина. Черновці. 1897. Ч. 80.
- Гнатюк 1897б - *Гнатюк В.* Сьвітлі духи на Угорській Русі. II // Буковина. Черновці. 1897. Ч. 87.
- Гнатюк 1897с - *Гнатюк В.* Сьвітлі духи на Угорській Русі. III // Буковина. Черновці. 1897. Ч. 88.
- Голось 1861 - Голось изъ Угорской Русі о русскомъ языкѣ // День. Москва. 1861. № 5.
- Данилюк 1997 - *Данилюк Д.* Історія Закарпаття в біографіях і портретах (з давніх часів до початку ХХ ст.). Ужгород: Патент, 1997. 289 с.
- Движеніє 1873 - Движеніє народной жизни въ Угорской Русі. IV // Слово. Львовъ. 1873. Ч. 10.
- Добош 1956 - *Добош С.* Адольф Иванович Добрянский: Очерк жизни и деятельности. Пряшів: SVKL, 1956. 168 с.
- Добржанський 1999 - *Добржанський О.* Національний рух українців Буковини другої половини ХІХ – початку ХХ ст. Чернівці: Золоті литаври, 1999. 574 с.
- Драгоманов 1970 - *Драгоманов М.* Австро-руські спомини (1867–1877 рр.) // Літературно-публіцистичні праці. Київ: Наукова думка, 1970. Т. 2. С. 276–277.
- Драгоманов 1895 - *Драгоманов М.* В справі Угорської Русі // Народ. Львів. 1895. № 11.
- Дѣла Галицкой 1871 - Дѣла Галицкой и Угорской Русі. Отъ Ужгорода (Конецъ) // Слово. Львовъ. 1871. Ч. 74.
- Е.Ф. 1886 - *Е.Ф.* Книги въ нашехъ народныхъ школахъ // Листокъ. Унгарь. 1886. № 7.
- Зарубежные 1975 - Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы ХІХ века. М.: Наука, 1975. 576 с.
- И.Ч. 1886 - *И.Ч.* Наше равнодушіє одна изъ причинъ бѣдностей нашей // Листокъ. Унгарь. 1886. № 4.
- Игнатков 1867 - *Игнатков Ю.Ю.* Изъ Ужгорода (Русская бесѣда) // Слово. Львовъ. 1867. Ч. 13.
- Игнатовъ 1866 - *Игнатовъ Ю.* Изъ Ужгорода // Слово. Львовъ. 1866. Ч. 100.
- Изъ Марморороша 1864 - Изъ Марморороша // Слово. Львовъ. 1864. Ч. 69.
- Изъ Марморорошскаго 1869 - Изъ Марморорошскаго Сигота // Свѣтъ. Унгарь. 1869. Ч. 11.
- Изъ Мукачова 1867 - Изъ Мукачова (Выборы чиновниковъ. Русская бесѣда въ Ужгородѣ) // Слово. Львовъ. 1867. Ч. 33.
- Изъ Мукачова 1866 - Изъ Мукачова (Петиція угорскихъ русиновъ до Пештянського сойма) // Слово. Львовъ. 1866. Ч. 49.
- Изъ Пряшева 1868 - Изъ Пряшева (Желанія и требованія угро-русского народа) // Слово. Львовъ. 1868. Ч. 10.

- Изъ Пряшевской 1865 - Изъ Пряшевской епархіи (Русь Угорска таки бодрствует – новый прогамь народный) // Слово. Львовъ. 1865. Ч. 86.
- Изъ Угорской 1883 - Изъ Угорской Руси // Слово. Львовъ. 1883. Ч. 117.
- Изъ Угочи 1867 - Изъ Угочи (Заявление народных желаній въ Угорской Руси) // Слово. Львовъ. 1867. Ч. 89.
- Изъ Ужгорода 1865 - Изъ Ужгорода (Учреждение первой угро-русской Бесѣды въ Ужгородѣ) // Слово. Львовъ. 1865. Ч. 10.
- Изъ Ужгорода 1867 - Изъ Ужгорода // Слово. Львовъ. 1867. Ч. 40.
- Изъ Ужгорода 1868 - Изъ Ужгорода. 9 января // Свѣт. Унгарь. 1868. Ч. 3.
- Какъ имѣемъ 1869а - Какъ имѣемъ писати? (Продолженіе) // Свѣт. Унгарь. 1869. Ч. 34.
- Какъ имѣемъ 1869б - Какъ имѣемъ писати? (Продолженіе) // Свѣт. Унгарь. 1869. Ч. 32.
- Кашка 2008 - *Кашка М.Ю.* Етнополітичний розвиток русинів-українців Закарпаття (середина XVIII ст. – 1867 р.): дис. канд. іст. наук. Ужгород, 2008. 227 с.
- Кореспонденция 1905 - Кореспонденция Якова Головацького в літах 1850–1862. Видав др. Кирило Студинський. Львів: Наукове товариство ім. Шевченка, 1905. 594 с.
- Лисяк-Рудницький 1994 - *Лисяк-Рудницький І.* Карпатська Україна: народ у пошуках своєї ідентичності // Лисяк-Рудницький І. Історичні есе: в 2 т. / Пер. з англ. М. Бадік, У. Гавришків, Я. Грицака, А. Дешиці, Г. Киван, Е. Панкесвої. Київ: Основи, 1994. Т. I. С. 451–470.
- Магочій 1994 - *Магочій П.-Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород: Карпатський край, 1994. 296 с.
- Маєр 1968 - Маєр М. Закарпатські українці на переломі століть // Жовтень і українська культура. Пряшів, 1968. С. 49–73.
- Майор 2012а - *Майор Р.* Парламентська діяльність А. Добрянського в угорському сеймі та його боротьба проти мадяризації національних меншин Угорщини в 1861–1868 рр. // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи: збірник наукових праць. Кам'янець-Подільський: КПНУ ім. Івана Огієнка, 2012. Вип. 3. С. 120–140.
- Майор 2012б - *Майор Р.І.* Товариство «Руська бесіда» в громадському житті Закарпаття в другій половині XIX ст. // Вісник Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Історичні науки / [Редкол. В.С. Степанков (відп. ред.) та ін.]. Кам'янець-Подільський: КПНУ ім. Івана Огієнка, 2012. Вип. 5. С. 130–134.
- Маркусь 1994 - *Маркусь В.* Російська імперія і Закарпаття // «Карпаторусинство»: історія і сучасність. Київ: Обереги, 1994. С. 5–21.
- Метеорь 1875 - *Метеорь У.* Положення угорських рускихъ подь управленієм Стефана Панковича, епископа Мукачевскаго // Славянській сборникъ. СПб., 1875. Т. 1. С. 55–88.

Мишанич 1992 - *Мишанич О.* «Карпаторусинство», його джерела й еволюція у ХХ ст. Відродження, 1992. 56 с.

Мудрий 2002 - *Мудрий М.* Національно-політичні орієнтації в українському суспільстві Галичини австрійського періоду у висвітленні сучасної історіографії // Вісник Львівського університету. Серія історична. 2002. Вип. 37, ч. 1. С. 465–500.

Мукачевській 1904 - *Мукачевській.* Галицкіи «оукраинцы» // Наука. Унгарь. 1904. № 19.

Общество 1868 - Общество св. Василия и Русская бесѣда. Ужгородъ, дня 8-го (20-го) ноября // Свѣтъ. Унгарь. 1868. Ч. 44.

Отъ Сигота 1868 - Отъ Сигота // Слово. Львовъ. 1868. Ч. 22.

Отъ Ужгорода 1865 - Отъ Ужгорода // Слово. Львовъ. 1865. Ч. 101.

Отъ Ужгорода 1871 - Отъ Ужгорода // Слово. Львовъ. 1871. Ч. 81.

Павлик 1985 - *Павлик М.* Про русько-українські народні читальні // Павлик М. Твори. Київ: Дніпро, 1985. С. 159–283.

Падяк 2010 - *Падяк В.* Нарис історії карпаторусинської літератури XVI–XIX століть / Дослідний центр карпатознавства. Ужгород: Вид-во В. Падяка, 2010. 204 с.

Падяк 2006 - *Падяк В.* Ужгородський тижневик «Новый Свѣтъ» (1871–1872): Анотована бібліографія матеріалів та історичний нарис. Ужгород: Вид-во В. Падяка, 2006. 172 с.

Пап 2003 - *Пап С.* Історія Закарпаття. Том III. Івано-Франківськ: Нова Зоря, 2003. 648 с.

Партіи 1871 - Партіи на Угорской Руси. Изъ Угорской Руси // Слово. Львовъ. 1871. Ч. 81.

Патріотическіи 1873 - Патріотическіи письма. VI. Малорусское движеніе на Украинѣ. Изъ Вѣдня. 1873 // Слово. Львовъ. 1873. Ч. 16.

Перени 1957 - *Перени Й.* Из истории закарпатских украинцев (1849–1914). Budapest: Akademiai Kiado, 1957. 160 с.

Попрадовъ 1872 - *Попрадовъ.* Отъ Дуная, 12 (24) декабря, 1872 // Новый Свѣтъ. Унгарь. 1872. Ч. 49.

Проекъ политической 1871 - Проекъ политической програмы для Руси австрійской. Львовъ: Ставропигійскій институт, 1871. 44 с.

Рудловчак 1985 - *Рудловчак О.* Газета «Свет» і її попередники. Бібліографія матеріалів «Света» // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. 1985. № 12. С. 83–147.

Рудловчак 1988 - *Рудловчак О.* Шляхи російського друкованого слова до закарпатських українців. Закарпатоукраїнські кореспонденти російської преси в 50–70-ті роки XIX ст. // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. 1988. № 13. С. 7–94.

Рѣчь 1867 - Рѣчь // Свѣтъ. Унгарь. 1867. Ч. 5.

Рѣчь 1869 - Рѣчь // Свѣтъ. Унгарь. 1869. Ч. 38.

Світлик 2011 - *Світлик Н.* Закарпаття у публіцистичній рецепції галичан (середина XIX – початок XX століття) // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія. 2011. Вип. 27. С. 285–293.

Слово 1868 - Слово. Львовь. 1868. Ч. 26.

Смерть общества 1886 - Смерть общества нашего // Листокъ. Унгарь. 1886. № 16.

Стрипский 1897 - *Стрипский Г.* З Угорської Руси // Буковина. Черновці. 1897. Ч. 55.

Стрипський 2008 - *Стрипський Г.* Москвофілізм, українізм і вітчизняні руснаки // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія / Ужгород. націон. ун-т. Ужгород: Говерла, 2008. Вип. 20. С. 264–273.

Сухий 2003 - *Сухий О.* Від русофільства до москвофільства (російський чинник у громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у XIX столітті). Львів: Львів. нац. ун-т ім. І. Франка, 2003. 498 с.

Тіхий 1996 - *Тіхий Ф.* Розвиток сучасної літературної мови на Підкарпатській Русі. Ужгород, 1996. 226 с.

Ужгородъ 1868 – Ужгородъ. 26 іюля (7 Авг.) 1868 // Свѣтъ. Унгарь. 1868. Ч. 29.

Унгарь 1872 – Унгарь. 1 (13) марта 1872 // Новый Свѣтъ. Унгарь. 1872. Ч. 9.

Унгарь 1871 – Унгарь. 10-го (22-го) августа 1871 // Новый Свѣтъ. Унгарь. 1871. Ч. 28.

Унгарь 1869 - Унгарь. 1(13) Ноября // Свѣт. Унгарь. 1869. Ч. 43.

Уріиль Метеоръ 1938 - Уріиль Метеоръ (И.А. Сильвай). Автобіографія. Ужгород: Школьная помощь, 1938. 131 с.

Уставъ 1866 - Уставъ Общества св. Василя Великаго. Ужгород: Типографія Карла Іегера, 1866. 16 с.

Філіна 2011 - *Філіна Т.В.* Національно-культурний розвиток русинів-українців Східної Словаччини (друга половина XVIII – перша половина XX ст.): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 26.00.01. Київ, 2011. 22 с.

Філіна - *Філіна Т.В.* Еволюція мовного питання русинів-українців. URL: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/vdakk/2009_2/21.html (останній перегляд: 9 жовтня 2016).

Фонетика 1895 - Фонетика въ школахъ и чтеніе церковныхъ книг // Листокъ. Унгарь. 1895. № 1.

Шандор 1992 - Шандор В. Закарпаття. Історично-правовий нарис від ІХ ст. до 1920. Нью-Йорк: Карпатський Союз, 1992. 292 с.

Що діють 1889 - Що діють наші братя? // Буковина. Черновці. 1889. Ч. 20.

Явдыкъ 1904 - *Явдыкъ Л.* Історія Угорської Руси. Варшава, 1904. 85 с.

Явный отвѣтъ 1868 - Явный отвѣтъ на ответый листь до редакціи «Свѣта» // Свѣт. Унгарь. 1868. Ч. 3.

Mayer 1977 - *Mayer M.* Kárpátukrán (ruszin) politikai és társadalmi törekvések: 1860–1910. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977. 255 p.

Programm 1885 - Programm zur Durchführung der nationalen Autonomie in Österreich (Fon einem Slaven). Wien: Verlag des «Parlamentär», 1885. 167 s.
Žeguc 1965 - *Žeguc I*. Die nationalpolitischen Bestrebungen der Karpato-Ruthenen 1848–1914. Wiesbaden: Harrassowitz, 1965. 145 s.

REFERENCES

Aleksandr, Yu.G. (1867) Russkaya besida (Kasino) v Ungvari [Russian conversation (Casino) in Ungvar]. *Svit. Ungvar*. 3.

Arkusha, O. & Mudriy, M. (1999) Rusofil'stvo v Galichini v seredini XIX – na pochatku XX st.: reneza, etapi rozvitku, svitoglyad [Russophilia in Galicia in the mid-19th – early 20th centuries: Genesis, stages of development, outlook]. *Visnik L'vivs'kogo universitetu. Seriya istorichna*. 34. pp. 231–268.

Babota, L. (1988) Zakarpats'ka gazeta "Karpat" (1873-1886) [A Transcarpathian newspaper "Karpat" (1873-1886)]. *Naukoviy zbirnik Muzeyu ukrains'koi kul'turi u Svidniku*. 15(1). pp. 69–84.

Bacha, Yu. (1994) Do pitannya pro rusofil'stvo ta moskvoofil'stvo zakarpats'kikh ukrainsiv vid seredini XIX st. [On Russophilia and Moscophilia in Transcarpathian Ukrainians from the mid-19th century]. In: Bacha, Yu., Vanat, I., Markus, V., Mishanich, O. & Chuchka, P.P. "*Karpatorusinstvo*": istoriya i suchasnist' [Carpathian Russophilia: History and Modernity]. Kyiv: Oberegi. pp. 22–30.

Bacha, Yu. (1961) *Literaturniy rukh na Zakarpatti seredini XIX stolittya* [The literary movement in the mid-19th Transcarpathia]. Prešov: [s.n.].

Brashchayko, I. (1908) Dekil'ko sliv za ugars'ko-rus'ke prostonarodne zhite i poeziyu [A few words on the Hungarian-Ruthenian folk life and poetry]. In: Kuzelya, Z. & Chaykivs'kiy, M. (eds) *Sich* [Sich]. Lviv: [s.n.]. pp. 175–186.

Slovo. (1867) Vladimir. Iz Ugochi (Zayavlenie narodnykh zhelaniy v ugarskoy Rusi) [Vladimir. From Ugocsa. Statement of the people's desires in Ugric Rus]. 89.

Listok (Uzhgorod). (1885) Vozzvanie k podpiski [A proclamation to the subscription]. 1.

Voloshin, A. (1937) *Zasiyuvannya y rozvitok t-va Prosvita* [Foundation and development of the Education Society]. [Online] Available from: <http://litopys.org.ua/volosh/volosh17.htm> (Accessed: 9th October 2016).

Nauka (Uzhgorod). (1904) Galitskii Oukraintsy [Galician Ukrainians]. 20.

Ukrainskaya zhizn'. (1915) Galichina, Bukovina, Ugorskaya Rus'. [Galicia, Bukovina, Hungarian Rus]. Moscow: Zadruga.

Gnatyuk, V. (1915) Beztsil'ni zakhodi. Kirilitsya i rusofil'stvo [Aimless activities. The Cyrillic alphabet and Russophilia]. *Dilo*. 93.

Gnatyuk, V. (1916) *Natsional'ne vidrodzhennya avstro-ugars'kikh ukrainsiv (1772–1880 rr.)*. [National Revival of Austro-Hungarian Ukrainians (1772–1880)]. Vienna: Soyuz vizvolennya Ukraïni.

Gnatyuk, V. (1899) Prichinok do istorii znosin galits'kikh i ugors'kikh rusiniv [Reasons to the history of relations of Galician and Hungarian Rusins]. *Literaturno-naukoviy vistnik*. II (7). pp. 162–178.

Gnatyuk, V. (1897a) S'vitli dukhi na Ugors'kiy Rusi [The bright spirits in Hungarian Rus]. *Bukovina (Chernovtsy)*. 80.

Gnatyuk, V. (1897b) S'vitli dukhi na Ugors'kiy Rusi. II [The bright spirits in Hungarian Rus. II]. *Bukovina (Chernovtsy)*. 87.

Gnatyuk, V. (1897c) S'vitli dukhi na Ugors'kiy Rusi. III [The bright spirits in Hungarian Rus. III]. *Bukovina (Chernovtsy)*. 88.

Den' (Moscow). (1861) Golos iz Ugorskoy Rusi o russkom yazyki [A voice from Hungarian Rus about the Russian language]. 5.

Daniyuk, D. (1997) *Istoriya Zakarpattya v biografiyakh i portretakh (z davnikh chasiv do pochatku XX st.)* [History of Transcarpathia in biographies and portraits (from ancient times to the early twentieth century)]. Uzhgorod: Patent.

Slovo (Lviv). (1873) Dvizhenie narodnoy zhizni v Ugorskoy Rusi. IV [The development of people's life in Ugric Rus. IV]. 10.

Dobosh, S. (1956) *Adolf Ivanovich Dobryanskiy: Ocherk zhizni i deyatel'nosti* [Adolf Dobriansky: An essay on his life and activity]. Prešov: SVKL.

Dobrzhanskiy, O. (1999) *Natsional'niy rukh ukraïntsv Bukovini drugoi polovini XIX – pochatku XX st.* [The national Ukrainian movement in Bukovina in the late 19th – early 20th centuries]. Chernovtsy: Zoloti litavri.

Dragomanov, M. (1970) Avstro-rus'ki spomini (1867–1877 rr.) [Austrian-Russian memories (1867–1877)]. *Literaturno-publitsistichni pratsi*. 2. pp. 276–277.

Dragomanov, M. (1895) V spravi Ugorskoi Rusi [In the case of Hungarian Rus]. *Narod*. 11.

Slovo (Lviv). (1871a) Dila Galitskoy i Ugorskoy Rusi. Ot Uzhgoroda (Konets) [The cases of Galician and Hungarian Rus]. 74.

E.F. (1886) Knigi v nashekh narodnykh shkolakh [Books in our people's schools]. *Listok (Uzhgorod)*. 7.

Nikitin, S.A. (ed.) (1975) *Zarubezhnye slavyane i Rossiya. Dokumenty arkhiva M.F. Raevskogo. 40–80 gody XIX veka* [Foreign and Russian Slavs. Documents from M.F. Rayevsky's Archive. The 1840–1880s]. Moscow: Nauka.

I.Ch. (1886) Nashe ravnodushie odna iz prichin bidnostey nashey [Our indifference is a cause of our poverty]. *Listok (Uzhgorod)*. 4.

Ignatkov, Yu.Yu. (1867) Iz Uzhgoroda (Russkaya besida) [From Uzhgorod (Russian Talk)]. *Slovo (Lviv)*. 13.

Ignatov, Yu. (1866) Iz Uzhgoroda [From Uzhgorod]. *Slovo (Lviv)*. 100.

Slovo (Lviv). (1864) Iz Marmorosha [From Marmorosh]. 69.

Svit (Uzhgorod). (1869a) Iz Marmoroshskago Sigota [From Marmarosh Sziget]. 11.

Slovo (Lviv). (1867a) Iz Mukachova (Vybory chinovnikov. Russkaya besida v Uzhgorodi) [From Mukachevo. The elections of officials. Russian Talk in Uzhgorod]. 33.

Slovo (Lviv). (1866) Iz Mukachova (Petitsiya ugorskikh rusinov do Peshtyans'kogo soyma) [From Mukachevo. The petition of Ugric Rusins in Piestany Sojm]. 49.

Slovo (Lviv). (1868a) Iz Pryasheva (Zhelaniya i trebovaniya ugro-russkogo naroda) [From Prešov. The desires and requirements of the Ugric-Rusyns]. 10.

Slovo (Lviv). (1868b) Iz Pryashevskoy eparkhii. (Rus' Ugorska taki bodrstvu-et; – novyy program narodnyy) [From Prešov eparchy. (Ugric Rus is still awake – A new people's programme)]. 86.

Slovo (Lviv). (1883) Iz Ugorskoj Rusi [From Ugric Rus]. 117.

Slovo (Lviv). (1867b) Iz Ugochi (Zayavlenie narodnykh zhelaniy v ugorskoj Rusi) [From Ugocsa. (Stating people's desires in Ugric Rus)]. 89.

Slovo (Lviv). (1865a) Iz Uzhgoroda (Uchrezhdenie pervoy ugro-russkoj Besidy v Uzhgorodi) [From Uzhgorod. The first Ugric-Russian society "Besida"]. 10.

Slovo (Lviv). (1867c) Iz Uzhgoroda [From Uzhgorod]. 40.

Svit (Uzhgorod). (1868a) Iz Uzhgoroda. 9 Yanvary [From Uzhgorod. January 9]. 3.

Svit (Uzhgorod). (1869b) Kak imiem pisati? (Prodolzhenie) [How to write? (Continuation)]. 34.

Svit (Uzhgorod). (1869c) Kak imiem pisati? (Prodolzhenie) [How to write? (Continuation)]. 32.

Kashka, M.Yu. (2008) *Etnopolitichniy rozvitok rusiniv-ukraïntsi Zakarpattya (seredina XVIII st. – 1867 r.)* [Ethnic and political development of Ukrainian-Rusyns in Transcarpathia (the mid-18th – 1867)]. History Cand. Diss. Uzhgorod.

Studinskiy, K. (ed.) (1905) *Korespondentsiya Yakova Golovats'kogo v litakh 1850-1862* [Correspondence of Yakov Golovatsky in 1850–1862]. Lviv: Naukove tovaristvo im. Shevchenka.

Lisyak-Rudnitskiy, I. (1994) *Istorichni ese. V 2 t.* [Essays on History. In 2 vols]. Vol. I. Kyiv: Osnovi. pp. 451–470.

Magochiy, P.-R. (1994) *Formuvannya natsional'noi samosvidomosti: Pidkarpats'ka Rus' (1848–1948)* [Formation of national identity: Subcarpathian Rus (1848–1948)]. Uzhgorod: Karpats'kiy kray.

Maer, M. (1968) Zakarpats'ki ukraïntsi na perelomi stolit' [Transcarpathian Ukrainians at the turn of the century]. In: *Zhovten' i ukraïns'ka kul'tura* [October and Ukrainian culture]. Prešov: [s.n.]. pp. 49–73.

Mayor, R. (2012a) Parlaments'ka diyal'nist' A. Dobryans'kogo v ugors'komu seymi ta yogo borot'ba proti madyarizatsii natsional'nikh menshin Ugorshchini v 1861-1868 rr. [A. Dobryansky's Parliamentary activities in the Hungarian Sejm and his struggle against Hungarisation of minorities in Ugorshchina 1861–1868]. In: Stepankov, V.S. (ed.) *Problemi istorii kraïn Tsentral'noi ta Skhidnoi Evropi* [Problems of history of Central and Eastern Europe]. Kamianets-Podilskyi: Kamianets-Podilskyi National University. pp. 120–140.

Mayor, R. (2012b) Tovaristvo "Rus'ka besida" v gromads'komu zhitti Zakarpattya v drugiy polovini XIX st. [The Society "Russkaya beseda" in Transcarpathia in the second half of the XIX century].

pathian public life in the second half of the 19th century]. *Visnik Kam'yanets'-Podil's'kogo natsional'nogo universitetu imeni Ivana Ogiienka. Istorichni nauki*. 5. pp. 130–134.

Markus, V. (1994) Rosiys'ka imperiya i Zakarpattya [Russian Empire and Transcarpathia]. In: Bacha, Yu, Vanat, I., Markus, V., Mishanich, O. & Chuchka, P.P. *“Karpatorusinstvo”: istoriya i suchasnist'* [Carpathian Russophilia: History and Modernity]. Kyiv: Oberegi. pp. 5–21.

Meteor, U. (1875) Polozhenie ugorskikh russkikh pod upravleniem Stefana Pankovicha, episkopa Mukachevskago [The position of Ugric Rusyns under Stephen Pankovich, Bishop of Mukachevo]. In: Golovatsky, Ya. et al. *Slavyanskiy sbornik* [Slavic Collection]. Vol. 1. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 55–88.

Mishanich, O. (1992) *“Karpatorusinstvo”, yogo dzherela y evolyutsiya u XX st.* [“Carpathian Russophilia”, its origins and evolution in the 20th century]. Drogoich: Vidrodzhennya.

Mudriy, M. (2002) Natsional'no-politichni orientatsii v ukraïns'komu suspil'stvi Galichini avstriys'kogo periodu u visvitlenni suchasnoi istoriografii [National political orientation in Galician-Austrian Ukraine in modern historiography]. *Visnik L'viv's'kogo universitetu. Seriya istorichna*. 37(1). pp. 465–500.

Mukachevskiy. (1904) Galitskii “oukraitny” [Galician “Ukrainian”]. *Nauka*. 19. *Svit (Uzhgorod)*. (1868b) Obshchestvo sv. Vasiliya i Russkaya besida. Uzhgorod, dnya 8-go (20-go) noyabrya [Society of St. Basil and “Russkaya Beseda”. Uzhgorod, November 8 (20)]. 44.

Slovo (Lviv). (1868c) Ot Sigota [From Sihit]. 22.

Slovo (Lviv). (1865b) Ot Uzhgoroda [From Uzhgorod]. 101.

Slovo (Lviv). (1871b) Ot Uzhgoroda [From Uzhgorod]. 81.

Pavlik, M. (1985) *Tvori* [Create]. Kyiv: Dnipro. pp. 159–283.

Padyak, V. (2010) *Naris istorii karpatorusins'koi literaturi XVI-XIX stolit'* [An outline of the history of Carpatho-Rusyn literature of the 16th – 19th centuries]. Uzhgorod: V. Padyak.

Padyak, V. (2006) *Uzhgorods'kiy tizhnevnik “Novyy Svit” (1871–1872): Anotovana bibliografiya materialiv ta istorichniy naris* [The Uzhgorod weekly “Novyy Svit” (1871–1872): An annotated bibliography of materials and a historical sketch]. Uzhgorod: V. Padyak.

Pap, S. (2003) *Istoriya Zakarpattya* [History of Transcarpathia]. Vol. III. Ivano-Frankivsk: Nova Zorya.

Slovo (Lviv). (1871c) Partii na Ugorskoy Rusi. Iz Ugorskoy Rusi [Parties in Ugric Rus. From Ugric Rus]. 81.

Slovo (Lviv). (1873) Patrioticheskii pis'ma. VI. Malorusskoe dvizhenie na Ukraine. Iz Vidnya. 1873 [Patriotic letters. VI. Little Russian movement in Ukraine. From Vein]. 16.

Pereni, Y. (1957) *Iz istorii zakarpatskikh ukraintsev (1849–1914)* [From the history of the Transcarpathian Ukrainians (1849–1914)]. Budupest: Akademiai Klado.

Popradov. (1872) Ot Dunaya, 12 (24) dekabrya, 1872 [From the Danube, December 12(24), 1872]. *Novyy Svit (Uzhgorod)*. 49.

Anon. (1871) *Proekt' politicheskoy programy dlya Rusi avstriyskoy* [The draft of the political program for Austrian Rus]. Lviv: Stavropigiyanskiy institut.

Rudlovchak, O. (1985) Gazeta "Svet" i ii poperedniki. Bibliografiya materialiv "Sveta" [The newspaper "Svet" and its predecessors. Bibliography of the "Svet"]. *Naukoviy zbirnik Muzeyu ukrains'koï kul'turi u Svidniku*. 12. pp. 83–147.

Rudlovchak, O. (1988) Shlyakhi rosiys'kogo drukovanogo slova do zakarpats'kikh ukraintsev. Zakarpatoукраї́ns'ki korespondenti rosiys'koï presi v 50–70-ti roki XIX st. [The ways of Russian printed word to the Ukrainian Transcarpathia. Transcarpathian reporters for the Russian press in the 1850–1870]. *Naukoviy zbirnik Muzeyu ukrains'koï kul'turi u Svidniku*. 13. pp. 7–94.

Svit (Uzhgorod). (1867) Rich [Speech]. 5.

Svit (Uzhgorod). (1869d) Rich [Speech]. 38.

Svitlik, N. (2011) Zakarpattya u publitsistichniy retseptsii galichan (seredina XIX – pochatok XX stolittya) [Transcarpathia in Galician journalistic reception (the mid-19th – early 20th centuries)]. *Naukoviy visnik Uzhgorods'kogo universitetu. Seriya: Istoriya*. 27. pp. 285–293.

Slovo (Uzhgorod). (1868) 26.

Listok (Uzhgorod). (1886) *Smert' obshchestva nashogo* [The death of our society]. 16.

Stripskiy, G. (1897) Z Ugors'koï Rusi [From Ugrian Rus]. *Bukovina (Chernovtsy)*. 55.

Stripskiy, G. (2008) Moskvofilizm, ukrainizm i vitchiznyani rusnaki [Moscophilia, Ukrainisms and domestic Rusniaks]. *Naukoviy visnik Uzhgorods'kogo universitetu. Seriya: Istoriya*. 20. pp. 264–273.

Sukhiy, O. (2003) *Vid rusofil'stva do moskvofil'stva (rosiys'kiy chinnik u gromads'kiy dumtsi ta suspil'no-politichnomu zhitti galits'kikh ukraintsev u XIX stolitti)* [From Russophilia to Moscophilia (The Russian factor in public opinion and socio-political life of Galician Ukrainians in the 19th century)]. Lviv: Lviv National University.

Tikhiy, F. (1996) *Rozvitok suchasnoï literaturnoï movi na Pidkarpats'kiy Rusi* [The development of modern literary language in Subcarpathian Rus]. Uzhgorod: [s.n.].

Svit (Uzhgorod). (1868c) 26th July (7th. August). 29.

Novyy Svit (Uzhgorod). (1872) Ungvar, 1 (13) marta, 1872 [Uzhgorod, 1st (13th) March 1872]. 9.

Novyy Svit (Uzhgorod). (1871) Ungvar, 10-go (22-go) avgusta, 1871 [Uzhgorod, 10th (22th) August 1871]. 28.

Svit (Uzhgorod). (1869e) Ungvar. 1(13) Noyabrya [Uzhgorod. 1st (13th) November]. 43.

Uriil Meteor (Silvay, I.A.) (1938). *Avtobiografiya* [Autobiography]. Uzhgorod: Shkol'naya Pomoshch'.

St. Basil the Great Society. (1866) *Ustav Obshchestva sv. Vasiliya Velikago* [The Charters of St. Basil the Great Society]. Uzhgorod: Karl Ieger.

Filina, T.V. (2011) *Natsional'no-kul'turniy rozvitok rusiniv-ukraintsiv Skhidnoi Slovachchini (druga polovina XVIII – persha polovina XX st.)* [The national-cultural development of Ukrainian-Rusyns of East Slovakia (the late 18th – early 20th centuries)]. Abstract of History Cand. Diss. Kyiv.

Filina, T.V. (2009) *Evolyutsiya movnogo pitannya rusiniv-ukraintsiv* [The evolution of the language problem of Ukrainian Rusyns]. [Online] Available from: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Vdakk/2009_2/21.html (Accessed: 9th October 2016).

Listok (Uzhgorod). (1895) Fonetika v shkolakh i chtenie tserkovnykh knig [Phonetics in schools and reading religious books]. 1.

Shandor, V. (1992) *Zakarpattya. Istorichno-pravoviy naris vid IX st. do 1920*. [Transcarpathia. A historically and legal outline from the 9th century up to 1920]. New York: Karpats'kiy Soyuz.

Bukovina (Chernovtsy). (1889) Shcho diyut nashi bratya? [What are our brothers doing?]. 20.

Yavdyk, L. (1904) *Istoriya Ugorskoy Rusi* [History of Ugrian Rus]. Warsaw: [s.n.].

Svit (Uzhgorod). (1868) Yavnyy otvit na otvety list do redaktsii "Svita" [The explicit answer to the answer sheet for the editorial board of the "Svit"]. 3.

Mayer, M. (1977) *Kárpátukrán (ruszin) politikai és társadalmi törekvések: 1860–1910* [Carpatho-Ukrainian (Ruthenian) political and social aspirations: 1860–1910]. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Anon. (1885) *Programm zur Durchführung der nationalen Autonomie in Österreich (Fon einem Slaven)* [Program for the implementation of national autonomy in Austria]. Vienna: Parlamentär.

Žeguc, I. (1965) *Die nationalpolitischen Bestrebungen der Karpato-Ruthenen 1848–1914* [The national political aspirations of the Carpatho-Rusyns in 1848–1914]. Wiesbaden: Harrassowitz.

Майор Ростислав Іванович – доктор філософії, завідувач науково-експозиційного відділу Кам'янець-Подільського державного історичного музею-заповідника (Україна).

Майор Ростислав Іванович – доктор філософії, заведуючий науково-експозиційного отдела Каменец-Подольського государственного исторического музея-заповедника (Україна).

Mayor Rostyslav - Kamianets-Podilskyi State Historical Museum-Preserve (Ukraine).

E-mail: major.r@mail.ru

УДК 061.22(477)"18/19": 94(477)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/14

СУПЕРНИЦТВО ТОВАРИСТВ «ПРОСВІТА» ТА ІМЕНІ МИХАЙЛА КАЧКОВСЬКОГО ЗА ВПЛИВ НА УКРАЇНЦІВ (ДРУГА ПОЛОВИНА ХІХ – ПОЧАТОК ХХ СТ.)

В.В. Трофимович¹, Л.В. Трофимович²

¹Національний університет «Острозька академія»
Україна, 35800, Рівненська обл., м. Острог, вул. Семінарська, 2
E-mail: v.trofymovych@rambler.ru

²Національна академія сухопутних військ
ім. гетьмана Петра Сагайдачного
Україна, 79012, м. Львів, вул. Героїв Майдану, 32
E-mail: l.trofymovych@hotmail.com

Авторське резюме

Основою, на якій формувалися в Галичині русофільський та народовський напрямки, було старорусинство. Зародження народовської течії українського національного руху у 60-х рр. ХІХ ст. потягнуло за собою висунення вимог до австрійської влади та польської адміністрації забезпечити рівні права галицьким українцям. У 1868 р. її представники утворили товариство «Просвіта» – у подальшому наймасовішу організацію українців краю. Створення у 1874 р. Общества ім. Михайла Качковського – першої паралельної структури в українському русі – зв'язало його ідеологів із селянством та руською інтелігенцією і водночас поклало початок складному переплетенню взаємин двох товариств, суперництво яких за вплив на українців сприяло піднесенню культурно-просвітнього, економічного та суспільного життя Галичини.

Ключові слова: старорусини, новорусини, русофіли, українофіли, народовці, москвофіли, Іван Наумович, «Просвіта», Общество имени Михайла Качковського.

СОПЕРНИЧЕСТВО ОБЩЕСТВ «ПРОСВИТА» И ИМЕНИ МИХАИЛА КАЧКОВСКОГО ЗА ВЛИЯНИЕ НА УКРАИНЦЕВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

В.В. Трофимович¹, Л.В. Трофимович²

¹Национальный университет «Острожская академия»
Украина, 35800, Ровненская обл., г. Острог, ул. Семинарская, 2
E-mail: v.trofymovych@rambler.ru

²Национальная академия сухопутных войск
им. гетмана Петра Сагайдачного
Украина, 79012, г. Львов, ул. Героев Майдана, 32
E-mail: l.trofymovych@hotmail.com

Авторское резюме

Базой для формирования в Галиции русофильского и народовского направлений послужило старорусинство. Зарождение народовского течения украинского национального движения в 60-х гг. XIX в. повлекло за собой выдвижение требования к австрийской власти и польской администрации обеспечить равные права галицийским украинцам. В 1868 г. представители движения создали общество «Просвита» – в дальнейшем самую массовую организацию украинцев края. Образование в 1874 г. Общества имени Михаила Качковского – первой параллельной структуры в украинском национальном движении – связало его идеологов с крестьянством и русской интеллигенцией и одновременно положило начало сложным взаимоотношениям двух обществ, соперничество которых за влияние на украинцев способствовало подъему культурно-просветительской, экономической и общественной жизни Галиции.

Ключевые слова: старорусины, новорусины, русофилы, украинофилы, народовцы, москвофилы, Иван Наумович, «Просвита», Общество имени Михаила Качковского.

THE RIVALRY OF “PROSVITA” AND KACHKOVSKI SOCIETIES FOR THE INFLUENCE ON THE UKRAINIANS (THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

V.V. Trofymovych¹, L.V. Trofymovych²

¹The National University of Ostroh Academy
2 Seminarskaya Street, Ostroh, Rivne region, 35800, Ukraine
E-mail: v.trofymovych@rambler.ru

²Hetman Petro Sahaidachnyi National Army Academy
32 Heroiv Maidanu Street, Lviv, 79012, Ukraine
E-mail: l.trofymovych@hotmail.com

Abstract

The Russophilian and Ukrainophilian movements in Galicia were based on the Old Rusinian ideas. The rise of the Ukrainophilian national movement in the 1860s entailed the demands for the Austrian authorities and Polish administration to ensure equal rights for the Galician Ukrainians. In 1868, the representatives of the movement created the society “Prosvita”, which later became the most mass organization of Ukrainians in the region. The Society named after Mikhail Kachkovsky, which was formed in 1874, became the first parallel structure in the Ukrainian national movement and connected its ideologists with the peasantry and Russian intelligentsia and, at the same time, initiated a complex relationship between the two societies whose rivalry for the influence on Ukrainians contributed to the rise of the cultural, educational, economic, and social life of Galicia.

Keywords: Old Rusyns, New Rusyns, Russophilia, Ukrainophilia, Moscophilia, Ivan Naumovich, “Prosvita”, the Kachkovski Society.

Запропонована тема належить до недостатньо вивчених і дискусійних у вітчизняній та зарубіжній історіографії.

Автори здійснили спробу охарактеризувати передумови створення та взаємини обидвох товариств у руслі їх впливу на українців, а також переосмислити деякі оцінки та стереотипні твердження.

Революційні події 1848–1849 рр. на західноукраїнських землях привели до національного відродження українського населення Галичини. На противагу радикально настроєним полякам воно користувалося певний час підтримкою цісарського двору. Не висуваючи

політичних вимог, українці активно зайнялися культурно-просвітницькою роботою, вбачаючи у ній один з важливіших способів консолідації понад 3 млн русинів.

Однак це були тимчасові успіхи, бо поляки на чолі з новим намісником Галичини графом А.М. Голуховським, розглядаючи цей край через спектр виключно своїх інтересів, розпочали масовий наступ на досягнення українців. Це привело до того, що зусилля останніх зосереджувалися лише на літературному полі діяльності та й то в обмежених рамках. Підтвердженням затухання тут української активності можуть служити висновки галицького історика, архівіста, етнографа Д.І. Зубрицького, який з великим розчаруванням і тривогою писав своєму російському колезі, історичу, письменнику, публіцисту М.П. Погодіну у 1856 р.: «Шехович – благонамірена молода людина – видає журнальчик (Сімейну бібліотеку), бажаючи прививати галицьким хохлам чисту руську мову. Даремно! Хохлаки ні по-руськи, ні по-хохлацьки не читають. Бідолашний редактор заслуговує співчуття та підтримки; він змушений шукати передплатників за кордоном» (Цит. за: Свистун 1896: 31–32).

Представники українського національного руху опинились у важкому становищі. З одного боку, стало відчутним охолодження австрійського уряду до «вірних» у 1848–1849 рр. галичан. З другого, А. Голуховський і його оточення організували «хрестовий похід», спираючись на підтримку правлячих кіл. «Притиснення слов'ян до стіни» та «пожертвування русинів полякам», як висловився австрійський міністр закордонних справ Фрідріх фон Бейст, відкрили шлях для масового наступу поляків на завоювання українців у попередні роки (Драгоманов 1904: 13). Останній заявив з трибуни австрійського парламенту: «Рішення питання, чи і в якій мірі мають існувати русини в Галичині, полишається за галицьким сеймом» (цит. за: Миколаєвич 1936: 45).

Наведена вище позиція австрійських чиновників і місцевих польських шовіністів породила в Галичині врешті-решт ситуацію, про ймовірність якої вони самі віщували протягом тривалого часу. Багато керівників старорусинського руху почали переорієнтовуватись у своїх поглядах на північного сусіда, тим більше, що панславістська карта розігрувалася російським урядом ще задовго до розглядуваних подій. Отже, не можна заперечувати того факту, що саме внутрішня політика штовхнула деяких галицьких діячів, особливо старшого покоління, в обійми Москви (Детальніше про це: Трофимович, Тітко 1994: 93–95). Наприклад, редактор громадсько-політичної газети «Слово», що виходила у Львові 1867–1887 рр., Б.А. Дідицький досить гостро відзивався про події, що розгортались у Галичині. На його думку,

всі невдачі тутешніх українців, починаючи з 1848 р., йшли від того, що «вони вчасно не визнали себе частиною великого народу, який проживає від Карпат аж по Амур» (Цит. за: Драгоманов 1904: 13).

Зазначені події не минули й одного з видатних діячів старорусинства Івана Наумовича. Не бачачи альтернативи становищу, що склалося, він у статті «Поглядь въ будущность» заявив: «...Ми більше не русини 1848 р., ми – справжні росіяни» (Наумович 1866). Крім того, 27 грудня 1866 р. з трибуни галицького сейму прозвучали такі його слова: «Що наша мова є подібною до мови, яка вживається сьогодні у Москві, у тому ми не винні. Подібність нашої мови з російською є очевидною, бо обидві вони ґрунтуються на спільній основі і на тих же правилах...» (Цит. за: Свистун 1896: 196; Мончаловській 1899а: 54).

Разом з тим, як зауважили львівські історики О.Г. Аркуша та М.М. Мудрий, галицьке русофільство явище і багатогранне, і законмірне. Під цим кутом зору подані дослідниками події як причини «москвофільства» (демонстрація Росією сили під час революції в Угорщині 1849 р. та польського повстання 1863 р., створення в Галичині у 1850 р. «погодінської колонії», загострення українсько-польських стосунків у краї, польсько-австрійське порозуміння 1867 р. тощо) віддзеркалюють лише зовнішній бік проблеми. Вони не дають відповіді на ключове питання: чому впродовж такого тривалого періоду (аж до 80-х рр. XIX ст.) ці самі «москвофіли» зосереджували в своїх руках керівництво українським національним рухом у Галичині та користувалися серед населення широкою підтримкою. «Галицьке русофільство, – стверджують ці автори, – було результатом швидше внутрішніх особливостей розвитку українського суспільства. Його аж ніяк не можна пояснювати тільки зовнішніми причинами – “російськими грошима”, що надходили на підтримку течії, чи москвофільською пропагандою російського уряду і його представників. Ці чинники відігравали мінімальну роль і мусять бути віднесені до ряду причин другорядних» (Аркуша, Мудрий 1999: 232).

Ситуація, що склалася, вимагала пошуку нових шляхів для боротьби. Насамперед, потрібно було визначитися з двох основних напрямків: літературно-мовного і національної приналежності галичан. Із цих питань відразу ж виникли розбіжності та поділ на старорусинів і молодорусинів.

До перших належали переважно діячі покоління 1848–1849 рр. Серед них вище греко-католицьке духовенство, сільські священики, українські чиновники, вчителі гімназій, літератори Я.Ф. Головацький, Б.А. Дідицький, М.І. Малиновський, І.Г. Наумович, А.С. Петрушевич, М.Л. Устиянович, І.І. Шараневич та інші. Їхня позиція була такою: при утворенні «австро-руської» мови потрібно виходити з простонарод-

них південноруських (українських) говорів і брати їх за основу але й не упускати з використання старослов'янської та сучасної їм на той час російської мови (Трофимович, Тітко 1993: 2).

Стосовно питання національної приналежності галичан у кінці 50 – початку 60-х рр., то серед представників старорусинства існувало декілька поглядів. І. Наумович, наприклад, дотримувався думки, що в Галичині проживає окрема галицько-руська або червоноруська народність, яка, проте, своїм історичним корінням була близькою до росіян (Наумович 1890: 3–5). Інше трактування висунув Б. Дідицький, який відкидав ідею національної спорідненості з Росією. Він зазначав: «Під поняттям “Русь” я уявляв собі в тих часах, як це уявляла собі найбільша частина наших тогочасних русинів, тільки Південну або Малу Русь з її історичними старовинними столичними містами Києвом і Галичем, Північну – Велику Русь – ми вважали, правда, за споріднену нам услов'янським походженням, але ж мало, що так само не за свою, не своєю була для нас і ближча до нас, сусідська, теж слов'янська Польща. І ще до того цю Північну Русь здавна називали у нас Москвою» (цит. за: Андрусак 1935: 8–9).

Молодорусини, або як їх почали ще називати народовці, розглядали питання літературної мови по-іншому. На їх думку, у літературі слід вживати «живу» мову, звертаючи основну увагу на народну «південноруську» і відкидаючи старослов'янську та староруську мови як «мертві». Їх міркування зводилися до того, що внаслідок, особливостей мови «південноруський» народ, у тому числі і галичани, становлять окрему націю.

За свідченням львівського науковця О.М. Сухого, для народовської течії від початку визначальним було визнання національної окремішності розділеного між Росією й Австрією українського народу. Її представники пропагували твори наддніпрянських письменників, у літературі обстоювали народну мову та фонетичний правопис (кулішівку). «Антиросійське спрямування народовського руху, – зазначив він, – сприймалося старорусинами-русофілами як невинуватена зрада щодо інтересів всеруського простору, який в їхній уяві єдиний був здатний протистояти полякам. Старорусини звинувачували народовців у крайньому радикалізмі та пропольських симпатіях, заперечували їх право представляти інтереси “русского народу” Галичини» (Сухий 2003: 167–168).

Передові представники молодого покоління почали переконуватися, що в подальшій роботі потрібно відходити від внутрішніх суперечок на літературно-мовному напрямку й орієнтуватися на «пізнання і просвіту нашого народу» (Товариство «Просвіта» 1999: 22). Для цього вони зробили спробу співробітництва з старорусинами

та виявили бажання вступити в «Галицько-руську матицю». Діставши відмову, народовці утворили 8 грудня 1868 р. у Львові окреме культурно-просвітницьке товариство і назвали його «Просвітою». Воно представляло народовську течію у Галичині, що з'явилась у 60-х рр. XIX ст. як альтернатива вже достатньо впливовій серед руської інтелігенції проросійській течії русофілів. Взаємини з «Просвітою» віддзеркалювали взаємини з усім народовським табором, провідники якого визначали ідейне спрямування товариства (Детальніше про це: Середяк 2010: 394). «Заснування товариства “Просвіти” становило дуже важний і рішучий крок у духовному розвою нашої суспільності, звернувши перший раз увагу інтелігенції на конечну потребу народної просвіти, – писав провідний діяч радикальної течії у краї, письменник, філософ І.Я. Франко. – Тільки заснування і розвиток такого товариства могло оживити і утвердити народолюбний рух серед галицько-руської інтелігенції, надаючи йому широку реальну підставу» (Франко 1883: 1–2).

Перед «Просвітою» було поставлене завдання регулярно видавати для простого народу популярні книги, на сторінках яких містилася би різноманітна інформація з господарсько-економічних, історичних, літературних і суспільних питань. Тут молоде покоління перехопило ініціативу з рук старорусинів та їх організацій, в яких і далі продовжувалися дискусії з проблем мови, видань і національної приналежності. Таким чином, починаючи з кінця 60-х рр., йшла безперервна боротьба між народовцями та старорусинами.

У 1869 р. молоді народовці видали книжечку «Зоря», що за кілька тижнів розійшлася тиражем понад 2 тис. примірників. Її купували не лише селяни, для яких вона в основному призначалась, але й інтелігенція. Цей успіх новоствореного товариства підмітив о. І.Г. Наумович. У своєму листі до редакції «Зорі» та керівництва «Просвіти» він писав: «З сердечною радістю повітав я перший плід Вашого товариства “Просвіта”. Ще в 1850 р., будучи на Сіменщині, я пересвідчився, що ми, хто утворює вищі верстви нашого народу, але не даючи ніякого корму духовного сільському населенню, будемо завжди безсильними і наші вороги нас задавлять, як-то істинно ми бачимо на ділі. Наш нарід такий темний, що своїх найбільших друзів і пророків ще не вмє впізнавати та слухає більше ворогів, як-то ми бачили на виборах. Якщо би ми через тих 20 літ свободи були употребили всі наші сили на такі популярні видання, ми стояли б нині далеко вище і чувство народности перейшло би вже весь наш нарід. Для того не можу відказати Вам свого соучастия в таким великім і благороднім ділі і буду присилати статті і розличного рода матеріали. Уже нині в цілім селі (на той час І. Наумович був парохом

в с. Стрільча Городенківського повіту) знають її ціле содержание» (Цит. за: Павлик 1985: 225–226).

Вихід у світ «Зорі» приніс і нові проблеми для «Просвіти». По-перше, її несподіваний успіх викликав занепокоєння серед старорусинів. По-друге, стало зрозуміло, що 2–3 книжечок, виданих для края, було занадто мало, а матеріальними засобами для їх збільшення остання не володіла. По-третє, І. Наумович, уважно вивчивши початковий етап функціонування товариства, дійшов висновку, що русофілам також потрібно переносити свою діяльність у народ.

З цією метою він заснував у 1871 р. газету «Русская Рада», що висвітлювала в основному суспільно-політичні питання, а через деякий час – місячник «Наука». Виходили вони в Коломиї – традиційному центрі галицького москвофільства – і практично були першими виданнями, що широко розповсюджувалися серед народу, привчаючи письменних українських селян і міщан до періодичного користування ними. «Знаючи гарно мову й жите нашого народу в Галичині і зачіпаючи в своїх дуже популярних живих і таланливих простомовних писаннях майже всі справи, що тоді інтересували народ, – зазначав український громадсько-політичний діяч, публіцист і письменник М.І. Павлик, – Наумович скоро успів притягнути до письменства широкі круги нашого народу в Галичині, особливо єго письменну частину, котра від того часу вже не переставала читати й займатися публичними справами» (Павлик 1985: 240).

У той час, коли русофіли на чолі з І. Наумовичем докладали значні зусилля, аби зосередити свою роботу серед населення при посередництві читалень, «Просвіта» продовжувала діяти старими методами за допомогою випуску дешевих популярних видань під заголовком «Зоря». Тут працювали молоді талановиті народовці О.Й. Партицький, В.М. Шашкевич, О.А. Федькович (Павлик 1985: 231). Проте після 1870 р. кількість цих видань істотно скоротилася. Це пояснювалося зростаючою активністю І. Наумовича та його видань «Русская Рада» і «Наука», що все більше привертала увагу галичан.

Одночасно серед читачів останніх щораз частіше звучали пропозиції, що для народу, крім преси, слід, за прикладом «Просвіти», видавати книжечки, які б поповнювали створювані бібліотеки читалень. Але для реалізації цих побажань потрібні були кошти, яких І. Наумович не мав. Тому він висунув ідею об'єднати видавництва «Галицько-руської матиці» і народовської «Просвіти» під спільною назвою «Матиця люду» (Із Скалата 1873). На думку В.С. Пашука, тут переслідувалась подвійна мета: зміцнити русофільські видання, а також взяти під контроль народовців і «Просвіту». Проте цей план потерпів невдачу через неможливість досягти угоди між двома видавництвами (Пашук 1999:

25). Тоді І. Наумович запропонував створити окреме русофільське культурно-просвітницьке товариство, що планувалося його організаторами, за словами В.Я. Лукашів, як «спроба об'єднання у єдине ціле української течії національного руху Східної Галичини» (Лукашів 2013: 56). Вирішенню даного питання сприяло і те, що в 1873 р. помер видатний громадсько-політичний діяч Галичини Михайло Олексійович Качковський, який усі свої заощадження заповідав на цілі національного відродження в краї. Цим вирішив скористатися І. Наумович, унаслідок чого 8 (20) серпня 1874 р. (у день смерті М. Качковського) у святковій атмосфері в Галичі, на Замковій горі, при багатотисячному натовпі було урочисто проголошено утворення Общества имени Михайла Качковского – культурно-просвітницької інституції, що стала важливим етапом в організаційному розвитку галицького русофільства, забезпечила останньому тривкий зв'язок із широким загалом місцевого селянства та руською інтелігенцією, становила першу паралельну структуру в українському русі. Слід зазначити, що І. Наумович у першій книзі з розпочатої товариством серії видань під заголовком «Съ Богомъ», описуючи становище галицьких русинів, звернув увагу на панування повсюди темноти, пияцтва, розпусти, убогості тощо (Объяснение первыхъ Б. г. и.: 21). Метою новоствореного товариства було поширення освіти та знань серед галицьких селян, а визначальним девізом – крилаті слова його першого голови та розробника ідейних засад і стратегічних цілей І. Наумовича: молися, трудися, трезвися, вчися (Детальніше про це: Магочій 1994: 185–227). На думку О. Сухого, появу товариства «можна розглядати як свідчення про наміри галицьких русофілів модернізувати свій рух, надати йому чітких організаційних форм, розпочати боротьбу за селянські маси, врешті створити певну протипагу народовській “Просвіті”» (Сухий 2003: 312).

Відомо, що у перші роки діяльності общества з ним підтримували контакти знані українські діячі М.П. Драгоманов, М.І. Павлик. Останній, наприклад, був присутній на перших зборах товариства у Коломиї, де його «втішив трохи Наумович, що по-людськи заговорив до хлопів і про хлопів» (Москвофільство 2001: 39).

Перші два роки центральний відділ товариства знаходився в Коломиї, а в 1876 р. був перенесений до Львова. Володіючи матеріальними коштами та маючи підтримку на місцях, видання останнього розходилися великими тиражами, які щорічно зростали. У 1875 р. його чисельність становила 1645 осіб, 1878 р. – 6 000, проте надалі стрімке зростання загальмувалося з огляду на політичну кризу русофільської течії початку 80-х рр. (Сухий 2003: 324).

Відаючи належне діяльності общества, видатний український історик Михайло Сергійович Грушевський писав: «Так звані “провін-

ційні москвофіли"... не є москалями чи росіянами, незважаючи, що так можуть говорити їхні львівські критики; насправді старорусини – це також українці, однаково чи вони мають стару моду і інший погляд... Вони дуже, однак, були корисною силою в економічній і політичній діяльності і без них неможливо було продовжувати жодної роботи в сільській місцевості, оскільки вони були реальною силою місцевої інтелігенції» (Грушевський 1907: 139).

Від початку існування дві культурно-просвітницькі установи займали неоднакове становище. Зусилля І. Наумовича та його товариства активно підтримувала більшість галицької інтелігенції. Водночас до «Просвіти» остання ставилась з підозрінням, вбачаючи у ній провокаційну діяльність поляків і так званого українського сепаратизму, що в основному не сприймався переважною масою західноукраїнської інтелектуальної еліти, вихованої на традиціях консерватизму та лояльності до австрійського престолу. Так, наприклад, голова «Народного дому» крилошанин Йосиф Кульчицький вияснив у представника «Просвіти» Корнила Сушкевича: «Що се є "Просвіта?" Чи се товариство польське, німецьке, чи якої-небудь іншої народности?» (Справоздання 1870).

Варто зазначити, що у досліджуваний період відносини товариства «Просвіти» та Общества имени М. Качковського пройшли складну еволюцію (Мончаловський 1899b: 13–14; Пашаева 2001: 117–132; Детальніше про це: Лукашів 2013: 55–60;). Деякі автори вважають, що протягом тривалого часу ці організації не були суперниками, а скоріше партнерами у змаганні освідомити галицьких русинів (Магочій 1994: 208). Так, повідомивши про появу общества, народописький журнал «Правда» зауважив: «Новостворене товариство Качковського повинно знайти підтримку кожного патріотичного русина» (Новинки 1874: 568). Своєю чергою, й останнє позитивно відгукувалося про заснування філій «Просвіти», сподіваючись, що їх заповнять «нові члени з-поміж селян, учителів і урядовців, котрі, Бозна чому, можуть побоюватись вступати в члени Общества Качковського» (Русское слово 1892: 3; Магочій 1994: 208).

В одній з публікацій «Слова» її автор закликав подолати перешкоди у взаємних стосунках, досягти консолідації сил перед зовнішньою небезпекою, зазначивши при цьому, що «три літературні товариства» («Галицько-руська матиця», «Просвіта», Общество им. М. Качковського) є «галузьями одного прагнення» (Галицько-руские 1883). Газета неодноразово повідомляла про заснування читалень, які одночасно вступали у два останні товариства, або ж про отримання від них у дарунок літератури. Наприклад, на її сторінках зустрічаємо наступну інформацію: «У ході відкриття читальні в Куликові "многая літа" зву-

чало на честь "Просвіти" й Общества им. М. Качковського; громадські читальні в селах Мізунь і Боратин стали одночасно членами обох цих інституцій, які, мовляв, є виразниками національних інтересів галичан» (Новинки 1883; Из Куликова 1884; От Долинського 1884; Благодарение 1886; Пашук 1999: 28–31).

Разом з тим, ця громадсько-політична газета друкувала і матеріали звинувачувального характеру на кшталт прагнень українофілів знищити Общество им. М. Качковського, замінити назву «Русь» на «Україна», висловлювань очільника «Просвіти» О.М. Огоновського, який, нібито, продемонстрував «беспремерную вражду к старорусской партии», назвавши її членів «катковщиками», «панславистами», «тяготеющими к соседу» тощо (Из Долинського Бескида 1877; Як смотрит простой народ 1885; Новинки 1886; Пашук 1999: 33).

Обидва галицькі культурно-просвітницькі товариства вступили у 80-ті рр., маючи певну рівновагу сил. Товариство ім. М. Качковського було ослаблене попередніми втратами. «Просвіта» ж повільно, але безупинно нарощувала свої зусилля. «У Галичині бачили вихід із становища в об'єднанні партій і в концентрації усієї національно-політичної роботи руського населення Австро-Угорщини в Галичині, – писав А.І. Добрянський в листі до О.А. Маркова. – Ця програма диктувалася нестерпними умовами тогочасного політичного життя і висіла... в повітрі. Якраз у 1880 р. відбулись у Львові всенародні збори (віче), скликані за участі двох тодішніх галицько-руських партій, на яких з особливою силою було висловлене побажання максимально близького співробітництва й об'єднання діяльності обидвох партій... Розходження в національно-політичній ідеології... не були ще, порівняно, значними, так що об'єднання їх діяльності вважалося цілком реальною і досяжною» (Марков 1930: 4).

У цей час відбувалося певне співробітництво народовського та русофільського товариств на культурно-просвітницькому ґрунті. Так, 9 березня 1885 р. у Великій залі «Народного дому» товариства «Просвіта», ім. М. Качковського, «Русская беседа», «Академическое братство» провели спільний музично-декламаторський вечір, присвячений 24-й роковині смерті Кобзаря (ЦДІАЛ 1885: 15).

З прийняттям четвертого статуту «Просвіти» у 1891 р., у першому параграфі якого було записано, що «ціллю товариства є просвіта і піднесення добробуту народу» (Товариство «Просвіта» 1999: 47), вона почала перетворюватись у дійсно масову загальнонародну організацію.

Її характерною рисою діяльності у 90-х рр. стало масове заснування читалень. Щоденна газета «Галичанин» повідомляла, що на 1895 р. товариство володіло у краї 170 читальнями, які діяли у 42 повітах.

Найбільша їх кількість – 15 – знаходилась у Борщівському повіті, а загальне число його членів досягло 6 300 (Галичанин 1895).

Після утворення у 1900 р. Русько-народної партії посилилась ідейна боротьба між москвофілами та народовцями, а значить, і не залишалося шансів на можливість їх співробітництва. Позиції, які займали перші, спричинили подальше падіння їх авторитету та зменшення кількості членів товариства ім. М. Качковського. Так, у 1907 р. воно складало 9 512 осіб і надалі поступово зменшувалося. Під тиском «Просвіти» самоліквідувалася філія в Комарному, діяльність якого була перенесена в с. Грімне (ЦДІАЛ 1907: 26, 55). Відчутного удару по товариству завдали переходи його сільських читалень на статуту «Просвіти». Зокрема, члени читальні в Івачові Горішньому заявили центральному відділу товариства ім. М. Качковського: «Виділ читальні в Івачові Горішнім повідомляє про наступне рішення виділу на засіданні 1 лютого 1901 р. Позаяк наша читальня стоїть на ґрунті партії національно-демократичної, а партія москвофільська виступає проти сеї партії на кожному кроці і обкидує її болотом на кожному кроці, а проте порішено з партією москвофільською порвати всілякі зносини, а самим виписати читальню з членів товариства Качковського. Проте нашу читальню просимо не уважати за члени вашого “общества” і нам літератури не присилати» (ЦДІАЛ 1901: 33).

Подібна заява була зроблена у 1903 р. членами читальні в с. Бушковичах. У ній зазначалося: «Читальня в Бушковичах виступає з членів товариства ім. М. Качковського з слідуючих причин: 1) коли в повіті все поступає і на місці не стоїть, хлопам треба книжок і науки поступової, а не мертвеччини, яку ви показали в книжечці “Іван дурень” і “Різдвяна ніч”, а також в книжечці “Україна без попа, хлопа і пана”, де ви в підлий спосіб збезчестили всякі поступові думки; 2) російський батюшка не може бути нашим опікуном, бо се пути всім повітам, а відаємо, що москаль б’є народ нагайками» (ЦДІАЛ 1903: 4).

Як свідчать архівні матеріали, тоді ж почав падати попит на видання Общества ім. Качковского. Це, насамперед, пояснювалося тим, що останні дуже часто, особливо після 1903 р., друкувалися російською літературною мовою, а не галицько-руським діалектом, який переважно вживали русофіли. Про це не раз заявляли активісти товариства на місцях, вказуючи, що їхня література «відвертає селян від товариства і посилює зацікавленість виданнями “Просвіти”, які були написані мовою, зрозумілою простим людям» (ЦДІАЛ 1907: 43).

Таким чином, 1891–1908 рр. – етап поступового занепаду товариства ім. М. Качковського, що був викликаний помилками, невмінням поєднати культурно-просвітницьку роботу з економічною діяльністю, а також яскраво вираженою проросійською орієнтацією.

Яскравим доказом зростання авторитету «Просвіти» серед українців Галичини стали ювілейні святкування роковин Т. Шевченка та її загальні збори у 1914 р. До цих подій вона підійшла з такими здобутками: 78 філій, 2 944 читальні, що об'єднували 197035 осіб, а кількість опублікованих нею видань сягнула цифри 553 (Історія Львова 2007: 379).

Просвітницькі кроки «Просвіти» і товариства ім. М. Качковського перервала Перша світова війна. З її початком австрійська влада офіційно заборонила всі москвофільські організації, у тому числі і товариство ім. М. Качковського, а після захоплення Галичини російською армією така ж доля спіткала українські товариства й організації, а серед них і «Просвіту».

Отже, створення «Просвіти» та Общества им. М. Качковского засвідчило істотну диференціацію між русофільським та українофільським напрямками. Паралельна культурно-просвітницька діяльність народовців і москвофілів була для галицьких українців корисною. Якби не заснування «Просвіти» у 1868 р., не з'явилися би русофільські видання і не утворилося би товариство ім. М. Качковського в 1874 р., а значить, не поширювалися читальні для галичан. Організаторська та пропагандистська робота І. Наумовича та його однодумців, із свого боку, підштовхнула народовців до активізації їх праці. Ці два руські культурно-просвітницькі товариства, змагаючись між собою, несли культуру й освіту в народ, завойовуючи його прихильність, служили протиположністю польському чиннику.

ЛИТЕРАТУРА

Андрусак 1935 - *Андрусак М.Г.* Нариси з історії галицького москвофільства (з портретами москвофільських діячів). Львів: Просвіта, 1935. 79 с.

Аркуша, Мудрий 1999 - *Аркуша О.Г., Мудрий М.М.* Русофільство в Галичині в середині XIX – на початку XX століття: генеза, етапи розвитку, світогляд // Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип. 34. Львів: ЛНУ ім. І. Франка, 1999. С. 231–268.

Благодарение 1886 - *Благодарение* // Слово. 1886. Ч. 55.

Галицко-русские 1883 - *Галицко-русские литературные институции* // Слово. 1883. Ч. 109.

Галичанин 1895 - *Галичанин* 1895. Ч. 35.

Грушевський 1907 - *Грушевський М.С.* «Конец рутенства!» // Літературно-науковий вісник. Львів–Київ, з друкарні Наукового товариства імені Шевченка. 1907. Т. XL. С. 135–147.

Драгоманов 1904 - *Драгоманов М.П.* Літературно-суспільні партії в Галичині (до року 1880) / З рос. пер. М.П. Львів, 1904. 63 с.

Из Долинского Бескида 1877 - *Из Долинского Бескида* // Слово. 1877. Ч. 92.

- Из Куликова 1884 - Из Куликова // Слово. 1884. Ч. 42.
Из Скалата 1873 - Из Скалата // Слово. 1873. Ч. 87.
Історія Львова 2007 - Історія Львова: у 3 т. Львів: Центр Європи, 2007. Т. 2. 559 с.
- Лукашів 2013 - *Лукашів В.Я.* Взаємини «Товариства ім. Качковського» з народовецькими та полонофільськими організаціями в Східній Галичині (1874–1914 рр.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2013. Вип. XXXVII. С. 55–60.
- Магочій 1994 - *Магочій П.Р.* Галичина (історичні есе). Львів, 1994. 322 с.
- Марков 1930 - *Марков О.А.* Из переписки А.И. Добрянского (Письма к О.А. Маркову). Ужгород: Типография «Школьной помощи», 1930. 22 с.
- Миколаєвич 1936 - *Миколаєвич М.* Москвофільство, його батьки і діти. Історичний нарис. Львів, 1936. 68 с.
- Мончаловській 1899а - *Мончаловській О.А.* Житє и діяльність Івана Наумовича. Издание политического общества «Русская Рада» во Львовѣ, 1899. 112 с.
- Мончаловській 1899б - *Мончаловській О.А.* Памятная книжка въ 25- лѣтній ювілей Общества имени Михаила Качковского. 1874–1899. Львовъ: Издания Общества имени Мих. Качковского, 1899. 168 с.
- Москвофільство 2001 - Москвофільство: Документи і матеріали / Вступна стаття, коментарі та добірка документів Сухого О. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 2001. 236 с.
- [Наумович] 1866 - [Наумович І.Г.] Поглядь в будущность // Слово. 1866. Ч. 59. Подпись: Одинь именемь многихъ.
- Наумович 1890 - *Наумович І.Г.* Червоная Русь – ее прошлое и настоящее. Чтение, произнесенное 17-го окт. 1890 г. в общем собрании Киевского благотворительного общества. СПб.: Изд. ис. «Церковные ведомости», 1890. № 50, 51. 16 с.
- Новинки 1883 - Новинки // Слово. 1883. Ч. 8.
- Новинки 1874 - Новинки // Правда. Письмо літературно-політичне. Рік VII. Ч. 13. Львів. 18 (30) серпня 1874. С. 567–568.
- Новинки 1886 - Новинки // Слово. 1886. Ч. 11–12.
- Объяснение первыхъ Б. г. и. - Объяснение первыхъ 10 § Статутовъ общества имени Михаила Качковского // Наумович І. Сь Богомъ. Львов, Б. г. и. С. 21–22.
- От Долинского 1884 - От Долинского // Слово. 1884. Ч. 90.
- Павлик 1985 - *Павлик М.І.* Про русько-українські народні читальні // Павлик М. Твори. К., 1985. С. 223–270.
- Пашаева 2001 - *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине в XIX–XX вв. М., 2001. 202 с.
- Пашук 1999 - *Пашук В.С.* Товариство «Просвіта» крізь призму «Слова». До історії стосунків українських громадсько-політичних угруповань Галичини (народовців і москвофілів) в друг. пол. XIX ст. Львів: ІУ НАНУ, 1999. 38 с.

Русское слово 1892 - Русское слово. 1892. III. 27. Львов, 1892. 25 с.

[Свистун] 1896 - [Свистун Ф.И.] Прикарпатская Русь подъ владѣніемъ Австріи. Часть вторая (1850–1891). Написал Ф.И.С. (Издание О.А. Маркова). Львовъ: Изъ типографіи Ставропигійского института, 1896. 742 с.

Середяк 2010 - *Середяк А.В.* «Просвіта» і радикальне середовище Галичини (До історії взаємин Івана Франка з товариством) // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. 2010. Вип. 19. С. 394–413.

Справоздання 1870 - Справоздання «Просвіти». 1870. 17 грудня.

Сухий 2003 - *Сухий О.М.* Від русофільства до москвофільства (російський чинник у громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у ХІХ ст.). Львів: ЛНУ ім. І.Франка, 2003. 495 с.

Товариство «Просвіта» 1999 - Товариство «Просвіта» у Львові. Статути. Львів: І.У. НАНУ, 1999. 271 с.

Трофимович, Тітко 1993 - *Трофимович В.В., Тітко Ю.Р.* Взаємини Товариств «Просвіта» і ім. Качковського (друга пол. ХІХ – поч. ХХ ст.). Львів, 1993. 24 с.

Трофимович, Тітко 1994 - *Трофимович В.В., Тітко Ю.Р.* Іван Наумович // Республіканець. 1994. № 3–4. С. 89–95.

[Франко] 1883 - [Франко І.Я.] Володимир Барвінський // Діло. 1883. Ч. 9–10. 27 січня (8 лютого). С. 1–2.

ЦДІАЛ 1885 - Центральний державний історичний архів України у Львові. Ф. 182. Оп. 1. Спр. 6. Звіти, донесення, протоколи, листування та інші матеріали про організаційну та пропагандистську діяльність товариства. 1885.

ЦДІАЛ 1907 - Центральний державний історичний архів України у Львові. Ф. 182. Оп. 1. Спр. 42. Звіти, донесення, протоколи, листування та інші матеріали про організаційну та пропагандистську діяльність товариства. 1900–1910.

ЦДІАЛ 1901 - Центральний державний історичний архів України у Львові. Ф. 182. Оп. 1. Спр. 62. Листування з членами товариства про відкриття нових читалень, надсилання книжок, перехід до товариства «Просвіти». 1901.

ЦДІАЛ 1903 - Центральний державний історичний архів України у Львові. Ф. 182. Оп. 1. Спр. 86. Заява читальні в с. Бушковичах про вихід з товариства та анкетні дані читалень в місцевостях на літературу «В». 1903–1932.

ЦДІАЛ 1907 - Центральний державний історичний архів України у Львові. Ф. 182. Оп. 1. Спр. 259. Звіти, протоколи, відомості та інші матеріали про організаційну, пропагандистську та фінансово-господарську діяльність центрального правління товариства та його зв'язки з москвофільськими організаціями в Західній Україні та Польщі. 1900–1934.

Як смотрит простой народ 1885 - Як смотрит простой народ на литературный язык // Слово. 1885. Ч. 88.

REFERENCES

Andrusyak, M.G. (1935) *Narisi z istorii galits'kogo moskvofil'stva (z portretami moskvofil's'kikh diyachiv)* [Essays from the history of Galician Moscovophilia (with the portraits of Moscovophilian figures)]. Lviv: Prosvita.

Arkusha, O.G. & Mudriy, M.M. (1999) *Rusofil'stvo v Galichini v seredini XIX – na pochatku XX stolittya: reneza, etapi rozvitku, svitoglyad* [Russophilia in Galicia in the mid 19th – early 20th centuries: Genesis, stages of development, outlooks]. *Visnyk L'viv's'kogo universytetu. Seriya istorychna*. 34. Lviv: Ivan Franko LNU. pp. 231–268.

Anon. (1886) *Blagodarenye* [Gratitude]. *Slovo*. 55.

Anon. (1883) *Galytsko-russkye literaturnye institutsii* (1883) [Galician-Russian Literature Institutes]. *Slovo*. 109.

Galychanyn. (1895) 35.

Grushevskiy, M.S. (1907) “Konets' rutenstva!” [The End of Ruthenism!] *Literaturno-naukoviy vistnik*. Vol. XL. pp. 135–147.

Dragomanov, M.P. (1904) *Literaturno-suspil'ni partii v Galichini (do roku 1880)* [Literary-public parties in Galicia (before 1880). Translated from Russian. Lviv: [s.n.].

Anon. (1877) *Iz Dolinskogo Beskida* [From Dolynas Beskyd]. *Slovo*. 92.

Anon. (1884) *Iz Kulikova* [From Kulykiv]. *Slovo*. 42.

Anon. (1873) *Iz Skalata* [From Skalat]. *Slovo*. 87.

Isaevich, Ya., Litvin, M. & Steblyi, F. (eds) (2007) *Istoriya L'vova (2007): u 3 tomah* [History of Lviv: In 3 vols]. Vol. 2. Lviv: Tsentrv Evropi.

Lukashiv, V. (2013) *Vzaemini “Tovaristva im. Kachkovs'kogo” z narodovets'kimi ta polonofil's'kimi organizatsiyami v Skhidniy Galichini (1874–1914 rr.)* [Relations of The Kachkovski Society with Ukrainophilian and Polonophilian organizations in East Galician (1874–1914)]. In: *Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo natsional'nogo universitetu* [Proc. of Historical Faculty of Zaporizhzhia National University]. XXXVII. pp. 55–60.

Magochiy, P.R. (1994) *Galychyna (istorychni ese)* [Galicia (historical essays)]. Lviv: [s.n.].

Markov, O.A. (1930) *Iz perepiski A.I. Dobryanskogo (Pis'ma k O.A. Markovu)* [From the correspondences of A. Dobryanski (Letters to O. Markov)]. Uzhgorod: Shkolna Pomosch.

Mikolaevich, M. (1936) *Moskvofil'stvo, yogo bat'ki i diti. Istorichniy naris* [Moscophilia, its fathers and children. A historical essay]. Lviv: [s.n.].

Monchalovskiy, O.A. (1899a) *Zhit'e i deyatelnost' Ivana Naumovicha. Izdanie politicheskogo obshchestva “Russkaya Rada” vo L'vove* [The life and activity of Ivan Naumovich. Issue of the political society “The Rus Council” in Lviv].

Monchalovskiy, O.A. (1899b) *Pamyatnaya knizhka v 25-letniy yubiley Obshchestva imeni Mikhaila Kachkovskogo. 1874–1899* [The memorable book

for the 25 Anniversary of The Kachkovski Society]. Lviv: The Kachkovski Society.

Sukhoy, O. (ed.) (2001) *Moskvofil'stvo: Dokumenti i materiali* [Moscophilia: Documents and materials]. Lviv: Ivan Franko LNU.

[Naumovich, I.G.] (1866) *Poglyad v budushchnost'* [The look to the future]. *Slovo*. 59.

Naumovich, I.G. (1890) *Chervonaya Rus' – ee proshloe i nastoyashchee. Chtenie, proiz-nesennoe 17-go okt. 1890 g. v obshchem sobranii Kievskogo blagotvoritel'nogo obshchestva* [The Red Rus – its past and present. The speech of October 17, 1890, at the general meeting of Kievian Charity Society]. St. Petersburg: Tserkovnie vedomosti.

Anon. (1874) *Novynky* [Novelties]. *Pravda*. 13. Lviv. 18th(30th) August. pp. 567–568.

Anon. (1883) *Novynky* [Novelties]. *Slovo*. 8.

Anon. (1886) *Novynky* [Novelties]. *Slovo*. 11–12.

Naumovich, I. (ed.) (n.d.) *Ob'iasnenie pervykh 10 § Statutov obshchestva imeni Mikhaïla Kachkovskogo* [The interpretation of the first 10 § Regulations of The Kachkovski Society]. In: Naumovich, I. (ed.) *S Bogom* [With God]. Lviv: [s.n.]. pp. 21–22.

Anon. (1884) *Ot Dolinskogo* [From Dolynsky]. *Slovo*. 90.

Pavlik, M.I. (1985) *Tvory* [The works]. Kyiv: [s.n.]. pp. 223–270.

Pashaeva, N.M. (2001) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine v XIX–XX vv.* [Essays from history of the Russian movement in Galicia in the 19th – 20th centuries]. Moscow: Imperskaya traditsiya.

Pashuk, V.S. (1999) *Tovarištvo "Prosvita" kriz' prizmu "Slova". Do istorii stosunkiv Ukraïns'kikh gromads'ko-politichnikh ugrupovan' Galichini (narodovtsiv i moskvofiliv) v drug. pol. XIX st* [The Prosvita Society through the prism of "Slovo". To the history of relations among Ukrainian public and political groups in Galicia (Ukrainophiles and Moscophiles) in the second part of the 19th century]. Lviv: IU NANU.

Russkoe Slovo (1892). III. 27.

[Svistun, F.I.] (1896) *Prikarpatskaya Rus' pod vladeniem Avstrii* [Pre-carpathian Rus under Austrian rule]. Part 2. Lviv: Stauropegian Institute Typography.

Seredyak, A.V. (2010) "Prosvita" i radikal'ne seredovishche Galichini (Do istorii vzaemin Ivana Franka z tovaristvom) [The Prosvita Society and radical environment of Galicia (To the history of relations between Ivan Franko and the Society)]. In: Isaevich, Ya. (ed.) *Ukraïna: kul'turna spadshchina, natsional'na svidomist', derzhavnist'* [Ukraine: Cultural legacy, national consciousness, state system]. Issue 19. pp. 394–413.

The Prosvita Society. (1870) *Spravozdannya "Prosvity"* (1870) [The Rapport of the Prosvita Society]. December 17, 1870.

Sukhoy, O.M. (2003) *Vid rusofil'stva do moskovfil'stva (rosiys'kiy chinnik u gromads'kiy dumtsi ta suspil'no-politichnomu zhitti galits'kikh ukraïntsi v u XIX st.)*. [From Russophilia to Moscophilia (the Russian factor in the public opinion and social and political life of Galician Ukrainians in the 19th century)]. Lviv: Ivan Franko LNU.

The Prosvita Society. (1999) *Tovaristvo "Prosvita" u L'vovi. Statuti* [The Prosvita Society in Lviv. Regulations]. Lviv: I.U. NANU.

Trofymovych, V.V. & Titko, Yu.R. (1993) *Vzaemini Tovaristv "Prosvita" i im. Kachkovs'kogo (druga pol. XIX – poch. XX st.)*. [Relations of The Prosvita and The Kachkovski Society (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Lviv: [s.n.].

Trofymovych, V.V. & Titko, Yu.R. (1994) Ivan Naumovych [Ivan Naumovich]. *Respublikanets*. 3–4. pp. 89–95.

[Franko I.Ya.] (1883) Volodymyr Barvinskiy [Vladimir Barvinsky]. *Dilo*. 9–10. pp. 1–2.

The Central State Historical Archives of Ukraine in Lviv. (1885). Fund 182. List 1. File 6. *Zviti, donesennya, protokoli, listuvannya ta inshi materialy pro organizatsiyu ta propagandists'ku diyal'nist' tovaristva* [Reports, accounts protocols, correspondences and other materials about the organizational and propagandist activity of the Society].

The Central State Historical Archives of Ukraine in Lviv. (1907a) Fund 182. List 1. File 42. *Zviti, donesennya, protokoli, listuvannya ta inshi materialy pro organizatsiyu ta propagandists'ku diyal'nist' tovaristva. 1900–1910* [Reports, accounts protocols, correspondences and other materials about the organizational and propagandist activity of the Society. 1900–1910].

The Central State Historical Archives of Ukraine in Lviv. (1901) Fund 182. List 1. File 62. *Listuvannya z chlenami tovaristva pro vidkryttya novikh chitalen', nadsilannya knizhok, perekhid do tovaristva "Prosviti"* [Correspondence with the members of the Society about opening new reading houses, sending books, passage to the Prosvita Society].

The Central State Historical Archives of Ukraine in Lviv. (1903) Fund 182. List 1. File 86. *Zayava chital'ni v s. Bushkovichakh pro vikhid z tovaristva ta anketni dani chitalen' v mistsevostyakh na literaturu "V". 1903–1932* [A statement of the Readers' House in Bushkovychi about the exit from the Society and data information about readers' houses in the villages beginning with "V". 1903–1932].

The Central State Historical Archives of Ukraine in Lviv. (1907b) Fund 182. List 1. File 259. *Zviti, protokoli, vidomosti ta inshi materialy pro organizatsiyu, propagandists'ku ta finansovo-gospodars'ku diyal'nist' tsentral'nogo pravlinnyya tovaristva ta yogo zv'yazki z moskovfil's'kimi organizatsiyami v Zakhidniy Ukraini ta Pol'shchi. 1900–1934*. [Reports, protocols, information and other materials about organizational, propagandist and financial activities of the Central Committee

of the Society and its relations with Moscovophilic organizations in Western Ukraine and Poland. 1900–1934].

Anon. (1885) *Yak smotrit prostoy narod na literaturnyy yazyk* [How the ordinary people perceived the literary language]. *Slovo*. 88.

Трофимович Володимир Васильович – доктор історичних наук, завідувач кафедри історії Національного університету «Острозька академія» (Україна).

Трофимович Владимир Васильевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Национального университета «Острожская академия» (Украина).

Trofymovych Volodymyr - The National University of Ostroh Academy (Ukraine).

E-mail: v.trofymovych@rambler.ru

Трофимович Лілія Володимирівна – кандидат історичних наук, доцент кафедри гуманітарних наук Національної академії сухопутних військ ім. гетьмана Петра Сагайдачного (Україна).

Трофимович Лилия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Национальной академии сухопутных войск им. гетмана Петра Сагайдачного (Украина).

Trofymovych Liliya - Hetman Petro Sahaidachnyi National Army Academy (Ukraine).

E-mail: l.trofymovych@hotmail.com

УДК 94(47)"1920"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/15

СМЕРТЬ В.М. ПУРИШКЕВИЧА: НОВЫЕ ДАННЫЕ К БИОГРАФИИ ПОЛИТИКА-МОНАРХИСТА

А.А. Иванов¹, А.А. Чемакин²

¹Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: andriv78@yandex.ru

²Россия, г. Санкт-Петербург

E-mail: chemakinanton@rambler.ru

Авторское резюме

Впервые реконструируются обстоятельства последних дней жизни и смерти известного российского правого политика В.М. Пуришкевича (1870–1920). Опираясь на новые источники, включая неизвестные ранее документы из личного архива Пуришкевича, сохранившегося в фондах библиотеки Свободного университета Брюсселя (Université Libre de Bruxelles), и публикации белогвардейской прессы, авторы опровергают бытующие в литературе мифы и вводят в научный оборот новые факты, позволяющие внести определенные коррективы в биографию политика. Особое внимание в статье уделено реакции общества на смерть Пуришкевича и тем оценкам, которые были даны ему в некрологах, опубликованных в белогвардейских газетах как правого, так и либерального направления. Самостоятельную ценность имеют впервые публикуемые фотографии из собрания библиотеки Свободного университета Брюсселя.

Ключевые слова: Владимир Митрофанович Пуришкевич, гражданская война в России, смерть Пуришкевича, монархизм, Белый Юг, Новороссийск.

THE DEATH OF V.M. PURISHKEVICH: NEW DATA ABOUT THE BIOGRAPHY OF THE POLITICIAN-MONARCHIST

A.A. Ivanov¹, A.A. Chemakin²

¹Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034,
Russia

E-mail: andriv78@yandex.ru

²Saint Petersburg, Russia

E-mail: chemakinanton@rambler.ru

Abstract

The paper reconstructs the last days and the circumstances of the death of a famous Russian politician and lawyer V.M. Purishkevich (1870–1920). The authors use new sources, including previously unknown documents from Purishkevich's personal archive from the library of the Brussels Free University (Université Libre de Bruxelles) as well as the White Guard press to destroy the common historical myths and introduce some new facts that help to modify the politician's biography. Special attention in the paper is paid to the public response to V.M. Purishkevich's death and the evaluations given to him in the obituaries of both liberal and right-wing White Guard newspapers. The photos from the library of the Brussels Free University have never been published before.

Keywords: Vladimir Purishkevich, Russian Civil War, Purishkevich's death, monarchism, the White South of Russia, Novorossiysk.

Один из самых известных российских правых политиков начала XX в. уроженец Бессарабии Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920), депутат II–IV Государственных Дум и лидер таких монархических организаций, как Союз русского народа, Русский народный союз имени Михаила Архангела, Всероссийская народно-государственная партия, не обделен вниманием историков. Однако в его биографии все еще остаются белые пятна и недостаточно хорошо исследованные сюжеты. Сюда можно отнести и сюжет, связанный с последними днями жизни Пуришкевича на Белом Юге России, с обстоятельствами его смерти и общественной реакцией на это событие.

23 декабря 1919 г. (5 января 1920 г.), за три дня до занятия Ростова-на-Дону большевиками, В.М. Пуришкевич, являвшийся на тот момент

В.М. Пуришкевич с сыновьями
Вадимом и Всеволодом.

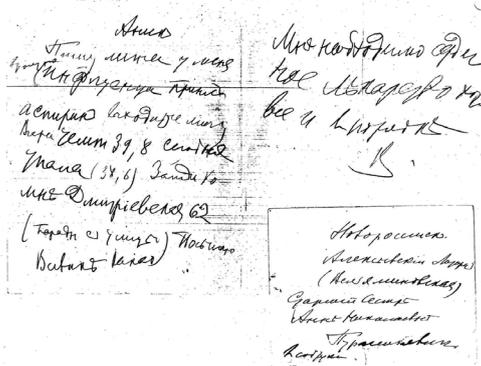
лидером Всероссийской народно-государственной партии, смог покинуть этот город сам и вывезти больного тифом сына Всеволода на поезде генерала П.Н. Врангеля в Новороссийск (ГАРФ: 4). О жизни Пуришкевича в этом приморском городе известно мало, но, судя по имеющимся сведениям, в первые дни своего пребывания в нем он был еще здоров. Руководитель ОСВАГа К.Н. Соколов вспоминал, что Пуришкевич, как всегда, энергично занимался не только политикой, но и оказанием помощи раненым и больным (Соколов 1921: 253). Писатель И.Ф. Наживин встретил правого политика в отеле «Европа» на Мартыновской улице, и они наскоро обменялись мнениями о происходящем (Наживин 1921:

309). Есть также информация о том, что известный философ князь Е.Н. Трубецкой заходил в те дни к Пуришкевичу поиграть в шахматы (Шевырин 2007: 621).

Тем временем ситуация в Новороссийске складывалась катастрофическая – как из-за развала фронта и угрозы со стороны «зеленых», так и по причине бушевавшей эпидемии сыпного тифа. «Черноморские губернские ведомости» сообщали, что число тифозных больных в Новороссийске растет с каждым днем: «В больницах и госпиталях нет мест для все прибывающих больных, не хватает врачей, фельдшеров и сестер милосердия, чтобы присмотреть за больными. <...> Зараза распространяется с поразительной быстротой и валит с ног тысячи беженцев, вырывая каждый день из их среды все новые жертвы» (Римский 1920: 2). На это накладывались и другие проблемы, усугублявшие ситуацию. Город был переполнен: вместе с беженцами там оказалось до 300 тыс. чел., в то время как перед Первой мировой войной его население составляло всего около 46 тыс. чел. Зачастую здоровым приходилось постоянно находиться вместе с больными. К тому же в начале января 1920 г. только за пять дней цены на продовольствие возросли на 150 %. В итоге людям было негде жить, нечего есть, ослабленные, они не могли сопротивляться болезни. Пресса с тревогой писала, что эпидемические заболевания стремительно распространяются и могут превратить Новороссийск в «зачумленный лагерь» (ЧГВ 1920: 2).

В этой кошмарной обстановке жертвой опасной болезни стал и В.М. Пуришкевич. Заразиться сыпным тифом он мог как при посещении в госпитале своего больного сына, так и от любого другого больного, которых в городе было несметное количество. Сохранилось письмо Пуришкевича (возможно, последнее перед смертью) жене Анне Николаевне, служившей в то время старшей сестрой Алексеевского лазарета на улице Вельяминовской. Поскольку эта короткая записка не была ранее известна историкам, приведем ее текст целиком: «Анна. Пиши мне, у меня, возможно, инфлуенца, принял аспирин, [в] выходные [стало] легче, вчера темп[ература] 39,8, сегодня упала (38,6). Зайди ко мне, Дмитриевская, 62 (парадн[ая] с улицы). Посылаю Вадику (сын Пуришкевича. – Авт.) денег. Мне необходимо сердечное лекарство, хотя все и в порядке» (BE.ULB 1: 1). Видимо, указанный в записке адрес являлся местом последнего проживания политика в Новороссийске, откуда стараниями жены его удалось перевести в госпиталь Алексеевской дивизии (ГАРФ: 4).

Как отмечал в своих более чем тенденциозных воспоминаниях Арон Симанович, именовавший себя «секретарем Распутина», В.М. Пуришкевич находился на лечении в том же госпитале, что и его сын. Согласно рассказу Симановича, «монархически настроенные сестры милосердия» считали Пуришкевича «вследствие его перехода на сторону революционеров при отречении царя» изменником, а потому полагали, что «не стоит о нем особенно заботиться». «Но его сильный организм, – писал далее Симанович, – все же поборол болезнь, и он находился уже на пути к выздоровлению. Передавали, что две сестры во время припадка дали Пуришкевичу выпить холодное шампанское, и он скоро после этого умер» (Симанович 2005: 214). Впрочем, этот рассказ о враждебно настроенных к Пуришкевичу сестрах милосердия выглядит более чем сомнительно, тем более что старшей сестрой лазарета была его жена, которая наверняка присматривала за больным мужем. Не менее сомнительны и слова другого мемуариста – видного русского генеалoga, историка, бывшего холмского губернатора и члена Всероссийской народно-государственной

Записка В.М. Пуришкевича жене.

партии Л.М. Савелова, писавшего, что Пуришкевич умер в госпитале, «отравленный жидом-врачом» (Савелов 2015: 362). Причиной преждевременной смерти был сыпной тиф, усугубленный ужасными условиями госпиталя. Как свидетельствует депутат III Государственной Думы князь А.Д. Голицын, в лазарете, где лежал Пуришкевич (а вместе с ним и князь Е.Н. Трубецкой, умерший через полторы недели после Владимира Митрофановича), был такой холод, что вода в стаканах за ночь замерзала (Голицын 2008: 529).

И.Ф. Наживин, видевший Пуришкевича незадолго до его смерти, попытался изобразить последние часы жизни правого политика в одном из своих романов: «Были среди остающихся и немало счастливцев, которые в страшных кошмарах тифа не видели страшного кошмара жизни. Среди них был и неугомонный патриот В.М. Пуришкевич, бесплодные выстрелы которого в Григория [Распутина] были первым раскатом приближавшей грозы. Он лежал в городском госпитале и ничего уже не сознавал. Среди черно-красных картин, горящих в его мозгу, видел он и темную лестницу во дворце князя Юсупова, где тогда таились они, готовясь к убийству, и водопадами неслась красная кровь в его раскаленном мозгу, и слышались ему глухие выстрелы, и рушились новороссийские горы, и с грохотом ломалось на куски седое море, и надо было спастись и бежать, и бежать было некуда...» (Наживин 1995: 376).

После краткосрочного улучшения в состоянии здоровья в субботу, 11 (24) января 1920 г., В.М. Пуришкевич скончался. Страшная болезнь длилась как минимум неделю, а в госпитале правый политик находился пять-шесть дней. Пуришкевич застал агонию Белого движения, но волею судьбы ему не довелось стать свидетелем полного краха своей борьбы. Ему не пришлось прозябать в эмиграции; не стал он и жертвой большевиков. Яркий и деятельный, немногим не дожив до пятидесяти лет, он ушел вместе со старой Россией, за интересы которой он в меру своего понимания практически всю жизнь активно боролся, скончавшись в Новороссийске – на одном из последних клочков русской земли, еще не занятых красными. «Смерть позволила ему не увидеть крушения Белых движений и не поставила перед ним рокового вопроса: где же тот путь, которым надо идти, когда и *путь Белых движений оказался закрытым?*» (Маклаков 2005: 18).

Так что, возможно, Наживин был прав, называя Пуришкевича «счастливецem». С писателем, по сути, были согласны и родственники покойного. Мать политика – Луиза Владимировна Пуришкевич, жившая в эмиграции в югославском городе Вранье, писала, что ее сын «умер, до конца исполняя свой долг патриота», что «Бог его взял вовремя, не увидел он, как погибла Россия, которую он беззаветно

любил» (Пуришкевич 1922: 3). Не увидел он и смерти младшего сына Вадима. Воспитанник пятого класса Училища правоведения Вадим Пуришкевич (1901–1920) поступил вольноопределяющимся в Добровольческую армию в начале 1919 г. В ноябре он был произведен в корнеты лейб-гвардии конно-гренадерского полка, однако уже 17 февраля 1920 г., пережив отца лишь на месяц, пал смертью храбрых в бою с Первой конной армией С.М. Буденного под станицей Егорлыкской на Кубани (Литвинов 1930: 140; Волков 2002: 394). Как сообщала газета «Вечернее время», «во время одного из последних боев два эскадрона добровольцев врубались в ряды красных, причем во время атаки под ударами красноармейцев пали: сын Пуришкевича, граф Гендриков, князь Кудашев и другие» (Вечернее время 1920: 1). Старший сын Всеволод Пуришкевич (1899–1953), также служивший в Белой армии, в связи с этим отмечал, что его отец должен быть счастлив, что не пережил младшего сына, так как «он страшно любил Вадима, и, когда мы оба были в Добр[овольческой] Арм[ии] на фронте, то летал как орел от одного к другому, читал лекции и на собранное одевал наших боевых сотоварищей» (ГАРФ: 1).

Похороны В.М. Пуришкевича состоялись в понедельник, 13 (26) января. Описания их достаточно противоречивы. Так, «Черноморские губернские ведомости» сообщали, что они прошли при большом стечении народа, во время заупокойного богослужения в соборе епископ Евлогий (Георгиевский) и отец Свентицкий произнесли речи, посвященные общественно-политической деятельности покойного, а на гроб его возложено было много венков (Похороны 1920: 3). Примерно в том же ключе было выдержано и сообщение «Русского времени»: «Вчера, 13 января, состоялись похороны В.М. Пуришкевича. Гроб с телом покойного был перенесен из Алексеевского госпиталя в собор. Во время заупокойного богослужения еп. Евлогий и о. Свентицкий произнесли речи, охарактеризовав в них деятельность В.М. и его заслуги перед родиной. Отдать последний долг усопшему прибыли представители власти, общественные деятели, родственники и друзья В.М., возложившие на его гроб много венков» (Русское время 1920: 4). Один из лидеров кадетской партии князь П.Д. Долгоруков также вспоминал, что на похоронах «буйного» Пуришкевича было «много народу» (Долгорукий 2007: 129). Епископ Евлогий в своих воспоминаниях ограничился лишь констатацией того факта, что он отпевал Пуришкевича, который «умер в те дни от сыпняка» (Евлогий 1994: 326).

Есть и другие свидетельства. И.Ф. Наживин вспоминал, что смерть «громокипящего» Пуришкевича «теперь, в общей сумятице, прошла совершенно незамеченной, хотя его выстрел в Распутина и был, в

сущности, первым раскатом революционной грозы» (Наживин 1921: 309). Литературный критик Ю.И. Айхенвальд откликнулся на кончину своего университетского товарища, написав следующее: «Подхватил его смерч революции, покружил и отпустил в Новороссийске, а там перехватил его к себе сыпной тиф и погасил шумную жизнь этого, во всяком случае, недюжинного человека. Я слышал впоследствии, что никто почти не провожал его на кладбище: в коллективных и сплошных похоронах и самопохоронах, которыми занималась тогда Россия, было не до одинокой могилы Пуришкевича...» (РГАЛИ: 4). Известный журналист и редактор Б.А. Суворин вспоминал, что «на скромной панихиде, на которой собралась небольшая кучка его друзей и поклонников, священник сказал краткое прекрасное слово» (Суворин 1920: 3). А. Ветлугин (В.И. Рындзюн), в 1920 г. работавший журналистом на юге России, писал в вышедшем вскоре романе тоном очевидца: «Сперва похоронили Пуришкевича, потом князя Евгения Трубецкого. Такова была ирония Немезиды. В апогей норд-оста исхудалая, с ног валяющаяся лошаденка отвезла на кладбище два некрашенных забитых гроба. В день Пуришкевича еще можно было идти против ветра, не рискуя быть унесенным. В день Трубецкого по мостовым скрежетали сорванные вывески, громадный итальянский пароход снесло с якорей, и кучка людей, провожавшая князя, шаталась, как пьяная, задышалась, как в астме. <...> В деревянном некрашеном гробу лежала лишь оболочка Пуришкевича, душа его умерла уже очень давно – 27 февраля 1917 г. Петербургский норд-ост предупредил своего новороссийского собрата» (Ветлугин 2000: 174–175).

Похороны В.М. Пуришкевича.

К счастью, благодаря новым архивным находкам у нас есть возможность не довольствоваться субъективными воспоминаниями и полухудожественной литературой, а увидеть происходившее 13 января 1920 г. в Новороссийске своими глазами. Всеволод Пуришкевич отнюдь

не умер вместе с отцом от тифа, как об этом писал А. Симанович (Симанович 1991: 161). После поражения Белого движения он вместе с матерью эмигрировал, какое-то время жил и работал в Югославии, а затем переехал в Бельгию, поступив в Лувенский университет (ГАРФ: 4 об.). Старшему сыну Пуришкевича удалось не только спастись самому, но и сохранить значительную часть архива своего отца за 1918–1920 гг. Среди прочих документов сохранились и фотографии с похорон В.М. Пуришкевича, находящиеся ныне в архиве Свободного университета Брюсселя (Université Libre de Bruxelles). На первой запечатлен вынос гроба с телом из Николаевского собора, уничтоженного в годы советской власти. Глядя на эту фотографию, нельзя сказать, что Пуришкевича провожали в последний путь толпы поклонников, но и малолюдными похороны точно не были: вокруг гроба собралось около 50 человек, включая небольшой военный оркестр (BE.ULB 2: 1). На второй и третьей фотографиях запечатлены могила с крестом и венками, а также наиболее близкие к покойному люди – вероятно, вдова, сын и партийные соратники (BE.ULB 2: 2–3). Всеволод Пуришкевич также сохранил и траурные ленты с венков, присланные от офицеров лейб-гвардии Уланского его величества полка и лейб-гвардии Конно-гренадерского полка (BE.ULB 3).

Еще один вопрос, который требует прояснения, касается места упокоения В.М. Пуришкевича. Согласно одной из версий, приведенной петербургским историком Д.И. Стоговым со ссылкой на сообщение С.Г. Божковой, «всех умерших от сыпного тифа хоронили в огромной братской могиле в Мефодиевке, недалеко от железнодорожного вокзала Новороссийска. При захоронении трупы обкладывали гашеной известью, дабы пресечь распространение опасных бактерий сыпного тифа. В братской могиле <...> могло быть похоронено несколько сотен человек, а, возможно, и более тысячи. Помимо Пуришкевича, тогда же в этой могиле был похоронен и известный русский философ Е.Н. Трубецкой, умерший за день

Могила В.М. Пуришкевича.

до кончины Владимира Митрофановича» (Стогов 2012: 242). Как далее пишет Стогов, «на месте тифозной братской могилы в довоенные годы была ярмарка», а в послевоенные годы «территория бывшего тифозного кладбища частично была передана железной дороге. Сейчас часть этой территории (к северо-западу от здания железнодорожного вокзала) занимают железнодорожные пути и станционные строения. Неподалеку, у здания вокзала, находится кольцо 6-го троллейбуса. Кроме того, в районе бывшего тифозного захоронения (район, ограниченный нынешними улицами Жуковского и Элеваторной) находятся несколько ветхих домов, построенных в советское время» (Стогов 2012: 243).

Однако дошедшие до нас фотографии с похорон Пуришкевича опровергают эту версию. На снимках видны обычное кладбище и отдельная, а отнюдь не братская могила. Скорее всего, политик был похоронен на городском кладбище, находившемся при Успенской (кладбищенской) церкви. Именно здесь, а не в Мефодиевке, был похоронен примерно в те же дни и князь Е.Н. Трубецкой. В пользу этого предположения говорит и то обстоятельство, что Успенская церковь была приписана к Николаевскому собору, в котором проходило отпевание Пуришкевича. Храм стоит и по сей день, хотя и в реконструированном виде – сегодня это Свято-Успенский кафедральный собор. А вот кладбище в 1930-е гг. было уничтожено. Ныне на его бывшей территории, ограниченной улицами Гладкова, Чайковского, Видова и Клары Цеткин, находятся военный госпиталь Черноморского флота, автовокзал, средняя школа № 21 и другие строения. В 1991 г. на примерном месте захоронения князя Трубецкого на территории военного госпиталя, являющегося режимным объектом, усилиями местных активистов был установлен закладной камень с надписью «Здесь будет поставлена часовня в память Е.Н. Трубецкого и всех в российской смуте убиенных» (Шило 2011). В 1993 г. на этом же месте был установлен памятный крест. Видимо, где-то поблизости с этим местом покоится и прах В.М. Пуришкевича.

Таким образом, благодаря новым источникам можно восстановить последний путь правого политика: 13 (26) января 1920 г. из Алексеевского госпиталя на Вельяминовской улице его тело было перенесено в Николаевский собор, где прошли отпевание и прощание, а затем процессия отправилась на кладбище при Успенской церкви.

В последующие после похорон дни вышел целый ряд материалов, посвященных памяти покойного. В некрологе, опубликованном в «Великой России», видный общественный деятель Н.Н. Чебышев писал: «Это была своеобразная фигура в ряду современных политических деятелей. В нем было много родственного с героями Достоевского.

Страстный, порой истеричный порыв, некоторая шаловливость мысли и жеста, тонкое чутье комического, необычайная искренность и смелость слова, верное понимание политического момента. Нетерпеливый, всегда спешивший темперамент, не выносивший отсрочек, нуждавшийся в немедленном претворении слова в дело, впадавший иногда в шумиху и озорство. Он любил острое слово. Его словечки, меткие колоритные определения повторялись всей Россией. Он был свободен от партийных предубеждений, переходил временно туда, где, по его мнению, была политическая правда данного момента» (Чебышев 1920: 2). В той же газете на следующий день один из видных членов группы В.В. Шульгина В.М. Левитский отмечал, как «удивительно тепло» проводили Пуришкевича «к месту вечного успокоения почти все газеты». «У русского интеллигента самое имя покойного Пуришкевича долго вызывало тошноту, – продолжал он. – И только наиболее чуткие и то в дни войны поняли, какое горячее русское сердце билось в груди этого человека» (Левитский 1920: 1).

Б.А. Суворин в «Вечернем времени» сокрушался о том, что перестало биться сердце «удивительного русского человека и пламенного патриота». Несмотря на то что у покойного было много врагов, Суворин полагал, что многие из них пожалеют «этого благородного человека, всецело отдавшего свою жизнь служению Родине». Русские же монархисты «с его смертью понесли непоправимую потерю. Вернее и честнее рыцаря монархической идеи не было. <...> Semper idem, всегда тот же, он неизменно любил свою Родину и служил ей до самой смерти честно, открыто, с поднятым забралом, с глубокой верой в святость своего идеала» (Суворин 1920: 3).

«Покойный В.М. Пуришкевич, хранимый Богом и на фронте, и в тылу армий, и от вражеской пули, и от яда, погиб <...> не от руки врага, а от... вши. Не ужасно ли? – вопрошал к двухлетней годовщине со дня смерти политика укrywшийся за инициалами “Ю. Р.” автор. – В кошмарном Новороссийске, среди ужаса тыла не русской действующей армии, а Добровольческой, он пал жертвой любви и долга к России. Великие несправедливости чинили ему. Выселяли из городов, запрещали и срывали лекции; он носился из одного центра Добровольческой армии в другой, жаждал работы. Его никуда не пускали, травили, и, как затравленный зверь, надорвался он от любви к России, к своим детям и слег. В тифозном бреде он бредил Врангелем, еще не зная о его назначении». В этой панегирической заметке автор, называя Пуришкевича «одним из последних богатырей нашей русской великодержавности», патетически восклицал: «Те, кто любит Россию по-настоящему, не может не любить Владимира Митрофановича Пуришкевича. Среди серости и мглы это была великая историческая

фигура рыцаря. Его дело, дело нашей Родины, завещанное им, дорого всем любящим Великую Россию» (Ю.Р. 1922: 2).

Поэт-монархист С.С. Бехтеев, один из лидеров ВНГП, последнего детища Пуришкевича, трогательными стихотворными строками отозвался на внезапную кончину этого незаурядного, яркого и, не побоимся этого слова, выдающегося русского политика начала XX в. (Бехтеев 2002: 184–185):

Еще печаль, еще утрата
На радость грозным силам тьмы!
Певца идей, борца, собрата
Безвременно хороним мы...

Еще недавно перед нами,
Бичуя красный произвол,
Гремел победными громами
Его торжественный глагол.

Его апостольское слово
Рождало слезы и экстаз,
Порой с тоской, порой сурово
Зовя к борьбе и жертвам нас.

И нет его сегодня с нами.
Пророка истины святой,
С его правдивыми устами,
С его пылающей душой.

Теперь, безвольный и бессильный,
Он спит, бесчувственный к борьбе...
Да будет легок прах могильный,
Народный труженик, тебе!

Поэт и журналист К.Я. Шумлевич, находившийся в те дни в Новороссийске, также написал стихотворение «На смерть Пуришкевича», удивительным образом перекликающееся с произведением Бехтеева (Шумлевич 1920: 3):

Еще одна тяжелая утрата,
Еще один оторванный оплот...
От нас ушел навеки, без возврата,
Поэт и пламенный, прекрасный патриот!

Казалось, он поборет все стихии.
Железной волей скованный гигант,
Он смело нес на жертвенник России
Энергию, отвагу и талант.

И подвиг свой запечатлел он кровью,
Без жалости себя он погубил.
Поклонимся ему с такою же любовью,
Какою сам он Родину любил!

Вполне естественно, что националистическая и правая пресса превозносила В.М. Пуришкевича. Но и его бывшие оппоненты нашли несколько добрых слов для покойного. «Что если бы несколько лет тому назад, когда Россия выковывала в Таврическом дворце свою политическую свободу под свист и улюлюканье Пуришкевича, нам сказали, что о его смерти объявят как о смерти великого патриота и будет оплакана многими и многими? – задавался вопросом известный "прогрессивный" журналист и литературный критик Сергей Яблоновский (С.В. Потресов) и отвечал сам себе. – Мы улыбнулись бы и укоризненно покачали головами. А если бы нам сказали, что оплакивание Пуришкевича в качестве великого патриота произойдет после революции? После того, как Россия порвала все цепи, опрокинула все преграды, «отреклась от старого мира» и явила вселенной картину того, «чего нет на свете». Мы назвали бы говорящего сумасшедшим. И вот Пуришкевич умер, названный великим патриотом, и мы обязаны установить, что это наименование будет повторено огромным количеством людей». Как писал далее Яблоновский, «целый ряд лет вместо лица человеческого, лика, созданного по образу и подобию Божию, мы видели маску со ртом, растянутым до ушей, с набеленным лицом, с ярко размалеванным румянцем, с яркими вихрами, выбивающимися из-под колпака», но затем, с началом мировой войны, отношение общества к Пуришкевичу стало меняться. И вот массы уже «рукоплещут ему, потому что говорит он о спасении родины, которую все мы так жаждем видеть спасенной». И теперь, «в дни, когда Россию истязают Ленин и Троцкий, она, злополучная, ищет спасения у Пуришкевича. Пуришкевич в образе народного героя – в глазах многих честных и порядочных людей; Пуришкевич, уходящий из жизни в качестве славнейшего патриота, – может быть, это самое яркое доказательство трагизма переживаемых нами дней». Поэтому, заключал Яблоновский, «судьба улыбнулась» Пуришкевичу и «позволила ему умереть не в размалеванной маске, а с человеческим серьезным лицом гражданина» (Яблоновский 1920: 2–3).

Либеральная одесская газета «Современное слово» высказалась о почившем правом политике более критично: «В другое время, при обстоятельствах более спокойных, можно было бы посвятить немало строк некрологу этой колоритной личности, сверкавшей всеми цветами реакционной радуги. Сейчас вряд ли уместно уделять внимание

отдельной личности, хотя бы и сыгравшей некоторую роль в старой России. <...> По иронии судьбы Пуришкевич дал первый толчок той самой революции, жесточайшим врагом и ненавистником которой он являлся до последней минуты своей жизни. Он первый поразил царизм, к бессмысленному воскрешению которого позже прилагал все свои тщетные усилия. Таковы grimасы истории...» (Современное слово 1920: 2).

Информация о смерти В.М. Пуришкевича разошлась по стране далеко не сразу. Например, в Киеве о ней узнали только в мае 1920 г., причем новость пришла из Крыма, а местом смерти ошибочно был указан Екатеринодар (Киевский день 1920: 2). Фигура Пуришкевича была настолько яркой, что многие не могли поверить в его смерть. А огромная популярность, сопутствовавшая правому политику как до революции, так и после нее, привела к тому, что в начале 1920-х гг. объявились самозванцы, пытавшиеся заработать на этом громком имени. Берлинский «Наш мир» сообщал, что весной 1924 г. «в Америке какой-то авантюрист под именем давно умершего Пуришкевича читает лекции об убийстве Распутина. Бразильские и мексиканские газеты печатают портрет «Пуришкевича» и его жены и посвящают ему огромные статьи» (Наш мир 1924: 8). В дополнение к заметке «Наш мир» приводил фотографию, изображающую лже-Пуришкевича во время его пребывания в Нью-Йорке. И уже только этот факт как нельзя лучше показывает ту огромную популярность В.М. Пуришкевича, даже после своей смерти продолжавшего вызывать широкий общественный интерес.

ЛИТЕРАТУРА

BE.ULB 1-Université Libre de Bruxelles. Fonds extérieurs à l'ULB. Puriskevic, Vladimir, 1907–1920 [papier] (далее – BE.ULB). BE.ULB A&B-ARCH. 002Z. 105.

BE.ULB 2 - BE.ULB A&B-ARCH. 002Z. 113.

BE.ULB 3 - BE.ULB A&B-ARCH. 002Z. 127, 128, 129.

Бехтеев 2002 - Венок на могилу В.М. Пуришкевича // Бехтеев С.С. Грядущее. Стихотворения. СПб.: Издание Успенского подворья Оптиной Пустыни, 2002.

Ветлугин 2000 - *Ветлугин А.* Записки мерзавца. М.: Лаком, 2000.

Вечернее время 1920 - Гибель Пуришкевича, гр. Гендрикова и др. // Вечернее время (Новороссийск). 1920. 3 марта. № 482.

Волков 2002 - *Волков С.В.* Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002.

ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 174.

- Голицын 2008 - *Голицын А.Д.* Воспоминания. М.: Русский путь, 2008.
- Долгорукий 2007 - *Долгорукий П.Д.* Великая разруха. Воспоминания основателя партии кадетов. 1916–1926. М.: Центрполиграф, 2007.
- Евлогий 1994 - *Путь моей жизни.* Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий; Издательский отдел Всецерковного православного молодежного движения, 1994.
- Киевский день 1920 - *Смерть В.М. Пуришкевича // Киевский день (Киев).* 1920. 18 мая. № 3.
- Левитский 1920 - *Вал. Л. [Левитский В.М.] Мой блокнот // Великая Россия.* 1920. 15 (28) января. № 381.
- Литвинов 1930 - *Литвинов А.* С лейб-драгунами в гражданской войне // *Лейб-драгуны дома и на войне.* Париж: Imprimerie «Pascal», 1930. Вып. 3.
- Маклаков 2005 - *Маклаков В.А.* В издательство «Я.Е. Поволоцкий и К°» / Вместо предисловия // *Последние дни Распутина.* М.: Захаров, 2005.
- Наживин 1921 - *Наживин И.Ф.* Записки о революции. Вена: Русь, 1921.
- Наживин 1995 - *Наживин И.* Распутин: роман. Книга вторая. М.: Армада, 1995.
- Наш мир 1924 - *Наш мир (Берлин).* 1924. 22 июня. № 14.
- Похороны 1920 - *Похороны В.М. Пуришкевича // Черноморские губернские ведомости.* 1920. 17 (30) января. № 139.
- Пуришкевич 1922 - *Пуришкевич Л.[В.]* Открытое письмо Атаману Краснову // *Новое время (Белград).* 1922. 8 марта. № 260.
- РГАЛИ - Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1175. Оп. 2. Д. 57.
- Римский 1920 - *Римский Г.* Грозная опасность // *Черноморские губернские ведомости (Новороссийск).* 1920. 23 января (5 февраля). № 144.
- Русское время 1920 - *Похороны В.М. Пуришкевича // Русское время (Новороссийск).* 1920. 14 января. № 10.
- Савелов 2015 - *Савелов Л.М.* Воспоминания. М.: Старая Басманная, 2015.
- Симанович 1991 - *Симанович А.* Распутин и евреи. М.: Внешторгиздат, 1991.
- Симанович 2005 - *Симанович А.* Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М.: Яуза, 2005.
- Современное слово 1920 - *В.М. Пуришкевич // Современное слово (Одесса).* 1920. 24 января (6 февраля). № 19 (83).
- Соколов 1921 - *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина (Из воспоминаний). София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921.
- Стогов 2012 - *Стогов Д.И.* Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. М.: Институт русской цивилизации; Алгоритм, 2012.
- Суворин 1920 - *Суворин Б.* Памяти великого патриота // *Вечернее время.* 1920. 13 января. № 447.

ЧГВ 1920 - Черноморские губернские ведомости. 1920. 9 (22) января. № 132.

Чебышев 1920 - *Н.Ч. [Чебышев Н.Н.] Пуришкевич // Великая Россия (Новороссийск)*. 1920. 14 (27) января. № 380.

Шевырин 2007 - *Шевырин В.* Евгений Николаевич Трубецкой: «Государство должно быть не опекуном, а миротворцем» // *Российский либерализм: идеи и люди*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Новое изд-во, 2007.

Шило 2011 - *Шило С.* Евгений Николаевич Трубецкой. Последние дни жизни. 2011. 27 августа. URL: <http://www.myeekaterinodar.ru/ekaterinodar/articles/ekaterinodar-evgeniiy-nikolaevich-trubecskoiy-poslednie-dni-zhizni> (дата обращения: 28.09.2016).

Шумлевич 1920 - *Шумлевич К.* На смерть Пуришкевича // *Вечернее время*. 1920. 13 января. № 447.

Ю.Р. 1922 - *Ю.Р. В.М. Пуришкевич // Новое время*. 1922. 29 января. № 229.

Яблоновский 1920 - *Яблоновский С. [Потресов С.В.]* Лики Пуришкевича // *Русское время*. 1920. 14 января. № 10.

REFERENCES

Université Libre de Bruxelles. (n.d.) *Fonds extérieurs à l'ULB. Purishevich, Vladimir, 1907–1920* [Funds outside the ULB. Purishkevich, Vladimir, 1907–1920]. BE.ULB A&B-ARCH. 002Z. 105.

Université Libre de Bruxelles. (n.d.) *BE.ULB A&B-ARCH*. 002Z. 113.

Université Libre de Bruxelles. (n.d.) *BE.ULB A&B-ARCH*. 002Z. 127, 128, 129.

Bekhteev, S.S. (2002) *Gryadushchee. Stikhotvoreniya*. [The Future. Poems]. St. Petersburg: Uspenskoe podvor'e Optinoy Pustyni.

Vetlugin, A. (2000) *Zapiski merzavtsa* [Notes of a scoundrel]. Moscow: Lakom. *Vechnee vremya (Novorossiysk)*. (1920) Gibel' Purishkevicha, gr. Gendrikova i dr. [The Death of Purishkevich, Count Hendrikov and others]. 3rd March. 482.

Volkov, S.V. (2002) *Ofitsery rossiyskoy gvardii. Opyt martirologa* [The officers of the Russian Guard. An experience of a martyrology]. Moscow: Russkiy put'.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5974. List 1. File 174.

Golitsyn, A.D. (2008) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Russkiy put'.

Dolgorukiy, P.D. (2007) *Velikaya razrukha. Vospominaniya osnovatelya partii kadetov. 1916–1926* [A great devastation. Memories of the founder of the Cadets. 1916–1926]. Moscow: Tsentrpoligraf.

Eulogius of Paris. (1994) *Put' moey zhizni. Vospominaniya Mitropolita Evlogiya (Georgievskogo), izlozhennye po ego rasskazam T. Manukhinoy* [The path of my life. Memoirs of Metropolitan Eulogius (Georgievsky)]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.

Kievskiy den'. (1920) Smert' V.M. Purishkevicha [The death of V.M. Purishkevich]. 18th May. 3.

- Levitskiy, V.M. (1920) *Moy bloknot* [My notebook]. *Velikaya Rossiya*. 15th (28th) January. 381.
- Litvinov, A. (1930) *S leyb-dragunami v Grazhdanskoy voyne* [With Dragoon Guards in the Civil War]. In: Romanovich, A. et al. *Leyb-draguny doma i na voyne* [The Dragoon Guard at Home and at War]. Issue 3. Paris: Imprimerie "Pascal".
- Maklakov, V.A. (2005) *V izdatel'stvo "Ya.E. Povolotskiy i K"* [To the Publishing House "Ya.E. Povolotskiy i K"]. In: Purishkevich, V. & Yusupov, F. *Poslednie dni Rasputina* [The last days of Rasputin]. Moscow: Zakharov.
- Nazhivin, I.F. (1921) *Zapiski o revolyutsii* [Notes on the Revolution]. Vienna: Rus'.
- Nazhivin, I. (1995) *Rasputin* [Rasputin]. Book 2. Moscow: Armada.
- Nash mir*. (1924) 22nd June. 14.
- Chernomorskie gubernskie vedomosti*. (1920) Pokhorony Purishkevicha [V.M. Purishkevich's funeral]. 17th (30th) January. 139.
- Purishkevich, L.[V.]. (1922) *Otkrytoe pis'mo Atamanu Krasnovu* [An open letter to Ataman Krasnov]. *Novoe vremya (Belgrad)*. 9th March. 260.
- The Russian State Archives of Literature and Art (RGALI). (n.d.) Fund 1175. List 2. File 57.
- Rimskiy, G. (1920) *Groznaya opasnost'* [Threatening danger]. *Chernomorskie gubernskie vedomosti*. 23rd January. 144.
- Russkoe vremya (Novorossiysk)*. (1920) Pokhorony V.M. Purishkevicha [V.M. Purishkevich's funeral]. 14th January. 10.
- Savelov, L.M. (2015) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Staraya Basmannaya.
- Simanovich, A. (1991) *Rasputin i evrei* [Rasputin and the Jews]. Moscow: Vneshtorgizdat.
- Simanovich, A. (2005) *Rasputin i evrei. Vospominaniya lichnogo sekretarya Grigoriya Rasputina* [Rasputin and the Jews. Memories of G. Rasputin's Personal Secretary]. Moscow: Yauza.
- Sovremennoe slovo (Odessa)*. (1920) V.M. Purishkevich. 24th January. 19(83).
- Sokolov, K.N. (1921) *Pravlenie generala Denikina (Iz vospominaniy)* [Under General Denikin. From the memories]. Sofia: Rossiysko-bolgarskoe knigoizdatel'stvo.
- Stogov, D.I. (2012) *Chernosotensy: zhizn' i smert' za velikuyu Rossiyu* [The Black Hundreds: Life and death for the Great Russia]. Moscow: Algoritm.
- Suvorin, B. (1920) *Pamyati velikogo patriota* [In memory of a great patriot]. *Vechnoe vremya*. 13th January. 447.
- Chernomorskie gubernskie vedomosti*. (1920) 9th(22nd) January. 132.
- N.Ch. [Chebyshev N.N.]. (1920) Purishkevich [Purishkevich]. *Velikaya Rossiya (Novorossiysk)*. 14th(27th) January. 380.
- Shevyrin, V. (2007) Evgeniy Nikolaevich Trubetskoy: "Gosudarstvo dolzhno byt' ne opekunom, a mirotvortsem" [E.N. Troubetskoy: "The state should be a peacemaker rather than a guardian"]. In: Kara-Murza, A.A. (ed.) *Rossiys-*

kiy liberalism: idei i lyudi [Russian Liberalism: Ideas and People]. Moscow: Novoe izd-vo.

Shilo, S. (2011) *Evgeniy Nikolaevich Trubetskoy. Poslednie dni zhizni* [E.N. Troubetskoy. The last days of life]. [Online] Available from: <http://www.myekaterinodar.ru/ekaterinodar/articles/ekaterinodar-evgeniyy-nikolaevich-trubetskoiy-poslednie-dni-zhizni> (Accessed: 28th September 2016).

Shumlevich, K. (1920) Na smert' Purishkevicha [To the death of Purishkevich]. *Vechnoe vremya*. 13th January. 447.

Yu.R. (1922) V.M. Purishkevich [V.M. Purishkevich]. *Novoe vremya*. 29th January. 229.

Yablonovskiy, S. [Potresov, S.V.]. (1920) Liki Purishkevicha [The faces of Purishkevich]. *Russkoe vremya*. 14th January. 10.

Иванов Андрей Александрович – доктор исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Ivanov Andrei - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: andriv78@yandex.ru

Чемакин Антон Александрович – Санкт-Петербург (Россия).

Chemakin Anton - Saint Petersburg (Russia).

E-mail: chemakinanton@rambler.ru

УДК 94(437.6)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/16

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РУСИНОВ В СЛОВАКИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (20–30-е гг. XX в.)*

Б. Шпроха¹, П. Тышляр², М. Шмигель³

¹ИНФОСТАТ – Исследовательский демографический центр,
Центр социальных и психологических наук Словацкой академии наук
Словакия, 81104, г. Братислава, ул. Лешкова, 16
Словакия, 81105, г. Братислава, ул. Шанцова, 56

E-mail: sprocha@infostat.sk

²Университет Коменского

Словакия, 81102, г. Братислава, ул. Гондова, 2

E-mail: pavol.tisliar@uniba.sk

³Университет Матея Бела

Словакия, 94701, г. Банска-Быстрица, ул. Таёвского, 40

E-mail: michal.smigel@umb.sk

Авторское резюме

Словакия до Второй мировой войны представляла собой этнически неоднородное пространство. Его составной частью несколько столетий была довольно большая этническая группа русинов. Речь идет не об автохтонном населении, а о миграционном этническом элементе, который переселился в область Восточной и Северо-Восточной Словакии главным образом во время так называемой валашской колонизации. В основном различные социально-экономические условия в сочетании с конкретными культурными и отчасти религиозными традициями нашли свое отражение во многих аспектах, не исключая репродуктивного поведения. Именно демографическая репродукция в период между двумя мировыми войнами претерпевала в Словакии исторически уникальные изменения в рамках демографического перехода. Некоторые показатели указывают на то, что культурный ареал русинов представлял собой территорию, где эти революционные изменения про-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта APVV-0199-12 «Исторический атлас населения Словакии (XVIII – 1-я пол. XX в.)»..

исходили со значительной задержкой. Цель статьи – на основе доступных данных охарактеризовать русинское население в Словакии в межвоенный период и проанализировать характер репродуктивного поведения представителей русинской национальности.

Ключевые слова: русины, Словакия, межвоенный период, демографическая репродукция, демографические процессы, структура населения, демографический переход.

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUTHENIANS (RUSYNS) IN SLOVAKIA IN THE INTERWAR YEARS (1920–1930)*

B. Šprocha¹, P. Tišliar², M. Šmigel³

¹INFOSTAT – Demographic Research Centre
16 Leškova Street, Bratislava, 81104, Slovakia
E-mail: sprocha@infostat.sk

²Comenius University
2 Gondova Street, Bratislava, 81102, Slovakia
E-mail: pavol.tisliar@uniba.sk

³Matej Bel University
40 Tajovskeho Street, Banska Bystrica, 94701, Slovakia
E-mail: michal.smigel@umb.sk

Abstract

Before the Second World War Slovakia was ethnically heterogeneous. For several centuries it included a relatively numerous ethnic group of Ruthenians (Rusyns) as its integral part. However, it was not an autochthonous, but a migration population, which came to Eastern and North-Eastern Slovakia mainly during the so-called Wallachian colonisation. Different social and economic conditions together with certain cultural and partly religious traditions affected many aspects, including reproduction behavior patterns. It was demographic reproduction in Slovakia between two world wars that underwent historically unique changes within demographic transition in Slovakia. There are some indications that these revolutionary changes started with a big delay in the cultural milieu of Ruthenians. The paper aims at describing the Ruthenian population

* The paper was supported by Grant APVV-0199-12 “Historical Atlas of the Slovak population (the 18th – first half of the 20th centuries)”.

in Slovakia in the interwar years on the basis of available information and analysing the character of Ruthenian reproduction behavior.

Keywords: Ruthenians, Rusyns, Rusins, Slovakia, interwar years, demographic reproduction, demographic processes, population structure, demographic transition.

Этнический состав населения Словакии после Первой мировой войны сформировался в результате длительного исторического развития и расселения (Tišliar 2015b: 51). Его важной составной частью, особенно на востоке и северо-востоке страны, была этническая группа русинов. Древняя история русинов в Словакии расплывчата (Botík 2007: 113) и во многих случаях не выходит за рамки научных гипотез. Древнейшими следами присутствия русинов в Словакии считаются названия нескольких деревень XI и XII вв. С последующим русинским переселением, однако, не удалось доказать какую-либо связь.

Таким образом, начало непрерывного переселения русинов в Словакию можно рассматривать только в связи с волной валашской колонизации, которая проходила примерно с 30-х гг. XIV в. и достигла кульминации в XV–XVI вв. Первоначально превосходство было за переселенцами из Валахии, но вскоре оно перешло к русинскому населению из-за Восточных Карпат. В течение XIV–XVII вв. в Северо-Восточной Словакии – вдоль современной границы с Польшей и Украиной – образовалась целая область с относительно компактными русинскими поселениями (Varsík 1984: 152; Marek 2006: 232; Botík 2007: 113). С некоторыми незначительными изменениями она просуществовала до создания независимой Чехословакии в 1918 г. (Orosová 2013: 20; Ulašínová 2014: 50).

При рассмотрении демографического развития в межвоенный период русинского населения, проживавшего на территории современной Словакии, важно отметить значительные изменения в репродуктивном поведении населения, которые начали ярко проявляться в конце XIX – начале XX в. Они характеризовались общим снижением рождаемости, которая зависела от изменения демографического климата, а также от снижения смертности населения Словакии в результате улучшения питания и доступности медицинской помощи. Это был не изолированный процесс (Vereš 1983, 1986; Šprocha, Tišliar 2008 a, b, 2014 a). Изменения демографического режима (известен и как демографический переход) в Западной и Северной Европе происходили с конца XVIII – начала XIX в. и постепенно стали проявляться в Центральной и Восточной Европе. Эти изменения не проявлялись у всего населения Словакии одновременно. Снижение рождаемости в Словакии имело значительную региональную, социально-экономическую, общественную и этническую обусловленность. Большинство

авторов указывают при этом на важное влияние именно этнического фактора и религиозности населения (Livi-Bacci 1986; Derosas, Poppel 2006; Vobecká 2013; Šprocha, Tišliar 2014 b; Hubert 2015).

Цель авторов статьи - характеристика населения русинской национальности, жившего в Словакии в межвоенный период, с помощью данных переписей 1919, 1921 и 1930-х гг. в контексте демографического развития этого государства. Основной задачей исследования является характеристика репродуктивного поведения русинского населения Словакии и демографических процессов.

Количество русинов и их пространственное размещение в Словакии

Оценка развития количественных показателей и процентного соотношения русинского населения в Словакии очень сложна ввиду терминологической неоднозначности при определении понятия *русин*. Основная проблема была связана с частым отождествлением русинов и русских еще в XIX в. (в венгерском языке эта национальность определялась и как *Ruthén*, и как *Orosz*). Это также происходило и в межвоенный период, что в определенной степени могло повлиять на полученные результаты. Речь шла в значительной степени о населении, которое в первой послевоенной переписи 1919 г. указывало свою национальность как русинскую (Tišliar 2007: 76). Изменение количественных показателей и процентного соотношения русинов на территории Словакии в 1880–1930 гг. представлено в табл. 1.

Таблица 1

Количество русинов в Словакии в 1880–1930 гг.
по данным переписей населения

Год	Население Словакии, чел.	Количество русинов*	Процент русинов
1880	2 455 928	78 941	3,2
1890	2 587 485	87 787	3,4
1900	2 792 569	84 906	3,0
1910	2 926 833	97 014	3,3
1921	2 955 998	85 628	2,9
1919	2 923 214	81 332	2,8
1930	3 254 189	91 079	2,8

* Данные за 1880–1919 гг. – проживавшее в то время население, за 1921–1940 гг. – только чехословацкие (словацкие) граждане; в 1921 и 1930 гг. – великорусская, украинская и карпаторусская (русинская) национальности вместе.

Население русинской национальности проживало, по результатам межвоенной переписи, в основном в восточных и северо-восточных районах Словакии, особенно на границе с Польшей и Украиной. С региональной точки зрения, речь шла главным образом о районах Медзилаборце, Снина, Свидник и Верхний Стропков, где представителей этой национальности было более 50 %. Кроме Северо-Восточной Словакии, большое количество русинов проживало также в Северном Спише и Шарише (рис. 1). Это были регионы с низкой концентрацией населения, где люди жили в небольших сельских населенных пунктах и были заняты в основном в сельском хозяйстве. Для этой области уже в последней трети XIX в. стало характерным сильное аграрное перенаселение, что привело к эмиграции в поисках работы (Kmet 2014: 71; Tišliar 2014: 56–57).

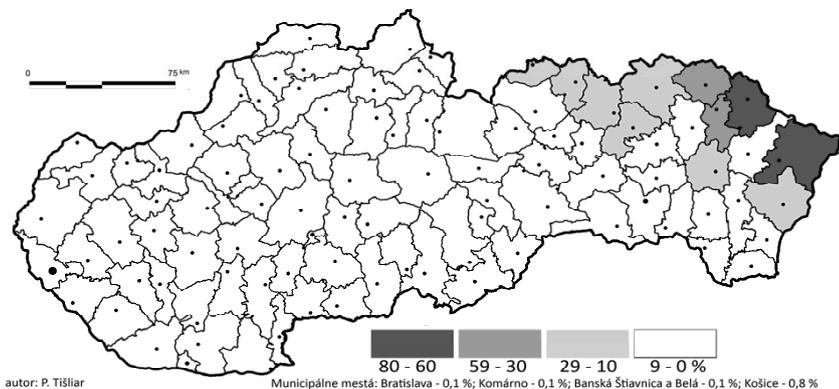

Рис. 1. Соотношение русинов в районах Словакии в 1921 г.

Демографические процессы среди русинского населения в Словакии в межвоенный период

Брачность. Супружеская жизнь играла очень важную роль в репродуктивности всего населения Словакии в межвоенный период, так как общество считало именно брак законным способом для реализации репродуктивных намерений. Практика ранних браков способствовала тому, что женщина имела наибольшие шансы забеременеть, поскольку внебрачных детей в Словакии традиционно рождалось очень мало. С точки зрения общей репродуктивности, важным было и соотношение длительно одиноких женщин, которые в основном оставались бездетными. Словакия принадлежала, согласно Гайналовой классификации (Hajnal 1953, 1965, 1982), к народам с так называемым неевропейским поведением в браке. Типичными

для него были ранний возраст вступления в первый брак и высокое соотношение мужчин и особенно женщин, которые вступили в брак (Livi-Bacci 1999: 102–103; Rothenbacher 2012: 83). В период послевоенного значительного роста количества бракосочетаний, по данным переписи населения 1921 г. (Šprocha, Tišliar 2008a: 17), насчитывалось менее 5 % длительно одиноких мужчин и женщин в конце репродуктивного возраста (45–49 лет). На раннее начало супружеской жизни косвенно указывает процент одиноких мужчин в возрасте 25–29 лет, из которых почти 60 % по меньшей мере один раз вступали в брак, а также женщин в возрасте 20–24 лет, среди которых более половины на момент проведения переписи были в браке по крайней мере однажды.

На ранний брак, особенно среди женщин, указывает среднее количество лет, которые человек прожил до конца репродуктивного возраста (50 лет) в качестве свободного (т. е. SMAM – *Singulate Mean Age at Marriage*). В Словакии в межвоенный период среди мужчин оно было на уровне почти 27 лет, а у женщин достигало 23,5–24 лет. Однако у русинов в Словакии возраст бракосочетания был наиболее низким среди всех этнических групп. Среднее количество лет, которые человек русинской национальности проживал до конца репродуктивного возраста в качестве свободного, у мужчин составляло 24,6–25,6, а у женщин – только 21,2–22,2 года (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение одиноких людей в отдельных возрастных группах и количество лет, которые проживает одинокая особа до 50 лет (SMAM), согласно национальному распределению в Словакии (переписи населения 1921 и 1930 гг.)

Год	Возраст и SMAM	Национальность					Словакия в целом
		русинская	чехословацкая	венгерская	немецкая	еврейская	
<i>Мужчины</i>							
1921	25–29	23,5	37,8	38	46,7	67,7	39,0
	45–49	2,0	3,8	5,7	8,9	5,3	4,6
	SMAM	24,6	26,6	26,2	28,1	30,4	26,9
1930	25–29	24,6	33,4	36,5	48,2	67,3	35,3
	45–49	6,6	5,0	5,5	8,0	7,2	5,4
	SMAM	25,6	26,4	26,4	28,1	30,1	26,8
<i>Женщины</i>							
1921	20–24	38,0	50,0	48,8	66,0	76,9	47,1
	45–49	3,7	6,1	5,8	11,1	5,7	4,8
	SMAM	21,2	23,3	23,1	24,6	26,4	23,5
1930	20–24	26,5	46,1	46,1	59,3	75,5	50,9
	45–49	3,4	4,4	4,8	8,5	4,3	6,3
	SMAM	22,2	23,6	23,4	25,2	26,9	24,0

Примечание. Подсчитано и составлено авторами.

Смертность. Словакию в межвоенный период характеризовал очень неблагоприятный показатель смертности по сравнению с населением Северной и Западной Европы. Это подтверждается в первую очередь средней продолжительностью жизни, которая у обоих полов была меньше, чем в демографически развитой Европе, на 12–14 лет. В начале 1930-х гг. в Словакии новорожденные мальчики должны были прожить только 50 лет, а девочки – около 52,4 года. Различия в интенсивности показателя смертности существовали также и внутри Словакии. Области с более высоким представительством русинов были при этом среди регионов с худшими показателями смертности (Šprocha, Tišliar 2008b: 26). Мужчины, идентифицировавшие себя как русины, отставали от общесловацкого показателя приблизительно на два года, а женщины – на три (табл. 3). Одной из главных причин такой ситуации была высокая смертность русинских детей в возрасте до одного года. Из 1 тыс. детей, рожденных от женщин русинской национальности в начале 1930-х гг., до первого года жизни не дожили около 190, в то время как в среднем по всей Словакии в этот период – 160 детей. Для иллюстрации очень неблагоприятной ситуации стоит добавить, что в ряде стран Северной (Швеция, Норвегия) и Западной (Швейцария, Нидерланды) Европы детская смертность в начале 1930-х гг. была уже на уровне 50 ‰; таким образом, ситуация там была значительно благоприятнее (по сравнению с детской смертностью у русинов).

Таблица 3

Характеристики смертности мужчин и женщин в начале 30-х гг. XX в. в Словакии (по национальности)

Показатель	Национальность					Словакия
	русинская	чехословацкая	венгерская	немецкая	еврейская	
Средняя продолжительность жизни мужчин при рождении, лет	48,1	49,3	49,1	50,0	58,3	50,0
Средняя продолжительность жизни женщин при рождении, лет	49,3	52,1	50,8	52,6	61,4	52,4
Младенческая смертность, ‰	190	167	169	144	96	162

Примечание. Подсчитано и составлено авторами.

Рождаемость и фертильность. Население Словакии после Первой мировой войны принадлежало в общеевропейском контексте к наро-

дам с самым высоким уровнем рождаемости (Šprocha, Tišliar 2008a: 39; 2015: 651). Некоторые данные, однако, показали, что в течение примерно двух десятилетий произошла трансформация этого процесса, что привело не только к снижению рождаемости, но и к изменению ее общего характера (Vereš 1983; Fialová 1990, 1991; Šídlo, Šprocha 2015; Tišliar 2015a). Русины в межвоенной Словакии имели самые высокие показатели рождаемости среди всех этнических групп. Это подтверждают так называемые индексы Коула (табл. 4) (Coale 1973: 53–72). У русинов значение суммарного коэффициента рождаемости приближалось к уровню 5 новорожденных, в то время как в среднем по всей Словакии оно составляло около 3,7.

Таблица 4

**Индексы Коула* для отдельных национальностей в Словакии
в начале 30-х гг. XX в.**

Индекс Коула	Национальность					Словакия
	русин- ская	чехосло- вацкая	немец- кая	венгер- ская	еврей- ская	
Индекс рождаемо- сти в браке	0,53	0,46	0,38	0,42	0,28	0,45
Индекс общей ро- ждаемости	0,39	0,30	0,22	0,28	0,15	0,29
Индекс внебрачной рождаемости	0,08	0,06	0,04	0,06	0,02	0,06
Индекс количества замужних женщин	0,69	0,61	0,53	0,61	0,48	0,60

* Индексы Коула основаны на косвенной стандартизации, когда за стандарт чаще всего принимают коэффициенты рождаемости гуттеритов, религиозной общины из Северной Дакоты, которая решительно выступает против какого-либо ограничения рождаемости. Полученные показатели, если они опускаются при брачной рождаемости ниже 0,50, указывают на осознанную регуляцию рождаемости населения.

Более высокий уровень рождаемости у русинских женщин также нашел свое отражение в среднем количестве новорожденных. У замужней женщины русинской национальности по окончании ее репродуктивного возраста (45–59 лет) он составлял около 6 детей, в то время как в среднем по стране было на одного ребенка меньше. Как показано на рис. 2, различия в уровне рождаемости, высоком у русинок по сравнению с женщинами других национальностей, появлялись уже в молодом возрасте. Низким было и количество бездетных русинок, которые в возрасте 20–24 года составляли лишь около

25 % женщин, в то время как, например, у женщин чешской национальности оно было по-прежнему почти на уровне 40 %, а у женщин еврейской национальности – около 50 %. Именно здесь проявлялось следствие более раннего вступления русинок в брак.

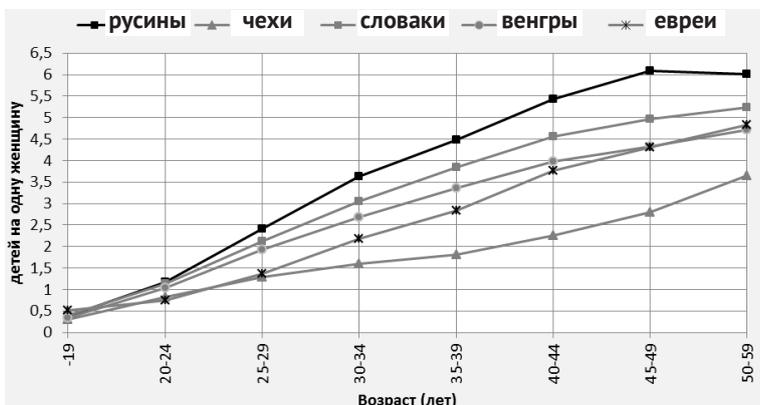

Рис. 2. Среднее количество детей на одну женщину согласно национальности в Словакии по данным переписи населения 1930 г.

Возрастная структура населения. Высокая рождаемость при постепенном снижении показателей смертности четко проявилась в возрастной структуре населения.

Словакия в межвоенный период принадлежала к европейским народам с молодой возрастной структурой. Это подтверждается множеством данных, полученных в ходе переписей населения. Позднее осознанное ограничение рождаемости в сочетании с высокой смертностью способствовали тому, что доля детей, несмотря на неблагоприятные события Первой мировой войны, составляла почти треть. Количество лиц старше 60 лет не достигало и одной десятой. Средний возраст населения Словакии в межвоенный период составлял 28–29 лет (Šprocha, Tišliar 2012: 63).

Русинская этническая группа принадлежала к самым молодым этносам Словакии. Количество детей до 15 лет, согласно обеим межвоенным переписям, превышало 35 %, в то время как доля людей в возрасте 60 лет и старше составляла всего 8–9 %. В период между переписями 1921 и 1930 гг. даже наблюдалось небольшое увеличение доли лиц детского возраста, что нашло отражение в снижении числа среднего возраста. Средний возраст русинов в Словакии в начале 20-х гг. составлял 26,5 года, а в начале 30-х – 25,4 года. В то же время средний возраст жителей Словакии за аналогичный период незначительно увеличился – с 27,9 до 28,1 года (табл. 5).

Таблица 5

Отдельные характеристики возрастной структуры этнических групп Словакии
(переписи 1921 и 1930 гг.)

Показатель	Национальность					Словакия
	русинская	чехословацкая	венгерская	немецкая	еврейская	
1921						
Количество людей в возрасте от 0–14 лет, %	35,4	33,2	32,1	28,3	29,6	32,7
Количество людей в возрасте 15–59 лет, %	56,5	58,3	58,4	62,2	60,4	59,5
Количество людей в возрасте 60 лет и старше, %	8,1	8,5	9,5	9,5	10,0	8,7
Средний возраст, лет	26,5	27,6	28,7	29,2	29,4	27,9
Индекс старения (на 100 чел.)	22,8	25,4	29,5	33,4	33,8	26,7
1930						
Количество людей в возрасте 0–14 лет, %	38,5	33,0	28,6	25,0	24,9	31,9
Количество людей в возрасте 15–59 лет, %	52,7	58,0	60,6	65,0	64,1	59,5
Количество людей в возрасте 60 лет и старше, %	8,8	9,0	10,8	10,0	10,9	9,4
Средний возраст, лет	25,4	27,5	29,9	30,1	30,9	28,1
Индекс старения (на 100 чел.)	22,9	27,2	37,6	39,9	43,9	29,5

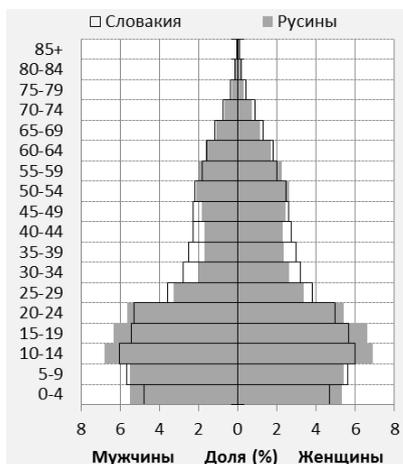

Рис. 3. Возрастная структура людей русинской национальности и население Словакии в 1921 г.

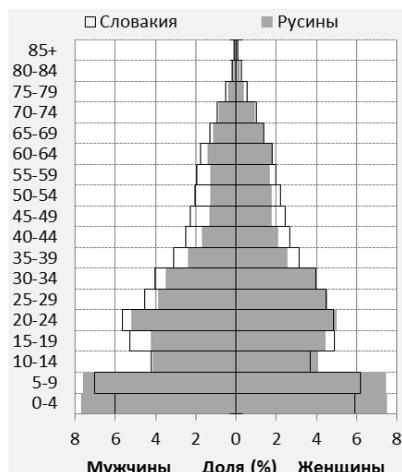

Рис. 4. Возрастная структура людей русинской национальности и население Словакии в 1930 г.

Детальнее можно увидеть индивидуальные различия в возрастной структуре населения русинской национальности и всего населения Словакии с помощью следующих двух возрастных пирамид (рис. 3, 4). В них явно видны больший процент детей (более широкая основа) и меньшее количество лиц репродуктивного, продуктивного и пострепродуктивного возраста. Что касается людей продуктивного возраста, то дело не только в последствиях высоких коэффициентов смертности, которые мы отметили у русинов. Это в значительной степени является результатом более частой миграции (следовательно, русинов тоже) из Восточной и Северо-Восточной Словакии на работу за границу.

Русины в Словакии после Второй мировой войны

Послевоенные годы характеризовались резким сокращением населения Словакии, которое ранее определялось как русины. Это стало четко видно уже в ходе переписи 1950 г. Несмотря на то что в первые послевоенные годы насчитывалось от 100 до 120 тыс. русинов, результаты переписи очень удивили – принадлежность к русинской национальности указали тольк 48 231 чел. По сравнению с 1930 г. уменьшение составило почти 50 % (табл. 6). Это привело к пересмотру данных об этнической принадлежности в листах переписи в общей сложности в 295 селах 7 районов Северо-Восточной Словакии. «Ревизия» тем не менее только подтвердила, что численность русинов в этих селах снизилась на 45,1 %, а количество словаков возросло на 65,6 % (Konečný 2010: 77).

Количество русинов в Словакии в 1930–2011 гг.
по данным переписей населения

Год	Население Словакии	Количество*, чел.		Процент русинов и украинцев вместе
		русинов	украинцев	
1930	3 254 189	91 079		2,8
1950	3 442 317	48 231		1,4
1961	4 174 046	35 435		0,85
1970	4 537 290	42 238		0,93
1980	4 991 168	39 260		0,78
1991	5 274 335	17 197	13 281	0,58
2001	5 379 455	24 201	10 814	0,65
2011	5 397 036	33 482	7 430	0,76

* В 1930 г. – великорусская, украинская и карпаторусская (русинская) национальности. В период с 1950 по 1980 г. – украинская и русинская национальности вместе. В период с 1991 по 2011 г. – русинская и украинская национальности отдельно.

Несомненно, что на значительное сокращение количества русинов в 1950 г. повлияло несколько причин: прежде всего всеобщая послевоенная истерия по поводу меньшинств, политика чехословацкого правительства, направленная против них, и усилия по созданию этнически однородного государства чехов и словаков (Syrný 2010: 188), а также сложные (критические) послевоенные социально-экономические условия на северо-востоке Словакии, запугивание переселением в Советский Союз всех словацких русинов (как это произошло на юго-востоке соседней Польши) и др. Но, по-видимому, решающую роль снова сыграли миграционные процессы.

В 1945–1950 гг. на чешское пограничье (полупустое после изгнания немцев) переселились около 20 тыс. русинов (Konečný 2010: 77). В рамках чехословацко-советского обмена населением (в связи с передачей Подкарпатской Руси и переселением (репатриацией) на чешские земли так называемых волынских чехов) в пользу СССР в 1947 г. было переселено на территорию Западной Украины, на Волинь, 12 тыс. русинов с северо-востока Словакии (в целом из ЧСР – 12,4 тыс. чел.) (Šmigel', Kruško 2011: 156). С 1945 г. часть русинов покидала свой регион проживания в процессе внутренней колонизации южных районов Словакии (на свободные от выселенных венгров земли). А с 1948 г. многие представители меньшинства (особенно молодое поколение) мигрировали в рамках организованного набора рабочей силы, что лишь ускорило их ассимиляцию (Šprocha et al. 2014: 39).

На снижение численности русинского населения оказал влияние процесс их так называемой украинизации (украинизации образова-

ния, общественных организаций и культурных учреждений; попытки уничтожения греко-католической церкви и установление православия) в конце 40-х и в 50-е гг. Этот процесс не восприняло большинство русинов, поэтому они охотнее записывались словаками. Часть меньшинства во второй половине XX в. начала идентифицировать себя с украинцами. Такая ситуация сохраняется и по сей день, хотя в течение последних двух десятилетий (1991–2011) численность украинцев в Словакии сокращается, а русинов, несмотря на прогрессирующую ассимиляцию и непрерывную экономическую миграцию, увеличивается (см. табл. 6).

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Русинское население в Словакии представляло собой в межвоенный период специфическую этническую группу, концентрировавшуюся в основном в слабо развитом пограничном регионе Восточной и Северо-Восточной Словакии. С точки зрения локальной структуры расселения, русинское население проживало в основном в небольших поселениях, зависевших главным образом от сырьевого сектора. Высокое аграрное перенаселение сельской местности привело в конце XIX – первого десятилетия XX в. к массовой миграции.

С точки зрения репродуктивного поведения, русинское население характеризовалось неблагоприятными показателями смертности и, следовательно, более короткой продолжительностью жизни обоих полов. Оказалось, что очень важную роль в этом отставании сыграли высокие показатели детской, а также младенческой смертности. Существенным фактором репродуктивности являлась брачность, поскольку количество внебрачных детей в тот период было низким. С точки зрения брачного поведения, в то время у русинов (в отличие от других этнических групп) наблюдалась тенденция вступать в брак в молодом и очень молодом возрасте. В то же время брак был почти универсальным событием, и вступало в него, по крайней мере один раз, большинство русинов (более 95 % мужчин и 90 % женщин). Интенсивность и характер рождаемости у русинских женщин свидетельствуют о том, что среди русинов трансформация репродуктивного поведения стала происходить с некоторой задержкой во времени по сравнению с другими этническими группами межвоенной Словакии. Наиболее существенно русины отставали от представителей чешской и еврейской национальностей. Хотя эти этносы в 30-е гг. постепенно завершали демографический переход, в отношении русинской национальности можно говорить только о начале этого процесса трансформации в межвоенный период. Он продолжался и в послевоенное время, характеризовавшееся миграцией, украинизацией и ассимиляцией меньшинства.

ЛИТЕРАТУРА

Botík 2007 - *Botík J.* Etnická história Slovenska. K problematike etnicity, etnickej identity, multietnického Slovenska a zahraničných Slovákov. Bratislava: Lúč, 2007. 231 s.

Coale 1973 - *Coale A.* The demographic transition // International Population Conference. Liège. Vol. 1, IUSSP, Liège. P. 53–72.

Derosas, Poppel 2006 - Religion and the Decline of Fertility in the Western World / Eds. R. Derosas, F. van Poppel. Dordrecht: Springer, 2006. 319 p.

Fialová 1990 - *Fialová L., Pavlík Z., Vereš P.* Fertility Decline in Czechoslovakia During the Last Two Centuries // Population Studies. 1990. Vol. 44 (1). P. 89–106.

Fialová 1991 - *Fialová L.* Změny ve vývoji plodnosti v českých zemích za demografické revoluce // Historická demografie. 1991. Vol. 15. P. 143–189.

Hubert 2015 - *Hubert S.* The Impact of Religiosity on Fertility. A comparative Analysis of France, Hungary, Norway, and Germany. Bochum: Springer VS, 2015. 283 p.

Hajnal 1953 - *Hajnal J.* Age at Marriage and Proportions Marrying // Population Studies. 1953. Vol. 7 (2). P. 111–136.

Hajnal 1965 - *Hajnal J.* European marriage patterns in perspective // Population in history: essays in historical demography / Eds. D.V. Glass, D.E. Eversley. Chicago, Illinois: Aldine Publishing Company, 1965. P. 101–143.

Hajnal 1982 - *Hajnal J.* Two Kinds of Preindustrial Household Formation System // Population and Development Review. 1982. Vol. 8 (3). P. 449–494.

Kmeť 2014 - *Kmeť M.* K problematike vysťahovalectva zo Slovenska v medzivojnovom období // Migračné procesy Slovenska (1918–1948) / M. Šmigel, P. Tišliar et al. Banská Bystrica: Belianum, 2014. P. 71–85.

Konečný 2010 - *Konečný S.* Migrácia a národnostná štruktúra obyvateľstva Slovenska // Povoynové migrácie a výmena obyvateľstva medzi Československom a Maďarskom / Eds. Z. Sáposová, Š. Šutaj. Prešov: UNIVERSUM, 2010. P. 66–77.

Livi-Bacci 1986 - *Livi-Bacci M.* Social-Group Forerunners of Fertility Control in Europe // The Decline of Fertility in Europe / Eds. A. Coale, S.C. Watkins. Princeton, 1986. P. 182–200.

Livi-Bacci 1999 - *Livi-Bacci M.* The Population of Europe: A History. Oxford: Blackwell Publishers, 1999. 213 p.

Marek 2006 - *Marek M.* Cudzie etniká na stredovekom Slovensku. Martin: Matica slovenská, 2006. 520 s.

Orosová 2013 - *Orosová M.* Legislatívna ochrana kultúrneho dedičstva v Československej republike v rokoch 1918–1939 // Muzeológia a kultúrne dedičstvo. 2013. Vol. 2. P. 19–36.

Rothenbacher 2012 - *Rothenbacher F.* The Central and East European Population since 1850. Palgrave Macmillan, 2012. 1511 p.

Syrný 2010 - *Syrný M.* Slovenskí demokrati ,44–48: kapitoly z dejín Demokratickej strany na Slovensku v rokoch 1944–1948. Banská Bystrica: MSNP, 2010. 403 s.

Šídlo, Šprocha 2015 - *Šídlo L., Šprocha B.* Transformace plodnosti Česka a Slovenska v 20. a na začátku 21. století v generační perspektivě // Populačné štúdie Slovenska 7 / Eds. P. Tišliar, T. Šprochová, L. Vargová. Bratislava: Muzeológia a kultúrne dedičstvo, o.z. P. 121–136.

Šmigel, Kruško 2011 - *Šmigel M., Kruško Š.* Opcia a presídlenie Rusínov do ZSSR (1945–1947). Bratislava: Goringa, 2011. 340 s.

Šprocha et al. 2014 - *Šprocha B., Tišliar P., Šmigel M.* Pohyb etník, etnické hranice, etnický priestor na Slovensku v 1. polovici 20. Storočia // Migračné procesy Slovenska (1918–1948) / M. Šmigel, P. Tišliar et al. Banská Bystrica: Belianum, 2014. P. 10–42.

Šprocha, Tišliar 2008a - *Šprocha B., Tišliar P.* Plodnosť a celková reprodukcia obyvateľstva Slovenska v rokoch 1919–1937. Bratislava: STIMUL, 2008. 164 s.

Šprocha, Tišliar 2008b - *Šprocha B., Tišliar P.* Vývoj úmrtnosti na Slovensku v rokoch 1919–1937. Bratislava: STIMUL, 2008. 204 s.

Šprocha, Tišliar 2012 - *Šprocha B., Tišliar P.* Demografický obraz Slovenska v sčítaniach ľudu 1919–1940. Brno: Tribun EU, 2012. 282 s.

Šprocha, Tišliar 2014 a - *Šprocha B., Tišliar P.* Charakter plodnosti na Slovensku v medzivojnovom období // Historická demografie. 2014. Vol. 38 (1). P. 77–112.

Šprocha, Tišliar 2014 b - *Šprocha B., Tišliar P.* The Demographics of the Jewish Population of Slovakia between the Two World Wars // *Judaica Bohemiae*. 2014. Vol. XLIX (2). P. 5–44.

Šprocha, Tišliar 2015 - *Šprocha B., Tišliar P.* The Fertility of Women in the Primary Sector in Slovakia According to Censuses Conducted Between 1900 and 2001 years // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 37 (3). P. 650–662.

Tišliar 2007 - *Tišliar P.* Mimoriadne sčítanie ľudu na Slovensku z roku 1919: Príspevok k populačným dejinám Slovenska. Bratislava: Statis, 2007. 132 s.

Tišliar 2014 - *Tišliar P.* Formy organizovania vysťahovalectva zo Slovenska po vzniku Československej republiky // Migračné procesy Slovenska (1918–1948) / M. Šmigel, P. Tišliar et al. Banská Bystrica: Belianum, 2014. P. 56–71.

Tišliar 2015a - *Tišliar P.* Transformácia plodnosti na Slovensku v 19. a 20. storočí (teoretické a metodologické východiská z pohľadu historickej demografie) // *Slovenská štatistika a demografia*. 2/2015. P. 3–13.

Tišliar 2015b - *Tišliar P.* Cesta k prvému úradnému lexikónu sídel na Slovensku // *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*. 2015. Vol. 1. P. 51–62.

Ulašínová 2014 - *Ulašínová L.* Diskontinuita vo vidieckej stavebnej kultúre // *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*. 2014. Vol. 2. P. 49–65.

Varsik 1984 - Varsik B. Z osídlenia západného a stredného Slovenska v stredoveku. Bratislava: VEDA, 1984. 256 s.

Vobecká 2013 - Vobecká J. Demographic Avant-garde: Jews in Bohemia between Enlightenment and Shoah. Budapest; New York: Central European University Press, 2013. 250 p.

Vereš 1983 - Vereš P. Vývoj plodnosti na Slovensku v letech 1880–1910 // Demografie. 1983. Vol. 25 (3). P. 203–208.

Vereš 1986 - Vereš P. Regionální vývoj plodnosti na Slovensku v letech 1910–1980 // Demografie. 1986. Vol. 28 (2). P. 110–117.

REFERENCES

Botík, J. (2007) *Etnická história Slovenska. K problematike etnicity, etnickej identity, multietnického Slovenska a zahraničných Slovákov* [Ethnic history of Slovakia: To the issue of ethnicity, ethnic identity, multiethnic Slovakia and foreign Slovaks]. Bratislava: Lúč.

Coale, A. (1973) The demographic transition. *International Population Conference*. 1. pp. 53–72.

Derosas, R. & Poppel van, F. (eds) (2006) *Religion and the Decline of Fertility in the Western World*. Dordrecht: Springer.

Fialová, L., Pavlík, Z. & Vereš, P. (1990) Fertility Decline in Czechoslovakia During the Last Two Centuries. *Population Studies*. 44(1). pp. 89–106. DOI: 10.1080/0032472031000144396

Fialová, L. (1991) Změny ve vývoji plodnosti v českých zemích za demografické revoluce [Changes in the development of fertility in the Czech lands during demographic revolution]. *Historická demografie*. 15. pp.143–189.

Hubert, S. (2015) *The Impact of Religiosity on Fertility. A comparative Analysis of France, Hungary, Norway, and Germany*. Bochum: Springer VS.

Hajnal, J. (1953) Age at Marriage and Proportions Marrying. *Population Studies*. 7(2). pp. 111–136.

Hajnal, J. (1965) European marriage patterns in perspective. In: Glass, D.V. & Eversley, D.E. (eds) *Population in history: essays in historical demography*. Chicago, Illinois: Aldine Publishing Company. pp. 101–143.

Hajnal, J. (1982) Two Kinds of Preindustrial Household Formation System. *Population and Development Review*. 8(3). pp. 449–494. DOI: 10.2307/1972376

Kmet, M. (2014) K problematike vysťahovalectva zo Slovenska v medzivojnovom období [The issue of emigration from Slovakia in the interwar years]. In: Šmigeľ, M., Tišliar, P. et al. *Migračné procesy Slovenska (1918–1948)* [Migration processes in Slovakia (1918–1948)]. Banská Bystrica: Belianum. pp. 71–85.

Konečný, S. (2010) Migrácia a národnostná štruktúra obyvateľstva Slovenska [Migration and ethnic structure of Slovakian population]. In: Sáposová, Z. & Šutaj, Š. (eds) *Povojnové migrácie a výmena obyvateľstva medzi Československom a Maďarskom* [Post-war migration and population exchange between Czechoslovakia and Hungary]. Prešov: UNIVERSUM. pp. 66–77.

Livi-Bacci, M. (1986) Social-Group Forerunners of Fertility Control in Europe. In: Coale, A. & Watkins, S.C. (eds) *The Decline of Fertility in Europe*. Princeton: Princeton University Press. pp. 182–200.

Livi-Bacci, M. (1999) *The Population of Europe: A History*. Oxford: Blackwell Publishers.

Marek, M. (2006) *Cudzie etniká na stredovekom Slovensku* [Foreign ethnic group in medieval Slovakia]. Martin: Matica slovenská.

Orosová, M. (2013) Legislatívna ochrana kultúrneho dedičstva v Československej republike v rokoch 1918–1939 [Legislative protection of cultural heritage in Czechoslovakia in 1918–1939]. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*. 2. pp. 19–36.

Rothenbacher, F. (2012) *The Central and East European Population since 1850*. Palgrave Macmillan.

Syrný, M. (2010) *Slovenskí demokrati '44-48 : kapitoly z dejín Demokratickej strany na Slovensku v rokoch 1944-1948* [Slovak Democrats '44-48: The History of the Democratic Party in Slovakia in 1944–1948]. Banská Bystrica: MSNP.

Šídlo, L. & Šprocha, B. (2015) Transformace plodnosti Česka a Slovenska v 20. a na začátku 21. století v generační perspektivě [Transformation of fertility in the Czech Republic and Slovakia in the 20th and early 21st century in generational perspective]. In: Tišliar, P., Šprochová, T. & Vargová, L. (eds) *Populačné štúdie Slovenska* [Population Studies in Slovakia]. Vol. 7. Bratislava: Muzeológia a kultúrne dedičstvo, o.z. pp. 121–136.

Šmige, M. & Kruško, Š. (2011) *Opcia a presídlenie Rusínov do ZSSR (1945–1947)* [Option and resettlement of the Ruthenians to the USSR (1945–1947)]. Bratislava: Goralinga.

Šprocha, B., Tišliar, P. & Šmige, M. (2014) Pohyb etník, etnické hranice, etnický priestor na Slovensku v 1. polovici 20. storočia [The movement of ethnic groups, ethnical borders, ethnic area in Slovakia in the first half of the 20th century]. In: Šmige, M., Tišliar, P. et al. *Migračné procesy Slovenska (1918–1948)* [Migration processes in Slovakia (1918–1948)]. Banská Bystrica: Belianum. pp. 10–42.

Šprocha, B., Tišliar, P. (2008) *Plodnosť a celková reprodukcia obyvateľstva Slovenska v rokoch 1919–1937* [Fertility and aggregate reproduction of population in Slovakia between 1919 and 1937]. Bratislava: STIMUL.

Šprocha, B. & Tišliar, P. (2008) *Vývoj úmrtnosti na Slovensku v rokoch 1919–1937* [Development of mortality in Slovakia between 1919 and 1937]. Bratislava: STIMUL.

Šprocha, B. & Tišliar, P. (2012) *Demografický obraz Slovenska v sčítaniach ľudu 1919–1940* [A demographic portrait of Slovakia in the censuses from 1919 to 1940]. Brno: Tribun EU.

Šprocha, B. & Tišliar, P. (2014) Charakter plodnosti na Slovensku v medzivojnovom období [The nature of fertility in Slovakia in the interwar years]. *Historická demografie*. 38(1). pp. 77–112.

Šprocha, B. & Tišliar, P. (2014) The Demographics of the Jewish Population of Slovakia between the Two World Wars. *Judaica Bohemiae*. XLIX(2). pp. 5–44.

Šprocha, B. & Tišliar, P. (2015) The fertility of women in the primary sector in Slovakia according to censuses conducted between 1900 and 2001. *Bylye Gody*. 37(3). pp. 650–662.

Tišliar, P. (2007) *Mimoriadne sčítanie ľudu na Slovensku z roku 1919 : Príspevok k populačným dejinám Slovenska* [The 1919 Special Census in Slovakia: A contribution to the population history of Slovakia]. Bratislava: Statis.

Tišliar, P. (2014) Formy organizovania vysťahovalectva zo Slovenska po vzniku Československej republiky [Forms of organized emigration from Slovakia after the Czechoslovak Republic]. In: Šmigel', M., Tišliar, P. et al. *Migračné procesy Slovenska (1918 – 1948)* [Migration processes in Slovakia (1918–1948)]. Banská Bystrica: Belianum. pp. 56–71.

Tišliar, P. (2015) Transformácia plodnosti na Slovensku v 19. a 20. storočí (teoretické a metodologické východiská z pohľadu historickej demografie) [Transformation of fertility in Slovakia in the 19th and 20th centuries (theoretical and methodological assumptions from the view of historical demography)]. *Slovenská štatistika a demografia*. 2. pp. 3–13.

Tišliar, P. (2015) Cesta k prvému úradnému lexikónu sídel na Slovensku [The way to the first official lexicon of settlements in Slovakia]. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*. 1. pp. 51–62.

Ulašínová, L. (2014) Diskontinuita vo vidieckej stavebnej kultúre [Discontinuity in the rural construction culture]. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*. 2. pp. 49–65.

Varsik, B. (1984) *Z osídlenia západného a stredného Slovenska v stredoveku* [To the settlement of Western and Central Slovakia in the Middle Ages]. Bratislava: VEDA.

Vobecká, J. (2013) *Demographic Avant-garde: Jews in Bohemia between Enlightenment and Shoah*. Budapest-New York: Central European University Press.

Vereš, P. (1983) Vývoj plodnosti na Slovensku v letech 1880–1910 [Development of fertility in Slovakia in 1880–1910]. *Demografie*. 25(3). pp. 203–208.

Vereš, P. (1986) Regionální vývoj plodnosti na Slovensku v letech 1910–1980 [Regional development of fertility in Slovakia in 1910–1980]. *Demografie*. 28(2). pp. 110–117.

Шпроха Бранислав – кандидат естественных наук, заведующий Исследовательского демографического центра Института информатики и статистики – ИНФОСТАТ, старший научный сотрудник Центра социальных и психологических наук Словацкой академии наук (Словакия).

Šprocha Branislav - INFOSTAT - Demographic Research Centre; Centre for Social and Psychological Sciences of the Slovak Academy of Sciences (Slovakia).

E-mail: sprocha@infostat.sk

Тышляр Павол – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнологии и музеологии философского факультета Университета Коменского (Словакия).

Tišliar Pavol - Comenius University (Slovakia).

E-mail: pavol.tisliar@uniba.sk

Шмигель Михал – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории философского факультета Университета Матея Бела (Словакия).

Šmigel Michal - Matej Bel University (Slovakia).

E-mail: michal.smigel@umb.sk

УДК 94(100)"1939-1941"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/17

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОГЛАШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР С ПОЛЬСКИМ ЭМИГРАНТСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ 30 ИЮЛЯ 1941 г. (ПО СТРАНИЦАМ ДНЕВНИКА И.М. МАЙСКОГО)

Б.С. Жигалов, Е.В. Хахалкина

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Авторское резюме

Освещается история подготовки и заключения Соглашения между правительством СССР и польским эмигрантским правительством в Лондоне 30 июля 1941 г. об установлении дипломатических отношений и совместной борьбе против гитлеровской Германии. Сложные переговоры по этому соглашению велись параллельно в Лондоне и Москве. На них прямое влияние оказывали непростые отношения польского эмигрантского правительства и советского руководства, осложненные возвращением в сентябре 1939 г. в состав СССР территорий Западной Украины и Западной Белоруссии. В итоге после серии обсуждений был подписан вариант соглашения, разработанный в Москве при участии И.В. Сталина. Показана активная роль в советско-польских переговорах британской дипломатии во главе с А. Иденом.

Ключевые слова: польское эмигрантское правительство, Соглашение между СССР и польским эмигрантским правительством 30 июля 1941 г., В. Сикорский, И.М. Майский, А. Иден, С. Криппс.

FROM THE HISTORY OF THE PREPARATION AND CONCLUSION OF THE AGREEMENT BETWEEN THE USSR GOVERNMENT AND THE POLISH GOVERNMENT IN EXILE ON JULY 30, 1941 (THE PAGES OF I.M. MAYSKY'S DIARY)

B.S. Zhigalov, E.V. Khakhalkina

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Abstract

The article focuses on the history of the preparation and conclusion of the Agreement between the Government of the USSR and the Polish Government in exile in London on July 30, 1941, for the establishment of diplomatic relations and the joint struggle against Nazi Germany. This Agreement was the result of tough negotiations conducted simultaneously in London and Moscow. They were directly affected by the complicated relations between the Polish government in exile and the Soviet authorities, with the situation becoming tougher when in September 1939 the territories of Western Ukraine and Western Belarus returned to the Soviet Union. After a series of discussions, the sides finally signed the variant of the agreement developed in Moscow with the participation of I. Stalin. The British diplomacy led by Anthony Eden played an active role in the Soviet-Polish talks.

Keywords: Polish government in exile, the agreement between the USSR and the Polish Government in exile, July 30, 1941, V. Sikorsky, I.M. Maysky, A. Eden, S. Cripps.

С началом Великой Отечественной войны правительство Советского Союза предпринимало энергичные усилия по созданию антигитлеровской коалиции. Важную роль в этом сыграл посол СССР в Лондоне И.М. Майский. Именно ему довелось от имени советского правительства подписать соглашения об установлении дипломатических отношений с эмигрантскими правительствами Чехословакии и Польши, а также с правительствами Канады и Египта. Им были подписаны документы о присоединении СССР к Атлантической хартии и признании генерала де Голля главой «Свободных французов».

Наиболее сложной была проблема нормализации отношений с эмигрантским правительством Польши, оказавшимся тогда в Лон-

доне. В своих дневниковых записях и служебной переписке с НКВД Майский повествует о некоторых деталях и сложностях отношений с лондонскими поляками в 1940–1941 гг.

После разгрома Польши и оккупации ее территории нацистами 30 сентября 1939 г. в Париже было создано польское правительство в эмиграции. Главой его стал генерал В. Сикорский, не принадлежавший к числу активных сторонников прежнего режима санации. Были созданы польские вооруженные силы общей численностью около 80 тыс. чел., принимавшие участие в боевых действиях против гитлеровцев на территории Франции. 22 июня 1940 г. пал Париж, и польское правительство потеряло большую часть своей армии. Тогда же Черчилль переправил само эмигрантское польское правительство и остатки его вооруженных сил (около 23 тыс. чел.) в Англию.

Внешнеполитическая программа правительства Сикорского, принятая летом 1940 г., включала в себя следующее: восстановление польского государства в границах до сентября 1939 г., присоединение к Польше территории Восточной Пруссии, создание конфедерации с Чехословакией (возможно, с участием других государств между Балтикой, Черным морем и Адриатикой) (Парсаданова 1992: 175).

Основной внешнеполитической проблемой для польского эмигрантского правительства в отношениях с СССР была проблема Западной Украины¹ и Западной Белоруссии, вошедших в состав СССР после 17 сентября 1939 г. Свои надежды на возвращение этих территорий правительство Сикорского возлагало на Лондон. Хотя еще 17 сентября 1939 г. замминистра иностранных дел Великобритании Батлер говорил послу Майскому о невозможности восстановления Польши в прежних границах: «Никто в Англии не помышляет о возврате Польше Западной Украины и Западной Белоруссии» (Майский 2009а: 40).

Когда в сентябре 1939 г. Сикорский и министр иностранных дел его правительства Залесский прибыли в Лондон из Парижа, чтобы «добиться от Британии обещания включить в свои военные цели» восстановление Польши в довоенных границах, то, как отмечает Майский, «Галифакс прочитал им длинную лекцию о прелестях “линии Керзона”». Британский министр подчеркивал, что «действия России более направлены на то, чтобы продвинуться к границе, рекомендованной на Парижской мирной конференции Керзоном, отмечая несвоевременность в настоящий момент фиксировать границы будущей Польши» (Майский 2009а: 67).

После того как правительство Сикорского в июне 1940 г. переехало в Лондон, польский премьер заявил Черчиллю, что Польша не хочет быть препятствием в улучшении отношений Англии и СССР (Дурачинский 1999: 56). Это интерпретировалось в политических

кругах Лондона как готовность отказаться от претензий на Западную Украину и Западную Белоруссию. «Как симптом польских настроений данный проект весьма любопытен», – резюмировал Майский (Майский 2009а: 207).

В меморандуме от 19 июня 1940 г., переданном У. Черчиллю, В. Сикорский заявлял о желании отказаться от враждебной Советскому Союзу политики режима санации, соглашался на определенные территориальные изменения и на проход советских войск через территорию Польши, оккупированную немцами, а также на сотрудничество с СССР в создании на его территории польской армии (Парсаданова 1992: 127).

На позицию Сикорского, очевидно, повлияло мнение чехословацкого президента Э. Бенеша, который в ходе переговоров о польско-чехословацкой конфедерации высказался за опору на СССР. Но появление такого документа вызвало скандал среди лондонских поляков. Президент Рачкевич даже подписал указ об отставке Сикорского. Но под давлением военных во главе с генералом Соснковским и британского правительства Рачкевич отозвал свой указ об отставке Сикорского, а тот отозвал свой меморандум (Яжборовская и др. 2001: 240). «...Сикорский пока остался. Однако оппозиция к нему сильно растёт», – констатировал Майский (Майский 2009а: 240).

Нелепой была ситуация, когда эмигрантское правительство считало себя в состоянии войны с Советским Союзом. Как известно, после 17 сентября 1939 г., когда части Красной армии вошли на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, Польша и СССР войны друг другу не объявляли. Командующий польскими вооруженными силами маршал Рыдз-Смиглы издал приказ «С Советами не воюем».

Тем не менее 19 апреля 1940 г. министр иностранных дел Залесский на заседании Рады Народовой констатировал, что Польша если не де-юре, то де-факто находится в состоянии войны с СССР (Яжборовская и др. 2001: 126).

Воинственность эмигрантского правительства усилилась в связи с намерениями Англии и Франции нанести удары по Советскому Союзу в период советско-финской войны. 8 мая 1940 г. Залесский заявил: «Мы должны подготовиться к ориентации на разгром России в тот момент, когда союзники объявили бы ей войну» (Дурачинский 1999: 54).

29 июля 1940 г. было подписано англо-польское соглашение о статусе польских войск на британской территории. При этом Залесский произнес речь, в которой снова утверждал, что «Польша находится в состоянии войны с СССР» (Майский 2009а: 240).

Дело доходило до курьезов. Так, в мае 1941 г. на торжественном приеме у лондонского лорд-мэра, где присутствовал дипломатический корпус, имел место эпизод, описанный И.М. Майским: «Слева от меня оказался Рачинский (посол Польши в Лондоне). Хотя прежде мы были с ним хорошо знакомы и друг у друга бывали, но сейчас Польша объявила войну СССР, и поэтому Рачинский сел рядом со мной, глядя в сторону. Он так и просидел все собрание» (Майский 2009а: 399). 19 июля 1941 г. сам Сикорский заявил, что, хотя Польша находится в состоянии войны с СССР, в будущей германо-советской войне она сохранит нейтралитет (Парсаданова 1992: 130).

Тем не менее, как отмечает В.С. Парсаданова, «с зигзагами, сложностями, трудностями проблема советско-польских отношений начала сдвигаться с мертвой точки, наметились границы компромисса с обеих сторон» (Парсаданова 1994: 81). Прежде всего провалились попытки эмигрантского правительства пополнить свою армию за счет польской диаспоры в США и Канаде. Рассчитывать можно было лишь на поляков, оказавшихся на территории СССР.

А уже осенью 1940 г. Сталин поручил Берии проработать вопрос о создании воинских частей из поляков и чехов. Тогда это завершилось неудачей, но начало было положено (Яжборовская и др. 2001: 129).

Начавшаяся Великая Отечественная война давала шанс на восстановление польской государственности. Инициативу проявила советская сторона. 3 июля 1941 г. Майский получил телеграмму из Москвы следующего содержания: «Мы стоим за создание независимого польского государства в границах национальной Польши, включая некоторые города и области, недавно отошедшие к СССР, причем вопрос о характере государственного режима Польши советское правительство считает внутренним делом самих поляков... Можете все это передать Идену, а также Сикорскому, заявив Сикорскому, что если он пожелает, то советское правительство не возражает против заключения с ним соглашения о совместной борьбе против гитлеровской Германии» (Документы и материалы 1973: 198).

4 июля 1941 г., информируя НКВД о встрече с Сикорским, Майский сообщал, что польский премьер «готов вести переговоры со мной. После намеченного на завтра заседания польского правительства он хотел бы вступить со мной в непосредственный контакт» (Документы и материалы 1973: 112).

5 июля 1941 г. состоялась первая официальная встреча советского посла с Сикорским. Характеризуя начало переговоров, Майский писал, что свидание с Сикорским и Залесским состоялось в кабинете заместителя министра иностранных дел А. Кадогана: «Кадоган вначале собирался уйти из кабинета и оставить нас втроем. Но Сикорский

запротестовал против этого, я тоже не имел оснований возражать против присутствия Кадогана, поэтому последний оставался в кабинете во время всей моей беседы с поляками, но сам почти ничего не говорил. <...> В начале беседы поляки, особенно Залесский, пытались было вновь вступить в длительные споры по вопросу о границах». Но затем Сикорский согласился оставить в стороне вопрос о границах будущей Польши. Он хотел бы «лишь общего заявления с нашей стороны о том, что все договоры между СССР и Германией, касающиеся Польши, рассматривались нами как больше не существующие». Обсуждался вопрос о создании польской армии на территории СССР. Для формирования этой армии Сикорский просил освободить польских военнопленных. Майский так сформулировал свое впечатление от этой встречи: «Лично Сикорский производит довольно выгодное впечатление, чего никак нельзя сказать о Залесском» (Документы и материалы 1973: 202–204).

В ответ на эту информацию Майский получил из Москвы следующую телеграмму: «Передайте Сикорскому – 1. Советское правительство не возражает против предложения Сикорского о том, чтобы оставить сейчас в стороне вопрос об установлении общей советско-польской линии относительно границ будущего польского государства, причем советское правительство сделало соответствующее заявление, что договоры между СССР и Германией 1939 г. рассматриваются нами как не существующие больше. 2. Создание в СССР польской армии приемлемо. Командовать ею должен польский офицер по выбору Сикорского и по согласованию этой кандидатуры с советским правительством с тем, чтобы оперативно польская армия была подчинена Главному командованию СССР. 3. ...если наше предложение (о создании национальных комитетов поляков и др.) оказалось неправильным, то мы снимаем наше предложение и согласны принять послов Польши, Югославии и Чехословакии. 4. ...польских военнопленных в СССР только 20 тыс., остальные отпущены или разбежались» (Документы и материалы 1973: 204).

11 июля 1941 г. Майский начал детальные обсуждения с Сикорским и Залесским статей будущего соглашения. На переговорах присутствовал и принимал активное участие глава Форин-офис А. Иден.

Переговоры были сложными. Поляки «пытались протащить хотя бы косвенно признание с нашей стороны границы 1921 г.». Это было отвергнуто Майским. Касаясь польской армии в Советском Союзе, поляки «не хотели признавать, что командир этой армии назначается польским правительством с согласия советского правительства». «Длинная драка» по этому пункту привела к признанию его поляками

в советской формулировке. Спорили и по пункту об освобождении польских заключенных в СССР (военных и гражданских) (Майский 2009b: 25–26).

В конечном счете, как сообщал Майский в НКВД 11 июля, удалось прийти к предварительному соглашению, состоявшему из следующих пунктов:

«1. Советское правительство заявляет о том, что советско-германские договоры относительно Польши признаются более несуществующими;

2. Между советским правительством и польским правительством устанавливаются дипломатические отношения, и в Москву назначается польский посол;

3. Советское правительство и польское правительство заявляют о своей готовности вести совместную борьбу против гитлеровской Германии;

4. На территории СССР создается польская армия, составляющая автономную единицу... Командующий польской армией назначается польским правительством по согласованию с советским правительством. Польская армия в оперативном отношении подчиняется Верховному командованию СССР».

«Приведенные пункты – это, конечно, еще не точно сформулированные пункты, а лишь основная мысль пунктов», – считал дипломат.

Завершая свое донесение, Майский отмечал: «На сегодняшнем заседании Иден принимал активное и весьма дружественное для нас участие» (Документы 2000: 141).

В Москве внимательно следили за ходом переговоров в Лондоне. 18 июля нарком иностранных дел В.М. Молотов принял британского посла С. Криппса и сообщил ему, что получил от Майского телеграмму с информацией о ходе переговоров. Криппс заявил, что, по его мнению, «переговоры между Майским и Сикорским закончатся благополучно в самое ближайшее время» (Документы 2000: 168).

Однако все было не так просто. Поляки пытались внести некоторые поправки в согласованный текст соглашения. Споры по его «улучшению» заняли несколько дней. Майский писал: «Москва не выдержала и заявила: если поляки не примут уже согласованных ранее формулировок, то могут отправляться на все четыре стороны. Обойдемся и без поляков» (Майский 2009b: 25).

26 июля Иден сообщил Майскому о готовности поляков принять согласованный текст. Сикорскому не без труда удалось склонить правительство к принятию текста соглашения. В знак протеста в отставку подали три министра. Против договора с СССР выступали пилсудчики, санация и Национальная партия (Парсаданова 1994: 63).

27 июля было проведено окончательное согласование всех деталей соглашения и порядка его подписания.

Так появился «лондонский текст» проекта Соглашения СССР и польского эмигрантского правительства.

Одновременно с переговорами в Лондоне, где Советский Союз представлял Майский, велись переговоры в Москве, причем на самом высоком уровне. С советской стороны участвовали Сталин и Молотов, с британской – посол Криппс. Сталин принимал Криппса 8, 10, 12 и 21 июля (Посетители 1996: 36–37). В ходе этих встреч среди прочих проблем затрагивался и польский вопрос. Решающая встреча состоялась 26 июля 1941 г., когда Сталин и Молотов в течение полутора часов обсуждали с Криппсом содержание советско-польского соглашения. Согласованный текст в общем совпадал с текстом, о котором договорились в Лондоне.

В ходе дискуссии Криппс поставил вопрос о польских гражданах, находившихся в заключении на территории СССР. Было решено в публичный протокол к соглашению включить следующий пункт: «Советское правительство предоставляет амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных или на других основаниях, со времени восстановления дипломатических отношений».

Кроме того, в связи с возникшим вопросом о материальных претензиях частного и общественного порядка была принята формулировка: «Различного рода претензии частного и общественного порядка будут рассматриваться в порядке последующих переговоров между обоими правительствами» (Документы 2000: 183–184).

Так появился «московский текст» будущего советско-польского соглашения (опубликован в Документы: 200–201).

Затем события приняли необычный поворот. 28 июля Молотов вызвал Криппса и сообщил ему следующее: «В польском вопросе в настоящий момент неожиданно (?) возникла задержка в связи с тем, что переговоры велись в двух местах – в Москве и Лондоне. В результате этого в настоящий момент имеются два различных текста: один, согласованный в Лондоне, другой, согласованный в Москве... Советское правительство предлагает немедленно принять текст, согласованный в Лондоне» (Документы 2000: 191).

Криппс было согласился с таким предложением, но на следующий день был дезавуирован Иденом, осудившим готовность посла принять «лондонский текст».

В Лондоне подписание советско-польского соглашения было намечено на 28 июля. Как разворачивались события дальше, повествует Майский: «В последний момент перед подписанием разыгралась

странная история... 27 (го) июля после обеда пришла телеграмма от Криппса, в которой он доносил, что накануне видел Сталина и Молотова и договорился с ними о тексте польского договора, несколько отличающегося от того, который с таким трудом был выработан в Лондоне. Самое важное отличие состояло в том, что в Москве Криппсу обещали полную амнистию всем заключенным полякам, в то время как в Лондоне мы договорились лишь о том, что «все практические вопросы, касающиеся освобождения польских граждан, находящихся в заключении на территории СССР, после восстановления дипломатических отношений будут рассмотрены в положительном смысле». Кроме того, в Москве решили, что протокол о заключенных будет гласным» (Майский 2009b: 25–26).

Дальше события развивались следующим образом: «28 (го) июля около 3 час(ов) дня я получил ответ из Москвы, который поверг меня в большое недоумение. Да, сообщение Криппса точно... Тем не менее советскому правительству мой "лондонский текст" нравится больше, чем "московский"».

«Около часу ночи пришла новая телеграмма из Москвы... Из телеграммы вытекало, что Москве очень хотелось бы все-таки заключить договор на базе "лондонского" текста. Я немедленно ответил, что теперь уже поздно, ибо Иден и Сикорский "ухватились обеими руками" за "московский" текст соглашения» (Майский 2009b: 26).

И как итог этой суматошной переписки – «поздно ночью 29 (10) я получил разрешение Москвы подписать "московский текст". Так "московский текст" и стал текстом договора. Однако до сих пор для меня не совсем ясно, что произошло в Москве... и почему т.т. Сталин и Молотов договорились с Криппсом о "московском тексте". В беседах с Иденом я вообще был поставлен в трудное положение. Как только я пытался отстаивать "лондонский текст", Иден немедленно прятался за авторитет т. Сталина. Что я мог ответить?» (Майский 2009b: 27).

Тем не менее Майский добился того, что, выступая в Палате общин, Иден еще раз подтвердил, что британское правительство никогда не давало согласия на установление старой границы Польши. «Теперь ни при каких обстоятельствах в будущем поляки не смогут утверждать, что Англия хотя бы косвенно гарантировала границы 1921 г.» (Майский 2009b: 28).

Подписание Соглашения о восстановлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории СССР состоялось 30 июля 1941 г. в помещении Форин-офиса. «Иден встретил нас в дверях. Он улыбался, и по всему было заметно, что он очень доволен», – писал дипломат (Майский 2009b: 21).

Долго ждали, когда придет Черчилль, отдохавший после ланча. В разговоре с Майским, который велся на французском языке, Сикорский заявил, что он уже давно пришел к выводу, «что Польша не может бесконечно балансировать между своими соседями с запада и востока. Она должна выбирать – либо с Германией против России, либо с Россией против Германии. Сам Сикорский всегда считал, что Польша должна идти с Россией против Германии» (Майский 2009b: 21).

В урегулировании советско-польских отношений в начале Великой Отечественной войны важную роль сыграло правительство Англии, чрезвычайно заинтересованное в сохранении своего воюющего союзника. Майский отмечал в своем дневнике: «Несомненно, очень крупную роль в переговорах сыграл Иден. Я склонен думать, что без него мы с поляками вообще не договорились бы... Иден старался держать "средний курс", но иногда он срывался и проявлял слишком много внимания к желаниям и требованиям поляков. Сикорский ему очень нравился... и это отражалось на переговорах. В общем все-таки Идену можно сказать спасибо» (Майский 2009b: 25).

Влияние британского правительства на ход советско-польских переговоров и их положительный итог выразились в следующем:

1. Разработка «московского текста», который и был подписан, велась советскими и британскими представителями. Никаких польских политиков в Москве не было. Иден и Криппс сами решали, что нужно для Польши.

2. В самом болезненном для поляков вопросе о восточной границе позиция Лондона была четкой и бескомпромиссной: «линия Керзона» – единственный возможный вариант. Москве не пришлось идти на территориальные уступки, эвентуально обещанные Молотовым 3 июля 1941 г. («некоторые города и области, недавно отошедшие к СССР»).

3. В январе 1942 г. в беседе с Сикорским Криппс говорил: в июле 1941 г. «Россия настолько была зависима от британской помощи, что приняла бы любые условия» (Документы и материалы 1973: 284). Но британское правительство не воспользовалось военной слабостью Советского Союза и сдержало чрезмерно корыстные требования польского эмигрантского правительства.

После подписания соглашения 30 июля 1941 г. правительство СССР предприняло ряд шагов для позитивного развития советско-польских отношений. Так, 12 августа 1941 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии польских граждан, находившихся в заключении на территории СССР. По данным НКВД, в Советском Союзе были учтены 414 358 чел. польской национальности. Из них в тюрьмах и лагерях находились 59 тыс. чел., в лагерях для воен-

нопленных – 25 тыс. чел., остальные – в спецпоселениях и местах высылки (АВПРФ 1: Л. 1).

14 августа 1941 г. было подписано советско-польское Соглашение о создании польской армии на территории СССР. Сикорский назначил ее командующим генерала В. Андерса.

Несмотря на серьезные материальные трудности, связанные с войной, советское правительство, как отмечалось в ноте НКВД на имя польского посла С. Кота, «все польские граждане, которые были лишены свободы как военнопленные или же на иных достаточных основаниях, освобождены, причем определенным категориям освобожденных и военнопленных была оказана советскими властями материальная помощь (бесплатные билеты на проезд по железной дороге и водным путям, суточные на питание в пути и др.)» (АВПРФ 2: Л. 2).

17 сентября 1941 г. в лондонской газете «Таймс» было опубликовано интервью бывшего поверенного в делах Польши в СССР Ю. Ретингера, который заявил, что советская власть «проявляет величайшую лояльность в выполнении обязательств, принятых в соглашении с польским правительством 30 июля с.г.» (Документы и материалы 1973: 209).

В конце ноября – начале декабря 1941 г. Сикорский посетил Советский Союз. В ходе беседы с Сикорским Сталин заявил, что «Восточная Пруссия должна принадлежать Польше, а польская западная граница должна опираться на реку Одер» (Документы и материалы 1973: 255). По итогам визита Сикорского была подписана советско-польская Декларация о дружбе и взаимной помощи.

Иной была позиция польской эмиграции. Польские политики по-прежнему думали о восстановлении границ 1939 г. В изданиях польской эмиграции в США и Англии велась откровенно антисоветская пропаганда.

В марте 1943 г. Майский записал в дневнике следующее: «Поляки ведут себя совершенно идиотически. Недавно польское правительство и польский "Национальный совет" приняли официально решение, которое потом было опубликовано, о том, что они твердо стоят на базе границ 1939 г.» (Майский 2009b: 233). Сам Сикорский полагал, что после войны удастся пересмотреть установленные границы. Он же утверждал: «Польша считает Литву страной, относящейся к сфере ее собственных интересов. Об оставлении польского Вильно вообще не может быть речи» (Документы и материалы 1973: 285).

В мае 1942 г. А.Е. Богомолов, посол при союзных правительствах в Лондоне, сообщал в Москву: польское правительство в эмиграции «считает, что мы перед Польшей в неоплатном долгу, и если мы сейчас

что-либо делаем для поляков, то со стороны поляков великим подвигом и большой уступкой своему самомнению является принятие этой помощи» (Иванов 2014: 250).

Однако в апреле 1943 г. взорвалась «катынская бомба», и 25 апреля 1943 г. СССР разорвал отношения с польским эмигрантским правительством.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Следует отметить, что понятие *Западная Украина* включало территории, находившиеся в составе Польши, Румынии, Чехословакии. Часть из них была присоединена к СССР (кроме 1939 г. – в 1940 и 1945 гг.). В 1939 г. – Восточная Галиция (бывшее Львовское, Тернопольское и Станиславское воеводства), Волынь, Подолия (Подолье, Понизье), бывшие в составе Польши, в 1940 г. – румынская Северная Буковина (Черновицкая область), в 1945 г. – бывшее чехословацкое Закарпатье (Подкарпатская Русь, Угорская Русь) без Пряшевщины. Территория Восточной Галиции, Волыни и Полесья, составляющая в настоящее время Львовскую, Тернопольскую, Ивано-Франковскую, Волынскую и Ровненскую области современной Украины, в течение 1921–1939 гг. находились в составе Второй Польской республики. Назывались они Восточные кресы. Они были включены в состав СССР. На территории Западной Украины, включенной в состав УССР, были созданы шесть областей: Львовская, Станиславская, Волынская, Тернопольская, Ровенская, Дрогобычская (в нее, помимо части нынешней Львовской области, вошла большая часть Перемышля. Сам город стал центром Перемышльского района Дрогобычской области (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 декабря 1939 г.). В 1945 г. Перемышль был возвращен Польше). Некоторые западноукраинские земли (Холмщина, Подлясье, Лемковщина) с населением свыше полумиллиона человек были включены в созданное немцами на оккупированной территории генерал-губернаторство с центром в Кракове. То есть не вся Западная Украина оказалась в составе УССР и современной Украины.

ЛИТЕРАТУРА

АВПРФ 1 - Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВПРФ). Ф. 06. Секретариат В.М. Молотова. Оп. 3. Д. 249. Папка 19. 26 октября 1941 г. Справка о размещении польских граждан СССР.

АВПРФ 2 - АВПРФ. Ф. 69. Референтура по Великобритании. Оп. 25. Д. 12. Папка 71. 8 ноября 1941 г. Господину Кот, Чрезвычайному и Полномочному Послу Польской республики.

Документы 2000 - Документы внешней политики. М.: Международные отношения, 2000. Т. XXIV. 629 с.

Документы и материалы 1973 - Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII: 1939–1941 гг. М.: Наука, 1973. 510 с.

Дурачинский 1999 - *Дурачинский Э.* Польша и политика Москвы 1933–1941 гг.: факты, гипотезы, вопросы // Война и политика. 1933–1941 гг. М.: Наука, 1999. 495 с.

Иванов 2014 - *Иванов Ю.В.* Очерки истории российско (советско)-польских отношений в документах. М.: Международные отношения, 2014. 381 с.

Майский 2009a - *Майский И.М.* Дневник дипломата. М.: Наука, 2009. Кн. 2, ч. 1. 485 с.

Майский 2009b - *Майский И.М.* Дневник дипломата. М.: Наука, 2009. Кн. 2, ч. 2. 393 с.

Парсаданова 1992 - *Парсаданова В.С.* О некоторых аспектах внешней политики польского правительства в эмиграции в 1940–1941 гг. // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы (сентябрь 1940 – июнь 1941 г.). М.: Институт славяноведения и балканистики, 1992. 166 с.

Парсаданова 1994 - *Парсаданова В.С.* Владислав Сикорский // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 48–69.

Посетители 1996 - *Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина* // Исторический архив. 1996. № 2. С. 51–54.

Яжборовская 2001 - *Яжборовская П.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М.: РОССПЭН, 2001. 493 с.

REFERENCES

Archive of the Russian Foreign Policy (AVPRF). (1941a) Fund 06. Secretariat of V.M. Molotov. List 3. File 249. Folder 19. October 26, 1941. *Spravka o razmeshchenii pol'skikh grazhdan SSSR* [Reference about placing Polish citizens of the USSR].

Archive of the Russian Foreign Policy (AVPRF). (1941b) Office of the UK Documentary Research. List 25. File 12. Folder 71. November 8, 1941. *Gospodinu Kot, Chrezvychaynomu i Polnomochnomu Poslu Pol'skoy respubliki* [To Mr. Cot, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Polish Republic].

Gusarov, E.P. (ed.) (2000) *Dokumenty vneshnei politiki* [Foreign Policy Documents]. Vol. XXIV. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Khrenov, I.A. (ed.) (1973) *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skikh otnosheniy* [Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations]. Vol. VII. Moscow: Nauka.

Durachinskiy, E. (1999) *Pol'sha i politika Moskvy 1933–1941 gg.: fakty, gipotezy, voprosy* [Poland and Moscow's policy in 1933–1941: Facts, hypotheses, questions]. In: Chubaryan, A. (ed.). *Voyna i politika. 1933-1941 gg* [War and Policy. 1933–1941]. Moscow: Nauka.

Ivanov, Yu.V. (2014) *Ocherki istorii rossiysko (sovetsko)-pol'skikh otnosheniy v dokumentakh* [Essays on the history of the Russian (Soviet)-Polish relations in the documents]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Maysky, I.M. (2009a) *Dnevnik diplomata* [A diary of a diplomat]. Vol. 2. Part. 1. Moscow: Nauka.

Maysky, I.M. (2009b) *Dnevnik diplomata* [A diary of a diplomat]. Vol. 2. Part. 2. Moscow: Nauka.

Parsadanova, V.S. (1992) O nekotorykh aspektakh vneshney politiki pol'skogo pravitel'stva v emigratsii v 1940–1941 gg. [Some aspects of the foreign policy of the Polish government in exile in 1940–1941]. In: Gibiansky, L.Ya., Sluch, S.Z. (eds) *Mezhdunarodnye otnosheniya i strany Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy (sentyabr' 1940 – iyunya 1941 gg.)* [International relations and the countries of Central and Southeastern Europe (September 1940 to June 1941)]. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki.

Parsadanova, V.S. (1994) Vladislav Sikorskiy [Wladyslaw Sikorski]. *Voprosy istorii*. 9. pp. 48–69.

Posetiteli (1996) Posetiteli kremlevskogo kabineta I.V. Stalina [Visitors of I.V. Stalin's Kremlin office]. *Istoricheskiy arkhiv*. 2. pp. 51–54.

Yazhborovskaya, P.S., Yablokov, A.Yu. & Parsadanova, V.S. (2001) *Katynskiy sindrom v sovetsko-pol'skikh i rossiysko-pol'skikh otnosheniyakh* [The Katyn syndrome in the Soviet-Polish and Russian-Polish relations]. Moscow: ROSSPEN.

Жигалов Борис Степанович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Zhigalov Boris - Tomsk State University (Russia).

E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Хахалкина Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Khakhalkina Elena - Tomsk State University (Russia).

E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

УДК 39;75

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/18

РУСИНСКИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКА МИХАИЛА ГАРДУБЕЯ*

Р.Ю. Федоров^{1,2}, А.Н. Фишер³

¹ Тюменский государственный университет
Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10

² Институт криосферы Земли СО РАН
Россия, 625026, г. Тюмень, ул. Малыгина, 86

E-mail: r_fedorov@mail.ru

³ Тюменский государственный институт культуры
Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 19

E-mail: angela_fisher@mail.ru

Авторское резюме

Статья посвящена творчеству живущего в Тюмени художника Михаила Гардубея. Он – продолжатель традиций самобытной живописной школы, сложившейся в первой половине XX в. в Ужгороде. Ее отличительной чертой являлось органичное сочетание разных направлений западноевропейской художественной культуры с обращением к местным этническим мотивам. Во многих своих живописных работах представители этой художественной школы смогли запечатлеть и образно осмыслить мировоззрение, народную мифологию и быт русинов. На основе личных воспоминаний художника, относящихся к 1950-м гг., реконструированы отдельные элементы традиционной культуры и быта его родины – русинского села Камяньское Иршавского района Закарпатской области Украины. В их числе – особенности календарной обрядности, фольклора и народной архитектуры русинов Закарпатья. Исследованы вопросы образного восприятия русинского мира в изобразительном искусстве. Анализ творчества Михаила Гардубея свидетельствует о том, что традиционная культура русинов сохранялась в недрах народной жизни вопреки государственной политике и этнокультурной ориентации местных элит; живописные произведения художника в первую очередь транслируют те духовные ценности, носителями

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ (грант № 15-21-01002).

которых являлись представители народа. Осмысление этих ценностей в искусстве и науке стало фундаментом для национального самоопределения русинов и признания их особого места в восточнославянском мире.

Ключевые слова: русины, Закарпатье, Сибирь, изобразительное искусство, Михаил Гардубей.

RUSINIAN ETHNIC MOTIVES IN WORKS BY THE ARTIST MIKHAIL GARDUBEY*

R.Yu. Fedorov^{1, 2}, A.N. Fisher³

¹Tyumen State University
10 Semakov Street, Tyumen, 625003, Russia
E-mail: r_fedorov@mail.ru

²Institute of the Earth's Cryosphere SB RAS
86 Malygin Street, Tyumen, 625026, Russia

³Tyumen State Institute of Culture
19 Respublika Street, Tyumen, 625003, Russia
E-mail: angela_fisher@mail.ru

Abstract

The paper is devoted to the creative life and works of the artist Mikhail Gardubey, who lives in Tyumen (Western Siberia, Russia). He continues the traditions of an original art school which developed in the early 20th century in Uzhgorod and combined different styles of West European art culture with local ethnic motives. The representatives of this school could imprint and artistically conceptualise the outlook, national mythology and everyday life of the Rusins. Using the personal memories of the artist relating to the 1950s, the author reconstructs some elements of traditional culture and everyday life of a Carpatho-Rusinian village of Kamyanskoye, Irshavsky district, Transcarpathian Region, Ukraine, including features of calendar ritualism, folklore and architecture of Transcarpathian Rusins, which are reflected in Gardubey's works of art. The paper also discusses figurative perception of the Carpatho-Rusinian world in the fine arts. The analysis of Mikhail Gardubey's creativity demonstrates that the traditional Rusinian culture was preserved in the deep countryside in spite of the state policy and ethnocultural orientations of local elites, so Gardubey's paintings convey moral and cultural values that have become the foundation for Rusinian self-identification and recognition of their special place in the East Slavic world.

Keywords: Rusins, Transcarpathia, Siberia, fine arts, Mikhail Gardubey.

* The research is supported by RHSF (Grant Nr. 15-21-01002).

Благодаря особенностям своей исторической судьбы, русины смогли сохранить целый ряд архаических элементов традиционной культуры восточных славян. В первую очередь это было обусловлено тем, что многие традиции на протяжении столетий бережно сохранялись в недрах народной жизни вопреки искусственно насаждаемым чуждым ей проявлениям светской культуры, доминировавшим в тех государственных образованиях, на территории которых Подкарпатская Русь находилась начиная с XIII в. (Свистун 1895; Поп 2001, 2012; Суляк 2004, 2005, 2009; Шевченко 2011 и др.).

Не имевшие национального литературного языка русины могли передавать свою историческую память из поколения в поколение лишь посредством устного народного творчества. При этом в разных селениях язык, на котором повседневно общались русины, имел некоторые диалектные особенности. Лишь начиная с середины XIX в., благодаря подвижнической деятельности А.В. Духновича и ряда других общественных деятелей (Я.Ф. Головацкий, А.И. Добрянский-Сачуров, А.И. Павлович, И.И. Раковский, И.А. Сильвай и др.), были предприняты попытки создать первые русинские учебники, публицистику, поэзию (Духнович 1853; Петров 1911; Головацкий 2008; Суляк 2008; Рупосова 2012 и др.). Однако все эти начинания смогли войти в обиход лишь незначительной части русинского населения Закарпатья.

В период вхождения Закарпатья в состав Австро-Венгрии (1867–1918) русины были существенно ограничены в возможностях получать образование и в перспективах занимать высокое положение в социальной иерархии. Последнее нередко было возможно лишь путем смены фамилии и этнической самоидентификации. В мире искусства яркими примерами подобной ситуации могут служить судьбы известного американского художника русинского происхождения Энди Уорхола (настоящее имя – Андрей Варгола) или выдающегося венгерского художника Тивадара Чонтвари (настоящая фамилия – Костка), который также имел русинские корни.

Из-за отсутствия государственного признания и поддержки самобытные народные традиции русинов так и не смогли переродиться в национальные направления светских жанров искусства (литература, музыка, театр и т. д.), как это, к примеру, произошло у украинцев и белорусов. После вхождения Закарпатья в 1946 г. в состав СССР появившийся шанс национального возрождения был упущен, поскольку русины не были признаны советской властью как самостоятельный народ и стали официально отождествляться с украинцами. К концу XX – началу XXI в. на фоне усилившейся политики украинизации стал все более очевидным процесс постепенной утраты многих пла-

стов традиционной культуры русинов из-за разрушения принципов преемственности поколений в современном обществе. В данной ситуации лишь один вид искусства, получивший развитие у русинов, можно рассматривать в качестве своеобразного посредника между миром их этнических традиций и символическим языком современной культуры. Это сложившаяся в Закарпатье в первой половине XX в. самобытная живописная школа.

Данная статья посвящена творчеству художника Михаила Гардубея – одного из ее ярких современных представителей.

Михаил Михайлович Гардубей родился в 1948 г. в селе Камянское Иршавского района Закарпатской области. Художественное образование он получил в 1963–1968 гг. в Ужгородском училище прикладного искусства, позднее окончил Уральскую архитектурно-художественную академию.

На протяжении 1920–1940-х гг. в Закарпатье сложилась самобытная живописная школа, представителями которой стали такие выдающиеся художники, как И.Ф. Манайло, А.М. Эрдели, И.И. Бокшай, П.К. Балла, Э.Р. Кондратович, М.В. Медвецкий и Э.Ф. Медвецкая-Лутак и др. Все эти мастера в той или иной степени имели русинские корни. Отличительной особенностью их творчества являлось органичное сочетание разных направлений западноевропейской художественной культуры первой половины XX в. с обращением к местным этническим мотивам. Во многих своих живописных работах эти художники смогли запечатлеть и образно осмыслить мировоззрение, народную мифологию и быт русинов (Художники Закарпатья 1961).

Сразу после вхождения территории Закарпатья в состав СССР И.Ф. Манайло, А.М. Эрдели и И.И. Бокшай задались целью открыть здесь академию художеств, однако идея создания подобного учреждения была поддержана только в Львове. В Ужгороде в 1946 г. было создано государственное художественно-промышленное училище, первым директором которого стал А.М. Эрдели. Оно стало своеобразным центром развития сложившейся ранее самобытной живописной школы закарпатских русинов. Одним из выдающихся выпускников училища стал Михаил Гардубей. Волею судьбы осознать русинскую идентичность и глубоко осмыслить традиционную культуру своего народа художнику довелось вдали от родины.

В 1967 г. Михаил Гардубей впервые приехал в Тюмень в составе студенческого стройотряда, а спустя год принял решение остаться в этом городе жить и работать. В Сибири произошло окончательное творческое становление художника. Здесь сформировалось его индивидуальное изобразительное мышление, были созданы глубоко философские циклы живописных работ по мотивам русской и зару-

бежной классики, воплощены в жизнь монументальные произведения, велась преподавательская деятельность в Тюменском училище искусств. Со временем творчество Михаила Гардубея стало одним из самых значимых явлений в художественной жизни Тюмени, что нашло свое отражение в присуждении ему в 2006 г. звания заслуженного художника России (Образ Родины 1982; Образ жизни 1986; Художники Тюмени 1994: 90–91; Новое искусство Тюмени 1996: 50–61).

Одной из ярких граней творчества Михаила Гардубея является обращение в живописных работах к традициям Подкарпатской Руси. Для этнографа эти произведения представляют большой интерес тем, что благодаря художественному обобщению в них выражены определенные символы и архетипы традиционной культуры русинов.

Художник неоднократно обращался в своих работах к сценам встречи Рождества, участником которых он был в детстве. На картинах Гардубея неотъемлемым атрибутом колядований является рождественская звезда. По словам художника, во времена его детства, пришедшегося на 1950-е гг., звезду, как правило, делали из металлического сита или из больших жестяных банок, в которых продавали селедку. В них вырубались оба днища, внутрь вставлялись две крестовины, к которым приделывались рожки. К этой импровизированной конструкции привязывалась толстая проволока с ручкой. Во время колядований звезду вращали и подсвечивали свечой. Это описание характеризует типичный для XX в. процесс модернизации рождественской атрибутики, связанный с все более широким использованием для ее изготовления фабричных материалов. При этом ценностно-смысловая суть обрядовых действий не менялась (Багашев, Федоров 2013).

Подготовка всех необходимых атрибутов для встречи Рождества начиналась сразу после Дня святителя Николая, отмечавшегося 19 декабря. В это время рождественскую звезду начинали наряжать. Для этого искали дефицитные для того времени цветную бумагу, фольгу и матерчатые ленты.

Следует отметить, что в настоящее время у русского старожильского населения Западной Сибири, где сегодня проживает Михаил Гардубей, обычай колядований со звездой, как правило, не встречается. Однако он еще сохранился в отдельных деревнях Тюменской области, в которых проживают потомки украинских и белорусских крестьян-переселенцев конца XIX – начала XX в. (Традиционная культура белорусов 2013: 162–167).

В послевоенное время у закарпатских русинов Рождество, отмечавшееся по католическим канонам 25 декабря, было принято назы-

вать «панское Рождество». Это название отражало народную память, связанную с длительным периодом утверждения представителями господствовавшей власти среди русинов униатства и католицизма, на фоне которых в аграрной среде Закарпатья большую стойкость сохранили народные православные традиции. В сельской местности Рождество отмечали в ночь с 6 на 7 января. Традиции проведения этого праздника в советское время продолжали бережно храниться в селе Камянском – на родине Михаила Гардубея. По его воспоминаниям, все жители села постились до первой звезды. На рождественском столе должно было стоять 13 праздничных блюд. Среди них всегда была рыба, символизирующая христианство (рис. 1).

Рис. 1. М. Гардубей. «Святой вечер» (холст, масло).

С первой звездой начинались колядки. Вначале шли колядовать самые младшие дети, которые, подходя к дому, обычно голосили: «Господин хозяин, разрешите вас повеселить в этот святой вечер», – и, заходя в него, пели колядки, получая от хозяев подарки. После них по домам начинали ходить мальчишки восьми–десяти лет, которые носили рождественскую звезду. Их было принято называть колядниками. Затем в дома заходили подростки, демонстрируя вертеп, который делался в виде картонного макета храма. Внутри него изображалась сцена Рождества Христова с фигурками волхвов и животных. Над ней была установлена похожая на флюгер бумажная вертушка, вращавшаяся от зажженной свечи, при свете которой на стенке вертепа начинал отображаться своеобразный театр теней.

В последнюю очередь дома обходила молодежь, изображавшая «Бетлегем» (Вифлеем), который выглядел как целый костюмированный спектакль, посвященный противопоставлению добра и зла (М. Гардубей. «Рождество. Бетлегем» (холст, масло)). Он имел своих обязательных персонажей. Среди них были ряженые дед и бабка, которая бегала по дому с метлой и обметала девушек, «чтобы они не выходили замуж». Пастухи и волхвы прогнали ее из дома. Ряженые также изображали отдельных представителей нечистой силы и животных. Л.Н. Виноградова отмечала: «Эти “вертепные пьесы” относятся к весьма своеобразным формам народного творчества, которое своими корнями восходит к средневековым рождественским церковным мистериям, однако в дальнейшем они фольклоризировались и прижились в народной среде настолько, что стали органичной частью западнославянского фольклора» (Виноградова 1982: 10).

Колядования продолжались до утра, при этом, по воспоминаниям Михаила Гардубея, в это время все село превращалось в «один большой театр». Празднование Рождества продолжалось три дня, и в селе почти никто не работал. Когда после Рождества дети встречались в школе, они первым делом рассказывали друг другу о том, кто сколько наколядовал. Нередко собранных средств хватало на покупку коньков или других вещей, о которых они весь год мечтали.

В описаниях художником рождественских традиций закарпатских русинов можно проследить присутствие в них типичных элементов, свойственных как восточным, так и западным славянам, что указывает на сложные процессы межэтнических взаимодействий, имевших место в этом регионе.

Помимо Рождества, одним из излюбленных праздников детей был День святителя Николая, называемый в народе Николой. На него дети начищали свою обувь и оставляли ее на ночь в окне, а наутро находили в ней подарки, которыми чаще всего были сладости.

Престольные праздники в день святого – покровителя храма, расположенного в селе, имели большое коммуникативное значение. Для них были характерны многие общие черты, свойственные проведению братчин, канунов и съезжих праздников у разных этнолокальных групп восточных славян (Громыко 1986: 132–146). Праздник начинался в сельском храме со службы, которую местные священники вели вместе с приглашенным из соседних селений духовенством. На службу приглашались родственники и друзья из окрестных сел. После нее гости шли навестить своих близких, накрывавших праздничный стол. По словам Михаила Гардубея, в этот день, имевший соборное начало, люди встречались, чтобы «отчитаться» друг перед другом за важные дела, совершенные за прошедший год, поклониться

родителям и другим родственникам старшего поколения. Во время застолья собравшиеся любили петь народные песни. Благодаря тому, что Закарпатье богато виноградом, в эти дни гостей угощали собственным вином, тогда как в более северных регионах у украинцев и белорусов на съезжие праздники было принято варить пиво. В эти праздничные дни в село стекались торговцы домашней утварью и сладостями.

На Троицу у всех восточных славян дома украшались ветвями деревьев, среди которых чаще всего была береза (Этнография восточных славян 1987: 389). У русинов Иршавского района Закарпатской области было принято устилать в эти дни полы дома чабрецом.

Самобытные традиции закарпатских русинов, воспоминания о которых художник бережно сохранил из детства, в дальнейшем нашли свое отражение в его творчестве уже на сибирской земле. При этом изобразительный язык Гардубея смог гармонично воплотить в себе сочетание многих достижений европейского художественного авангарда XX в. с яркими образами русинских этнических мотивов.

В своем творчестве Михаил Гардубей попытался создать художественные образы отдельных исторических личностей, воплотивших народный дух русинов и оказавших большое влияние на подъем их национального самосознания. Среди них – эскиз картины о жизненном пути А.В. Духновича под названием «Русин – мученик».

На другой работе художника воссоздан образ Олексы Довбуша (1700–1745) – предводителя антифеодальной и национально-освободительной борьбы жителей Восточных Карпат, впоследствии ставшего одним из популярных героев закарпатского народного фольклора (рис. 2).

В своих произведениях Михаил Гардубей неоднократно обращался к народным трактовкам образа Георгия Победоносца, услышанным в детстве. По словам художника, представители старшего поколения любили пересказывать библейские сюжеты и жития святых так, «будто все эти события происходили где-то недалеко, в соседнем селе». Примечательно, что в фольклоре русинов образ былинного богатыря Святогора со временем трансформировался в апокрифический образ святого Георгия Победоносца: «...согласно ему, святой Георгий дожидается часа Страшного суда на вершинах Карпат, весь закованный в броню, на огромном скакуне, от нетерпеливых ударов копыт которого иногда, когда гнев Господа на беззаконие мира достигает пределов, содрогаются все Карпаты и близлежащие страны» (Иванов 2006: 152).

Некоторые живописные работы художника запечатлели архитектурно-ландшафтное своеобразие закарпатского села. Детство Михаила Гардубея прошло в деревянном доме, который был оштукатурен снаружи. В районе, где он жил, в низинах часто строили саманные дома,

характерные для Южной и Западной Украины, тогда как для горной местности, богатой еловым лесом, были более типичны деревянные постройки. Усадьбы русинов чаще всего имели замкнутую планировку, служившую надежной защитой жителей дома от диких животных, а также ветра и снега. Дома русинов обычно имели высокие крыши, которые покрывались в горах дранкой, а в низовьях черепицей. Соломой крыли только сараи. Для покрытия крыш из соломы делали специальные связки, называемые жупами.

Традиционный русинский дом чаще всего состоял из связи: большая хата – сени – малая хата. Деревянные стены нередко обмазывались снаружи глиной и белились, как это было принято у русинов, проживавших в ряде других регионов (Суляк 2004: 105). Печь, как правило, располагалась в сенях. Большая хата не отапливалась. Малая хата чаще отапливалась отдельной печью или плитой. На картине Михаила Гардубея из серии «Изумрудные сумерки в Карпатах» запечатлены архитектура и бытовые сцены, характерные для русинов, проживавших в горах Иршавского района Закарпатской области (рис. 3).

Планировка дворов и строительные приемы народной архитектуры русинов имеют много общего с их прототипами, встречающимися

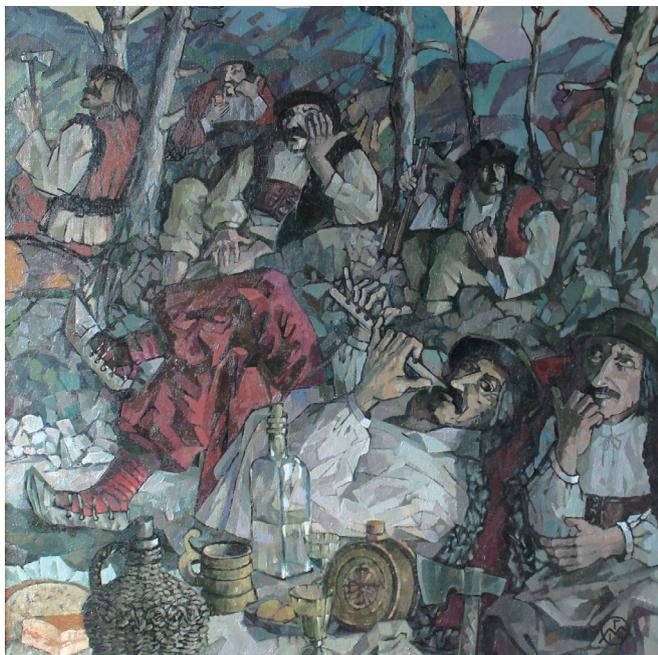

Рис. 2. М. Гардубей. «Олекса Довбуш» (холст, масло).

в западных регионах Украины и Белоруссии, в Молдавии, а также в Словакии, Хорватии и ряде других стран Восточной Европы, где преобладает славянское население. Благодаря тому, что русины сегодня проживают на территории целого ряда государств и длительное время находились среди разного этнокультурного окружения, они сохраняли отдельные самобытные строительные приемы, имевшие древнерусское происхождение, и в то же время приносили в свою строительную культуру некоторые рациональные новшества, получившие развитие у живших по соседству народов.

В живописных произведениях Михаила Гардубея неожиданным образом встретились образы народной архитектуры Закарпатья и Западной Сибири. Когда художник приехал в Тюмень, одним из его любимых натуральных мотивов стали старые кварталы города, в которых сохранилась деревянная застройка конца XIX – начала XX в. Ее внешний облик нередко сочетал в себе народные мотивы с изысканными эстетическими запросами сибирского купечества. Несмотря на то что народная архитектура Западной Сибири имела целый ряд отличий от образцов, к которым художник привык на своей родине, он нередко находил наличие общих универсальных принципов строительной культуры. К примеру, замкнутая планировка дворов, распространенная во многих деревнях Зауралья, напомнила Михаилу Гардубею традиционные русинские усадьбы в Закарпатье. В этом плане особое символическое значение приобрела написанная художником картина «Архангел Михаил».

На ней духовные символы Западной Сибири – Знаменский кафедральный собор в Тюмени и Абалакский монастырь, расположенный вблизи Тобольска, соседствуют с пейзажами, характерными для закарпатских сел. Над ними возвышаются несколько крестов, объединяющих, по замыслу автора, пространство восточнославянского мира по горизонтали и образующих его единую духовную вертикаль. Изображенная композиция благословляется архангелом Михаилом, чье

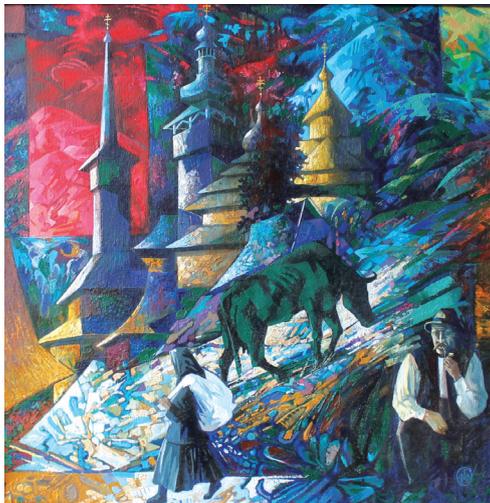

Рис. 3. М. Гардубей. Из серии «Изумрудные сумерки в Карпатах» (холст, масло).

имя носит художник. По его словам, картиной он хотел сказать, что эти две реальности в его жизни уже трудно разделить.

Живописные работы Михаила Гардубея являются примером того, как художественное творчество способно наглядно и лаконично выразить символическую суть этнических традиций, которые порой бывает сложно вычлениить из обыденной жизни. Учитывая то, что в последнее время под понятием «культурный ландшафт» исследователи все чаще подразумевают процесс наделения человеком окружающего мира определенными ценностями и смыслами культуры (Культурная география 2001: 5), работы Михаила Гардубея можно рассматривать в качестве своеобразного воплощения культурного ландшафта русинского мира на сибирской земле.

Творческое осмысление художником традиционной культуры русинов и его отношение к своей малой родине дают возможность сделать некоторые выводы, которые характеризуют общую ситуацию, связанную с проблемами этнокультурной идентичности русинов. Так, ввиду большого удельного веса трудовых миграций на территорию Западной Сибири из Украины, связанных с индустриальным освоением тюменского Севера, в 1970–1980-х гг. здесь сложилось одно из крупнейших в России украинских землячеств. Поддерживая с его представителями дружеские отношения, Михаил Гардубей всегда подчеркивал свое русинское происхождение, что свидетельствует о важности именно этой грани этнической идентичности. Благодаря тому, что традиционная культура русинов сохранялась в недрах народной жизни вопреки государственной политике и этнокультурной ориентации местных элит, живописные произведения художника в первую очередь транслируют те духовные ценности, носителями которых являлись представители простого народа. Это указывает на то, что их осмысление в искусстве и науке является фундаментом для национального самоопределения русинов и признания их особого места в восточнославянском мире.

ЛИТЕРАТУРА

Багашев, Федоров 2013 - *Багашев А.Н., Федоров Р.Ю.* Народные православные традиции белорусских крестьян-переселенцев в Зауралье // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 56–63.

Виноградова 1982 - *Виноградова Л.Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. М.: Наука, 1982. 155 с.

Громыко 1986 - *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 277 с.

- Головацкий 2008 - *Головацкий Я.* Карпатская Русь (историко-этнографический очерк) // Русин. 2008. № 3–4 (13-14). С. 224–261.
- Духнович 1853 - *Духнович А.В.* Истинная история карпатороссов или угорских русинов. 1853. 216 с.
- Иванов 2006 - *Иванов Ю.* Повесть Н.В. Гоголя «Страшная месть» и предания русинов севера Молдавии // Русин. 2006. № 4 (6). С. 150–154.
- Культурная география 2001 - *Культурная география.* М.: Институт наследия, 2001. 191 с.
- Новое искусство Тюмени 1996 - *Новое искусство Тюмени.* Екатеринбург: Средне-Урал. книж. изд-во, 1996. 200 с.
- Образ Родины 1982 - *Образ Родины.* Живопись мастеров Российской Федерации. 1960–1980. Л., 1982. Т. 1. 242 с.
- Образ жизни 1986 - *Образ жизни – советский.* Л., 1986. 196 с.
- Петров 1911 - *Петров А.* Материалы для истории Угорской Руси. Ч. VI: Пределы угрорусской речи в 1773 г. по официальным данным. СПб., 1911. 337 с.
- Поп 2001 - *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: Изд-во В. Падяка, 2001. 431 с.
- Поп 2012 - *Поп И.* Мала історія Русинів. Ужгород: Карпатська вежа, 2012. 188 с.
- Рупосова 2012 - *Рупосова Л.П.* Русины и русинский язык: история и современность // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № 3. С. 91–96.
- Свистун 1895 - *Свистун Ф.И.* Прикарпатская Русь под владением Австрии. Львов: О.А. Марков, 1895. 350 с.
- Суляк 2004 - *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси: очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев: Татьяна, 2004. 239 с.
- Суляк 2005 - *Суляк С.Г.* Русины: страницы истории // Русин. 2005. № 1. С. 49–60.
- Суляк 2008 - *Суляк С.Г.* Русины: уроки трагической истории // Русин. 2008. № 3-4 (13-14). С. 7–34.
- Суляк 2009 - *Суляк С.Г.* Русинская идентичность в середине XIX – начале XXI в. // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology.* 2009. № 6. С. 586–597.
- Традиционная культура белорусов 2013 - *Традиционная культура белорусов во времени и пространстве.* Минск: Беларуская навука, 2013. 579 с.
- Художники Закарпатья 1961 - *Художники Закарпатья.* Київ: Держ. вид-во образотворчого мис-ва і муз. літ. УРСР, 1961. 176 с.
- Художники Тюмени 1994 - *Художники Тюмени.* Тюмень, 1994. 198 с.
- Шевченко 2011 - *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М.: REGNUM, 2011. 410 с.
- Этнография восточных славян 1987 - *Этнография восточных славян.* М.: Наука, 1987. 557 с.

REFERENCES

Bagashev, A.N., Fedorov, R.Yu. (2013) Popular Russian Orthodox traditions of the Belarusian farmers-migrants in Trans-Urals. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 2 (39). pp. 56–63.

Vinogradova, L.N. (1989) *Zimnyaya kalendarnaya poeziya zapadnykh i vostochnykh slavyan* [Winter calendar poetry of the West and East Slavs]. Moscow: Nauka.

Gromyko, M.M. (1986) *Traditsionnye normy povedeniya i formy obshcheniya russkikh krest'yan XIX v.* [Traditional standards of behavior and forms of communication of the Russian peasants in the 19th century]. Moscow: Nauka.

Golovatsky, Ya. (2008) Karpatskaya Rus' (istoriko-etnograficheskiy ocherk) [Carpathian Russia (A historical and ethnographic essay)]. *Rusin*. 3–4 (13–14). pp. 224–261.

Dukhnovich, A.V. (1853) *Istinnaya istoriya karpatorossov ili ugorskikh rusinov* [The true history of Carpatho-Ross or Ugrian Rusins]. [s.l.; s.n.].

Ivanov, Yu. (2006) Povest' N.V. Gogolya "Strashnaya mest'" i predaniya rusinov severa Moldavii [N.V. Gogol's story "Fearful vengeance" and legends of the Rusins in the North Moldova]. *Rusin*. 4 (6). pp. 150–154.

Vedenin, Yu.A. & Turovskiy, R. F. (eds) (2001) *Kul'turnaya geografiya* [Cultural Geography]. Moscow: Institut naslediya.

Dementieva, N.P. (ed.) (1996) *Novoe iskusstvo Tyumeni* [The New Art of Tyumen]. Ekaterinburg: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Lenyashin, V. (ed.) (1982) *Obraz Rodiny. Zhivopis' masterov Rossiyskoy Federatsii. 1960–1980.* [An Image of the Homeland. Paintings of Russian masters tion. 1960–1980]. Vol. 1. Leningrad: Khudozhnik RSFSR.

Chernyshova, Yu. (ed.) (1986) *Obraz zhizni – sovetskiy* [Way of life – Soviet]. Leningrad: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.

Petrov, A. (1911) *Materialy dlya istorii Ugorskoy Rusi. Chast' VI. Predely ugorusskoy rechi v 1773 g. po ofitsial'nym dannym* [Materials for the history of Ugrian Russia. Part VI. Limits of the Ugri-Russian speech in 1773 according to the official data]. St. Petersburg: [s.n.].

Pop, I. (2001) *Entsiklopediya Podkarpatskoy Rusi* [The Encyclopedia of Carpathian Russia]. Uzhgorod: V. Padyak.

Pop, I. (2012) *Mala istoriya Rusinŷv* [A Brief History of Rusyns]. Uzhgorod: Karpats'ka vezha.

Ruposova, L.P. (2012) Rusiny i rusinskiy yazyk: istoriya i sovremennost' [Rusyns and Rusinian language: History and the present]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 3. pp. 91–96

Svistun, F.I. (1895) *Prikarpatskaya Rus' pod vladeniem Avstri* [Carpathian Rus under Austrian rule]. Lviv: O.A. Markov.

Sulyak, S.G. (2004) *Oskolki Svyatoy Rusi: ocherki etnicheskoy istorii rusnakov*

Moldavii [Splinters of the Holy Rus: Essays on ethnic history of Moldavian Rusnaks]. Kishinev: Tat'yana.

Sulyak, S.G. (2005) *Rusiny: stranitsy istorii* [The Rusins: Pages of history]. *Rusin.* 1. pp. 49–60.

Sulyak, S.G. (2008) *Rusiny: uroki tragicheskoy istorii* [The Rusins: Lessons of tragic history]. *Rusin.* 3–4 (13–14) pp. 7–34.

Sulyak, S.G. (2009) *Rusinskaya identichnost' v seredine XIX – nachale XXI v.* [Rusinian identity in the mid 19th – early 21st centuries]. *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology.* 6. pp. 586–597.

Titovets, A., Fursova, E., Tyapkova, T. et al. (2013) *Traditsionnaya kul'tura belorusov vo vremeni i prostranstve* [Traditional Belarusian culture in time and space]. Minsk: Belaruskaya navuka.

Ivashinina, K.D. (ed.). (1961) *Khudozhniki Zakarpat'ya* [Artists of Transcarpathia]. Kyiv: Derzhavne vidavnitstvo obrazotvorchogo mistetstva i muzichnoi literaturi.

Anon. (1994) *Khudozhniki Tyumeni* [Artists of Tyumen]. Tyumen: [s.n.].

Shevchenko, K.V. (1987) *Slavyanskaya Atlantida: Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX v.* [Slavic Atlantis: Carpathian Russia and Ruthenians in the 19th – the first half of the 20th centuries]. Moscow: REGNUM.

Chistov, K.V. (ed.) (1987) *Etnografiya vostochnykh slavyan* [Ethnography of East Slavs]. Moscow: Nauka.

Федоров Роман Юрьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Тюменского государственного университета, старший научный сотрудник Института криосферы Земли СО РАН (Россия).

Fedorov Roman - Tyumen State University, Institute of the Earth's Cryosphere SB RAS (Russia).

E-mail: r_fedorov@mail.ru

Фишер Анжелика Николаевна – кандидат искусствоведения, доцент Тюменского государственного института культуры (Россия).

Fisher Angela - Tyumen State Institute of Culture (Russia).

E-mail: angela_fisher@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

ОСНОВАН В 2003 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2017, № 1 (47)

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинев, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

- 260 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>
Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»: <http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 28.03.2017. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «PT Sans».
Тираж 400 экз.
Заказ 50.

Отпечатано в типографии АО «Реклама».
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.
Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

**В 2017 году международный исторический журнал
«Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».**

КОГДА МЫ БЫЛИ НА ВОЙНЕ...

Когда мы были на войне,
Когда мы были на войне,
Там каждый думал о своей
Любимой или о жене.

И я, конечно, думать мог,
И я, конечно, думать мог,
Когда на трубочку глядел,
На голубой ее дымок.

Как ты когда-то мне лгала,
Как ты когда-то мне лгала,
Что сердце девичье свое
Давно другому отдала.

Но я не думал ни о чем,
Но я не думал ни о чем,
Я только трубочку курил
С турецким горьким табачком.

Я только верной пули жду,
Я только верной пули жду,
Чтоб усмирить печаль свою
И чтоб пресечь нашу вражду.

Когда мы будем на войне,
Когда мы будем на войне,
Навстречу пулям полечу
На вороном своем коне.

Но, видно, смерть не для меня,
Но, видно, смерть не для меня,
И снова конь мой вороной
Меня выносит из огня.

Источник: Минаков С. Когда мы были на войне. Нева 2010. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/7/mi12.html> (дата обращения: 9 марта 2017 г.).

Стихотворение Давида Самойлова (1920-1990), авторское название - «Песенка гусара». Вошло в сборник стихов 1981-1985 г. «Голоса за холмами». Было положено на музыку Виктором Столяровым (род. 1956), который прочел его в середине 1980-х в журнале «Огонёк». Песня «Когда мы были на войне...» быстро получила популярность под видом старинной казачьей, в качестве каковой прозвучала в таких сериалах, как «Громовы» и «СМЕРШ». Она известна в исполнении Пелагеи, Кубанского казачьего хора (приводится ее вариант в обработке В. Захарченко), ансамбля «Казачий круг» и др. На вышедшем в 2009 г. диске в серии «Антология одной песни» песня записана в 47 вариантах.

